

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**
18–20 мая 2016 года

Часть V

Управление культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**

18–20 мая 2016 года

Часть V

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2016

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 5

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 378-5-7937-1305-4

© ВИМАИВиВС, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© СПбГУПТД, 2016

И.А. Сергеевский (Москва)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ Артиллерийской промышленности различных форм собственности (казенное и частное) при освоении новых производств в годы первой мировой войны

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ война явилась одним из центральных событий начала XX в. Ее затяжной характер и огромные масштабы превзошли ожидания военных и государственных деятелей. В ходе боевых действий произошла невиданная ранее милитаризация экономики и общества. Возросшие потребности армий воюющих стран потребовали не только расширения военных производств, но и включения в работу на нужды фронта гражданской промышленности. «В результате массового привлечения промышленных предприятий для производства военной продукции в промышленности произошли структурные сдвиги в смысле изменения соотношения отдельных отраслей индустрии. Во время войны центр тяжести был перенесен на отрасли промышленности, изготавливающие предметы военного снабжения»¹, – утверждал исследователь-экономист Г.И. Шигалин.

Экономика Российской империи к началу Первой мировой войны носила аграрный характер. Следуя «прусскому пути» развития капитализма, основные индустриальные предприятия находились в государственной собственности. Государству принадлежал приоритет в развитии промышленности, частные заводы играли меньшую роль в производстве, в том числе и в военной отрасли.

К 1917 г. из 2290 промышленных предприятий Российской империи к выполнению военных заказов было привлечено 1800 учреждений, из которых 1196 предприятий до начала бое-

вых действий выпускали исключительно гражданскую продукцию². Таким образом, государство в условиях войны было вынуждено задействовать для нужд армии максимально возможные материальные и трудовые ресурсы.

Изготовление отдельных видов военной продукции, такой как интендантское и инженерное имущество, а также холодное оружие, не вызывало затруднений, так как частная промышленность быстро перестроилась на военный лад. В то же время часть оборонной продукции (артиллерийские системы, боеприпасы, стрелковое оружие, пороха и т. д.) была технологически сложна для частного производства, поэтому данные изделия производились специализированными казенными заводами.

Дистанционные трубки и взрыватели, которые служили для воспламенения разрывного заряда в шрапнели и гранатах (бомбах) в определенное время, изготавливались на специальных казенных предприятиях – трубочных заводах. К началу XX в. трубочное дело в Российской империи считалось относительно молодым по сравнению с другими военными производствами. Трубочные военные заводы стояли обособленно от других военных заводов и требовали специального высокоточного оборудования и квалифицированного персонала. Специфична была и методика массового точечного производства, которой, к примеру, не отличалась гражданская промышленность.

Тем не менее, несмотря на сложность трубочного производства, в период боевых действий Первой мировой войны наряды на изготовление дистанционных трубок и взрывателей были даны не только казенным, но и частным заводам. В период, предшествующий войне, Главное артиллерийское управление (ГАУ) с недоверием относилось к размещению государственных заказов в частных производствах. Причиной служило крайне медленное изготовление ими предметов военного назначения и несоблюдение заданных технических условий на них³. Несмотря на то, что в распоряжении артиллерийского ведомства находились Петроградский и Самарский трубочные заводы, а в 1915 г. началось строительство Пензенского трубочного завода, военное министерство было вынуждено пойти на сотрудничество с частными заводами.

Частные предприятия стремились взять на себя как можно больший заказ, не учитывая своих производственных возмож-

ностей. Одним из таких непрофильных исполнителей военного заказа на взрыватели стал Невьянский завод, расположенный в одноименном городе на Урале. В мае 1915 г. Невьянскому горно-промышленному акционерному обществу было предложено изготовить для артиллерийского ведомства «500 тыс. штук взрывателей класса 4ГТ по цене 11 руб. 65 коп.»⁴, на что было получено Высочайшее разрешение. Уже в июне завод сообщал, что «получив только что сведения из Америки о возможных сроках отправки станков, необходимых для фабрикации взрывателей, выяснилось, что мы можем при увеличенном оборудовании изготовить до 1 млн шт. взрывателей к концу декабря 1916 г.»⁵.

Интересно, однако, было бы сравнить эту цифру с реально изготовленным количеством взрывателей на других заводах. К примеру, за этот же период Петроградским трубочным заводом было изготовлено 945 тыс. взрывателей, что составляет даже меньшее количество⁶. А ведь Петроградский завод являлся основополагающим предприятием трубочной отрасли и был наиболее подготовлен к данному виду производства. Таким образом, можно сделать вывод, что Невьянский завод взял для себя непосильную ношу.

Тем не менее, военный заказ был выдан. Заведующий артиллерийскими приемками генерал-майор Л.В. Вальтер отмечал: «так как в настоящее время взрыватели заказаны 11-ти частным заводам, кроме технических артиллерийских заведений, то, казалось бы, что в случае необходимости усиления производства взрывателей практичнее было бы выполнять это увеличением заказов тем же заводам, передавая им в случае надобности механические средства неиспользованных заводов, чем постройкой все новых и новых заводов»⁷. Технически было бы проще отдать изготовление взрывателей передовым частным заводам, таким как Путиловский или заводам горного ведомства, специализирующимся на изготовлении снарядов. Но Военным министерством было принято решение не ставить изготовление взрывателей и дистанционных трубок в зависимость от изготовления снарядов, что подразумевало их раздельное производство⁸. Следовательно, ГАУ было вынуждено отдать заказы на военную продукцию большому количеству частных предприятий.

Первая проблема, с которой столкнулись военные производства, – это обеспечение сырьем. Особенно остро стоял вопрос с

металлом. «В 1915 г. производство по чугуноу сократилось на 20,4 %, а готовых железа и стали на 16,9 %. 1915 год был единственно “тяжелым” для добычи металла, поэтому еще в начале года заводы выдавали его только тем потребителям, которые работали на оборону»⁹, – указывает исследователь экономики России в годы Первой мировой войны А.Л. Сидоров. С нехваткой сырья сталкивались как государственные, так и частные производители. Артиллерийский комитет (Артком) в январе 1915 г. дал указание Самарскому трубочному заводу заменить цинк на луженое железо (железо, покрытое тонким защитным слоем олова. – *И. С.*) при изготовлении коробок для укупорки трубок¹⁰, а в марте Артком принял решение об отпуске на этом заводе неприкосновенного запаса алюминия¹¹.

Так и Невьянский завод 13 января 1916 г. сообщал в ГАУ, что завод «испытывает ныне острую нужду в быстрорежущей самозакальной стали для изготовления инструмента, связанного с производством взрывателей» и потребовал 720 пудов (около 12 тонн. – *И. С.*) быстрорежущей и инструментальной стали¹². ГАУ в ответ сообщило, что не имеет необходимого количества стали, и предложило обращаться в Петроградский Комитет по снабжению заводов металлами заграничного производства¹³.

Первая мировая война поставила промышленность Российской империи в затруднительное положение, особенно в вопросе производства оборудования и станков. В высокоточных производствах, таких как машиностроение и станкостроение, ситуация была наиболее тяжелой. Россия напрямую зависела от поставок высокотехнологического оборудования из стран Западной Европы и США. Исследователь военной экономики Г.И. Шигалин указывал на «значительную зависимость (российской военной промышленности. – *И. С.*) от иностранного капитала, главным образом французского, бельгийского, английского и германского. Из-за границы она получала сложные детали, оптику, некоторые материалы. Станки и инструменты тоже были почти сплошь иностранного происхождения»¹⁴.

К примеру, 23 сентября 1915 г. руководством строящегося Пензенского трубочного завода было принято решение о закупке пяти самоточных станков на заводе Рида (США) на общую сумму 8000 руб., не считая расходов на транспортировку до Пензы. Отмечалась «спешная надобность в означенных стан-

ках и невозможность приобрести их от других фирм»¹⁵. Невьянский завод при получении военного заказа на 500 тыс. взрывателей также информирует ГАУ, что готов приступить к работе, так как «были получены необходимые сведения из Америки о возможных сроках отправки станков, необходимых для фабрики взрывателей»¹⁶. Этот факт демонстрирует полную зависимость отечественных заводов от импорта иностранного оборудования в начале XX в.

В годы войны к работе по изготовлению взрывателей и дистанционных трубок подключались и различные общественные организации Российской империи, такие как: военно-промышленные комитеты, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов и прочие. ГАУ целенаправленно требовало от руководства казенных заводов налаживать контакты с представителями этих общественных организаций, о чем свидетельствует письмо начальника Самарского трубочного завода председателю Всероссийского земского союза (ВЗС) в Петроград от 1 августа 1915 г.: «Главное артиллерийское управление, по приказанию помощника военного министра, предписало мне (предписание за № 61694) войти в соглашение с ВЗС по вопросам об изготовлении союзом тех частей дистанционных трубок и капсюльных втулок, которые союз изготовить может и которые заводу необходимы для увеличения его производительности»¹⁷.

В то же время не все предприниматели оказывали содействие предприятиям, работающим на нужды фронта. К примеру, в октябре 1916 г. старший артиллерийский приемщик генерал-майор Н.Н. Крыжановский после инспектирования частного завода Беккера сообщил в ГАУ о том, что завод при изготовлении взрывателей пользуется электричеством от Общества Электрического освещения, которое периодически отключает электроэнергию. Генерал просил артиллерийское ведомство разобраться в данном вопросе, так как задержки пагубным образом влияют на производство¹⁸.

Нехватка ресурсов сильно отражалась не только на производстве, но и на испытании и приемке готовой продукции. Появилась тенденция к упрощению и ускорению ввода в строй произведенных трубок и взрывателей. Так, начальник артиллерийского полигона вблизи Петрограда предлагал проводить испытания 22-секундных алюминиевых трубок и капсюльных втулок

в количестве 12 выстрелов, а не 25 как раньше. Подчеркивалась возможность таких изменений ввиду стабильного качества продукции, которая изготавливалась на Самарском и Петроградском трубочных заводах¹⁹.

Для строгого контроля технологии производства и качества продукции к частным заводам были представлены приемщики ГАУ. Военная приемка ГАУ в 1915 г. насчитывала лишь 45 штатных работников, поэтому к делу контроля качества были привлечены офицеры всего артиллерийского ведомства. В августе 1915 г. ГАУ обратилось к начальнику Самарского трубочного завода с просьбой прикомандировать к местному частному заводу «Томас Фирт и сыновья» «кого-либо из чинов завода (Самарского трубочного. – И. С.) для назначения уполномоченным военного ведомства... для надзора за своевременным и качественным выполнением названными заводами заказов военного ведомства»²⁰. В это же время Невьянский завод ходатайствовал «о назначении приемщика, дабы совместно можно было выяснить и заранее устранить все могущие впоследствии возникнуть трудности в процессе производства»²¹. С этой целью на Урал прибыл прапорщик А.Л. Вальберг²².

Безусловно, один офицер не мог контролировать весь производственный процесс на предприятии, поэтому ему приходилось брать на временные работы технических специалистов. Так, на заводе Беккера генерал Н.Н. Крыжановский требовал у ГАУ выделения средств для «найма 2 старших браковщиков с жалованием по 85 рублей в месяц и до 35 младших браковщиков по 50 рублей в месяц на 3–10 месяцев»²³. Отметим, что командировки представителей ГАУ (для реквизиции, контроля заказов, освоения производства) отрывали инженерный состав от исполнения своих непосредственных служебных обязанностей, «обесиливая и без того бедный штат технического персонала»²⁴.

Изготовление дистанционных трубок и взрывателей являлось технологически сложным процессом, наглядно демонстрирующим уровень качества производственных работ на гражданских предприятиях. Критическим параметром являлось соблюдение точности выполнения норм допусков на детали изделий. Видный деятель артиллерийского производства генерал Е.З. Барсуков указывал: «Не только простые рабочие, но мастера и даже большая часть инженеров гражданской промышленности в на-

чале своей работы на оборону не представляли себе необходимость считаться с какой-то «тысячной дюйма», а тем более с ее долями»²⁵. Младший артиллерийский приемщик А.Л. Вальбер также сообщал, что Невьянский завод просит увеличить допуски на производство взрывателей²⁶.

Несмотря на принятые меры, гражданские заводы с трудом справлялись с освоением выданных им военных заказов. Невьянский завод к концу 1916 г. смог изготовить лишь опытную партию взрывателей. При ее испытании на артиллерийском полигоне вблизи Петрограда, начальник полигона доносил в ГАУ: «вследствие неудовлетворительного результата испытания взрывателей в холостой сборке, испытание взрывателей в снаряженном виде не производить»²⁷. Некачественное изготовление взрывателей влекло за собой преждевременные разрывы фугасных снарядов в канале орудий, что приводило к несчастным случаям с расчетом орудия. Таким образом, предпринятые военным ведомством меры не смогли стимулировать изготовление военной продукции на частных заводах.

К концу войны подавляющее большинство гражданских заводов не смогли ни освоить, ни справиться с изготовлением предметов военного назначения. К примеру, завод Михельсона (г. Москва) из взятого на себя в 1915 г. заказа на 2,5 млн. дистанционных взрывателей смог изготовить к концу войны лишь 71 тыс. единиц²⁸. А Невьянский завод к этому времени из 1 млн. спланированных взрывателей изготовил только 187 тыс. штук.

Обратная картина отмечалась на казенных предприятиях. Петроградский трубочный завод должен был по первоначальному довоенному плану за период 1914–1917 гг. изготовить 374 тыс. взрывателей, но в связи с мобилизационными мероприятиями им было изготовлено 2,5 млн. взрывателей, то есть почти в семь раз больше²⁹. Самарский трубочный завод в ходе войны смог увеличить выпуск дистанционных трубок «до 15 тыс. в день к концу 1915 г. и до 20 тыс. в день к середине 1916 г.»³⁰. В сентябре 1916 г. Селиверстовский отдел еще строящегося Пензенского трубочного завода выпускал уже 2–2,5 тыс. латунных дистанционных трубок в сутки при работе в две смены³¹.

В ходе инспектирования в августе 1917 г. Невьянского завода старший техник Ижевского оружейного и сталелитейного завода полковник А.В. Тарновский выявил следующие недостатки:

1) малый масштаб производства; 2) неравномерность изготовления деталей, отдельные мастерские задерживают производство; 3) нехватка ресурсов, в частности, стали; 4) неопытность низшего технического персонала (мастера и их помощники) при хорошем оборудовании и многочисленном высшем техническом персонале; 5) на производстве занято только 3400 рабочих (из них 40 % – женщины). А.В. Тарновский резюмировал, что «технически завод может существовать, но справится ли он с экономической стороной? На этот вопрос при существующих условиях ответить утвердительно нельзя»³².

Всего за годы Первой мировой войны отечественным частным предприятиям был дан заказ на производство 41 млн. взрывателей. Из них к концу 1917 г. было изготовлено чуть более 10 млн., что составляло только четверть заданного. Государственные заводы за этот же период изготовили порядка 30 млн. взрывателей. Около 8 млн. данного вида продукции было поставлено из-за границы³³.

Подводя итоги исследования работы частных и казенных заводов по освоению нового производства в годы Первой мировой войны, можно сделать следующие выводы:

1. К делу изготовления военной продукции в ходе войны вместе с казенными предприятиями была подключена и гражданская промышленность. Ее работа усложнялась новизной освоения производства, нехваткой квалифицированных кадров, ограниченностью капитала и ресурсов;

2. Частным заводам не удалось в полной мере выполнить возложенные на них военные заказы. Государственные предприятия смогли более качественно провести мобилизацию и многократно увеличить производительность;

3. Форсированное производство трубок и взрывателей в Первую мировую войну показало серьезные просчеты военного руководства страны в вопросах планирования снабжения армии в условиях крупномасштабной затяжной войны, вскрыло порочность практики опоры на неподготовленное частное производство и зарубежные заказы.

---

¹ Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 143.

- ² Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 369.
- ³ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Государственное военное издательство, 1937. С. 41–42.
- ⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА) Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 10.
- ⁵ Там же. Л. 7–7 об.
- ⁶ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929 гг.): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 136.
- ⁷ РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 2 об.
- ⁸ Там же. Л. 4.
- ⁹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 375.
- ¹⁰ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО) Ф. 701. Оп. 1. Д. 1575. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Д. 1616, Л. 7.
- ¹² РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 62–62 об.
- ¹³ Там же. Л. 67.
- ¹⁴ Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. С. 168–169.
- ¹⁵ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО) Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. Л. 42 об.
- ¹⁶ РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 7–7 об.
- ¹⁷ ЦГАСО Ф. 701. Оп. 1. Д. 1761. Л. 6–6 об.
- ¹⁸ РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 77.
- ¹⁹ ЦГАСО Ф. 701. Оп. 1. Д. 1575. Л. 4.
- ²⁰ Там же. Д. 1761. Л. 9–9 об.
- ²¹ РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 47.
- ²² Там же. Л. 51.
- ²³ Там же. Л. 49.
- ²⁴ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929 гг.): Документы к биографии... С. 157.
- ²⁵ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). В 4 т. М., 1948. Т. II. С. 105.
- ²⁶ РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 74.
- ²⁷ Там же. Л. 85 об.
- ²⁸ Там же. Д. 70. Л. 310.
- ²⁹ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929 гг.): Документы к биографии... С. 163.
- ³⁰ Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. Самара: ООО «Медиа-книга», 2014. С. 249.
- ³¹ ГАПО Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. Л. 168.
- ³² РГВИА Ф. 504. Оп. 13. Д. 34. Л. 97–98.
- ³³ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). ... С. 207–208.

О.П. Сибилева (Санкт-Петербург)

ЗАПРЕЩЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОСОБУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

ОБЪЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ исторического процесса показывает, что в мировой истории роль насилия как средства разрешения основных противоречий всегда была и остается исключительно высокой. Это обусловило то, что вместе с прогрессом человечества опережающими темпами развивались средства и способы вооруженной борьбы.

Так, войны конца XX – первых десятилетий XXI в., развязанные наиболее развитыми в военно-техническом отношении западными державами, характеризуются многообразием форм и методов развязывания вооруженного конфликта и нанесением еще до начала боевых действий максимального ущерба странам-объектам агрессии путем дистанционного и «бесконтактного» нарушения функционирования структур государственного управления, инициирования раскола всех слоев общества и нарушения социальной стабильности за счет сочетания подрывных пропагандистско-политических, экономических и специальных операций.

Традиционные вооруженные силы привлекаются на конечном этапе, после устранения способности противника к эффективному сопротивлению. При этом, как следствие воплощения человеческого гения в средствах и орудиях насилия, на практике реализуется принцип «си-куб-ай» (единство мониторинга, связи, управления и разведки), широко используется роботизированная техника и иные современные военные технологии, включая оружие на новых физических и технологических принципах.

При этом, несмотря на целый свод международно-правовых норм, призванных регламентировать применение силы в вооруженных конфликтах, это не меняет их сущность, а современная война остается жестоким и кровавым делом и сопровождается гибелью, прежде всего, гражданского населения.

В соответствии с выработанными международным сообществом правовыми нормами, все средства и методы ведения войны делятся на *запрещенные, частично запрещенные* или *ограниченные*, и *не запрещенные* международным правом.

Международно-правовые нормы, на основе которых формулируются такие критерии, закреплены практически во всех соглашениях, регламентирующих средства и методы ведения боевых действий. В наиболее полном, обобщенном виде они сформулированы в Дополнительном протоколе I 1977 г. к Венским конвенциям 1949 г. (ст. 35, 37 и 51)¹, согласно которому к запрещенным средствам ведения боевых действий относятся такие конкретные виды оружия, которые:

- способны причинять чрезмерные повреждения или излишние страдания (так называемое негуманное оружие);
- действуют вероломно (так называемое предательское оружие);
- не могут быть использованы исключительно против конкретных военных целей, или последствия применения которых не могут быть ограничены во времени и пространстве (т. н. неизбирательное, или слепое оружие);
- могут причинять «обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде» (т. н. оружие экоцида).

В международных актах специально оговорено, что запрещены следующие средства ведения войны:

1) пули, «легко разворачивающиеся или сплюсцивающиеся в человеческом теле, к каковым относятся оболоченные пули, коих твердая оболочка не покрывает всего сердечника, имеет надрезы», пули калибра 5,56 мм (в США и других странах НАТО), впервые примененные армией США во Вьетнаме (винтовки «М-16»), и пули 5,45 мм систем Калашникова 1974 г.;

2) яды или отравленное оружие: удушливые, ядовитые или другие подобные газы и аналогичные жидкости, вещества и процессы; химическое оружие, бактериологическое (биологическое) и токсическое оружие;

3) средства воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве орудия разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда;

4) любое оружие, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в человеческом теле с помощью рентгеновских лучей (например, из стекла, пластмассы и др.);

5) мины-ловушки – особые устройства или материалы, предназначенные для нанесения поражения неожиданно, при совершении человеком действия, кажущегося безопасным, изготовленные в виде кажущегося безвредным переносного предмета, а также соединенные или ассоциирующиеся с: международно признанными защитными эмблемами, знаками или сигналами; больными, ранеными или мертвыми; местами захоронения или кремации либо могилами; медицинскими объектами и т. п.;

6) любое зажигательное оружие (напалм, белый и желтый фосфор и др.), применяемое против гражданского населения, сосредоточения гражданского населения и невоенных объектов. Против военных объектов использование зажигательного оружия не запрещено.

К зажигательному относят любое оружие или боеприпасы, которые в первую очередь предназначены для поджога объектов или причинения людям ожогов посредством действия пламени, тепла или того и другого вместе, возникающих в результате химической реакции вещества, доставленного к цели;

7) лазерное оружие, специально предназначенное для использования в боевых действиях исключительно или в том числе для того, чтобы причинить постоянную слепоту органам зрения человека.

Запрещение, согласно IV Протоколу к Конвенции 1980 г., не охватывает ослепление как случайный или сопутствующий эффект правомерного применения лазерных систем в военных целях, в частности, использования лазерных систем против оптического оборудования;

8) противопехотные мины, которые предназначены для взрыва от присутствия, близости или непосредственного воздействия человека и при этом выводят из строя, калечат или убивают одного или нескольких человек.

Авторы Руководства Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море (1994)², предложили запретить «использовать торпеды, которые не тонут или не становятся безопасными каким-либо иным образом в конце боевого хода, не попав в цель» (п. 79). С этим правилом нельзя согласиться, поскольку такая техническая возможность имеется только в американских торпедах, управляемых по проходам.

Помимо перечисленных выше прямых запретов существуют определенные ограничения и в использовании некоторых разрешенных международным правом видов оружия и родов вооруженных сил, поскольку отдельные способы или методы их применения могут грубо противоречить нормам международного права.

В частности, Гагские конвенции 1899 и 1907 гг. запрещают атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищенные города (селения), жилища или строения, в том числе бомбардировку морскими силами. Гагская конвенция о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров 1907 г. запретила до конца Третьей конференции мира метание снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи «иных подобных новых способов», однако такая конференция не состоялась из-за начала Первой мировой войны³. Кроме того, в современных условиях эта норма практически не соблюдается, поскольку ракетно-бомбовое оружие стало основным средством ведения воздушной войны⁴.

Морское минное оружие также является законным средством ведения войны, хотя его применение и ограничено VIII Гагской конвенцией о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин 1907 г., которая в двух мировых войнах практически не соблюдалась всеми воюющими сторонами, а к настоящему времени просто устарела в связи с научно-технической революцией в военном деле.

Из всех существующих в настоящее время видов оружия наибольшую опасность представляют средства массового уничтожения, к которым относятся ядерное⁵, химическое и бактериологическое (биологическое) оружие, а также любые другие виды оружия, обладающие аналогичными поражающими свойствами, которые могут быть созданы в будущем как на основе при-

нципиально новых физических, химических и прочих явлений и процессов, так и в результате развития существующих средств массового уничтожения⁶.

Особая проблема – возможность применения ядерного оружия⁷. Само собой разумеется, что ядерное оружие является оружием неизбежного действия, однако международным правом оно не запрещено. Резолюции же Генеральной Ассамблеи носят рекомендательный характер даже для тех государств, которые за них голосовали. Международный Суд ООН в 1996 г., принимая во внимание современное состояние международного права и сложившуюся практику, был не в состоянии вынести окончательное решение в отношении того, является ли угроза ядерным оружием или его применение законным или незаконным в чрезвычайных обстоятельствах самообороны, когда под угрозой находится само выживание того или иного государства⁸. Мнение членов Суда по этому вопросу разделилось.

Значительную опасность для гражданского населения представляют такие виды оружия массового уничтожения, как химическое⁹ и бактериологическое¹⁰. «Все виды оружия, – отмечалось в докладе Генерального секретаря ООН “Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения”, – направлены на уничтожение человеческих жизней, однако химическое и бактериологическое (биологическое) оружие занимает особое место, поскольку оно является единственным видом оружия, действующим исключительно на живую материю...»¹¹.

В соответствии с Договором о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г. запрещается размещать на морском дне и в его недрах такое оружие любых образцов и видов с любыми типами взрывателей за пределами 12-мильной зоны прибрежных государств¹².

Прогресс в различных областях современной науки и техники открывает новые возможности в области создания принципиально новых видов и систем оружия массового уничтожения, которые по своей боевой эффективности не только сопоставимы с ядерным, химическим и бактериологическим (биологическим) оружием, но и могут значительно превзойти существующие средства массового уничтожения. Так, в стадии разработки

и практических испытаний находятся: инфразвуковое оружие, предназначенное для повреждения внутренних органов человека; этническое оружие, избирательно поражающее отдельные этнические группы населения; психотропное оружие, способное воздействовать на психику человека, стимулируя потерю памяти, нарушение восприятия, галлюцинации, страх, депрессию и другие психические расстройства; радиологическое оружие, предназначенное для радиационного заражения местности, продуктов питания, воды; «чистая бомба» – ядерная бомба с повышенным взрывным эффектом и уменьшенной радиацией; кассетная бомба, содержащая несколько снарядов, взрывающихся у поверхности земли и вызывающая смерть от удушья вследствие недостатка воздуха (наподобие баротравмы на вакууме); снаряды, содержащие десятки тысяч электропроводящих диполей, предназначенных для вывода из строя электросетей (первые были использованы американской авиацией во время агрессии США и НАТО против Югославии в марте-июне 1999 г.) и другие¹³. Официально перечисленное выше оружие не запрещено международным правом, однако, несомненно, оно носит неизбирательный характер¹⁴.

Такие виды оружия, как напалм, боеприпасы объемного взрыва, шариковые кассетные боеприпасы и некоторые типы противопехотных мин также могут быть с полным основанием отнесены к категории неизбирательных средств ведения войны. Основной критерий подобной оценки – сплошное (неизбирательное) поражение находящихся в радиусе их действия объектов.

Не случайно эти и другие виды обычного оружия иногда выделяют в особую категорию средств ведения вооруженной борьбы, занимающую промежуточное положение между «классическим» обычным оружием и средствами массового поражения. Так, немецкий ученый Р. Штер считает, что «по характеру действия системы поражения площадных целей относятся к боевым средствам, занимающим промежуточное положение между оружием для поражения групповых целей и оружием массового уничтожения»¹⁵. Итальянский юрист А. Кассес классифицирует эти виды оружия как «неоклассические»¹⁶, а голландский юрист Б. Реллинг – как «сомнительное» оружие с точки зрения международного права¹⁷.

Таким образом, во-первых, развитие цивилизации вывело в конце XX – первых десятилетиях XXI вв. на принципиально новый уровень разработку средств вооруженной борьбы, представляющих в силу специфики своих поражающих свойств особую опасность для гражданского населения, что предопределяет настоятельную необходимость дополнения международно-правовых норм, регламентирующих его защиту положениями, запрещающими эти виды оружия как таковые, либо, как минимум, запрещающие определенные методы их применения в условиях боевых действий.

И, во-вторых, как свидетельствует международная практика, в XXI в. воюющие государства в войнах международного характера и воюющие стороны в войнах немеждународного характера продолжают грубо нарушать нормы МПП, являющегося частью международного права, признаваемого всеми членами международного сообщества, а при анализе любого современного вооруженного конфликта, особенно имеющего внутрисоциальный характер, просматривается тенденция к нарастанию жестокости, достойной средневековых хроник¹⁸.

---

¹ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 1997. С. 237, 238, 246.

² Международное право. Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М.: МККК, 1995. С. 75–135.

³ 18–19 мая 1999 г. в Гааге и 22–25 июня 1999 г. в СПб. состоялась конференция, посвященная 100-летию Первой конференции мира, явившаяся, по существу, Третьей конференцией мира. На этой Конференции средства и методы ведения воздушной войны не рассматривались.

⁴ Арцибасов И.Н., Бурдин П.К. Международное право и война. М., 1973. С. 47.

⁵ Оппенгейм Л. Международное право. Т. II. П/т 2. М., 1950. С. 38.

⁶ Ядерное оружие представляет собой оружие взрывного действия, основанное на использовании внутриядерной энергии, выделяющейся при цепных реакциях деления тяжелых ядер некоторых изотопов урана и плутония или при термоядерных реакциях синтеза легких ядер — изотопов водорода (дейтерия и трития). Основные поражающие факторы ядерного оружия — ударная волна (50 % высвобождаемой при взрыве энергии), световое излучение (35 % энергии), проникающая радиация (5 % энергии) и радиоактивное заражение (10 % энергии), их комплексное воздействие приводит к опустошениям на огромных площадях (до нескольких сотен и даже тысяч квадратных километров). По оценкам американских специалистов, в результате воздушного взрыва одного ядерного боеприпаса мощностью в 1 мегатонну (мт) над центром города с населением 4 млн. человек (на высоте 1,8 км в ночных условиях) немедленно погибнет 0,5–1,0 млн. человек и еще 0,6–1,2 млн. человек пострадают от воздействия основных пора-

жающих факторов ядерного оружия. Площадь района, в котором будут полностью разрушены или сожжены жилые строения, превысит 300 км². За пределами действия ударной волны еще несколько сотен тысяч человек получат ожоги, многие из которых окажутся смертельными. Острой формой лучевой болезни будет поражено практически все население на расстоянии до 160 км по направлению ветра от эпицентра взрыва. См.: The effects of nuclear war. Office of technology assessment of the Congress of the United States. Washington, 1977. P. 6; Бай-эр П. Последствия ядерной войны. Мир науки. 1983. № 3. С. 2–3.

⁷ Организация Объединенных Наций и разоружение. 1945–1970. Нью-Йорк, 1970. С. 28.

⁸ Генеральная Ассамблея ООН более десяти раз принимала резолюции, которые «не только запрещают в самых торжественных выражениях применение ядерного оружия, но, кроме того, многие из них возводят такое применение в ранг преступления против человечности. За эти резолюции проголосовали в основном социалистические государства и страны «третьего мира». Западные же государства решительным образом высказались против, потому что хотели оставить за собой право использовать ядерное оружие в случае, если они станут жертвами агрессии». См.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. С. 256–267.

⁹ В результате применения химического оружия в Первой мировой войне пострадали около 1,3 млн. человек, в том числе 100 тыс. погибли. Во время агрессии фашистской Италии в Абиссинии в 1935–1936 гг. жертвами применения удушающих и кожно-нарывных химических веществ стали 15 тыс. человек, из них (по данным прессы) 10 тыс. солдат и 5 тыс. мирных жителей. Количество отравленных солдат составляло около 30 % общих потерь Абиссинии в конфликте. Боевые отравляющие вещества систематически использовались японскими войсками в Китае в 1937–1943 гг. Интенсивную подготовку к ведению химической войны проводила гитлеровская Германия. После срыва плана «молниеносной войны» летом 1942 г. был отдан приказ о применении на Восточном фронте новейшего «секретного оружия» – отравляющих веществ. Советская разведка своевременно вскрыла планы гитлеровцев на применение химического оружия и 5 июля 1942 г. президент США Рузвельт от имени антигитлеровской коалиции предупредил Гитлера, что в ответ на химическую войну против любого государства коалиции союзники поступят аналогичным образом. Неоднократно использовали химическое оружие вооруженные силы США, в частности, во время интервенции в Корею в 1950–1953 гг. и агрессивной войны в Индокитае. См.: Александров В.Н. Отравляющие вещества. М., 1969. С. 3–5; Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 11. Военно-химическое дело: (специальный выпуск) / Сост. Э.Л. Коршунов. ВАГШ ВС РФ, Ин-т воен. истории, н.-и. отд. (воен. истории Сев.-Зап. рег. РФ). С. 66, 216.

¹⁰ Бактериологические вещества применялись Германией в годы Первой мировой войны с целью инициирования эпидемии сапа и сибирской язвы среди животных. В 1939 г. японские войска применяли некоторые виды биологического оружия против мирного населения в Китае, а также против монгольских и китайских войск. Подготовку к развязыванию бактериологической войны проводила также гитлеровская Германия, что подтверждается материалами Нюрнбергского процесса. В годы войны в Индокитае американские войска проводили исследования возможностей использования перелетных птиц для распространения различных инфекционных заболеваний. См.: Фуркало В.В. Международно-

правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов. С. 114–115.

¹¹ Химическое и бактериологическое (биологическое) оружие и последствия его возможного применения: Доклад Генерального секретаря ООН А/7575 Rev. 1. Нью-Йорк, 1969. С. 108.

¹² Международное право. Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. С. 71.

¹³ В ближайшей перспективе наиболее реальна возможность оснащения войск такими новыми средствами вооруженной борьбы как лазерное и сверхвысокочастотное оружие. Лазерное оружие может поступать в виде комплексов специального вооружения, дополнительно устанавливаемых на бронееобъекты, сверхвысокочастотное оружие – в виде СВЧ-боеприпасов. См.: Дульнев П.А., Орлянский В.И. Основные изменения в характере вооруженной борьбы первой трети XXI века // Вестник Академии военных наук. № 1 (50). 2015. С. 47.

¹⁴ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. С. 233.

¹⁵ Weapons that may cause unnecessary suffering or have indiscriminate effect: Report of the work of experts. Geneva. 1973. P. 31–32.

¹⁶ Casses A. The prohibition of indiscriminate means of warfare // Declaration on principles. A quest for universal peace / Ed. by R. Akkerman et al. Leyden, 1977. P. 121.

¹⁷ Weapons that may cause unnecessary suffering or have indiscriminate effect... P. 33.

¹⁸ Макглинн Ш. Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне / Пер. с английского Найденова В.В. Смоленск: Русич, 2011.

Н.Р. Славитский (Санкт-Петербург)

ТОПОГРАФИЯ ВИКТОРИАЛЬНЫХ ПРАЗДНИКОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, возникший в годы Северной войны, с первых лет своего существования стал и военной столицей империи, в том числе и местом викториальных праздников. Естественно, в первую очередь, таковые отмечались в акватории реки Невы, а также на ее берегах. Но так как город рос и развивался, топография праздников на протяжении первой половины XVIII столетия менялась, и эти изменения мы постараемся проследить в данной работе.

Первым православным храмом Санкт-Петербурга стал собор во имя святых апостолов Петра и Павла, заложенный на Заячьем острове 29 июня 1703 г. и освященный 1 апреля 1704 г. новгородским митрополитом Иовом¹. Он и стал первым местом празднования русских побед в Северной войне.

Первый благодарственный молебен в данном храме состоялся 14 мая того же года, то есть спустя полтора месяца после освящения. Этим благодарственным молебном, сопровождавшимся также первым артиллерийским салютом со стен Санкт-Петербургской крепости, была отмечена победа русской флотилии на реке Эмбах, сообщение о которой было доставлено в новый город 9 мая 1704 г. в письме Б.П. Шереметева². В дневнике датского посланника Ю. Юля, находившего в 1710 г. в Санкт-Петербурге, неоднократно отмечаются обедни и молебны в соборе в крепости.

В конце первого десятилетия стал складываться своего рода перечень викториальных праздников, годовщины которых отмечались благодарственным молебном и артиллерийским салютом со стен Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепос-

тей. Это – сражение при Лесной (с 1709 г.), Полтавская баталия (с 1710 г.), Калишская битва (с 1710 г.³), взятие крепостей Нотебург (с 1714 г.) и Нарвы (с 1718 г.⁴), а также морские «виктории»: Гангут (с 1714 г.) и Гренгам (с 1720 г.)⁵. Все благодарственные молебны в первом десятилетии существования Санкт-Петербурга проходили в Петропавловском соборе. Исключением являлось празднование взятия Нотебурга – его Петр I старался проводить непосредственно в Шлиссельбурге (конечно, в тех случаях, когда сам находился в столице).

Таким образом, первым центром викториальных праздников стала Санкт-Петербургская крепость, которая положила начало городу. Однако в 1712 г. началась перестройка Петропавловского собора, растянувшаяся на два десятилетия. В этот период, естественно, празднества пришлось проводить в другом месте. И таким центром стала Троицкая площадь, где был построен собор, освященный во имя Троицы. Первый викториальный праздник в ней зафиксирован 26 октября 1713 г., когда состоялось благодарное молебствие за победу, одержанную в Финляндии⁶.

Эта площадь с первых лет существования Санкт-Петербурга являлась центральной в городе – здесь уже в первые годы появился Гостиный двор, тут же было возведено здание для Сената. Вполне логично, что она стала и центром массовых мероприятий, в том числе – викториальных праздников. Важно и то, что пространство Троицкой площади позволяло организовывать массовые гуляния в день праздников. Город разрастался, в 1710 г. в городе насчитывалось всего около 8000 человек⁷, а к 1725 г. численность его населения достигла 40 000 человек⁸. И в Санкт-Петербургской крепости, которая являлась небольшим (и в то же время замкнутым) объектом, такое было невозможно.

Особой церемонией стало празднование победы под Полтавой – сражения, по сути дела, решившего судьбу Северной войны. Первая годовщина сражения отмечалась летом 1710 г., и ее Петр I решил совместить с еще одним викториальным праздником – 27 июня отмечалось взятие укреплений Выборга. Описание этого праздника мы находим в дневнике датского посланника при русском дворе Ю. Юля: «Царь сам вышел к Преображенскому полку, построившемуся за крепостью Санкт-Петербургом и, сделав различные распоряжения относительно того, как Преображенский и Семеновский полки должны расположиться кру-

гом на площади, пошел в собор... Когда обедня закончилась, царь со всею свитой вышел на площадь... Там была поставлена красная скамейка (обтянутый красным сукном амвон) и несколько аналоев с образами, книгами и свечами. На амвон взошел архимандрит Феофилакт Лопатинский, ректор патриаршей школы в Москве, и под открытым небом, пред всем народом произнес проповедь, закончившуюся молебном. Затем раздался сигнальный выстрел, и открылась круговая пальба с крепостного вала, из верфи и четырех фрегатов, нарочно для этого случая расставленных накануне по Неве. Преображенский полк, которому сам царь подавал знак к стрельбе, заключил салют залпом. Повсюду выстрелы произведены были в три приема... Посреди круга воздвигнута была пирамида, на которой висело 59 взятых в Выборге знамен и штандартов»⁹. Надо сказать, что в ходе этой церемонии были заложены основные принципы празднования годовщины Полтавской победы в Санкт-Петербурге в царствование Петра I: местом церемонии стал Петропавловский собор, и само празднование сопровождалось молебном и салютом из пушек. При этом следует отметить, что регламент викториальных праздников к тому времени уже сложился: при чтении Евангелия производился первый залп из пушек, после окончания молебна – второй, а при выходе царя из церкви – третий.

Вечером того же дня был сожжен фейерверк (к слову, первый «летний фейерверк»), однако тут мнения исследователей расходятся: Е.А. Погосян полагает, что он был посвящен годовщине Полтавской победы, а Д.Д. Зелов считает что фейерверк был сожжен по случаю взятия Выборга¹⁰. Он же отмечал, что в праздновании годовщин военных побед фейерверочная традиция не сложилась¹¹.

В последующие годы празднования годовщин этой победы были регулярными, но не столь торжественными. Объясняется это, во-первых, тем, что они не сопровождались дополнительными церемониями (как в 1710 г., когда это совместили со взятием Выборга), а, во-вторых, тем, что царь редко оказывался в нужный день в Санкт-Петербурге. Поэтому нередко все ограничивалось благодарственным молебном и пушечным салютом со стен Санкт-Петербургской и Адмиралтейской крепостей.

В 1713 г. годовщина Полтавской победы совпала с приездом персидского посла: «В 27 день июня, то есть в день Полтавской

баталии приехал в Питербурх посол Персицкой и с подарками; он был с купчиною на яхте, а прочие с зверми и птицами на других судах. Его величество и господа сенаторы и прочие жители Питербурхские встречали все, в буерах отъехав, близ Канец; а как доехали до города, тогда стреляли из пушек и оной посол перезезен на квартиру, а его величество изволил поехать на Петровский остров. Того ж числа в вечеру на площади был огненной фейверок и зажигали один план, потом пуцали люст-кугели и ракеты»¹².

А в 1718 г., когда царь оказался в Санкт-Петербурге, празднование было более торжественным: «прибыли к Троице, где и царское величество быть изволил, которого поздравляя бывшею под Полтавою баталиею, слушали литоргию. По отпуске оной его царское величество и его светлость и прочие господа офицеры вышли в строй и дан был по батальонам залф, между тем с болварков палили из пушек. Потом прибыли на Почтовый двор, где учреждены были столы, и по малых разговорах кушали. После кушанья прибыли в сад его царского величества, где довольно веселились»¹³.

Победы при Лесной праздновались там же. 28 сентября 1718 г. в «Журнале Санкт-Петербургской крепости» отмечено, что в день победы при деревне Лесной была пушечная пальба со стен крепости, гвардейские полки были построены в параде на Троицкой площади, «на городу» (то есть в крепости) был поднят штандарт (это всегда делали в праздничные дни), а его царское величество «изволил быть у обедни у Троицы». Кроме того, при этом служился благодарственный молебен¹⁴.

В 1719 г. местом празднования годовщины Полтавы стал Летний сад: «27 июня. Праздновали Полтавской баталии. Ея величество государыня царица кушала в галере, что подле Летнего дворца в роще и при ея величестве князь светлейший; и по обеде гуляли в саду и под вечер был фейверок»¹⁵. Это, скорее всего, было связано с тем, что царь в тот день отсутствовал в столице.

Так же торжественно (в присутствии Петра I) отмечали годовщину Полтавской победы и 27 июня 1720 г.: «В праздник Святого Самсона странноприимца его величество изволил быть у обедни в церкви Святой Троицы и как на литоргии стали читать Евангелие палили с города из 33 пушек по окончании литоргии из 43 по благодарном молебне из 53 пушек, потом лейб

гвардии палили из мелкого ружья, беглым огнем три раза которые были в строю у Троицы на площади между оными залпами палили из полевых Преображенских пушек три ж раза перемежаясь с бегучим огнем помянутой строй лейб гвардии... на городу стоял штандарт фрегат швецкой был убран на Неве разными флагами»¹⁶. Здесь следует отметить интересный момент – Е.А. Погосян пишет, что в 1720 г. Петр I снова перенес празднование Полтавы за пределы Петербурга, ссылаясь на его письмо к Екатерине от 26 июля, где тот сообщил о приезде к Красной горке¹⁷. Однако в приведенном нами описании четко зафиксировано, что царь в тот день был у обедни в Троицкой церкви. Скорее всего, он на следующий день, в годовщину сражения вернулся в Санкт-Петербург.

Таким образом, торжество празднования Полтавской победы первые годы проходило в крепости, позже – на Троицкой площади, а в случае отсутствия Петра I в столице – в Летнем саду, в присутствии Екатерины I или А.Д. Меншикова.

Вторым центром викториальных праздников стала акватория Невы. Там, в первую очередь, отмечались морские победы. 9 сентября 1714 г. в Санкт-Петербурге торжественно праздновалась победа русского галерного флота у мыса Гангут. Для этого торжества на Троицкой площади по проекту архитектора Д. Трезини были сооружены триумфальные ворота с богатым скульптурным убранством. Основным пунктом этой церемонии стал, как известно, торжественный ввод в Санкт-Петербург захваченных в сражении шведских кораблей. Там же, на площади, состоялся и воинский парад лейб-гвардии Преображенского полка¹⁸. Церемония сопровождалась салютом со стен Санкт-Петербургской крепости, однако молебна в источниках не отмечено: очевидец этого события брауншвейгский резидент Ф.Х. Вебер писал, что после парада победители и побежденные вошли в крепость в здание Сената, где Ф.Ю. Ромодановский выслушал рапорт от контр-адмирала (то есть Петра I. – *Н. С.*), тут же произведенного в чин вице-адмирала, после чего царь отправился во дворец А.Д. Меншикова¹⁹.

6 августа 1720 г. в Санкт-Петербурге было получено известие о победе над шведским флотом при Гренгаме. «По этому случаю началась строиться близ церкви Св. Троицы, против колокольни, триумфальная пирамида, четырехугольная, убранный разны-

ми эмблемами, военными орудиями и знаменами»²⁰. Таким образом, морские победы праздновались на Неве и на Троицкой площади.

При этом службы в Петропавловском соборе также случались. К примеру, 22 апреля 1719 г. «в праздник преполовения господня в соборе Петра и Павла служил архиерей Колмогорский и Вяжской и после литорей ходил кругом крепости на воду к Невским воротам, и после освящения ходил кругом всей крепости по внутренней стороне со кресты»²¹. 30 мая того же года в Петропавловском соборе была празднована молебствием морская победа, одержанная при Эзеле²². Важно отметить, что это произошло уже в каменном храме, так как деревянную церковь, оказавшуюся внутри Петропавловского собора, начали разбирать 29 июля 1718 г.²³

Грандиозным торжеством стало празднование Ништадтского мира, означавшего победоносное завершение Великой Северной войны, на Троицкой площади. Известие об этом было получено в Санкт-Петербурге 4 октября. «Пополудни в 1-м часу прибыла с моря малая галера и того ж часа пришед в гварнизон его сиятельства князя Ивана Федоровича Ромодановского служитель Федор Марков и объявил по повелениям его высококнязей светлости, чтоб выпалили с города из 21 пушки, а какой ради причины того не объявил которая стрелба и учинена... В 5-м часу его величество изволил прибыть в церковь святых Троицы и при собрании всех министров и сенаторов и всенародного множества объявлена чрез преосвященного митрополита Резанского, что всемогущий господь бог даровал между его царским величеством и короною швецкою вечный мир, и при том объявлении выстрелено с города из 21 пушки, потом было у Троицы благодарение и при чтении Евангелия палили с города в другой раз из 31 пушки а по окончании благодарения палили с города третий раз из 51 пушки и поднят был на городу штандарт»²⁴.

Получив известие о заключении мира, Петр I распорядился «Богу... благодарение» отправлять «в разные времена трикратно»: «Первые, в самый той день, в который сию нашу великого государя, грамоту получите, и с того получения во знак толь преславной государственной радости, по молебном пении седмодневно обычный при церквах звон, как от дня св. Пасхи во всю светлую седмицу бывает. Второе – октября 22-го. Третие –

в предбудущем 1722 г. января 28 с таким же седмодневым звоном».

Празднование мира в Санкт-Петербурге состоялось 10 сентября 1721 г. и сопровождалось также маскарадом. По окончании литургии в Троицкой церкви был прочтен текст мирного договора, после чего к Петру I приблизились сенаторы, и канцлер Г.И. Головкин после длинной речи, просил его от лица всех государственных сословий принять, в знак их верноподданнической подданнической благодарности титул «Петра Великого, Отца отечества и императора Всероссийского», который был повторен за ним и провозглашен всем Сенатом. После этого раздался артиллерийский салют со стен Санкт-Петербургской крепости. А вечером на площади был сожжен великолепный фейерверк²⁵.

Подчеркнем, что в эти дни на Троицкой площади было и самое массовое в петровское время народное гуляние (оно довольно подробно описано Ф.-В. Берхгольцем).

И после окончания Великой Северной войны, в 1722–1723 гг., благодарственными молебнами и артиллерийскими салютами продолжали отмечаться все упоминавшиеся викториальные праздники: годовщины победы под Полтавой, взятия Нотебурга, победы под Лесной, Ништадского мира²⁶. Кроме того, 5 сентября 1723 г., в день тезоименитства цесаревны Елизаветы Петровны праздновали и взятие Баку. «По этому случаю, согласно данной повестке, поутру весь маскарад собрался на Троицкой пристани и, прикрыв маскарадное платье епанчами и плащами, слушали в Троицком соборе святую литургию, проповедь и благодарственное молебствие за успехи оружия в Персии; во время молебствия производилась с крепостей пушечная пальба и потом разъехались по домам до двух часов пополудни, когда маскарад съехался на Галерном дворе; оттуда отправились в разные места и пировали опять до двух часов ночи, как и на следующий, последний, день»²⁷.

В 1723 г. центром российского викториального праздника стал Александро-Невский монастырь. В том году в Санкт-Петербург был доставлен ботик Петра Великого – «дедушка русского флота» – корабль, на котором Петр Великий постигал азы морского искусства. После окончания Великой Северной войны, во время праздничных мероприятий в Москве, посвященных Ништадскому миру, Петр принял решение перевезти этот

ботик, ставший и символом русского флота, и памятником его первых побед, в новую столицу империи. Это было сделано в мае 1723 г. 27 мая он сам отправился за ботиком в Шлиссельбург, а 29 мая прибыл на нем к Невскому монастырю. Туда же из Санкт-Петербурга прибыла императрица с «Невским флотом» (владельцы частных судов). В день рождения государя, 30 мая, их величества и бывшие с ними знатные особы отслушали заутреню в Невском монастыре и в 9-м часу утра в сопровождении судов Невского флота отправились с ботиком к Троицкой площади. Встреча ботика на главной в то время площади столицы сопровождалась как воинским почестями, так и церковной службой: «как оные суда появились по Неве реке от новой крепости, и тогда отдан комлемент прибывшему маленькому ботику пушечною стрельбою со всего города один залп а потом лейб гвардии беглым огнем которые были в строю на Троицкой пристани, потом со Адмиралтейства а как его величество изволил прибыть на помянутом ботике к Троицкой пристани тогда палили с города паки второй раз изо всех же пушек, а как изволил выттить после литургии из церкви святой Троицы палили третий раз из пушек со всего ж города»²⁸.

Это мероприятие положило начало ежегодному празднику в день памяти святого Александра Невского (продолжавшемуся вплоть до начала XX столетия), кроме того, Петр I повелел ежегодно выводить ботик на такую же церемонию, однако эта церемония после его смерти заглохла. Елизавета Петровна дважды, в 1744 и 1745 гг., проводила ее, и при ней это не стало традицией. Таким образом, использование Александро-Невской лавры в качестве одного из центров викториальных празднеств осталось лишь эпизодом. Основными же местами оставались Троицкая площадь, акватория Невы, Санкт-Петербургская и Адмиралтейская крепости (с них при каждом празднестве производилась пушечная пальба).

---

¹ Походный журнал 1704 г. СПб., 1912. С. 18.

² Там же. С. 21–22, 24.

³ О.Г. Агеева считает, что этот праздник устраивался А. Д. Меншиковым с 1714 г. и он не сопровождался обычными для официальных торжеств молебнами в церквях города. Агеева О.Г. Официальные праздники петровского Петербурга // Петербургские чтения. СПб., 1993. Вып. 1. Культура Санкт-Петербурга. С. 48.

- ⁴ О.Г. Агеева считает, что взятие Нарвы праздновалось с 1712 г. // Там же.
- ⁵ Ефимов С.В. «Викториальные» и праздничные дни петровского Санкт-Петербурга (По материалам «Повседневных записок делам князя А.Д. Меншикова») // Бомбардир. № 14. СПб., 2001. С. 62–63.
- ⁶ Немиров Г.А. Троицкий собор что на Петербургской стороне. СПб., 1905. С. 111.
- ⁷ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1954. С. 23; Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 5.
- ⁸ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 102.
- ⁹ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. (1709–1711). М., 1900. С. 221–222.
- ¹⁰ Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII в. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 62.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Походный журнал 1713 г. СПб., 1913. С. 32.
- ¹³ Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. Вып. 10. М., 2000. С. 234.
- ¹⁴ Журнал Санкт-Петербургской крепости // БАН ОРРКК. Ф. 57. № 31. 7. 14. Л. 41.
- ¹⁵ Походный журнал 1719 г. СПб., 1913. С. 122.
- ¹⁶ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 78.
- ¹⁷ Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
- ¹⁸ Подробнее см.: Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 167–174.
- ¹⁹ Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. № 6. Стб. 1097–1099.
- ²⁰ Немиров Г.А. Троицкий собор... С. 139.
- ²¹ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 59.
- ²² Летопись Петропавловской крепости. Т. 1. СПб., 2008. С. 38.
- ²³ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 37.
- ²⁴ Там же. Л. 91.
- ²⁵ Берхгольц Ф. Дневник камер-юнкера Берхгольца // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 225–227.
- ²⁶ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 101–103.
- ²⁷ Немиров Г.А. Троицкий собор... С. 159–160.
- ²⁸ Журнал Санкт-Петербургской крепости. Л. 114.

А.А. Смирнов (Москва)

**К ВОПРОСУ О ВЫУЧКЕ РУССКОЙ ПЕХОТЫ
В АВГУСТЕ 1914 ГОДА И О «КУКУШКАХ»
В «ЗИМНЮЮ ВОЙНУ» И В ВЕЛИКУЮ
ОТЕЧЕСТВЕННУЮ: ДНЕВНИК
ВИЦЕ-ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ ОТТО ШАХТА (1914)**

УЧАСТНИК ПЕРВОЙ МИРОВОЙ войны, унтер-офицер, а затем офицер германской армии Отто Шахт был померанцем из Штеттина (ныне Щецин в Польше) и срочную службу проходил в померанском 34-м фузилерном королевской Виктории Шведской полку – ставшем потом единственной германской частью Первой мировой, чье знамя не только захватили, но и удержали русские войска. При мобилизации же в августе 1914 г. вице-фельдфебель резерва Шахт был направлен во вновь сформированный из жителей той же Померании 9-й резервный пехотный полк – где стал командиром взвода 7-й роты. Вместе с померанским же 2-м резервным 9-й полк образовал 5-ю резервную пехотную бригаду, которая вошла в состав 3-й резервной пехотной дивизии. В рядах этой последней Шахт с августа 1914-го по февраль 1915-го воевал в Восточной Пруссии и в Августовских лесах, а летом и осенью 1915-го – в Литве и Западной Белоруссии. Затем его полк был выведен из состава 3-й резервной дивизии и переброшен в Курляндию, а осенью 1916-го – в Румынию. Там, в октябре 1916 г., командир 7-й роты 9-го резервного пехотного полка лейтенант резерва Отто Шахт и погиб. Его военный дневник, посвященный им своей маленькой дочери Кримхильде (Шахт был вдовцом), почти век спустя опубликовал его внук, сын Кримхильды, историк, доктор Экарт Хаммерштрём¹.

Дневник Шахта за 1914 г. – это не просто дневник всего лишь унтер-офицера, знавшего только то, что ему было положено

знать, и видевшего в бою лишь то, что умещалось в достаточно узком поле зрения взводного командира. Это еще и дневник выходца из бюргерской семьи, который не собирался становиться профессиональным военным, и, наконец, это дневник человека, не склонного к рефлексии. Здесь не только нет рассуждений, резонерства, анализа, оценок, здесь очень скупа даже фактография. Автор кратко, почти без подробностей фиксирует по дням и часам передвижения полка и испытанные при этом им, автором, неудобства и маленькие радости походной жизни, постоянно отмечая, что выдавали на обед или завтрак, что удалось купить из съестного или из вещей. Так же кратко, сухо, с минимумом подробностей и информации о личных впечатлениях, описываются и боевые эпизоды.

Все-таки на тех немногих страницах дневника, что посвящены сражению 26–31 августа (здесь и далее даты приводятся по новому стилю) 1914 г. под Танненбергом, можно найти несколько интересных сообщений, которые проливают дополнительный свет на выучку кадровой русской пехоты кануна Первой мировой войны. Ведь как для полка Шахта, так и для частей русских 1-й и 8-й пехотных дивизий, с которыми довелось тогда столкнуться 3-й резервной пехотной дивизии, это были первые бои в мировой войне. Соответственно, русские части вели их, опираясь на тот уровень подготовки, что был достигнут перед войной.

Первые два сообщения относятся к решающему дню Танненбергского сражения – 28 августа 1914 г. С утра этого дня 3-я резервная пехотная дивизия генерал-лейтенанта К. фон Моргена, вошедшая в состав группы генерала от артиллерии Ф. фон Шольца, силами 5-й резервной пехотной бригады генерал-майора Э.А. Хессе (Hesse) наносила с рубежа реки Древенц удар на деревню Дрёбниц, чтобы оттеснить правое крыло наступавшего на указанный рубеж XV армейского корпуса русских – 2-ю бригаду 8-й пехотной дивизии (31-й пехотный Алексеевский и 32-й пехотный Кременчугский полки).

Здесь прежде всего обращает на себя внимание данная Шахтом характеристика захваченной позиции алексеевцев или кременчужцев близ Дрёбница. Русские окопы (одиночные ячейки) были не просто «искусно» замаскированы, не просто «искусно» вырыты, но и вырыты «тщательно» (*mit Sorgfalt*)². Это не просто лишнее подтверждение высокой оценки, данной немцами ис-

кусству самоокапывания и маскировки русской пехоты 1914 г.³ И не просто лишнее опровержение пессимистических оценок этого искусства деятелями русской армии – А.А. Брусиковым (утверждавшим, что «пехота наша обучалась в мирное время самоокапыванию отвратительно, спустя рукава») и генерал-лейтенантом В.М. Драгомировым (писавшим, что занятиями по самоокапыванию войска перед войной манкировали)⁴. Перед нами лишнее свидетельство высокой дисциплинированности кадровой русской пехоты 1914 г.⁵ Именно она была причиной того, что, если уж (как отмечал В.М. Драгомиров) занятия по самоокапыванию сводились к технике отрывки окопа, то техника эта оказывалась безусловно освоенной солдатами и использовалась ими даже в ходе наступательных боев! Подобные факты заставляют еще явственнее осознать тот ополченческий характер, который получила русская армия в 1915–1917 гг. – в эти годы остались многочисленными свидетельства пренебрежения отрывкой и оборудованием окопов даже в обороне⁶.

А вот стрельба алексеевцев (или кременчужцев) Шахта не впечатлила: «Русский стрелял, как правило, высоко (allgemein hoch), так что пули, выпущенные правильно по направлению, пролетали над нами»⁷. И это при том, что взвод Шахта двигался в качестве ротной поддержки в 150–200 м за передовой цепью. Ценность этого сообщения в том, что перед нами конкретный эпизод из тех, что позволили штабу действовавшей в Восточной Пруссии 8-й армии немцев записать в датированных 12 октября 1914 г. «Выводах из опыта войны по данным 8-й германской армии»: «Русская пехота стреляет очень высоко»⁸. И фигурирует в этом эпизоде кадровая часть. Соответственно, доверие к указанному выводу – идущему вразрез с традиционно высокой оценкой стрелковой выучки русской пехоты к августу 1914 г. – должно быть повышено.

Однако не следует и абсолютизировать этот вывод – и об этом напоминает не только зафиксированная обеими сторонами хорошая меткость огня русской пехоты в Гумбинненском сражении, но и тот же дневник Шахта – при описании боя 29 августа 1914 г. под Шведрихом. У этой деревни, в межозерном дефиле, арьергард XIII армейского корпуса русских – 2-й пехотный Софийский полк 1-й пехотной дивизии – на целый день задержал 5-ю резервную пехотную бригаду немцев – двинутую фон

Моргеном преследовать начавший отход корпус. 2-й и 9-й резервные пехотные полки потеряли там до 550 человек, в том числе около 200 убитыми, 316 ранеными и 47 пропавшими без вести⁹, причем все это были жертвы пехотного огня. Шахта не упоминает о стрельбе русской артиллерии – хотя в других случаях всегда различает огонь пехоты и артиллерийский – и отмечает, что отбросить противника удалось лишь благодаря артиллерии¹⁰. А ведь будь у русских под Шведрихом хотя бы полубатарея, она наверняка заставила бы замолчать единственную батарею, подтянутую туда немцами... То, что видел автор дневника, наглядно подтверждает действенность огня софийцев. Только на глазах у Шахта один за другим получили тяжелые ранения унтер-офицер его роты Кюль (в которого попали как минимум три пули), командир их 2-го батальона майор Швенке, унтер-офицер 9-й роты 2-го резервного пехотного полка («части здесь здорово перемешались») Шмитц и рядовой резервист. И это при том что перебежки, которыми наступали померанцы, не превышали 15 метров¹¹.

Хорошая стрелковая выучка Софийского полка тем показательнее, что он явно принадлежал к тем кадровым частям 1914 г., в которых процент кадровых солдат оказался после мобилизации наименьшим. Ведь два других полка 1-й пехотной дивизии – 1-й пехотный Невский и 3-й пехотный Нарвский – относились именно к таким; 80 % их нижних чинов составили после мобилизации призванные из запаса¹². Из всех известных нам с этой стороны полков русской пехоты такой же процент запасных оказался тогда еще только в 122-м пехотном Тамбовском; в 170-м пехотном Молодечненском он находился в диапазоне примерно от 67 до 78 %, в 13-м лейб-гренадерском Эриванском, 44-м пехотном Камчатском и 12-м стрелковом составил примерно 58–64 %, в 26-м Сибирском стрелковом – порядка 50–60 %, а в 5-м гренадерском Киевском, 46-м пехотном Днепровском и 159-м пехотном Гурийском – порядка 50 %¹³.

Помогая уточнить наши представления о выучке русской пехоты в августе 1914 г., дневник Шахта имеет еще большую ценность для изучения истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: он позволяет существенно прояснить вопрос о финских «кукушках». Советские участники «зимней войны» были абсолютно убеждены в том, что эти «кукушки» – снайпе-

ры, стрелявшие с деревьев – существовали и широко использовались финнами. Фронтовики не раз в деталях рассказывали о том, как они лично видели «кукушку» и расправлялись с ней. «Мне удалось прицелиться, – вспоминал, к примеру, бывший боец 17-го отдельного лыжного батальона 9-й армии Павел Шиллов, – и несколькими выстрелами сбить “кукушку”. Финн упал, раненый, и, когда прекратился огонь снайперов, мы подошли к нему. Один из наших заколол финна штыком. Я и другие поругали его за жестокость»¹⁴. Финскую же точку зрения исчерпывающе выразил О. Маннинен: «финнам неизвестно о таком способе ведения войны», это «устойчиво сохраняющаяся выдумка», могли быть лишь отдельные случаи использования деревьев в качестве стрелковых позиций¹⁵. Ведь стрелок, ведущий огонь с дерева, лишен возможности своевременно отступить и в случае отхода своих обречен на гибель или плен.

Этот парадокс тем загадочнее, что он имел место и в Великую Отечественную войну. В воспоминаниях советских участников боев на Ленинградском и Волховском фронтах немало и просто упоминаний о немецких «кукушках», и детальных сообщений о том, как рассказчик видел «кукушку» своими глазами. Так, по словам Н.Н. Никулина, в марте 1942 г. он, боец одного из арполков 54-й армии Ленинградского фронта, у станции Погостье (юго-восточнее Мги) стал свидетелем того, как «сверху посыпался снег и тяжело вывалился из ветвей здоровенный немец в зеленой шинели и натянутой на уши пилотке. [...] Его посадили на дерево дня два назад в качестве “кукушки”, приказав стрелять в наступающих русских. Но фронт прошел вперед, и пришлось сдаваться»¹⁶. Между тем в подробном рассказе немецкого историка Х.Г. Стахова о тактике немецких снайперов, действовавших под Мгой и Синявином – как раз там, где советские фронтовики, по их утверждениям, не раз сталкивались с «кукушками» – нет даже намека на стрельбу с деревьев¹⁷. Ни словом не упоминает о подобной тактике немецких снайперов и автор известного труда о тактическом опыте советско-германского фронта Э. Миддельдорф, подробно разбирающий в том числе и особенности ведения обеими сторонами боев в лесу¹⁸.

Из дневника Отто Шахта явствует, что в существовании «кукушек» были убеждены и многие немецкие участники Таннен-

бергского сражения. Один случай столкновения их с «кукушками» в немецкой литературе был описан еще в 1920-х: по утверждению чинов 3-го резервного пехотного полка 1-й резервной пехотной дивизии, в бою 28 августа 1914 г. у деревни Цасдрос (южнее Алленштейна) с прикрывавшей обоз русского XIII корпуса 13-й ротой 1-го пехотного Невского полка русские стреляли в том числе и с деревьев Алленштейнского муниципального леса¹⁹. Шахт же сообщает о целом ряде подобных случаев. Когда во второй половине дня 28 августа 5-я резервная пехотная бригада двигалась за отходившим от Дрëбница и Мюлена XV корпусом русских по шоссе Паульсгут – Кунхенгут, по сторонам лежали трупы русских – и в том числе «сбитых выстрелами с деревьев»²⁰ (которыми было обсажено шоссе). А в бою 29 августа у Шведриха, в ходе атаки перемешавшихся подразделений бригады на деревню Шведрих, унтер-офицер Кюль, пишет Шахт, «подстрелил 5 русских на деревьях у речки, которую мы перешли вброд»²¹. Поскольку Кюль находился рядом или, по крайней мере, в поле зрения Шахта (тот, в частности, видел, как и куда именно Кюль ранило), можно заключить, что автор дневника лично наблюдал результаты стрельбы по «кукушкам».

Сообщения Шахта – указывающие на широкую распространенность «кукушкобоязни» среди немецких военных в Восточной Пруссии в августе 1914 г. – являются, на наш взгляд, лишним подтверждением финского ответа на вопрос о «кукушках» «зимней войны» (и молчаливого немецкого ответа на вопрос о немецких «кукушках» в Великую Отечественную): никаких «кукушек» не было. Ни уставами, ни наставлениями, по которым обучалась в 1914 г. русская пехота, – и которыми она, естественно, руководствовалась в первых боях 1914-го – такой способ действий не предусматривался; не подсказывался он и опытом русско-японской войны. Поэтому, если уж даже финны – тяготевшие в «зимнюю войну» к полупартизанской тактике и делавшие ставку на одиночного бойца – отрицают саму возможность использования ими «кукушек», то в случае с русской пехотой августа 1914-го вопрос должен решаться однозначно: она «кукушек» применять не могла и не применяла. И уверенность многих немцев в том, что они видели стреляющую или падающую с дерева русскую «кукушку», означает лишь, что они приняли за нее что-либо другое или вообще стали жертвами галлю-

цинаций. Ну, а если подобное возможно, то оно могло происходить – и происходило – и с советскими участниками «зимней» и Великой Отечественной войн, рассказывавшими потом о финских и немецких «кукушках».

Проблема, таким образом, сводится к другой: доказать возможность подобных галлюцинаций и объяснить, что принимали за «кукушек» (или за признаки их действий) те, кто галлюцинаций не испытывал, но был тем не менее убежден, что видел стрелявших с деревьев снайперов (или результаты их стрельбы).

Возможность возникновения в боевой обстановке галлюцинаций указанного рода видна хотя бы из опыта того же Танненбергского сражения. Так, командовавший тогда XIII армейским корпусом генерал-лейтенант Н.А. Клюев вспоминал о поручике, который на его, Клюева, глазах приказал открыть огонь по русскому штабному офицеру и уверял потом, что это был... скакавший в облаке пыли немецкий разъезд. А над дорогой, подчеркивал Клюев, не было ни пылинки! Подобные галлюцинации (именно галлюцинации, а не погрешности наблюдения) могли быть не единичными: «куда ни пошлешь штабного офицера», сокрушался, вспоминая те дни, Клюев, по нему «палят» свои²²... Вот каковы могли быть результаты нервного напряжения, испытываемого необстрелянными людьми.

Убежденность человека в том, что он был свидетелем работы «кукушек», могла объясняться и не галлюцинациями, а непривычными для большинства звуковыми эффектами, возникающими в лесу. Так, финнами «высказывалось предположение, что в лесу звук выстрела из винтовки может вызвать странную иллюзию, что стреляют у тебя за спиной. И если стрелка не видели, естественно было предположить, что стреляют с дерева»²³. В августе 1941 г. на то, что «две лесные полосы искажают звуки пулеметных очередей и выстрелов» и «эхо выстрела отдается в нескольких местах», обратил внимание и лейтенант 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии В.С. Туров²⁴. А поручик 4-й Финляндской стрелковой бригады Я. Демьяненко осенью 1914 г. заметил, что пуля, пробившая ствол дерева, вылетает из него со звуком, идентичным звуку выстрела²⁵. Это также могло создать впечатление стрельбы с дерева.

Под Цасдросом и на шоссе Паульсгут – Кунхенгут 28 августа 1914 г. дело могло обстоять еще проще: видя, как один за дру-

гим падают их товарищи, но не видя, откуда летят пули, солдаты совершенно естественно могли предположить, что стреляют с растущих поблизости деревьев: ведь их листва вполне способна скрыть стрелка. Так же, по-видимому, возник и «психоз стрелков с дерева», охвативший 22 и 23 июня 1941 г. солдат 45-й пехотной дивизии вермахта на Западном острове (Тереспольском укреплении) Брестской крепости. Фельдфелель 133-го пехотного полка Л. Лозерт (как утверждал впоследствии) в конце концов установил тогда, что огонь, приписываемый советским «кукушкам», вели сами же немцы – обстреливавшие все подозрительные объекты²⁶... В свою очередь, убежденность в существовании «кукушек», возникшая у Отто Шахта и унтер-офицера Кюля на шоссе Паульсгут – Кунхенгут, при виде трупов, якобы принадлежавших «кукушкам», на следующий день, в напряженной обстановке боя под Шведрихом, поспособствовала, видимо, возникновению у них галлюцинаций – когда один «увидел» засевших на деревьях русских, а другой – как эти «кукушки» падают подстреленные.

Не исключено, что жертвой уже сформировавшейся убежденности в существовании «кукушек» оказался и Н.Н. Никулин: слишком много писалось в СССР о «кукушках» в «зимнюю войну». Немец, свалившийся в марте 1942-го на глазах Никулина с дерева, мог быть не снайпером, а наблюдателем. Правда, из текста воспоминаний можно заключить, что их автор – умевший тогда изъясняться на ломаном немецком²⁷ – говорил с пленным лично. Но трудно предположить, чтобы немец сразу же признался «советским русским» – об ужасной судьбе тех, кто попадает к ним в плен, так много говорили в вермахте, – что он снайпер. Не исключено, что под влиянием предвзятого мнения о существовании «кукушек» Николай Николаевич услышал в словах пленного то, что собирался услышать (могло, конечно, сказаться и недостаточное знание мемуаристом в 1942 г. немецкого языка). Или убедил самого себя в том, что услышал именно это, уже потом, при написании воспоминаний.

Под влиянием того же предвзятого мнения П. Шилов зимой 1940 г. мог принять за падение «кукушки» падение пласта снега с ветви, задетой его пулей, и с соседних ветвей, а за свалившуюся «кукушку» – финна, действовавшего на земле и раненного кем-то еще.

В заключение подчеркнем, что дневник Отто Шахта лишний раз убеждает в перспективности привлечения источников по Первой мировой войне для изучения боевой повседневности войн 30-х – 40-х гг. XX в. Различия в техническом аспекте военных конфликтов 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг. не были настолько велики, чтобы проблемы, ощущения и поведение людей, оказавшихся на войне в эти разделенные всего 20–25 годами временные отрезки, оказались существенно разными.

¹ Hammerström E. Otto Schacht: Tagebuch für meine Tochter 1914/15. Berlin, 2012.

² Ibid. S. 28.

³ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 155; «Идя навстречу пожеланиям Франции...»: Сражение в Восточной Пруссии в 1914 году по материалам германского Рейхсархива // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 55.

⁴ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М.; Л., 1929. С. 61; Драгомиров В.М. Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. V. Белград, 1924. С. 199. Критику этих суждений см.: Смирнов А.А. Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). Т. 2. М., 2013. С. 395–396.

⁵ См.: Смирнов А.А. Боевая выучка... Т. 2. С. 475–476.

⁶ См., напр.: Сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года. М., 1940. С. 109. Ср.: С. 97–98, 101, 104, 107.

⁷ Hammerström E. Op. cit. S. 28.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 52. Л. 204.

⁹ Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 242.

¹⁰ Hammerström E. Op. cit. S. 30.

¹¹ Там же.

¹² Подсчитано по: Беннигсен Г.П. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 г. // Военная быль. 1959. Март. № 35. С. 14; ГАРФ. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

¹³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Д. 21. Л. 119, 119 об.; Д. 36. Л. 2, 13 об.; Д. 41. Л. 45, 83; Д. 45. Л. 14; Лейб-эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии. Париж, 1959. С. 13; Пономарченко В. О Гумбиненском сражении. (По поводу статей в «Часовом» о ген. Ренненкампефе) // Часовой. 1964. Июнь. № 456. С. 14.

¹⁴ Шилов П. Тогда не было моды награждать. Рассказ разведчика 17-го отдельного лыжного батальона // Родина. 1995. № 12. С. 67.

¹⁵ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 172.

¹⁶ Никулин Н.Н. Станция Погостье. Холодная зима 1942 года. Об одной забытой операции // Новый часовой. № 10. СПб., 2000. С. 214.

¹⁷ Синявино, осенние бои 1941–1942 годов. Сборник воспоминаний участников синявинских сражений. СПб., 2012. С. 554–556. Ср.: С. 221, 345, 421, 447.

- ¹⁸ Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.; М., 2000. С. 382–395.
- ¹⁹ Showalter D.E. Tannenberg. Clash of Empires. Washington, 2004. P. 288.
- ²⁰ Hammerström E. Op. cit. S. 29.
- ²¹ Там же. S. 30.
- ²² ГАРФ. Ф. Р-6176. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
- ²³ Маннинен О. Так были ли «кукушки»? // Родина. 1995. № 12. С. 80.
- ²⁴ Першанин В.Н. Сталинградская мясорубка. «Погибаю, но не сдаюсь!» М., 2012. С. 70–71.
- ²⁵ Демьяненко Я. Бой Финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль. 1960. Январь. С. 11.
- ²⁶ Алиев Р.В. Штурм Брестской крепости. М., 2008. С. 426, 461, 747.
- ²⁷ Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. М., 2014. С. 248–249.

А. Сопиев (Ашхабад, Туркменистан)

«КЛЫЧ» – ТУРКМЕНСКАЯ САБЛЯ ШЕМШИРНОГО ТИПА

ОСНОВНЫМ ВИДОМ холодного оружия туркмен до конца XIX в. служила сабля (туркм. *gylyç*). На это указывает, прежде всего, обилие сохранившегося материала. У разных туркменских племен сабля называлась по-разному: клыч (*gylyç*), дуйрмеклыч (*düýrmegylyç*), аташклыч (*ataşgylyç*), кессе (*kesse*), коссе (*kösse*), камкам (*kamkam*), луджач (*lujaç*), самсам (*samsam*), шемшир (*şemşir*). Саблей туркмен защищал свою семью и добывал свободу. Если у джигита на боку висела сабля, это говорило о том, что он принадлежит к военному сословию (туркм. *nöker*). Сабля в ножнах занимала почетное место в юрте – жилище кочевников – и висела на стене по направлению к священному городу Мекке. Хорошая сабля была украшением юрты, предметом разговоров и являлась гордостью хозяина. Трогать саблю без надобности и разрешения владельца никто не имел права. Снять саблю со стены и подать ее гостям для осмотра мог только сам хозяин. При этом он лишь слегка вынимал клинок из ножен для демонстрации качества стали и клейм. Клинок сабли протирался куриным салом, эта смазка имела антикоррозийное свойство и способствовала более четкому проявлению булатного узора. Самой лучшей смазкой считалось фазанье сало.

Живший в XVIII в. персидский историк Мухаммад Казим приписывает туркменам племени йомут изобретение сабли, которой они владели в совершенстве¹. «Несмотря на это явное преувеличение, – отмечает туркменский историк О. Амантыев, – данное свидетельство можно рассматривать как указание на давнюю традицию производства оружия у туркмен»². Примечательны и слова участника завоевания Туркмении генерала Н.И. Гро-

декова. Описывая частые стычки русских отрядов с туркменской кавалерией, он приводит такой факт: «Уже в декабре 1872 года, когда красноводский отряд возвращался по Атреку в Чекишляр, у переправы Баят-хаджи замечены были на земле три большие параллельные черты, проведенные шашкою. Проводники объяснили, что туркмены, живущие около этих мест, объявляют русским войну, и что эти черты означают клятву, смысл которой: «да будут их жены незаконными, если они пропустят русских без боя»³. Такими были некогда военные традиции туркмен.

Холодное оружие с клинками из высококачественной стали (туркм. *jöwher, polat*) у туркмен всегда имело значение оберега. Известны факты, когда саблю использовали для лечебной магии. Ее прикладывали ко лбу больного ребенка (туркм. *çitikleme*) или булатный нож клали под подушку больного. В туркменском фольклоре есть немало пословиц и поговорок о сабле: «Если сабля долго находится в ножнах – она ржавеет» (туркм. *Gylyç gynynda dursa poslar*); «Не имея еды – щедрый, не имея сабли – храбрый» (туркм. *Aşsyz – sahy, gylyçsyz – batyr*), «Доброе слово змею из норы выманит, а злое саблю из ножен вынет» (туркм. *Ýagşy söz ýulany hinden çykar, ýaman söz gylyju gundan*) и др. В словаре Махмуда Кашгари (XI в.) древнетюркский глагол *sablamak* объясняется как «изготовить рукоятку для сабли, либо для другого холодного оружия». В туркменском языке слово *saplamak* имеет такой же смысл. Трудно не заметить, как похоже оно на русское слово сабля⁴.

Какова же история происхождения туркменской сабли, где и как зародилась ее форма, как она трансформировалась в другие виды холодного оружия и каким путем распространялась по иным регионам?

В основе своей туркменская сабля – это персидский *шешшир*⁵. Различные исследователи трактуют этот термин по-разному. Одно из них означает «хвост льва», поскольку внешне сабля вполне соответствует этому образу. Другой перевод берет за основу слово «Шам» (турецкое название Сирии), что звучит как «сирийский лев». Турецкое название данного вида сабли «аджами кылыч» переводится как «иностранная сабля», т.е. сабля, привезенная из Персии. Еще одно старинное название сабли, которое использовали туркмены в своем лексиконе, это *луджач* –

Рис 1. Единственная сохранившаяся слабоизогнутая сабля находится в коллекции школьного музея в Мургабском районе Марыйского велаята (Туркменистан)

слово арабского происхождения. Сохранилось и такое название как кессе, текинцы Ахала называли ее кессе.

Изучая средневековые миниатюры Ирана и Средней Азии, можно сделать вывод, что до XVI в. сабли были слабоизогнутые, а рукоятка имела небольшой наклон вперед, что давало возможность для нанесения более мощного удара (рис. 1). В конце XV в. в Персии установилась новая династия Сефевидов. Шемшир появился и получил широкое распространение в XVI–XVII вв., в эпоху шаха Аббаса I, правившего страной в 1587–1628 гг. При нем имел место небывалый подъем оружейного производства и влияния оружейного искусства на соседние страны⁶.

Кривая сабля развилась из прямого двулезвийного меча и предназначалась исключительно для ближнего боя на коне. Только появление стремян и жестко закрепленного на коне седла дало возможность свободного владения этим видом оружия. Русский автор XIX в. И. Парамонов отмечал: «По наружному виду туземные клинки бывают двух родов: кривые (сабли) и прямые (шашки). Первые имеют весьма большую кривизну; особенно сильное искривление получает он на расстоянии $\frac{2}{3}$ от рукоятки. Это та самая часть клинка, которой наносятся удары, причем направление удара совпадает с направлением лезвия (или, по крайней мере, составляет с последним весьма небольшой угол), и удар получается режущий, т. е. самый действенный. В этом отношении форма азиатских клинков соображена с их назначением гораздо лучше, чем форма клинков европейских армий»⁷.

Ареал распространения сабли шемширного типа чрезвычайно широк. Кроме Ирана и Индии, это, прежде всего, конечно, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. Из Ирана холодное оружие поступало в Турцию, арабские страны, на Кавказ, в Запорожье и Польшу. В Российской империи до начала XX в. запо-

рожским казакам разрешалось пользоваться старинными «клычками» взамен уставных пашек. И везде, оставляя неизменным кривой клинок, местные оружейные мастера стремились добавить в оформление рукоятки и ножен что-то свое. Попытки добавить елмань или штыковидное острие (Казахстан, Черкессия) принципиально меняли конструктивное предназначение сабли. Из рубяще-режущей сабля превращалась в колющее оружие. В Казахстане широко использовались сабли с елманью (казахское название «алдаспан»)⁸. В Узбекистане рукоятки и ножны сабель обильно декорировались полудрагоценными камнями, серебром и золотом. В Турции наворачивая рукоятки делались закругленными, в отличие от традиционных персидских сабель. Полностью классической формы придерживались только мастера из Туркменистана – сказывалась близость границы с Персией.

Туркменский *клыч* (рис. 2) имеет свои этномаркирующие элементы, присущие разным племенам и регионам. Разберем конструкцию сабли и все ее составляющие части (рис. 3).

Клинок (туркм. *gylyjyň demiri, tyg*) у туркменской сабли кривой, обычно без елмани, однолезвийный (туркм. *bir ýüzli*), обух (туркм. *pyşda*) – прямой. Длина клинка в среднем 700–900 мм, ширина у пяты 25–35 мм. Характерная особенность его – кривизна, она соответствует примерно $\frac{1}{3}$. Сабельная полоса выковывалась целиком, клинок вместе с хвостовиком составлял

Рис. 2. Сабля из коллекции Геоктепинского национального музея (Инв. № GMM КЕК 908). Общая длина – 865 мм, длина клинка – 750 мм, ширина у пяты – 27 мм, кривизна клинка – 125/355 мм. Сабля с очень сильной кривизной почти $\frac{1}{3}$. Сталь среднего качества, слегка подпорчена современными абразивными материалами. На внешней и внутренней сторонах оригинальная гравировка в виде декоративных прямоугольников. С внешней стороны надпись на арабском языке «Абдурахман бен Абдусахид ал-Хорезми» (перевод авт.), с внутренней стороны пять пятиконечных звезд

единое полотно. Хвостовику при изготовлении сразу же придавали форму рукоятки (туркм. *dese, dest, sap, tutay*). На хвос-

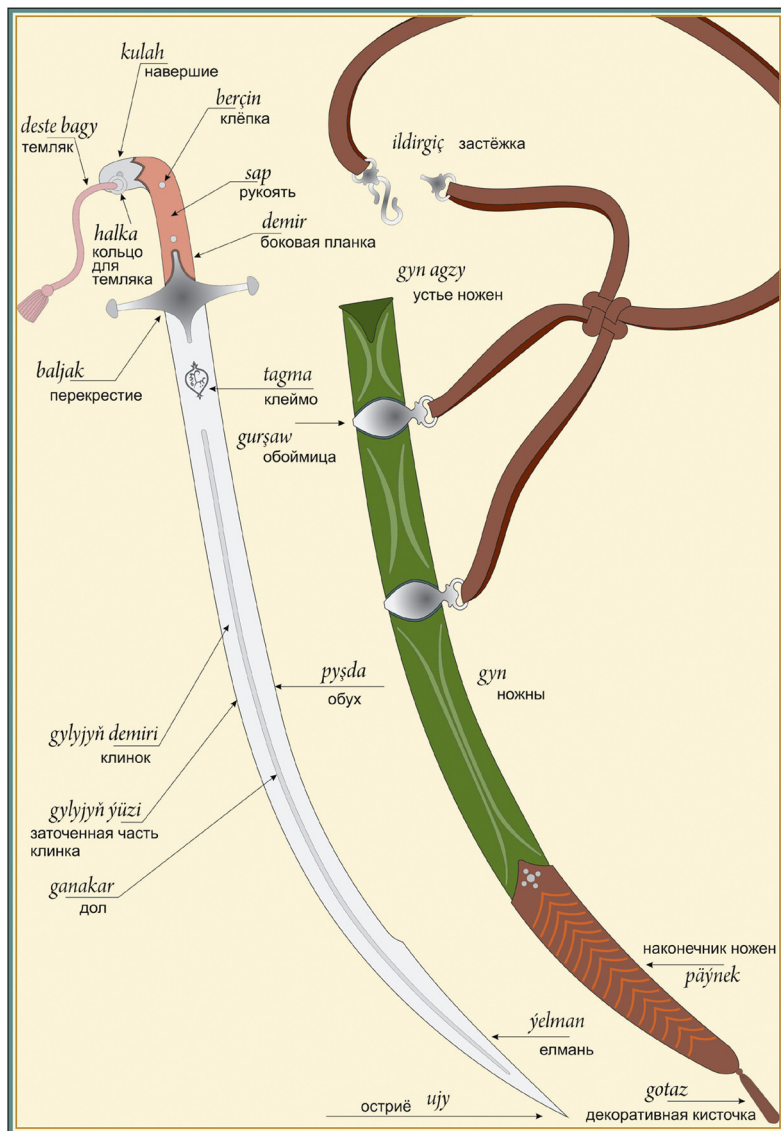

Рис. 3. Туркменская сабля, таблица терминов отдельных частей

товике высверливались два-три отверстия: первые два отверстия для крепления накладных щечек, и одно отверстие для крепления навершия-колпачка. На месте хвата (туркм. *tutam*) по гребню и к внутренней части хвостовика приваривались узкие прямоугольные планки (туркм. *demir*), персидское название *аханак* (перс. آهنک), что переводится так же, как и с туркменского – «железка»⁹. Иногда эти планки изготавливались из латуни или серебра. На дорогих саблях они являлись объектом для оформления. Сабли попроще не имели этих планок, а нужную толщину выковывали на рукоятке сразу. На сабельной полосе пята шире хвостовика, из-за этого образуются небольшие выступы, в которые при сборке упирается перекрестие. Заточка сплошная от пяты до острия, *рикассо* на туркменских саблях отсутствует. Елмань – небольшой выступ на острие с обратной стороны клинка, в виде пера – встречается крайне редко. Слово *елмань* тюркского происхождения, оно означает острие, конец клинка¹⁰. Поверхность клинка ровная, иногда с одним или несколькими долами (туркм. *ganakar*). Туркменский термин *ганакар* переводится как кровоток, что абсолютно не соответствует их назначению. Иногда кроме широких долов имеются узкие долики, которые вместе с широкими долами составляют целые декоративные композиции. Предназначение дола – облегчить вес сабли, усилить жесткость клинка и при этом быть элементом его оформления.

В оформлении клинков применялись и другие технологии, известные в те времена. Используя нехитрый инструмент, мастера-граверы (туркм. *hekgak-ussa*) в своих тесных мастерских создавали настоящие шедевры. Одним из способов оформления клинков была гравировка (туркм. *haşam*) при помощи резцов (туркм. *bezeg galam, parma galam*). Другой, более сложный вид гравировки, это когда фон узора зачеканивали, как бы утапливая его. От этого узор становился объемным и рельефным. Такой вид гравировки ценился гораздо выше (рис. 4). Также активно в оформлении холодного оружия использовалось золото и серебро. Одним из способов нанесения позолоты было золочение при помощи ртути в технике «амальгама» (туркм. *gyzylama, gyzyl çayma, altyn çayma, tylla suwuny berme*). Но при такой технологии края рисунка получались нечеткими, а сама позолота недолговечной.

**Рис. 4. Каллиграфический текст в технике гравировки гласит:
«То, что пожелает Аллах! Нет силы и нет могущества,
кроме как у Аллаха Всевышнего и Всемогущего».
Геоктепинский национальный музей (Инв. № GMM КЕК 905)**

Более дорогой и стойкой в эксплуатации являлась техника насечки золотой или серебряной проволокой. Такая технология оформления впервые появилась в Персии, а оттуда распространилась в соседние страны – Индию, Афганистан, Туркменистан и далее. Известны три вида насечек: «кофтгари», «тах-и-нишан», «зер-и-нишан» (туркм. *küftgari*, *tehinüşan*, *zernüşan*). Самый несложный способ насечки – это «кофтгари», его еще называют ложной насечкой. Производился он так: на плоской поверхности клинка, при помощи шила процарапывались прямые линии в виде сетки. Затем контур узора гравировали шилом по сетке более глубоко. Намотанную на катушку золотую проволоку, постепенно разматывая, вколачивали молотком в канавку узора. После этого поверхность прогревали до синего цвета. Последним этапом была полировка агатовым порошком и чистка лимонным соком. Золото надежно скреплялось на стальной поверхности клинка и надолго сохранялось в таком виде. Использовали также тонкие листы благородного металла, который укладывался при помощи специального клея (рис. 5 а).

Второй способ насечки «тах-и-нишан» выглядит по-иному. Рисунок на клинке, согласно заданному узору, прорезался резцом на такую глубину, чтобы проволока утопилась на две трети. Затем клинок прогревали до синего цвета и зачеканивали узор при помощи медного инструмента. Окончательно вся поверхность полировалась и узор полностью выравнивался с поверхностью. Такой способ закрепления золотой проволоки был более надежным и долговечным (рис. 5 б). И, наконец, третий, самый изящный способ – «зер-и-нишан». Все происходило точно так

же, как и во втором случае, с той лишь разницей, что проволока слегка выступала над поверхностью. Этот незначительный выступ придавал объем рисунку и выглядел гораздо эффектнее. Подобным способом оформлялось самое дорогое подарочное оружие для шахов, султанов и ханов (рис. 5 в).

Самыми распространенными приемами оформления клинков холодного оружия являются каллиграфически исполненные тексты в арабской графике. Наиболее часто использовались шрифты «наسخ», «сульс», «насталик», «талики», реже «куфи». Содержание текстов составляли обычно цитаты из Корана, религиозные формулы, а также стихи. Кроме этого в оформлении использовались растительный орнамент «ислими». На клинках персидского производства использовались мифологические сюжеты и сценки из царской жизни. Применялись также изображения различных животных и птиц. Например, довольно часто встречается древний сюжет со сценой терзания копытного травоядного хищником, символизирующий ежегодное обновление природы.

На клинках иногда встречается так называемый «бедух» (перс. *badah*). Бедух – это магический квадрат-талисман, который приносит удачу. Квадрат внутри разделен на четыре квадрата, внутри которых вписаны четыре арабские буквы «ба», «даль», «вау» и «ха». Иногда буквы заменяют на абджадские цифры – это два,

Рис. 5. а) Техника кофтгари. Насечка золотой и серебряными проволоками. б) Техника тах-и-нишан. Насечка исполнена заподлицо с поверхностью сабли. в) Техника зер-и-нишан. Золото чуть выступает над поверхностью

четыре, шесть и восемь. В Туркменистане изображение бедуха встречается крайне редко, оно традиционно распространено в Иране и на Кавказе. «По преданию, – писал лорд Эгертон, – в древней Аравии некогда жил купец Бедух, который за свое благочестие получил благословение Аллаха и богатство. Этот знак любили на Востоке и гравировали его не только на оружии, но и на печатях для писем. Считалось, что такие послания находятся под защитой ангела-хранителя. Сам по себе квадрат является Божественным символом. Равенство его сторон символизирует бессмертие, а прямые углы – божественную силу»¹¹.

Тексты, несущие информацию, как правило, были заключены в небольшие картуши (декоративное обрамление). В картушах «торандж» (перс. ترنج) указывалось имя мастера или владельца, иногда место и дата изготовления оружия. В Персии существовало до двенадцати различных видов картушей, и все они имеют свои названия. Текст внутри картуша по традиции начинается словом «амалия» (араб. عمل), что переводится с арабского как «изготовил». Затем идет слово «устанд» (араб. استاد), что означает «мастер». После указывается имя мастера, и далее следует название местности, где изготовлено изделие, это называется «нисбет» (араб. نسب). Потом пишется «сахиб» (араб. صاحب), что переводится как «владелец», и само имя владельца. Завершается все предложение обычно словом «сене» (араб. سنة), что означает «дата изготовления», и арабскими цифрами – год изготовления по мусульманскому летоисчислению, «хиджры». Впрочем, не факт, что все перечисленные составляющие этой конструкции должны обязательно присутствовать в подобном порядке, встречаются различные комбинации.

Перекрестие или гарда (туркм. *baljak*) несет очень важную конструктивную нагрузку. Гарда защищает руку в бою и является частью рукоятки холодного оружия. Перекрестие состоит из четырех или шести деталей – двух ромбовидных пластин и двух наконечников, либо из двух пластин, двух наконечников и двух шляпок. Ромбы имеют вогнутые внутрь стороны. Верхний и нижний углы ромба резко сужаются и образуют лучи. Обычно верхний луч короче нижнего, но встречаются перекрестия и с одинаковыми лучами. Сами ромбы вырезали из листового железа и делали их слегка выпуклыми. С внутренней стороны ромбов к правому и левому углам приваривались наконечники с

шаровидными окончаниями. Горизонтальные шаровидные наконечники выковывали из цельного куска железа, либо шляпки (шарики) изготовляли отдельно. Все детали сваривали между собой кузнечной сваркой и шлифовали. Очень редко встречаются смонтированные колечки на шарике наконечника и колпачке рукоятки. Колечки соединяются между собой цепочкой, и получается подобие защитной дужки (туркм. *çейñеç*). Защитные дужки, прикрывающие тыльную сторону ладони, на традиционных туркменских саблях отсутствуют. Ромбовидная часть перекрестия нередко украшалась гравировкой или золотой насечкой. Готовое перекрестие вставлялось в хвостовик и упиралось в пятку клинка.

Следующий этап – изготовление накладок (щечек) на рукоятку, которые устанавливались с двух сторон хвостовика, в месте хвата. В нижней части накладок, в месте соприкосновения с гардой, вырезается углубление для верхних лучей перекрестия. После того как перекрестие вставлялось в хвостовик, в него упирались щечки и крепились двумя заклепками (туркм. *ber in*). Иногда, прежде чем произвести заклепку, на штифты надевали декоративные шайбочки (туркм. *epenek*). В качестве материала для накладок использовали твердые породы древесины. Обычно это орех, горный кизильник, либо абрикос. У более дорогих сабель облицовочным материалом для рукоятки служила слоновая и моржовая кости, рога архара и благородного оленя. Иногда заклепки на накладках прикрывали выточенной из самой кости заглушкой. После монтажа и шлифовки заглушка практически не видна. Для недорогих сабель накладки изготавливались из костей крупного рогатого скота. Встречаются сабли, где рукоятка обклеивалась шагреновой или сыромятной кожей; такая рукоятка удобно держалась в руке. Кожей обклеивалось место хвата, или рукоятка вместе с перекрестием.

Завершающий элемент монтировки рукоятки – изготовление и установка навершия (металлический колпачок). Персидское название колпачка «*кулах*» (كلاه), что переводится как шлем. Колпачок устанавливался перпендикулярно к рукоятке. Вместе с рукояткой колпачок напоминает змеиную головку (туркм. *yylan kelle*). На головке иногда крепилось колечко для темляка (туркм. *deste bagy, gotazly tasma*). Данный конструктивный элемент по форме очень похож на тюльпан. Кроился колпачок из

листового железа, сгибался, сваривался и шлифовался. Эта последняя деталь в рукояти сабли скреплялась одной заклепкой. Навершие также иногда становилось объектом для украшения. Таким образом, все детали рукоятки взаимодействовали друг с другом и создавали единую, цельную конструкцию. Очень редко встречается завершение без колпачка. Силуэт такой рукоятки имел форму стилизованного орла и назывался «*карбела*».

При длительной эксплуатации сабли все элементы рукоятки расшатывались. Очень часто попадаются сабли, где верхняя часть перекрестия вместе с накладками стянута проволокой (туркм. *sim*). Это ошибочно воспринимается как декоративный элемент. На самом же деле это не что иное как произведенный когда-то ремонт оружия. Проволока обычно применялась серебряная, наматывалась туго и аккуратно.

Ножны (туркм. *gyn* или *gylyç gap*, *gylap*, *niyat*) являются важным этномаркирующим элементом. В разных районах Туркменистана их по-своему оформляли и носили. Именно по ножнам туркмены легко определяли в соотечественнике принадлежность к тому или иному региону. В каждой местности оформление ножен происходило по своим канонам и представлениям о красоте. Сабельные ножны – это деревянная основа, обтянутая кожей или обложенная тонким листовым металлом. В верхней половине ножен монтировались две металлические обоймицы (туркм. *bilekse*) с колечками для крепления к ним пасовых ремней портупей. В нижней части находится наконечник (туркм. *päýnek*), который состоит из двух слоев кожи, либо металла.

Первый тип ножен – это те, которыми пользовались текинцы Ахала и Мерва. Конструкция ножен стандартная для всех регионов, на местах имелись лишь незначительные изменения в оформлении. Основная часть ножен состоит из деревянных пластин, которые изготавливали обычно из орехового дерева. Пластины полностью повторяют форму клинка сабли, с небольшим напуском. В сечении ножны имеют миндалевидную форму. По внешней стороне деревянных пластин наносилась глубокая традиционная резьба. С внутренней стороны, ровно по контуру клинка, выбиралось дерево на глубину чуть больше половины толщины клинка. Затем обе половинки совмещались, склеивались и обтягивались шагреновой кожей (туркм. *sagry*).

Шагрень – это спинная часть кожи лошади, осла или кулана. Самой лучшей шкурой для изготовления шагрени считалась лошадиная. Сначала ее размачивали в воде, потом в течение суток держали в специальном растворе, в нем же несколько раз прополаскивали. Затем с внутренней стороны удаляли остатки жира, а с лицевой стороны остатки шерсти срезали острым ножом. После этого специальным инструментом в виде металлической пластины, одна сторона которой имела форму пилы, прочерчивали вдоль и поперек кожи неглубокие линии, пересыпали семенами проса и вколачивали их в кожу ударами молотка. Далее кожу распяливали и на несколько месяцев оставляли сохнуть. Затем ее вымачивали в краске того цвета, который хотели придать изделию. Шагреньевую кожу окрашивали преимущественно в зеленый цвет, который получался в результате смешивания опилок меди с мышьяком. Краситель был нестойкий, и до наших дней зеленый цвет на ножнах практически не сохранился. В местах, где на коже вдавилось просо, оставались характерные следы, кожа приобретала шероховатый вид. После того как кожу приклеивали и сшивали на ножнах, благодаря предварительно нанесенной резьбе на поверхности ножен появлялся декоративный рельеф. Рельефный рисунок на всех ножнах имел общие черты, но каждый мастер всегда слегка его менял. В итоге помимо шагреньевой фактуры получался эффект глубоко тисненой кожи¹².

Наконечник ножен (туркм. *päýnek*) обтягивался кожей (туркм. *teletin*) другого качества. Ее поверхность ровная и гладкая, красно-коричневого цвета. Кожа сшивалась прямым швом с тыльной стороны. В качестве сшивного материала иногда использовали серебряную нить. Внешняя сторона украшалась тиснением прямыми линиями в виде елочка, или линейным геометрическим орнаментом и солярными знаками. В качестве украшений использовали серебряные (туркм. *kümüşmyh*) или медные гвоздики (туркм. *mismyh*). Применялся еще один оригинальный декоративный прием. Так как наконечник состоит из двух слоев кожи, то в верхней части его вырезалось круглое, либо овальное отверстие. Кромку вокруг отверстия обивали медными гвоздиками, и получался необычный декоративный эффект. И, конечно же, использовались все приемы оформления в комбинации друг с другом. Нередко наконечник заканчивался кожаной кисточкой (туркм. *gotaz*).

Часто на текинских ножнах можно было увидеть и такой декоративный прием: от устья (туркм. *gyn agzy*) до верхней части наконечника вокруг ножен обвивалась тонкая кожаная тесьма (туркм. *tasma*). На устье один конец тесьмы закреплялся гвоздиком, затем тесьму начинали плести вокруг ножен. Тесьма, проходя поверх металлических обоймиц, доходила до верхней части наконечника ножен и там закреплялась гвоздиком. Подобный вид оформления придавал ножнам необычность и особую красоту. Скрепляли тесьму по всей длине мелкими гвоздиками с декоративными шляпками (туркм. *gülmüh*), либо клеем.

Устье ножен имело две выемки, спереди и сзади, в которые входят нижние лучи перекрестия. На ножнах имеются две металлические обоймицы (туркм. *bilekse, gurşaw*) миндалевидной формы. Кроятся обоймицы также из листового железа, выколачиваются на форме и сгибаются. На месте стыка приваривается колечко для портупей. Колечко овальной формы, с декоративными элементами. Обоймица должна плотно обхватить ножны, после чего ее слегка сжимают, чтобы она окончательно прижалась к месту. На дорогих саблях обоймицы декорировались гравировкой и позолотой.

Сабельная портупея (туркм. *gylyç bagy, gylyç gaýyşy, hemaýul, kemer*) выглядела следующим образом. От обоймиц на ножнах отходили два коротких пасовых ремешка к металлическому распределителю. От распределителя расходятся два ремня разной длины. Один из них короткий, не регулируемый, а другой длинный и регулируемый. Короткий ремень проходит спереди, на нем крепится S-образная металлическая застежка. Регулируемый ремень на конце имеет металлическое кольцо-приемник. Регулируемый ремешок проходит через правое плечо, либо сзади пояса. Короткий ремень проходит спереди, и оба ремня фиксируются S-образной застежкой. Металлический распределитель имеет овальную или круглую форму, выполнен из серебра, украшенного гравировкой и позолотой. Поверхность выкладывалась полудрагоценными камнями. Традиционно это сердолик (туркм. *hakyk, maşat*) и бирюза (туркм. *piruze, pöwrize*), установленные в кастах.

Наиболее распространенный вид портупей среди текинцев не имеет металлического распределителя. Через кольца обоймиц проходят сложенные вдвое пасовые ремешки, место сгиба

ремешков приходится на колечки обоймиц. Свободные концы, сложенные вместе, прорезаются двумя надрезами. Два других верхних ремня на концах имеют такие же надрезы. Прорезанные концы сплетаются между собой и образуют оригинальный квадратный узел-распределитель. Ширина ремешков 10–12 мм. Популярный прием в оформлении портупей – густая набойка круглыми штампованными серебряными элементами (туркм. *sy tara*). Иногда они идут в три-четыре ряда, соответственно ремни становятся шире, до 30–40 мм.

Еще одна интересная деталь портупей – небольшой тонкий ремешок «редже», который крепится к колечку верхней обоймицы. Один конец его фиксируется на обоймице, а на другом имеется небольшая прорезь, в которую вдевается шарикообразный наконечник перекрестия. Функциональное предназначение редже заключалось в том, чтобы на скаку, при тряске, сабля не выпала из ножен. Другое же его предназначение сугубо психологического свойства. Состоит оно в том, чтобы горячие головы в момент ссоры, гнева, словесной перепалки, когда рука сама тянется к сабле, не смогли ее сразу выхватить из ножен. Согласно нормам этикета, для воина-мужчины вынимать и вкладывать саблю обратно, не применяя ее, считается позором. Отсюда поговорка: «Достал саблю, так руби». Минута, необходимая для высвобождения этого ремешка из перекрестия, дает возможность распленному джигиту остыть и подумать, а нужно ли ее вообще вынимать? Про данный конструктивный элемент была поговорка: «У этого джигита нехорошее редже», (туркм. *bu ýigidiň rejesi goşy däl*) – имелось в виду, что у этого человека нет выдержки.

У туркмен Восточного Туркменистана сабли с ножнами выглядели несколько иначе. Сказывалось влияние соседей из Бухары. Вместо шагреновой кожи использовали преимущественно гладкую кожу, обычно черного цвета. От края устья до верхней обоймицы ножны покрывались листовым металлом. Устье с правой стороны имело вырез для более легкого вынимания сабли из ножен. Наконечник ножен также оформляли тонким листовым металлом. Все металлическое обрамление покрывали растительным орнаментом. Темляк с кисточкой крепили к рукоятке. Наконечник несколько длиннее, чем у ножен западных или северных туркмен. Обоймицы оформлялись дополнительными элементами. Портупей также была из черной гладкой кожи, бляха-

распределитель – металлическая, украшена полудрагоценными камнями. Широко использовались ряды из мелкой бирюзы.

Самые роскошные ножны были у хивинских (хорезмских) туркмен, где они жили на правах военного сословия. Условно их можно разделить на три вида. Первый вид – ножны целиком обрамлены драгоценным листовым металлом. Устье до первой обоймицы покрыто листовым золотом. Далее, до самого наконечника, шло листовое серебро. Сам наконечник покрыт золотом. По краю обоймиц, устья, наконечника и по контуру ножен выложен сплошной ряд бирюзы. На втором виде ножен на деревянную часть вначале укладывали смолу, затем тонкий металлический лист. Очередность такая же, как и в первом случае. По всему полю ножен идет богатый тисненый декор (туркм. *basma*). Темой для декора является растительный орнамент. Третий вид ножен: устье и наконечник металлические, а основная часть обтянута бархатом (туркм. *mahmal*) малинового, бордового или зеленого цветов. Во всех трех видах обильно используется бирюза. Ремни портупеи из бархата, покрыты литыми бронзовыми розетками. Распределительная бляха полусферическая, покрыта орнаментом из бирюзы по кругу. Обязательным элементом портупеи являются два темляка с кисточками (туркм. *gotazly desse bagy*): один крепится к копчаку навершия рукоятки, другой – к верхней обоймице (туркм. *reje*) (рис. 6).

Способов ношения сабли у туркмен было два. В первом случае ремень портупеи перебрасывался через правое плечо, во втором – проходил по поясу. В обоих случаях сабля висела на левом боку, лезвием вперед. Чаще всего применялся второй способ. Обязательным элементом мужского костюма служил шелковый пояс (туркм. *guşak*). Он оборачивался два-три раза вокруг талии и завязывался особым способом. За поясом неизменно был заложен традиционный нож в ножнах (туркм. *bil pyçak*). Ремень портупеи фиксировался на талии, выше кушака за ножом. Пояс-кушак не давал сползти ремню портупеи, а нож прижимал к телу. Таким образом, портупея сидела на воине достаточно плотно.

Еще два вида экзотической сабли заслуживают внимания – это индийский «*тальвар*» и афганский «*пулуар*». Эти сабли встречаются в Туркменистане крайне редко, тем не менее туркменские воины использовали их. Кривизна клинков у тальваров и пулуаров такая же, как у туркменской сабли, но отличитель-

ной чертой является наличие незаточенной части в начале клинка – «*рикассо*» (итальянский термин). Рукоятки у этих видов сабель цельнометаллические. В середине черенка утолщение, кон-

Рис. 6. Сабля хорезмийская. Государственный музей Туркменистана.

Общая длина – 980 мм, длина клинка – 830 мм, ширина у пяты – 33 мм, соотношение кривизны – 12/34 см. Клинок булатный, толще обычных, с ярко выраженной кривизной. Имеет рукоятку традиционного шамшира из слоновой кости. У нее обычный колпачок с оригинальным колечком (туркм. *halka*) для темляка. Перекрестие и обоймицы на ножнах булатные. Темляк представляет собой шелковый шнурок, сплетенный из ниток красного, желтого и зеленого цветов. Заканчивается шнурок кисточкой в виде серебрянной полусферы с бахромой из ниток и цепочек, с шаровидными бубенчиками (туркм. *düzme*). К верхней обоймице ножен прикреплен двойной шнурок (туркм. *reje*), заканчивающийся аналогично первому. Пасовые ремни из бархата малинового цвета с нашитыми на них ажурными восьмиконечными розетками. Розетки выполнены в технике литья из металла белого цвета. Ремни сходятся на бляхе-распределителе в виде куполка. Орнамент на бляхе в виде шестилепесткового цветка, выполнен в технике «басма». По краю куполка плотным рядком вкраплены мелкие камни бирюзы. После бляхи-распределителя ремни заканчиваются металлической застежкой. Устье и наконечник ножен покрыты золотым листом, средняя часть – серебряным. Рядами в виде розеток в кастах установлена бирюза. На устье сбоку имеется вырез для облегченного вынимания сабли из ножен

цы гарды завернуты вовнутрь клинка, а нижний луч перекрестия длиннее, чем у туркменских сабель. Завершением рукоятки у тальваров является прямой диск, а у пулуаров – в виде шара или полусферического колпака. На клинках обычно имеются различные долы и необычные клейма (рис. 7).

Крайне редко встречается сабля с необычным клинком волнообразной формы – *аташклыч*, что переводится как огненная, или пламенеющая сабля. В бою подобный вид сабель больших преимуществ не имел. Эти сабли выглядят очень эффектно, но в реальном сражении лучше было использовать обыкновенную текинскую саблю. Холодное оружие такого рода обычно украшало интерьер дома и всегда находило своего ценителя (рис. 8).

Рис. 7. Афганский пулуар. Государственный музей Туркменистана. Общая длина – 1020 мм, длина клинка – 880 мм, ширина у пяты – 35 мм, кривизна – 105/390 мм. Клинок изготовлен из сетчатого булата, прекрасной работы. Имеет заточенную елмань длиной в 230 мм, на расстоянии 160 мм от рукоятки начинается композиция из нескольких долов. Центральный дол ближе к острию заканчивается сужением, шесть коротких долов со стороны обуха. На передней стороне первый короткий дол загибается под центральным, на обратной стороне семь коротких долов начинаются с центральным вровень. Концы у долов полукруглые, между долами золотая всечка в виде цветков. На передней стороне каллиграфическая композиция, состоит из одного круглого картуша и двух наклонно расположенных в рамке текста. Золотая всечка исполнена в технике тах-и-нишан. В круглом картуше выгравировано имя мастера «изготовил Мухаммед», надпись хорошо читается. На обратной стороне надпись в декоративной форме у перекрестия. Рукоятка имеет характерное для пулуара полусферическое завершение с конусом и шариком. Полусфера имеет ажурные декоративные прорези. Сама рукоятка на месте хвата имеет утолщение, перекрестие загнуто внутрь и заканчивается декоративными элементами в виде тюльпанов. Центральный луч перекрестия в форме листа с ажурной прорезью. По рукоятке идут выпуклые линии, в центре на перекрестии декоративная клепка из золота. Рукоятка также выполнена из хорошей булатной стали

Заслуживают внимания две сохранившиеся сабли, изготовленные в России в 1895 г. Это оружие уставное, специально разработанное для Туркменского конного дивизиона. Надо отдать должное русским оружейникам: они сумели соблюсти все ка-

Рис. 8. Разновидность туркменской сабли – «аташклыч». Частная коллекция. У сабли отсутствуют рукоятка, перекрестие, нет ножен, более того, клинок расколот на три части, отломан конец хвостовика. Общая длина клинка с хвостовиком – 870 мм, длина клинка – 765 мм, кривизна традиционная – $\frac{1}{3}$ от острия, ширина лезвия у пяты – 40 мм, толщина обуха у пяты – 5 мм. В хвостовике имеется одно отверстие для штифта. На лицевой стороне имеются дольки: один широкий, другой узкий долик, прерывающийся через определенный шаг. В местах прерывания доликов гравировка в виде цветочка и листьев. Большой доль начинается в 170 мм от пяты, маленький долик – в 100 мм от пяты. Оба начинаются с разворота на 180 градусов. На той же стороне разного вида картуши и виньетки с надписями и растительным орнаментом. На втором картуше от пяты хорошо читаемая надпись «Владения Аллаха, о вечно живой, о вечно стоящий, во имя Аллаха милостивого милосердного. Сейид Сафар Бахадыр хан 1335 г. Хиджры». На третьем картуше надпись «изготовил Асадулла». Скорее всего, в этом случае использовали имя знаменитого мастера Асадуллы из Исфахана в качестве бренда. Первый и третий картуши не переведены. Далее на двух виньетках текст с именем мастера и места жительства. «Изготовил Ходжа Нияз Хорезми во времена Хорезмшахов» (перевод А. Мередова). Ближе к лезвию – пять цветочных композиций, между ними по одному мелкому цветочку. На обратной стороне один доль широкий, другой маленький прерывистый долик вдоль обуха. Начинаются они сразу же от пяты, разворот в 180 градусов имеет только маленький долик. В местах разрыва доликов аналогичные композиции по фасаду сабли. Ближе к лезвию выполнены пять совершенно разных цветочных композиций, а между ними также одиночные цветочки. У пяты имеется волнообразная виньетка с арабским текстом религиозного содержания внутри. Видны остатки позолоты. Сталь клинка качественная, но, видимо, перекаленная, поэтому треснула и лопнула. Данный экземпляр хорезмский, о чем свидетельствует пышное оформление, а также надпись о месте изготовления

ноны туркменской сабли. Форма одежды и экипировка воина-туркмена этого особого дивизиона состояла из красного халата (туркм. *gyrmyzy don*) с погонами, высокой черной бараньей шапки (туркм. *silkme telpek*), кушака с обязательным туркменским ножом в ножнах и саблей на левом боку.

Заказывая или покупая саблю, каждый мужчина выбирал оружие под свой рост и размер рук. Средние и более длинные сабли позволяли вести бой верхом на коне, а короткие, наоборот, предназначались для ведения ближнего боя в пешем строю. Короткие, очень острые сабли назывались «самсам» (туркм. *samsam*). Никогда туркмены не пользовались прямыми русскими или кавказскими шашками, предназначенными для колющих и рубящих ударов. Более круто изогнутая туркменская сабля предназначалась для ведения боя на коне. При нанесении удара саблей сверху вниз, в нижней части траектории делается оттяжка рукой назад. Удар приходится на самую изогнутую часть сабли, а изгиб и оттяжка создают режущий момент. Таким образом, удары туркменской сабли рубяще-режущие. Резаные раны от таких ударов заживают очень плохо. Туркменский воин того времени – это, несомненно, лихой всадник с саблей в руках. неотъемлемой частью его жизни были великолепный ахалтекинский, либо йомудский конь и кривая булатная сабля.

¹ Мухаммад-Казим. Наме-йи алам ара-йи Надири («Мироукрашающая Надирова книга»). Т. I. М., 1960. Л. 150-б, 153-б; Т. III. М., 1966. Л. 201-а. (Памятники письменности Востока, XIII).

² Амантыев О. История Туркменистана XVIII века. Ашхабад, 1995. С. 110.

³ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Т. 1. СПб., 1883. С. 110.

⁴ Ахаллы С. Махмуд Кашгарының сөзлүгі ве туркмен дили. Ашгабат, 1958. С. 134

⁵ Югринов П. Малая энциклопедия холодного оружия. М., 2010. С. 177.

⁶ Анисимова М.А. Оружие Востока. СПб., 2013. С. 150.

⁷ Парамонов И. О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 216.

⁸ Ахметджан К. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы, 2007. С. 120.

⁹ Khorasani M.M. Arms and armour from Iran. Tubingen, 2006. С. 146.

¹⁰ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1905. С. 190.

¹¹ Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. М., 2007. С. 93.

¹² Парамонов И.А. О кожевенном производстве в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 218.

В.А. Стрельников (Москва)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ
ПО УКРЕПЛЕНИЮ МОРАЛЬНОГО ДУХА ВОЙСК
В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
(1877–1878 ГОДЫ)**

ОДНИМ ИЗ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ событий второй половины XIX в. явилась русско-турецкая война 1877–1878 гг. как следствие ближневосточного кризиса 1875–1878 гг. и непримиримых противоречий великих держав в восточном вопросе. Все попытки России в ходе дипломатических переговоров решить восточный вопрос не увенчались успехом. Царское правительство решило оказать на Турцию военное давление, провело мобилизацию и направило войска к границе с Румынией.

9 (21) апреля 1877 г. царь прибыл в Кишинев для непосредственного руководства войсками и их моральной поддержки. 12 (24) апреля на поле вблизи Кишинева были собраны для парада войска, расположенные поблизости от него, где был зачитан Манифест об объявлении войны с Турцией. В тот же день в Петербурге канцлер А.М. Горчаков вручил турецкому послу ноту с объявлением войны.

После чтения Манифеста состоялся торжественный молебен, после которого полки прошли церемониальным маршем, император Александр II объехал войска и произнес напутственные слова, вдохновившие офицеров и нижних чинов на успешные боевые действия.

Манифест содержал идеи и положения, близкие сердцу русского народа и солдата. Они были созвучны их думам и мыслям, так как подчеркивали необходимость оказания помощи право-

славным славянам в их борьбе против османских угнетателей, о чем уже давно писала российская пресса. Манифест заканчивался словами: «Исчерпав до конца миролюбие Наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного нашего достоинства. Турция отказом своим поставляет Нас в необходимость обратиться к силе оружия... Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска Наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции»¹. Объявление Турции войны было расценено народными массами России как выступление в защиту освободительной борьбы славян. В стране развернулось широкое движение помощи и сочувствия славянским народам, в армии отмечался патриотический подъем.

Война для России началась в крайне неблагоприятных внутренних и международных условиях. Страна находилась на пути социально-экономических и военных реформ, некоторые из них были еще в незавершенном, промежуточном состоянии, что негативно сказывалось на результатах деятельности министерств и ведомств.

Внутренние проблемы страны усугублялись сложной внешнеполитической обстановкой. В начавшейся войне у России не было ни одного серьезного союзника, на помощь которого она могла бы рассчитывать. Военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин отмечал: «Во всей Европе нет ни одного государства, которое искренне сочувствовало бы решению восточного вопроса в желаемом нами направлении: напротив, все державы по мере возможности стараются противодействовать малейшему нашему успеху, все, однако, опасаются хотя бы только нравственного нашего усилия на Балканском полуострове»².

Патриотизм и активность народных масс проявились в успешном и быстром проведении мобилизации, в добровольческом движении. В донесении, например, из Нижегородской губернии отмечалось: «По словам врачей, осматривавших нижних чинов, не было случая заявления кем-либо о притворной болезни, с полным сознанием долга службы каждый охотно спешил исполнить повеление государя императора»³.

Министр внутренних дел А.Е. Тимашев, докладывая царю о ходе мобилизации в апреле 1877 г., указывал, что, несмот-

ря на весеннюю распутицу, призыв запасных и поставка лошадей «произведены были повсеместно быстро и вполне успешно»⁴. Сочувствие населения к славянам положительно сказалось и на настроении призывников. Так, в политическом обзоре помощника начальника Воронежского губернского жандармского управления Острогожского уезда сообщалось, что «при наборе молодых солдат многие забракованные заявляли желание служить добровольно», а зачисленные на службу просили об отпращивании их в армию⁵. При наборе ратников государственного ополчения в августе 1877 г., например, в Туле явилось 125 добровольцев, а в Московском уезде – 34 крестьянина-добровольца⁶. Одобрительное отношение населения к войне благотворно сказалось впоследствии на моральном духе действующей русской армии.

Военное министерство России разработало план быстрой наступательной войны, так как понимало, что затяжные действия не по силам русской экономике и финансам. Согласно этому плану в мае – июне 1877 г. русская армия вступила на территорию Румынии и, пройдя через нее, форсировала Дунай. Русскую Дунайскую армию, насчитывавшую 260 тыс. человек (в дальнейшем доведена до 554 тыс. человек), поддерживали болгарские ополченцы (5 тыс. человек) и румынские регулярные части (58,7 тыс. человек). Против союзных армий находилось около 206 тыс. турецких войск⁷.

Боевые действия развивались в нескольких направлениях силами четырех специально сформированных отрядов: Передового, Восточного (Руцукского), Западного и Нижнедунайского. Основными событиями войны являлись захват и удержание Шипкинского перевала Передовым отрядом под командованием генерал-лейтенанта И.В. Гурко и овладение Плевной Западным отрядом под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Криденера. В июле – августе 1877 г. происходили напряженные бои на Шипке, продемонстрировавшие высочайший моральный дух русских солдат. Эти бои вошли в историю как символ мужества и героизма воинов России и Болгарии, их тесного братства по оружию.

Высокий моральный дух русских войск поддерживался благодаря выносливости и терпению русского солдата, готовности его переносить трудности армейской службы и быта, а так-

же целенаправленной воспитательной деятельности военачальников и непосредственных командиров. В боевых условиях эта деятельность строилась как путем разъяснения военно-политической обстановки, целей войны и боевых задач, так и конкретными мерами, делами, способствовавшими формированию у солдат высоких морально-боевых качеств: наступательного порыва, мужества, стойкости, самоотверженности, взаимовыручки и других. В этих целях использовались самые различные формы и методы работы, которые оказывали воздействие не только на сознание солдат, но и на их сердца и чувства. В русской армии наиболее действенным приемом для поддержания высокой сознательности и поведения нижних чинов в боевой обстановке являлся личный пример офицеров и генералов.

Это особенно ярко проявилось в ходе ожесточенных боев вокруг болгарского города Плевна. Так, 8 (20) июля русские войска попытались овладеть этим городом, но атака двумя малочисленными отрядами на сильно укрепленные турецкие позиции проходила несогласованно, без их взаимной связи и необходимых резервов. «И несмотря на это, – как отмечалось в донесении, – доблестные войска все-таки преодолели целый ряд преград и под убийственным огнем отстаивали занятые ими с бою позиции до тех пор пока не получили приказа отступить. Офицеры подавали собой пример самоотвержения; из трех полков 74 офицера выбыло из строя, в том числе 22 пало геройской смертью, а 5 умерло от тяжелых ран. Потеря нижних чинов убитыми и ранеными составила 2771 человек. Недешево обошелся и неприятелю одержанный им успех; по собственному его показанию, потеря доходила до 4000 человек»⁸. Здесь, как и в прошлых войнах, сказались серьезные просчеты командования в ведении разведки, в обеспечении боевого охранения и организации взаимодействия между отрядами, а так же подразделениями различного рода оружия, беспечность и растерянность некоторых командиров.

Окончилась неудачей и последующая попытка русских войск 18 (30) июля овладеть Плевной. Причинами неудачного наступления назывались, в общем-то, те же, что уже были выявлены 8 июля. Командование Западного отряда не вникло в причины первых неудач и не сделало необходимых выводов, что привело к новым людским потерям и упадку моральных сил. Доста-

точно сказать, что только 18 июля потери русских составили 168 офицеров и 7167 нижних чинов. «Вторичное поражение наших войск под Плевной, – отмечал генерального штаба генерал-майор А.Н. Куропаткин, – и огромные понесенные ими при этом потери произвели глубокое впечатление на войска действующей армии»⁹.

Традиционные выносливость и храбрость русского солдата не могли компенсировать просчеты и ошибки командования, недостатки в обмундировании и вооружении войск. Лучшие морально-боевые качества офицеров и нижних чинов нужно было правильно использовать, но нельзя было ими злоупотреблять, на них только рассчитывать. Военный министр Д.А. Милютин, находившийся в свите государя, его предупреждал: «если всегда рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время можно истребить всю армию»¹⁰.

Глубоко переживая большие потери в русской армии, Д.А. Милютин просил императора Александра II о необходимости внушить начальникам войск «бережливость на русскую кровь». Он считал, что военные действия необходимо вести таким образом, чтобы не подвергать войска напрасным потерям и предложил до подхода резервов отказаться от решительных наступательных действий и перейти к укреплению своих позиций и искусному маневрированию.

Неудачи русских частей под Плевной с искренней болью были встречены в русском обществе, «тяжело отозвались в сердцах всей армии и поколебали уверенность в превосходстве нашем над турками среди частей, принимавших участие в боях под Плевной 8-го и 18-го июля»¹¹.

Настроение в войсках после второго неудачного штурма Плевны было подавленным. Возбужденное состояние и вдохновение сменилось неудовлетворенностью и даже у некоторых недовольством. Причин к этому было немало: естественная реакция после морально-психологического напряжения, физическое утомление, голод, стоны раненых и вид обезображенных трупов, потеря близких, невеселые мысли о прошедших событиях и многое другое вело к духовному угнетению. Особенно это характерно было для молодежи, необстрелянных новичков. Они быстро убеждались, что действительность далеко не похожа на тот поэтический иде-

ал войны, который был создан у них в мирные дни. И стремление испытать себя в опасности, что свойственно было многим офицерам и нижним чинам, не вызывается острой необходимостью. Начиналось разочарование и переоценка ценностей.

К счастью, подобные мысли и реакция на происходящие события проходили быстро. Несколько часов отдыха, хороший обед, ласковое солнце и уверенный, с воспитательным оттенком, тон начальников делали свое дело – сердце снова успокаивалось и на душе становилось веселее, спокойнее.

Однако после поражения в армии начался вредный разговор о превосходстве турецких ружей, турецких орудий, о лучшем их довольствии, о бездействии интендантства и т. п. Многие критические замечания были вполне справедливыми.

Например, 92 русских орудия под Ловчей почти до самого конца боя не могли заставить замолчать пять турецких орудий, которые действовали безнаказанно ввиду их недосягаемости. Безнаказанность турецкого огня приводила не только к дополнительным людским потерям, но еще больший вред она приносила этим моральному духу воинов, «действовала дурно нравственно на войска, посеяла недоверие к нашей артиллерии, как среди пехоты, так и среди самой артиллерии...»¹².

Лучше был вооружен и турецкий стрелок, который имел при себе более 500 патронов и щедро их расходовал. В русской же армии в силу консервативных взглядов генералитета на роль ружейного огня в бою расходование патронов всячески ограничивалось. Солдаты, израсходовавшие в бою все патроны, подвергались наказанию.

Так, генерал М. Драгомиров, командовавший 14-й пехотной дивизией, издал приказ, в котором потребовал, чтобы солдаты больше кололи противника штыком и меньше стреляли, а если у кого из солдат после боя окажется меньше 30 патронов из 60, то будет наказан. Все это приводило к тому, что на массированный огонь противника русские войска отвечали редкими выстрелами. Как писали современники, атаки на турецкие укрепления русские войска производили «под адским огнем турок, производившим впечатление града с ливнем, бьющего в железную крышу». В то же время в ходе 9-часового боя 19 августа Суздальский и Углицкий полки израсходовали на каждую винтовку соответственно по 17 и 20 патронов.

Немало было проблем и трудностей с обеспечением продуктами питания и медицинской помощью, что также негативно сказывалось на морально-психологическом состоянии войск. Хотя были примеры и другого порядка. Так, в отряде генерала М.Д. Скобелева горячую пищу в котлах привозили на передовую позицию и раздавали не только под артиллерийским, но и ружейным огнем. Забота о питании и отдыхе воинов была важнейшей задачей многих командиров в отряде Скобелева в период подготовки и в ходе боя.

Еще один пример, говорящий о многом. Накануне трудного перехода по ужасной дороге и при сильной жаре М.Д. Скобелев собрал при отряде 46 подвод для перевозки ранцев, шинелей и выбившихся из сил людей, что помогло им преодолеть трудности похода и сохранить бодрость духа.

Надо сказать, что в ходе этой войны в войсках генерал-майора М.Д. Скобелева воспитательная работа по поддержанию высокого морального духа была особенно хорошо поставлена. Он придавал исключительно большое значение моральному фактору и требовал того же от офицеров. В одном из своих приказов, подчеркивая важность поддержания высокого морального духа в войсках, он отмечал: «Внимание гг. офицеров должно быть обращено на поддержание нравственного элемента в части, этого труднообъяснимого понятия, называемого духом части, как на походе, так и в бою»¹³. И далее в заключительной части этого приказа он еще раз напомнил офицерам: «Влияние на нравственную сторону лиц и частей, в военном деле, должно стоять на первом плане»¹⁴.

М.Д. Скобелев для укрепления воинского духа широко использовал такие приемы и средства, как личный пример бесстрашия, наступление частей с развернутыми боевыми знаменами и барабанным боем, поддержание образцового порядка и высокой требовательности в войсках, использование песни, веселья и прибауток для поднятия настроения у уставших солдат, усиление заботы о людях в сложных условиях, поощрение отличившихся, постановка в передние шеренги более сильных в физическом и моральном отношении воинов, богослужение перед всяким ответственным делом, яркое, зажигательное выступление с обращением к сердцу и чувствам русского солдата и другие, порой неординарные приемы.

Примечателен в этом плане пример с необстрелянными солдатами одного из батальонов Эстляндского полка. Попав под выстрелы турок, солдаты без команды побежали за дома, прячась от пуль. Генерал Скобелев, видя все это, чтобы дать урок солдатам приказал выстроить батальон на открытой местности фронтом в сторону неприятеля и, побранив подчиненных за беспорядок, велел проделать ружейные приемы под огнем турок. Добившись желаемого спокойствия батальона, Скобелев приказал ему дальше выполнять поставленную задачу.

Большую роль в поддержании морального духа войск играла тесная духовная связь действующей армии с ее главнокомандующим, со старшими военачальниками, их авторитет в войсках. К счастью, во время этой войны в войсках было немало начальников различного уровня, пользовавшихся большой популярностью. В отряде генерал-лейтенанта Ф.Ф. Радецкого, например, высокий авторитет имел сам начальник отряда Радецкий, который жил в таких же трудных условиях, как и весь отряд. «Шипка, – отмечал М. Газенкамф, – наполовину держится обаянием его личности»¹⁵. Во 2-й гвардейской пехотной дивизии офицеры «с восторгом отзывались также о храбрости и самоотвержении командовавшего дивизией генерал-адъютанта графа П.А. Шувалова»¹⁶.

Большим авторитетом еще с Крымской войны (1853–1856 гг.) во всей действующей армии пользовался генерал Э.И. Тотлебен. «На Тотлебена, отмечал М. Газенкамф, – войска смотрят с благоговением. Всякий солдат понимает, что это генерал настоящий, мастер своего дела. Держит он себя превосходно: с солдатам – приветлив и заботлив; с генералами и офицерами – деликатен и обходителен, но строго требователен»¹⁷.

В 20-х числах августа командование провело перегруппировку сил и средств русских войск под Плевной, полки получили подкрепление, пополнились боеприпасами, интендантство приняло меры к улучшению снабжения. Пришли сообщения об удачном сражении под Полишатом и о взятии штурмом Ловчи. «Дух войск был прекрасный, – отмечал участник событий, – все от генерала до последнего солдата чувствовали, что Плевну надо сломить во что бы то ни стало»¹⁸.

В конце августа начался новый, третий штурм Плевны, который, несмотря на исключительное мужество и героизм штур-

мовавших, завершился 30 августа (11 сентября), как и первые два, неудачей. События этих дней наполнены множеством примеров бесстрашия как офицеров, так и нижних чинов, как опытных бойцов, так и молодых. С самой лучшей стороны проявили себя в бою отдельные воины и целые части. Некоторые начальники в своих донесениях отмечали, что порой было просто трудно выделить отличившихся, так как все действовали храбро и упорно.

Большую роль в сохранении душевного равновесия воинов всегда играли активные и эффективные действия своей артиллерии. Ее огонь как в наступлении, так и в обороне вселял уверенность у пехоты и кавалерии, придавал им силы в достижении успеха. В то же время даже непродолжительное замешательство с открытием огня, а тем более смена позиций вглубь обороны негативно отражались на моральном состоянии и стойкости оборонявшихся или наступавших в ходе атаки. Несомненно, писал А.Н. Куропаткин, «что отступление в подобную минуту артиллерии действует всегда удручающим образом на обороняющихся, подрывая окончательно веру в успех, а вместе с тем существенно ослабляя нравственную силу, сдерживающую бойцов на позиции, в виду наступающих даже превосходных сил»¹⁹.

Одной из причин неудачных действий русских войск под Плевной являлось слабое руководство артиллерией и невыполнение ею поставленных задач. Наибольшее «нравственное потрясение» турок русская артиллерия произвела 26 августа, когда был одновременно открыт огонь из 150 орудий. В дальнейшем предполагалось, наращивая огонь до атаки Плевны, добиться «разрушения преград, нравственного истомления и материальной дезорганизации обороняющегося»²⁰. Однако этого не произошло, и цель не была достигнута, «продолжительная артиллерийская подготовка атаки на плевенский укрепленный лагерь не дала ожидаемых результатов»²¹.

На моральное состояние войск, успех боя влияло и то, что ружья Крнка, которыми была вооружена большая часть пехоты, нередко отказывали при стрельбе, давали осечки, вызывали немало нареканий. Поэтому при первом случае солдаты эти ружья бросали и вооружались берданками или турецкими ружьями. Кроме того, разнотипность ружей приводила к тому, что иногда подвозили патроны в роту в ходе боя не к той системе, и в ноч-

ных условиях патронные ящики к разным ружьям было сложно отличить. Все это не только нервировало солдат, но и вело к поражению.

Существенное влияние на уровень людских потерь и моральный дух оказывала степень инженерного оборудования позиций и окапывания солдат. В турецких войсках это широко практиковалось. В русских же войсках ввиду катастрофической нехватки шанцевого инструмента солдаты рыли землю крышками от манерок, ковыряли ее штыками, выгребали руками, поэтому объем инженерного оборудования был небольшим. Значительная часть шанцевого инструмента была утеряна в ходе предыдущих боев и маршей, теперь же, в ходе подготовки к третьему штурму Плевны, его недостаток чувствовался особенно остро, а это приводило к дополнительной трате сил, утомляемости людей, что отрицательно сказывалось на их морально-психологическом состоянии, боеспособности.

Утомляемость солдат отряда накануне штурма Плевны была так сильна, что многие засыпали стоя, или опускаясь на мокрую землю. Многие не спали по двое суток, а некоторые по трое, часть же нижних чинов Эстляндского полка – четверо суток. Офицерам стоило больших трудов поддерживать определенную готовность к отражению атак турок, для этого использовались построения в шеренги, выполнение ружейных приемов и т. п.

Сильное угнетающее впечатление производили на войска сотни сотен раненых, ползущих с разных сторон, обливаясь кровью с перебитыми и оторванными частями тела и требовавшими помощи санитаров, а также многочисленные трупы русских, часто вперемешку с турецкими, солдат. Эта картина приобретала особенно удручающий вид, если трупы не убирали несколько дней, на жаре они раздувались, разлагались, заражая воздух терпким запахом. Подобная перспектива не оставит равнодушным даже самых сильных духом. Хотя, как ни странно, на войне привыкают ко всему и даже к близкой смерти.

Но есть предел силам и у самых храбрых войск, особенно если они несут большие потери. В ходе штурма Плевны 30 августа (11 сентября) русские войска активно и героически вели боевые действия против турок, захватили несколько редутов, но затем были остановлены и отброшены. Полки, особенно на центральном направлении, понесли значительные потери, в частнос-

ти Углицкий, Казанский, Шуйский и Ярославский в среднем по 46 % офицеров и 34 % нижних чинов²².

В этих смертельно опасных условиях нашлись и те, кто смалодушничал, трусил, уклонился от боя. Эти, как их называли, подонки отряда лежали, притаившись в различных ямках, рвах или ушли далеко в тыл. Но таких были единицы, основная масса воинов героически сражалась и безропотно умирала. Общие потери 105 батальонов пехоты Западного отряда армии за 30 и 31 августа составили 14 тыс. человек или 20 %²³.

Однако, несмотря на высокий процент потерь нижних чинов и офицеров, «дух солдат оставался высоким», о чем свидетельствовали донесения из полков. Так, в донесении Владимирского полка указывалось, что «бывших в деле 30-го августа раненых и контуженных осталось во фронте 77 человек, из коих 27 человек помимо их желания остаться во фронте, после осмотра их сего числа старшим врачом, подлежат отправлению в госпиталь»²⁴. Точно также в Суздальском полку 39 раненых и контуженных добровольно остались в строю.

По итогам боев М.Д. Скобелев в рапорте начальнику Западного отряда указывал: «В бою 30-го и 31-го августа вверенные мне войска блистательно еще раз доказали присущую нашей армии храбрость и непоколебимую стойкость. Господа офицеры и солдаты, воодушевленные присутствием на поле сражения своего государя, сделали все, что от них зависело, чтобы вырвать у неприятеля победу»²⁵.

В последующем, в этой войне произошло еще несколько крупных успешных сражений, в которых русские войска также продемонстрировали высочайшее мужество и героизм. Значительную роль в обеспечении боеспособности войск, сохранении у них высокого морального духа сыграли активность и высокие профессиональные качества многих командиров и начальников, их внимание к подчиненным и забота о них. Так, после успешных сражений военачальники встречались с офицерами, поздравляли войска с выполнением задачи, посещали в госпиталях и на перевязочных пунктах раненых и больных, благодарили их за самоотверженность и решительные действия, здесь же нередко вручали награды. Командиры принимали меры к восстановлению боеспособности полков и батальонов, к пополнению их запасами, в меру возможности давали отдых выведенным из

боя подразделениям. Например, в октябре 1877 г. после взятия Горного Дубняка главнокомандующий великий князь Николай Николаевич по пути к месту сражения побывал на перевязочном пункте лейб-гвардии Московского полка, поинтересовался о потерях среди нижних чинов и офицерского состава, дал указания о представлении наиболее отличившихся к наградам. По общему мнению командования полков, героем дня являлся командир лейб-гвардии Гренадерского полка флигель-адъютант полковник Ю.В. Любвицкий, который внес основной вклад в успех взятия турецкого редута, оказавшего ожесточенное сопротивление.

По-прежнему очень сильное влияние на укрепление морального духа войск оказывал генерал М.Д. Скобелев. Например, во время осады Плевны М. Газенкампф в своем дневнике за 30 октября 1877 г. записал, что Скобелев с Куропаткиным переселились «на самую передовую позицию: в траншее живут, обедают и спят»²⁶. Подобные примеры позитивно сказывались на боеспособности войск, их стойкости и моральном духе. В частности, в крупном Шипко-Шейновском сражении (январь 1878 г.) русские войска взяли в плен 22 тыс. турок, в том числе 765 офицеров и более 1000 человек вывели из строя. Однако и потери русских превысили 5 тыс. человек²⁷.

После этого сражения турецкие войска были деморализованы и начали отступать, не оказывая серьезного сопротивления. Потерпев полное военное поражение, Турция призвала Россию к мирным переговорам. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано Россия и Турция заключили мирный договор.

Таким образом, несмотря на ряд неудач в ходе русско-турецкой (1877–1878 гг.) войны в силу серьезных просчетов высшего армейского руководства, упущений в обучении офицеров и слабой тактической подготовки войск, русские полки в боевых условиях проявили высокий моральный дух, крепкую войсковую спайку и взаимовыручку, презрение к опасности и неустранимость. Высокие морально-боевые качества русских войск были достигнуты благодаря напряженной работе командиров подразделений по обучению подчиненных, личной примерности офицерского состава в боевой обстановке, использованию военных и социальных факторов, позитивно влиявших на укрепление воинского духа, а также проведению активной воспитательной работы.

Современная военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке и юго-западных рубежах России показывает, что опыт боевых действий русской армии в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) не потерял своего значения и может быть использован в ходе боевой и тактической подготовки Российской армии.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LII. № 57155. С. 371.

² Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005. С. 228.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 52. Ед. хр. 25. Л. 32.

⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник документов. Т. 2. М., 1964. С. 51.

⁵ Там же. С. 400.

⁶ Хевролина В.М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и общественное движение в России // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 23.

⁷ Ростунов И. Освобождение Болгарии от османского ига // Воен. истор. журнал. 1978. № 3. С. 66.

⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. СПб., 1898. Вып. 3. С. 36.

⁹ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–78 годов. Ловча и Плевна. СПб., 1885. С. 14.

¹⁰ Осипова М.Н. Великий русский реформатор... С. 239.

¹¹ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева... С. 227.

¹² Там же. С. 213.

¹³ О долге и чести воинской в Российской армии. Сборник материалов, документов и статей / Под ред. В.Н. Лобова. М., 1991. С. 185.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Газенкамф М. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. Т. 3. С. 468.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 481.

¹⁸ Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева... С. 255.

¹⁹ Там же. С. 217.

²⁰ Там же. С. 374.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 422.

²³ Там же. С. 524.

²⁴ Там же. С. 525.

²⁵ Там же. С. 564.

²⁶ Газенкамф М. Мой дневник 1877–1878 гг. С. 487.

²⁷ Беляев Н.В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 364.

С.И. Строкин (Санкт-Петербург)

ПОНТОННО-МОСТОВЫЕ ПАРКИ КРАСНОЙ АРМИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, выдвинутые с началом Великой Отечественной войны действующей армией, а также изменившиеся условия разработки и производства понтонно-мостовых средств, обусловили необходимость конструктивной переработки многих парков, состоящих на вооружении. В годы войны была проделана большая работа и по организации массового производства имеющихся образцов, и по модернизации и разработке новых переправочных средств.

В начале войны производство понтонно-мостовых парков, особенно тяжелых, оказалось крайне затруднено в связи с эвакуацией ряда предприятий, загруженностью промышленности другими военными заказами, а также острым дефицитом листовой стали. Осенью 1941 г. по предложению военного инженера Б.М. Малютова началась разработка деревянного мостового парка (ДМП). За изготовление первых образцов взялись несколько понтонных батальонов и коллектив Городецкой судовой верфи под руководством инженеров Н.А. Чумака и В.А. Яценкина. После успешных испытаний парк получил наименование ДМП-41. Благодаря простой конструкции его можно было изготавливать в войсках. Новый деревянный мостовой парк перевозился на 40 автомобилях ЗИС-5, допуская сборку паромов грузоподъемностью до 30 т и наводку мостов грузоподъемностью 16 т длиной 128 м и, соответственно, 30 т – 64 м.

Первые образцы парков были отправлены на фронт уже весной 1942 г. Эксплуатация парков дала хорошие показатели по конструкции, живучести под воздействием огня противника и восстановлению после повреждения (рис. 1). Вместе с тем бы-

Рис. 1. Наплавной мост из парка ДМП-41

ли выявлены и некоторые недостатки: относительно низкая грузоподъемность для перевозки тяжелых танков, неудобство транспортировки полупонтонов из-за их относительно большой длины (более 5 м) и массы – они перегружали автомобили и затрудняли их проходимость, на наводку моста требовалось много времени.

С целью улучшения тактико-технических характеристик парка этого типа летом 1942 г., не прекращая изготовления парков ДМП-41, инженеры Н.А. Чумак и В.А. Ященин подвергли этот комплект парка существенной модернизации. Грузоподъемность была увеличена до 50 т, длина полупонтона уменьшена до 4,12 м, соответственно снизилась и его масса, перевозка стала возможной на необорудованных автомобилях. Этот парк получил наименование ДМП-42.

Имущество парка ДМП-42, перевозимое на 88 автомобилях типа ЗИС-5, позволяло собрать: 16-тонный мост длиной 236 пог. м, 30-тонный мост длиной 135 пог. м, 50-тонный мост длиной 70 пог. м, 50-тонных паромов – 5 единиц (рис. 2).

Конструкция парка предусматривала возможность изготовления его силами войск. Всего за время войны было изготовлено понтонных парков ДМП-41 и ДМП-42 по годам: 1942 – 142 ком-

Рис. 2. Наплавной мост из парка ДМП-42

плекта, 1943 – 81 комплект, 1944 – 58 комплектов, 1945 – 12 комплектов. Всего за время войны – 293 комплекта. После окончания войны парки ДМП-41 и ДМП-42 сняты с эксплуатации в войсках.

С началом войны велись работы по совершенствованию модернизированного парка на армейских резиновых лодках – Мд-ПА-3 с тем, чтобы упростить его производство и эксплуатацию при наименьших затратах металла. Новый парк, принятый на вооружение в 1942 г. и получивший наименование «парк с упрощенным верхним строением на армейских резиновых лодках А-3», сокращенно УВСА-3, был рассчитан на изготовление силами войск и близок по своим характеристикам к парку Мд-ПА-3. Он по-прежнему имел недостаточную живучесть в боевых условиях и в связи с этим был снят с вооружения в 1943 г., когда промышленные предприятия, перебазированные на восток, начали набирать обороты.

В 1941 г., сразу же после начала войны, были приняты меры к расширению производства состоящих на вооружении понтонно-мостовых парков Н2П образца 1932 г. и наплавного легкого парка НЛП образца 1936 г., тем более, что опыт боевого применения этих парков подтверждал их высокие тактико-технические дан-

ные. Принимались меры, чтобы закончить работы по упрощению материальной части парка Н2П, начатые в Научно-исследовательском инженерном институте еще в предвоенные годы.

В итоге появился парк Н2П-41, в котором были применены прогоны из прокатной стали вместо сварных, оптимизированы обводы и конструкции полупонтонов, упрощена конструкция козловых опор, а также внедрен способ перевозки материальной части парка на 70 необорудованных автомобилях ЗИС-5. Все вышеперечисленные производственные преобразования обеспечили массовое изготовление парка. В дальнейшем были приняты меры по уширению проезжей части однопутных мостов с 3,26 м до 3,68 м для более свободного пропуска танка Т-34. Появилась и новая конструктивная особенность парка Н2П-41, которая позволила собирать паромы и мосты большой площади. Все эти работы были проведены коллективом Мордовщиковского завода под руководством инженера И.Ф. Королева (рис. 3). В течение войны парк претерпел незначительную модернизацию и в 1945 г. стал именоваться Н2П-45. За время войны было произведено понтонно-мостовых парков Н2П по годам: 1941 – 16 комплектов, 1942 – 37, 1943 – 22, 1944 – 14, 1945 – 8. Всего – 97 комплектов. Парк Н2П, состоящий на вооружении понтонно-мостовых батальонов, в послевоенный период был передан в дорожные войска и в депо для хранения на складах и базах.

Несмотря на тяжелые годы войны, коллективом Мордовщиковского завода совместно с НИИИ была продолжена разработка тяжелого понтонно-мостового парка ТМП для устройства паромных и наводки мостовых переправ на больших водных преградах с целью переправы всех войсковых грузов массой до 100 т. К 1943 г. были закончены разработка и испытания этого нового парка. Основной конструктивной особенностью парка ТМП было применение полупонтонов закрытого типа с водонепроницаемой палубой, чем предотвращалось их захлестывание водой. Полупонтоны позволяли составлять полоторные и двойные понтоны, требующиеся для паромных и мостовых переправ большой грузоподъемности. Верхнее строение допускало сборку однопутных мостов с проезжей частью шириной 4 м. Комплект понтонно-мостового парка ТМП давал возможность наводить наплавные мосты различной грузоподъемности, а соответственно и различной длины: под нагрузку 40 т – 200 м, 60 т –

Рис. 3. Наплавной мост из парка Н2П-41

150 м, 75 т – 125 м, 90 т – 105 м и 110 т – 75 м, а также собирать паромы различной грузоподъемности.

В ходе испытаний на транспортабельность был принят вариант перевозки комплекта парка на необорудованных автомобилях ЗИС-5 (Студебеккер, ЗИС-150, ЗИС-164, ЗИЛ-151). Было задействовано автомобилей: понтонных – 72, с рамными опорами – 4, с барабанными (катковыми) опорами – 4, настилочных – 12, катерных – 8, с бензиновыми цистернами – 2, бортовых для запасного имущества – 2. Всего в комплекте парка 104 автомобиля. Обслуживался парк понтонным полком 2-батальонного состава. Впервые этот парк был применен в боевой обстановке в сентябре 1942 г. на Волге под Сталинградом.

За период войны произведено следующее количество комплектов парков ТМП по годам: 1942 – 1,5 комплекта, 1943 – 3,5, 1944 – 3, 1945 г. – 1,75. Всего – 9,75 комплекта.

Наконец, в 1943 г. для замены парков на лодках А-3 (МдПА-3 и УВСА-3), а затем и парка НЛП, под руководством А.Л. Пахомова был разработан новый деревянный легкий понтонно-мостовой парк ДЛП. Этот парк, образца 1943 г., предназначался для устройства паромных и мостовых переправ грузоподъемностью

до 30 т. Комплект парка обеспечивал наводку мостов грузоподъемностью: 10 т – 163 м, 16 т – 109 м, 30 т – 56 м. Вся материальная часть была деревянной, кроме болтов, перильных стоек и якорей. Для изготовления понтонов были применены бакелизированная фанера и деревянный каркас, склеиваемые водостойким клеем. Комплект парка перевозился на 34 автомобилях ЗИС-5.

По сравнению с парком НЛП и, особенно, с парками МдПА-3 и УВСА-3 этот новый понтонно-мостовой парк при большей грузоподъемности мостовых конструкций был проще в изготовлении, удобнее в транспортировке, а при использовании обладал большей трудозащитаемостью и простотой в ремонте (рис. 4).

За время войны было произведено комплектов понтонно-мостовых парков НЛП и ДЛП по годам: 1941 – 17, 1942 – 52, 1943 – 46, 1944 – 61, 1945 – 25. Всего – 201 комплект.

К началу войны в инженерных войсках насчитывалось в общей сложности 242 инженерных, саперных и понтонных батальона. Каждый батальон имел в своем составе определенное количество переправочных средств. Количество батальонов в составе инженерных войск увеличилось к концу войны до 1129.

К началу войны бригад как войсковых соединений в составе инженерных войск не было. К концу войны было 109 инженерных, саперных и понтонно-мостовых бригад. В каждой инженерной и инженерно-саперной бригаде состоял на вооружении понтонный парк, как правило, легкий.

Опыт содержания переправ через Волгу выявил целесообразность объединения понтонно-мостовых батальонов в более крупные формирования. Поэтому с осени 1942 г. на их базе было начато формирование понтонно-мостовых бригад. В каждой бригаде по штату предусматривалось иметь 3 моторизованных понтонно-мостовых батальона с парками Н2П или ТМП и один батальон с парком ДМП. К концу войны состав инженерных войск был следующим: понтонно-мостовых бригад – 11, понтонно-мостовых полков – 11, понтонно-мостовых батальонов, не входящих в состав бригад – 43.

Понтонно-мостовые парки, с которыми инженерные войска вступили в Великую Отечественную войну, по своим тактико-техническим характеристикам вполне отвечали всем требованиям войсковых нагузок. Понтонно-мостовые парки, такие как

Сравнительные характеристики

Наплавные мосты из легких переправочных средств			
Наименование мостов	ТТХ		
	Грузо- подъем- ность	Тип понтона (лодки)	Возм. использования
СССР			
Мост из парка МдПА-3 обр. 1935 г.	16 т	Прорезин. лодка с верхн. строением	Для всех видов переправ
Мост из парка НЛП обр. 1936 г.	16 т	Складная лодка из бакелизиро- ванной фанеры	Для всех видов переправ
Мост из парка ДЛП обр. 1943 г.	Данных нет		
США			
Мост на лодках УВС-А-4	14 т	Резиновая лодка с проме- жуточным баллоном	Для всех видов переправ
Мост из легкого парка обр. 1926 г.	13,5 т	Дюралевый пonton открытый	Для паром. и мост. переправ
Англия			
Мост из легкого парка	5,5 т	Складная лодка из бакелизиро- ванной фанеры	Для всех видов переправ
-			
Германия			
Мост на больших надувных лодках	4 т	Резиновая лодка с верхн. строением	Для всех видов переправ
Мост из понтонов типа «С»	5,3 т	Металлич. пonton-лодка открытая	Для всех видов переправ

наплавных средств

Наплавные мосты из тяжелых переправочных средств			
Наименование мостов	ТТХ		
	Грузо- подъем- ность	Тип понтона (лодки)	Возм. использования
СССР			
Мост из парка Н2П обр. 1932 г.	60 т (100 т)	Металлич. (носов. и корм.)	Для всех видов переправ
Мост из парка ТМП обр. 1942 г.	70 т (110 т)	Металлич. (носов. и корм.) с закрытой палубой	Для паром. и мост. переправ
Мост из парка ДМП-42	50 т	Дерев. носов. и корм. открытые	Для паром. и мост. переправ
США			
Мост из тяжелого пontonного парка обр. 1924 г.	25 т	Деревянный пonton открытый	Для всех видов переправ
—			
Англия			
Мост из тяжелого пontonного парка обр. 1928 г.	16 т	Понтон из баке- лизированной фанеры закрытый	Для паром. и мост. переправ
Мост из тяжелого пontonного парка обр. 1938 г.	28 т	Металлич. пonton закрытого типа	Для паром. и мост. переправ
Германия			
Мост из понтонов типа «В»	20 т	Металлич. пonton открытого типа	Для всех видов переправ
—			

Рис. 4. Наплавной мост из парка ДЛП

Н2П, НЛП, ДЛП, ТМП, по своим конструктивным особенностям далеко превосходили зарубежные образцы. На сборку паромов и наплавных мостов затрачивалось значительно меньше времени по сравнению с аналогичными переправочными средствами других армий.

Некоторые сравнения переправочных средств армий четырех государств (СССР, США, Англии и Германии) приведены в таблице на с. 78–79.

Примечания к таблице:

1. Сборка наплавных мостов союзных и немецкой армий требовала в 2–2,5 раза больше времени по сравнению с конструкциями подобных мостов и паромов Красной армии.

2. Как англо-американские, так и немецкая армии для пропуска тяжелых грузов через водные преграды в основном строили сборно-разборные металлические мосты на жестких опорах, что также требовало много времени и механизированных средств.

3. Для перевозки понтонных парков в союзных и немецкой армиях применялись автомобили повышенной проходимости с прицепами, на которых перевозились понтоны.

4. Преимущество армий союзных государств по сравнению с Советской и немецкой армиями состояло в том, что при форсировании водных преград широко применялись плавающие само-

ходные переправочные средства. В послевоенное время этот недостаток в Советской армии был ликвидирован, и сегодня на вооружении инженерных войск имеются современные в техническом отношении самоходные десантно-переправочные и понтонно-мостовые средства.

-
1. Трофимцов Н.П. Десантно-переправочные средства СА. Л., 1990.
  2. Военно-инженерное искусство Советской Армии: Сб. ст. М., 1958.
  3. Инженерные войска Советской Армии 1918–1945. М., 1985.

И.П. Суханов (Санкт-Петербург)

ЯПОНСКИЙ МОРСКОЙ МЕЧ «КАЙ-ГУН-ТО» ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО МУЗЕЯ

В КОЛЛЕКЦИИ Центрального военно-морского музея (ЦВММ) находится морской офицерский меч кай-гун-то – тип 97, с ножами (инв. № 22231) (рис. 1).

Клинок меча – древний, изготовлен японским мастером Кагемицу, школа Осафуне в Бидзен, в 1333 г.¹

Размеры: клинок – 89×2,8, ножны – 72×5 см.

Материалы: сталь, серебро, дерево, кожа ската (*саме-нури*), тканый шнур.

Клинок с конструктивным продольным изгибом (*сори*) 70/2 см, однолезвийный, с одним долом (*хи*) шириной 0,6 см по всей его длине, с обеих сторон. Обух клинка (*мунэ*) клиновидного типа. На хвостовике клинка нанесены иероглифы, перевод которых означает «Мастер Кагемицу из Осафуне». 1333 г. Вдоль лезвия просматривается светлая полоска клинка – его закаленная часть (*хамон*).

На пяте клинка закреплена муфта (*хабаки*), украшенная сквозными вырезами в виде сердца и ажурной окантовкой ее краев. Деревянная рукоять (*цука*) оклеена кожей ската (*саме-нури*) и обтянута черной тесьмой (*цука-ито*). Рукоять изготовлена из двух деревянных половинок, предположительно из магнолии (*хо-но-ки*) и закреплена на хвостовике посредством деревянного клина (*мэкуги*). В отделке рукояти использована «однорукая оплетка» без ромбовидных пустот. Цуба четырехлепесткового типа (*аом-гане*) с двумя вырезами (*ре-хицу*), называемыми *кодзука хицу-ана* и *когай хицу-ана*. Цуба уплотнена с обеих сторон на хвостовике двумя эллипсоидальными металлическими пластинами (*сэппа*) и рукоятью.

**Рис. 1. Морской офицерский меч кай-гун-то – тип 97 с ножнами.
ЦВММ. Инв. № 22231**

Деревянные ножны (*сая*) длиной 72 см и шириной 5 см выкрашены черным лаком (*куроронури*). Прибор ножен изготовлен из серебра и состоит из двух обоймиц (*аси*), ободка (*сибасики*) и наконечника (*иси-дзука*). Все металлические элементы меча (за исключением клинка) декорированы в едином художественном стиле с изображением листьев бамбука, нанесенных методом резьбы по поверхности деталей, обработанных техникой песочника. Меч удерживается в ножнах на трении. Стопорное устройство клинка с ножнами не предусмотрено.

Меч находился в личной коллекции вице-адмирала Николая Николаевича Матусевича, созданной его родственником – командиром отряда миноносков, капитаном 1 ранга Николаем Александровичем Матусевичем на базе захваченных в крепости Таку предметов японского оружия в период Боксерского восстания 1900 г.

В 1946 г. вице-адмирал Н.Н. Матусевич передал меч в фонды ЦВММ по акту № 122, вместе с еще шестью предметами холодного оружия из семейной коллекции.

Николай Николаевич Матусевич (рис. 2) родился в г. Николаеве 29 марта 1879 г. После завершения учебы в Морском кадетском корпусе (1892–1898) он был направлен для продолжения службы на Дальний Восток. С 1899 г. служил на кораблях «Россия», «Сисой Великий», «Разбойник» и «Петропавловск». В 1900 г. лейтенанта Матусевича, в составе берегового десанта, с ротой матросов с эскадренного броненосца «Петропавловск» направили сначала в г. Таку, а затем в г. Шанхай (Китай). Там прошло его боевое крещение. Последующие три года он служил на кораблях Дальневосточной эскадры в качестве вахтенного офицера, младшего штурмана, вахтенного начальника и ревизора. Однако это не помешало ему закончить с отличием Морскую

академию, гидрографическое отделение (1902–1904). В 1905 г. в составе 2-й Тихоокеанской эскадры он был участником Цусимского сражения. Уйдя со службы в запас, Николай Николаевич закончил обучение в Санкт-Петербургском университете (1909), после чего снова был зачислен на военную службу. В июле того же года его временно прикомандировали к Пулковской обсерватории, а затем поручили возглавить штурманский офицерский класс (1909–1917). Тогда же Николай Николаевич принял участие и в экспедиции по исследованию горла Белого моря.

В декабре 1917 г. Н.Н. Матусевич, уже генерал-майор гидрографической службы, опять был уволен с флотской службы. В качестве руководителя экспедиций он успешно провел гидрографические работы в Белом и Баренцевом морях. С сентября 1918 по июнь 1923 г. был заведующим и преподавателем на штурманских классах. Последующие годы он посвятил педагогической деятельности: старший руководитель (1923–1932), преподаватель (1932–1935), начальник кафедры гидрографии (1935–1936), начальник кафедры кораблевождения (1936–1947) Военно-морской академии.

В 1935 г. защитил ученую степень доктора астрономии и геодезии, стал председателем отделения математической географии и картографии Географического общества СССР. В июле 1947 г. он ушел в отставку и стал профессором Высшего арктического морского училища им. адмирала С.О. Макарова, вице-президентом Географического общества СССР.

За свою службу на кораблях отечественного флота, за исследования морей Северного Ледовитого океана, за вклад в научную и педагогическую деятельность вице-адмирал Н.Н. Матусевич был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени,

Рис. 2. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор, доктор астрономии и геодезии, инженер вице-адмирал Н.Н. Матусевич

Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и многими медалями. Его именем названы несколько географических пунктов и гидрографическое судно.

7 июня 1950 г. Заслуженный деятель науки и техники, капитан дальнего плавания, почетный полярник, доктор наук, профессор, инженер вице-адмирал Николай Николаевич Матусевич завершил свой жизненный путь. Его похоронили в Петербурге на Литераторских мостках Волковского кладбища.

---

¹ Фуллер Ричард, Грегори Рон. Японское военное и гражданское холодное оружие. М.: АСТ–Астрель, 2003. С. 126–129; Баженов А.Г. История японского меча. СПб.: Атлант; Балтика, 2001. С. 259.

С.В. Талантов (Москва)

НЕИЗВЕСТНЫЙ КИНЖАЛ ОРУЖЕЙНИКА ГЕУРКА

ИЗДЕЛИЯ ОРУЖЕЙНИКА Геурка Элиарова из Тифлиса считаются одними из лучших образцов кавказского оружия первой половины XIX в., они хранятся в Государственном Эрмитаже, музее «Царское Село», Историческом музее в Москве, Дагестанском объединенном музее в Махачкале. Также в частных собраниях есть несколько замечательных образцов работы Элиарова. В прошлом году автору удалось найти и приобрести в свою коллекцию кинжал работы этого мастера.

Обратимся к предмету исследования. Перед нами кинжал с ножнами (наконечник ножен утрачен), в комплекте с кинжалом присутствуют подкинжальный нож и вилка (рис. 1). Общая длина кинжала без ножен – 45,5 см, длина клинка кинжала – 32,2 см; общая длина подкинжального ножа – 20,6 см, длина клинка подкинжального ножа – 11,2 см; общая длина вилки – 14 см. Кованный обоюдоострый клинок имеет характерную для тифлисских кинжалов первой трети XIX в. клиновидную форму с двумя не-

Рис. 1. Кинжал (общий вид)

Рис. 2. Фрагмент клинка с букетным дамаском в долах

Рис. 3. Основание клинка

глубокими долами, окантованными узкими желобками. В середине клинок протравлен, и в долах виден узор букетного дамаска (рис. 2). Основание клинка украшено зооморфным и растительным орнаментом, который вписан в арковидную рамку, вершина которой переходит в стилизованный бутон, упирающийся в ребро жесткости у начала долов. Орнамент в каждой из арковидных рамок состоит из растительных элементов и изображений двух львов в левом и правом углах верхней части рамки и двух птиц в правом и левом углах нижней части рамки. В стилизованном бутонобразном элементе также изображены птицы. Фон вокруг орнамента опущен, канфарен точками и вызолочен (рис. 3). Рукоять кинжала покрыта серебром с позолотой и чернью. Устье ножен также изготовлено из серебра. Орнамент рукояти и устья состоит из стилизованных изображений животных и растительных элементов. Шляпки заклепок изготовлены из серебра с инкрустацией разноцветными полудрагоценными камнями. Рукояти подкинжального ножа и вилки также покрыты серебром с чернью и позолотой, украшены растительным орнаментом.

Ножны кинжала покрыты бархатом, карман для подкинжального ножа и вилки с внутренней стороны обшит кожей. Сзади на устье ножен стоит клеймо «ТМД» (Тбилисского Монетного Двора), которое использовалось с 1804 по 1832 гг. и инициалы пробирера «АТ». На обоймице сзади надпись на грузинском языке:

Рис. 4. Устье ножен

«Тифлис уста Ге-
ву» (рис. 4), которую автор считает сокращением от «Тифлис устабаша Геурк», т. е. «старший мастер Геурк из Тифлиса». Одним из сословий Тифлиса того времени были амкары (ремесленники). Амкары делились на цехи и имели свои значки и знамена, употреблявшиеся в торжественных церемониях.

Они управлялись wybranными из своей среды начальниками, называвшимися уста-башами.

Мастера из династии Элиаровых были известнейшими тифлисскими оружейниками. Геурк Элиаров считается ее основателем. В ходе становления Российской власти на Кавказе Тифлис становится военным и административным центром, фактически – столицей России в Закавказье и на Кавказе. С этим связано развитие оружейного производства в регионе. Заказчиками оружия выступают офицеры Российской Императорской армии, представители местной знати, многочисленные путешественники. Изделия Геурка Элиарова становятся известны далеко за пределами Кавказского края. В письме великого князя Константина Павловича к А.П. Ермолову от 27 июня 1817 г. читаем: «Имеv честь получить... азиатскую саблю работы художника Геурка, я приятным долгом обязываюсь обратиться к Вам за оное и за память старинной дружбы с истинною моею благодарностью. Прошу Вас... поблагодарить от меня полковника Ермолова... за саблю Геурка»¹.

Рис. 5. Кинжал, подкинжальный нож и вилка в разобранном виде

Однако исследуемый кинжал представляет для нас интерес не только тем, что он изготовлен известнейшим тифлисским мастером начала XIX в., а тем, что при ближайшем рассмотрении он оказывается разборным двуклинковым кинжалом (рис. 5). Не только сам кинжал, но и подкинжальный нож и вилка. Клинки кинжала и подкинжального ножа состоят из двух соединяющихся клинков, плоских с внутренней стороны. Вилка также разбирается на две половины. Половины рукоятей кинжала соединены с половинами клинка болтами. Внутренняя сторона клинков кинжала украшена орнаментом, выполненном в том же стиле, что и орнамент на внешней стороне клинка. В аркообразной рамке мы видим стилизованные изображения птицы, оленя и льва, а также характерные растительные элементы. Бутонообразное окончание рамки украшено изображением птицы. Орнамент украшает не только основание внутренней стороны клинка, но и хвостовик, на котором помимо элементов растительного орнамента мы видим стилизованные изображения птицы и льва. Фон вокруг орнамента также опущен, канфарен точками и вызолочен (рис. 6). Подкинжальный нож и вилка с внутренней стороны украшены орнаментом только на хвостовиках. В орнаменте внутренней стороны клинка подкинжального ножа присутствуют растительные и зооморфные элементы. В орнаменте внутренней стороны хвостовика вилки присутствуют только растительные элементы.

Отметим, что зооморфный орнамент на оружии, изготовленном в Тифлисе в первой трети XIX в., говорит о сильном вли-

янии персидской художественной культуры, для которой характерны изображения животных. На саблях и кинжалах начала XIX в., изготовленных на территории современной Грузии, мы часто встречаем изображения льва, оленя и птицы. В коллекции автора есть грузинская сабля начала XIX в. с клювовидной рукоятью, на деталях ножен которой стилизованно изображены животные, и кинжал работы мастера Хачатура, на клинке которого изображены лев и птица (рис. 7, 8).

Рис. 6. Внутренняя сторона

Разборные кавказские кинжалы встречаются крайне редко. Один из известных разборных кинжалов (из коллекции московского коллекционера А.Д. Гнедовского) демонстрировался в 2011 г. на выставке «Оружие Кавказа в частных коллекциях прошлого и настоящего» в Российском этнографическом музее (РЭМ)². Это кинжал (рис. 9), который также разбирается на два клинка. Клинок кинжала, представленного на выставке в РЭМ, по сравнению с клинком исследуемого кинжала можно назвать простым, так как он не украшен. В собрании Эрмитажа также есть разборный кинжал с клинком, похожим на клинок разборного кинжала, демонстрировавшегося на выставке в РЭМ. В конструкции клинков этих двух кинжалов есть отличие от исследуемого кинжала: у каждого из них конец одного из клинков вставляется в другой. Клинки кинжала Геурка не имеют такой конструкции и прилегают друг к другу без фиксации в конце клинка.

Слева: Рис. 7. Грузинская сабля начала XIX в.
с клювовидной рукоятью

Справа: Рис. 8. Тифлисский кинжал начала XIX в.
работы мастера Хачатура

Интересным для нас является упоминание кинжалов подобного типа известным кавказоведом Г.Н. Прозрителевым в своей работе «Кавказское оружие (оружие кавказских горцев)»: «Среди кавказского оружия известен еще кинжал под названием “Кама”. Кинжал этот состоит из двух половин, которые, по желанию, могут быть скреплены в один кинжал или же разъединены для действия обеими руками. Такой кинжал закавказской работы (тифлиских мастеров первой четверти прошлого столетия) хранится в Эрмитаже, но у горцев он не был в употреблении»³. По нашему мнению, Прозрителев в своем суждении до-

Рис. 9. Разборный двуклинковый кинжал с простым клинком

пустил ошибку, применив термин «Кама» для описания разборных двуклинковых кинжалов. «Кама» – это общее название для кавказских кинжалов с прямым клинком, и его недостаточно для описания кинжалов исследуемого типа. Безусловно, разборный двуклинковый кинжал должен был иметь свое отдельное название, передающее особенность конструкции предмета.

К сожалению, о жизни Геурка Элиарова нам известно очень мало. Обратимся к нескольким известным упоминаниям о нем в литературе XIX в. Имя Геурка упоминает М.Ю. Лермонтов в одном из вариантов стихотворения «Поэт», написанного в 1838 г.⁴:

*В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старого изделия,
Булат его хранит таинственный закал,
Для нас давно утраченное зелье.*

В набросках у М.Ю. Лермонтова есть следующая запись: «Я снял с мертвого кинжал для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру». Запись сделана в ноябре 1837 г., значит, в это время Геурк был еще деятельным мастером⁵. В Кавказском календаре 1846 г. в списке оружейников упомянуты Элиаровы Ефрем и Караман, имеющие мастерскую на Таможенной улице в собственном доме⁶. В Кавказском календаре 1850 г. упомянута награда «Тифлисскому оружейнику Геурку, кузнечным мехом, за отличную отделку

представленного им оружия» на Выставке произведений Закавказского края⁷. В 1852 и 1855 гг. его адрес указан в «Кавказском календаре». Мастерская помещалась на Атаманской улице в собственном доме. В последующие годы он не упоминается. По видимому, время его жизни: конец XVIII – 50-е годы XIX в.

В завершение заметим, что в настоящее время в литературе о кавказском оружии и в атрибуциях предметов работы Геурка из музейных собраний встречается такой вариант написания фамилии Элиаров, как Элиазарошвили. Автор считает употребление фамилии в варианте Элиазарошвили попыткой «огрузинивания» деятелей армянского происхождения и памятников культуры армянских мастеров, созданных в XVIII–XIX вв. на территории современной Грузии. В «Путеводителе и собеседнике в путешествии по Кавказу» М.Н. Владыкина читаем: «Почти невероятно, но вместе с тем достоверно, что в 1803 году в Тифлисе считалось до 2700 домов, из которых только 4 дома принадлежало собственно грузинам и пятнадцать грузинским князьям, остальные же все принадлежали армянам; таким образом, столица Грузии составляла тогда вполне армянскую собственность»⁸. Для подтверждения правильности употребления фамилии Элиарова приведем изображение фрагмента страницы из «Кавказского календаря» 1850 года, где мы видим, что фамилия мастера и его сыновей в годы его жизни писалась как Элиаров (буквально – Еліаровъ)⁹ (рис. 10).

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что разборных двуклинковых кинжалов с украшенными клинками производства извест-

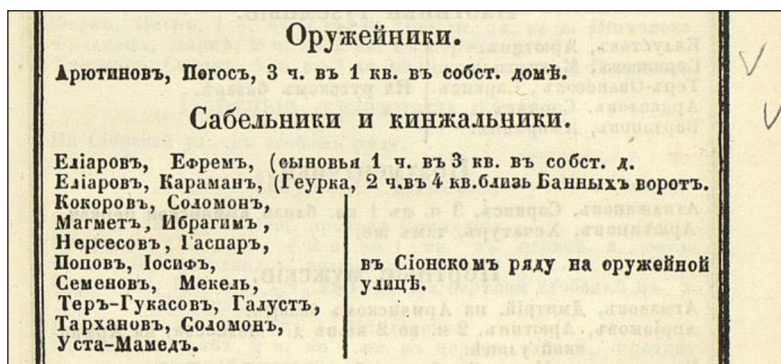

Рис. 10. Написание фамилии Элиаровых в 1850 г.

ных тифлиских мастеров первой трети XIX в. ранее не было известно в музейных и частных собраниях. Автор рад возможности ввести в научный оборот предмет, который справедливо можно отнести к лучшим из известных работ тифлиского оружейника Геурка Элиарова.

---

¹ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 393.

² Нератова Е.И., Шереметьев Д.А. Оружие Кавказа в частных коллекциях прошлого и настоящего. Выставка в Российском этнографическом музее. М.: Вече, 2011. С. 80–81.

³ Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (Оружие кавказских горцев). Ставрополь, 1915. С. 18.

⁴ Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841. С. 27.

⁵ Аствацатурян Э.Г. Указ. соч. С. 393–395.

⁶ Кавказский календарь на 1847 год, изданный от канцелярии наместника Кавказского. Тифлис, 1846. С. 273.

⁷ Кавказский календарь на 1851 год, изданный от канцелярии наместника Кавказского. Тифлис, 1850. С. 70.

⁸ Владыкин М.Н. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: С приложением карты железных дорог. М.: тип. И. Родзевича и В. Исленьева, 1874. С. 330.

⁹ Кавказский календарь на 1851 год, изданный от канцелярии наместника Кавказского. Тифлис, 1850. С. 129.

Ю.Г. Тарасевич (Гродно, Республика Беларусь)

ШАРФМЕЦА И КАРТАУНА: О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУХ ТИПОВ МАКСИМИЛИАНОВОЙ СИСТЕМЫ

В КОНЦЕ XV и начале XVI вв. в европейской артиллерии происходят большие изменения, обусловленные прогрессом техники в металлургии и производстве пороха. А именно, начинают выходить из употребления крупные ковано-сварные железные орудия, и вводятся типы крупных орудий из литой бронзы. Становятся повсеместными такие технические усовершенствования второй половины XV в., как цапфы и коробчатый лафет.

В немецких землях в числе подобных новых типов – осадные «шарфмеца» и «картауна». Оба типа изображаются уже в «Цойгбухе» Варфоломея Фрейслебена (Freysleben), составлявшемся на протяжении 1500-х годов¹.

Шарфмеца – осадное орудие 100-фунтового (позже, в XVI в. – до 70-фунтового) калибра; ядро железное. Картауна в XVI в. – осадное орудие калибром от 80 до 20 фунтов, в зависимости от времени и места изготовления; в XVII в. картауна (cartau, cortau) становится названием одного из двух главных «семейств» так называемой голландской системы.

Достаточно любопытна история появления этих названий – не в последнюю очередь тем, что она очевидно неясна для немецких историков.

Шарфмеца

По поводу смысла названия «шарфмеца» есть две основные версии: «горячая (лихая) гулящая девка» (этой версии держался Бёхайм)² и «горячая (лихая) Метя (Матильда)», превращенная в имя нарицательное (объяснение Янса)³. В наши дни больший вес имеет «более приличная» версия Янса, свидетельство чему

находим в недавней работе Месснера⁴; кроме того, Янс допускал и возможность итальянского происхождения названия: «половина (итал. mezzo) великой пушки», т. е., 100 фунтов это половина некоего образцового калибра.

На самом деле, все эти версии убедительны настолько же, насколько убедителен «священный император всех немцев», называющий главный калибр своей осадной артиллерии подобным (фривольным) образом; это не устрашающее, не описательное и нисколько не хвалебное название. Поскольку именно эти два типа существуют именно под этими названиями уже около 1500 г., то неубедительна и версия с образованием имени нарицательного.

Хоть как-то правдоподобен лишь вариант «половина (итальянской) великой пушки»; разнообразные немецкие «Воинские наставления» первой половины XVI в. говорят о «Metzikana», которая «у немцев называется шарфмецей», а у ди Джорджио Мартини обнаруживаем «меццану» или «коммуну», которая, однако, описана как орудие под ядро в 50 фунтов камня⁵. Большие бомбарды у того же автора описаны как орудия, стреляющие каменным ядром весом «около 300 фунтов»⁶.

Гораздо более убедительным представляется следующее объяснение: существительное в старонемецком «scharfe Metz» нужно понимать как название средневековой профессии – «каменотес», «дробитель камней». Указание на это находим как в этимологическом «Словаре немецкого языка» братьев Гримм⁷, так и в «Истории культуры немецкого народа»⁸: «Metz» это «тот, кто ломает и рубит камень». Позднее, как это случается в живых языках, и правописание, и первоначальный смысл слова исказились; слово стало (неожиданно) означать «девка».

Прилагательное «scharf» имеет много смыслов, из которых к нашему случаю подходят относящиеся именно к оружию: «точный» и (или) «далеко достающий».

Таким образом, название «шарфмеца» можно «расшифровать» как «точный или дальнобойный стенобой, стенолом», что хорошо соответствует и тогдашним обычаям в отношении названий орудийных типов, и тактическому назначению данного типа. И маловероятно, чтобы это название было онемечиванием или подражанием итальянскому «меццана».

Картауна

Главные версии происхождения названия «картауна» связаны со звучанием числа «сорок» по-итальянски («кваранта», по Бёхайму) или со словом «четверть» («кварта»)⁹; в этом случае картауну могут отождествлять с «четверть-пушкой» (нем. Vierteilbüchse) и предполагать, что ее калибр равнялся четверти некоего эталонного калибра великой пушки. Заметим, что здесь в очередной раз возникает немецкое представление 19 в. о некоем итальянском происхождении типов максимилиановой системы.

В то же время у итальянских историков 19 в. мы встречаем представление об обратном заимствовании – о немецкой картауне, превратившейся, де, в итальянскую кортану, известную из труда Ди Джорджио Мартини (конец 15 в.); притом из того же труда известно второе название кортаны – кортальда, а кортальда, как доказывает Промис, заимствована у французов¹⁰. Что же кем заимствовано, и у кого?

Хорошо известно, что уже в 1460–1470-х гг.¹¹ в артиллерийских парках французов и бургундцев имеются «курто» (старофр. courtaud, courtault и т. п.) – осадные орудия крупного, но очевидно меньшего, чем бомбарды, калибра, способные вести сравнительно более частый огонь, чем бомбарды. Курто применяются во время бургундских войн 1470-х гг. и позднее, во время французского вторжения в Италию 1490-х гг.; войско Карла VIII в 1494 г. имеет «бомбарды, курто [Courtouwe] называемые, числом 200, из коих большинство длиною от 18 до 20 футов, и все мечут литые [!] ядра весом от 24 до 30 фунтов»¹². «Великие пушки, называемые куртоу [староангл. curtow, courtaw, curtalle]» имеются в артиллерии английского короля Генриха VIII в его французских походах; тогда же для осадного парка Филиппа Клевского изготавливаются двойные курто и курто (с железным ядром в 80 и 50 фунтов, соответственно)¹³. Одно из последних упоминаний курто относится к 1532 г.¹⁴

Очевидно, что французские «курто» и английские «куртоу» это лишь разные прочтения одного и того же французского названия, которое, в свою очередь, как полагали еще в 19 в., произошло от старофранцузского «courteaud», означавшего подменного или вьючного коня в рыцарском обозе, «рабочую лошадку» (слово употребляется, например, в оригинале «Рокамболя»)¹⁵.

Итальянские же «кортана» и «кортальда» наверняка просто две записи одного и того же названия, сделанные со слуха (курто-кортана) и с записи (courtault-кортальда); Промис упоминает некоего итальянского князя, вынесшего из Франции идею кортальды¹⁶. Версию о неитальянском происхождении этих двух названий подкрепляет и то, что буквально «кортана» означала бы «короткая», а у ди Джорджио Мартини под этими названиями изображено длинноствольное орудие под каменное ядро в «70–100 фунтов»¹⁷.

В таком случае, возникновение и распространение данного типа происходило следующим образом:

Прогресс артиллерийской техники во Франции и Бургундии середины 15 в. порождает облегченные длинноствольные бомбарды, скорее всего сразу литые бронзовые, которые первоначально играют вторые роли при гигантских бомбардах; тип назван согласно этой вспомогательной роли. Подвижность и тактическая гибкость выдвигают курто на первые роли, чему способствует переход французской осадной артиллерии на железное ядро в 1480-х годах.

Далее, под названиями «кортальда» и «кортана» аналогичный тип перенимается в итальянских землях; кортальды упоминаются в описании приготовлений к защите Феррары (1483). Леонардо да Винчи так пишет о ведении осады: «На стены [крепости] сначала наводи кортальды, пробуй в разных местах и отражай ответные удары; тогда наводи половинные («mezo») и большие бомбарды; а то не сделаешь дела хорошо»¹⁸.

Смит и Деврис относят к сохранившимся образцам курто, хотя и под вопросом, бронзовую пушку в Базельском музее, происходящую из «бургундской добычи» швейцарцев и сделанную в 1474 г. Жаном де Малином (Иоганном из Мехелена) для герцога бургундского. Орудие «Burgunderin», почти одинаковое по внешнему виду с базельским, изображено в «Цойгбухе»¹⁹.

Как это бывает с успешными образцами, хорошо показавшая себя «кортана» при Максимилиане I перенимается в немецких землях; название окончательно онемечивается как «картауна» (среди вариантов правописания XVI века: Korthone, Kartoune, Cartoune, Carthoune, Carthouwe, Carthune). В «Цойгбухе» уже находим картауны под железное ядро, «короткие» и «длинные». Оценить их калибр без какого-либо масштаба трудно; первые письменные «стандарты» говорят о железном ядре в 25 фун-

тов («Quartana» в «Deutsche Kriegsordnung» фон Ахтердингена в 1524 г.²⁰ и в «Ordnung...» Пройсса в 1530 г.²¹). К концу XVI в. немецкие полные (ganze) картауны достигают 80-фунтового калибра и вытесняют шарфмецы в качестве главного типа осадных орудий.

Максимилианова система

В немецких землях в 1470–1480-е гг. производятся прежние типы осадных орудий: великие пушки (Hauptstück), т. е., бомбарды; вспомогательную роль играют «ноты» и четверть-пушки (Nothbüchse, Viertelbüchse). Полевые типы представлены в основном короткоствольными гуфницами и длинноствольными шлангами. Вообще многообразие орудийных типов и условность их названий весьма велики²².

В 1490-х гг. во владениях Максимилиана I вводится система орудийных типов, стандартизованных по калибру ядра; шарфмеца и картауна входят в эту систему. *Идея этой системы, как мы полагаем, была заимствована у итальянцев*, обладавших к тому времени неким подобием линейки стандартных калибров, что и описывается у ди Джорджио Мартини. Ослабление итальянских городов-республик во второй половине 15 в. и многократные вторжения «великих держав» в Италию не дали итальянской системе возможности развиваться далее. Однако это достижение, несомненно, было замечено и оценено, в частности, Максимилианом I и его начальником артиллерии Фрейслебеном; возможно, именно эта идея воплощена и французами в «шести французских калибрах».

Косвенные свидетельства итальянского происхождения максимилиановой системы это, во-первых, ряд названий (картауна лишь одно из них), имеющих явно итальянское происхождение; во-вторых, «итальяноподобные» исходные названия немецких орудийных типов (Geschlecht), которые находим еще в середине XVI в. в «Воинском наставлении» Фронспергера; в-третьих, величины калибров этих типов: «100 фунтов железа» шарфмецы и «25 фунтов железа» картауны – а оба эти типа появляются раньше прочих типов системы – это как раз 300 и 75 фунтов камня, указанные ди Джорджио Мартини для бомбарды и кортаны-кортальды, соответственно, и пересчитанные в соотношении 1:3, что соответствует примерному соотношению плотностей камня и железа; установление подобных пропорций свойственно дан-

ной эпохе. Промежуточные 50-фунтовые «соловей» и «певица», скорее всего, собственные имена неких позднейших промежуточных образцов, превратившиеся в имена нарицательные.

¹ Zeugbuch Kaiser Maximilians I. [BSB Cod. icon. 222]. Innsbruck, [1500–1510]. URL: nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb00020956-6.

² Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1890. URL: archive.org/details/bub_gb_c6RDAAAIAAJ. S. 434.

³ Jähns M. Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen mit einem Anhang über die Feuerwaffen. Berlin, 1899. URL: archive.org/details/bub_gb_EfzZAuG4RXwC. S. 359.

⁴ Messner F. Kaiser Maximilian I. und die Kriegsführung seiner Zeit. Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades an der Philosophisch-Historischen Fakultät der Leopold-Franzens-Universität Innsbruck. URL: academia.edu/473849/Maximilian_I_und_die_Kriegsf%C3%BChrung_seiner_Zeit.

⁵ Promis C. Dell'arte dell'ingegnere e dell'artigliere in Italia dalla sua origine sino al principio del XVI secolo e degli scrittori di essa dal 1285 al 1560 // Trattato di architettura civile e militare di Francesco di Giorgio Martini, architetto senese del secolo XV ora per la prima volta pubblicato per cura del Cavaliere Cesare Saluzzo con dissertazioni e note per servire alla storia militare Italiana. Torino, 1841. URL: books.google.com/books?id=h8xOAAAAYAAJ. P. 173–175.

⁶ Promis... P. 130–159.

⁷ DWB: Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854-1961. Quellenverzeichnis Leipzig 1971. URL: woerterbuchnetz.de/DWB/.

⁸ Henne am Rhyn O. Kulturgeschichte des deutschen Volkes. Band 1. Berlin, 1897. URL: archive.org/details/bub_gb_I8k3QAAMAAJ. S. 450.

⁹ Boeheim... S. 441.

¹⁰ Promis... P. 173–175.

¹¹ Контамин Ф. Война в Средние века. СПб, 2001. С. 160.

¹² Promis... P. 173–175.

¹³ Bonaparte M.-L. Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie. T. 1. Paris, 1846. URL: books.google.com/books?id=0rpf2TsXH8C. P. 128.

¹⁴ Gay V. Glossaire archéologique du Moyen Age et de la Renaissance. T. 1. Paris, 1887. URL: archive.org/details/glossairearcheol01gayv. P. 467.

¹⁵ DMF: Le Dictionnaire du Moyen Français (1330–1500). 4e version. URL: atilf.fr/dmf/.

¹⁶ Promis... P. 173.

¹⁷ Promis... P. 173–175.

¹⁸ Promis... P. 174.

¹⁹ Smith R.D., DeVries K. The artillery of the Dukes of Burgundy, 1363–1477. Boydell Press, 2005. URL: books.google.com/books?id=UAL0SfuyUGQC.

²⁰ Jähns... S. 360.

²¹ Preuss J. Ordnung, Namen, unnd Regiment alles Kriegsvolcks. Straßburg, 1530. URL: books.google.com/books?id=J35XAAAACAAJ.

²² Jähns... S. 359,360.

А.А. Терешкин (Петрозаводск)

**КОЛЛЕКЦИЯ МОДЕЛЕЙ
Артиллерийских орудий
Производства Александровского
завода в фондах Национального музея
Республики Карелия**

В 1772–1774 гг. на реке Лососинке, в Петровской слободе (ныне г. Петрозаводск), несколько выше того места, где в начале XVIII в. располагался Петровский пушечный завод, под руководством горного инженера и металлурга А.С. Ярцева был построен новый пушечный завод, получивший название Александровский. Основной продукцией предприятия до 70-х гг. XIX в. являлись артиллерийские корабельные и крепостные орудия различных калибров. В дальнейшем оно было переvedено на производство снарядов. В разное время на заводе выпускались паровые машины, печатные станки, части прядильных машин, предметы хозяйственного обихода. Особое признание Александровский завод получил за художественное чугунное литье для Петербурга.

В начале 1780-х гг. возникла необходимость расширения производственных мощностей Александровского завода, без чего было невозможно развивать успехи, достигнутые заводскими мастерами в предыдущем десятилетии. Указом Екатерины II от 2 сентября 1786 г. на пост директора Олонецких горных заводов был назначен британский инженер, шотландец по происхождению, Чарльз Гаскойн, который должен был их перестроить с целью улучшения пушечно-литейного дела.

В конце XVIII – начале XIX вв. завод был уже преобразован по «карронской системе». Известный исследователь, член-корреспондент Российской Академии наук Иван Филиппович Герман, который в 1800-х годах занимался изучением и описанием

Рис. 1. Действующий макет вододействующей цилиндрической воздуходувной машины. Автор И. Трипецкий. 1834 г. Александровский завод, г. Петрозаводск

Олонецких горных заводов, в своей работе постоянно подчеркивал их передовой характер производства, утверждая, что эти заводы «могут служить примером всем прочим заводам»¹.

«Английская метода» была применена и в общей организации производства: в передовом характере техники, например, в использовании повсюду цилиндрических воздуходувных машин (рис. 1) вместо старых, употребляемых еще на Урале мехов; и в отдельных чертах: использование английских строительных материалов для печей – кирпича и глины, английского минерального топлива и оборудования – например, особых сверл при сверлении пушек из лучшей английской стали и т. д. Во всех цехах во главе производства были поставлены иностранные мастера-англичане, которые обязались создать себе смену, (о чем имелся и характерный пункт в контракте, заключенном российской казной с Гаскойном), используя для этого детей заводских мастеровых, окончивших учение в народных школах.

Рассматривая план Александровского завода (1803 г.), где указаны отдельные цеха, можно восстановить картину произ-

водства того времени. Вдоль завода идет плотина, являющаяся силовой станцией завода. В центре плотины имеется прорез, снабженный запорами, откуда вода, через сливной мост и особые лари, пропускается на водоналивные колеса доменной фабрики (где плавится руда и отливаются чугунные вещи), сверильной фабрики (в которой просверливаются пушки) и молотовой (где варится и проковывается железо); всего на заводе 7 колес. Рядом с домнами помещаются цилиндрические воздуходувные машины, приводимые в действие движением водяного колеса, нагнетающие воздух в печи. Недалеко от доменного корпуса – ряд печей «самодувных» (без воздуходувных машин) для обжига руд, для цементирования чугунных вещей, размягчаемых с целью дальнейшей ручной обработки зубилами, для нагревания листового железа. При доменных печах находятся «фурмовые», где делаются формы для литья пушек; здесь имеется печь для сушки «фурм» и место, где толкут мусор и мнут глину, с особой машиной для толчения мусора, который употребляется при обжиге чугунных вещей. Далее идут: «ножевая фабрика», отдельно – «пуговичный цех» с целым рядом «покоев», где делают пуговицы с «золотильней», «плавильней», «чеканкой», «полировальной». По другую сторону заводского двора помещаются «молотовая фабрика», где проковывается кричное железо, и ряд фабрик, где производится механическая обработка отлитых пушек; «сверильная фабрика», в которой пушки просверливаются, с особым местом, где зачищают раковины в пушках, и корпусом, где «точат пушки» и «отрезают прибыль» (излишнюю часть, получаемую при отливке пушек). При заводе имеется, кроме того, ряд кузниц, слесарных, токарных, а также хозяйственных построек: «магазины», рудяной сарай, конторы и другие здания, не показанные на плане: 22 казенных строения и 70 мастеровых и обывательских домов².

Процесс изготовления пушек состоял из нескольких этапов: сначала в доменном корпусе, который представлял собой в нижней части сводчатый фундамент; а в средней части домну, в верхней части домны производилась загрузка печей рудой и углем – работа велась вручную двумя рабочими; в нижней части – выпускался чугун и отливались чугунные вещи; тут же находились два крана, действующие усилием руки для подъема отлитых пушек и др. тяжелых вещей. У горна внизу работали также двое

рабочих в две смены по 12 часов. «Смотрение» за плавкой проводил мастер-англичанин, наблюдающий «проплавку по цвету пламени «фурмы» и другим признакам. Отливка вещей производилась в песок или глину, или в чугунные формы (пушки и ядра). Отливка пушек требовала приготовления формы; «фурмованием» было занято несколько формовщиков. Пушечные «фурмы» или «опоки» состояли из различных разнимаемых пополам частей.

«Фурмование» проходило в несколько стадий: сначала устанавливали вертикально отдельные части, которые обкладывали салом и посыпали мелкотолченым углем; затем шла набивка «пушечным составом» между опокой и моделью, который уминался ручными деревянными клиньями и колотушками до тех пор, пока все пустое пространство не было наполнено составом; после этого «фурмы» просушивались и обмазывались чернилами, которые состояли из мелкого, истолченного угля, соединенного с мукой; после все это смешав вместе, разводили водой. «Нафурмованные пушки» отвозили к чану, где и производилась отливка. Пробивая вострым ломом «замаску», выпускали чугун по песочным желобам к месту, где была установлена форма. Отлитые и остывшие пушки отвозились рабочими на особых «плахах» – «медведках» в сверильную фабрику, где их сверлили на особых станках. Но прежде необходимо было удалить «прибыль», т. е. образующуюся при отливке у дула лишнюю часть. Удаление прибыли производилось следующим образом: «околотивши с пушки фурмовую землю, поднимают ее краном (ручным) на резной станок. «Прибыль» отрезают железным четырехгранным бруском со стальной наваркой на конце, сточенным в виде долота. Вращая пушку от водяного колеса, работник нажимает долото к «прибыли», стараясь надрезать со всех сторон. Вставляя железный клин в надрезанную часть «бьет молотом пока «прибыль» не отвалится»³. После этого сверлили пушку на сверильном станке. С помощью мела определяли центр канала ствола. К дульной части пушки подводилось сверло, укрепленное в «нажимательной тележке», снабженное зубчатыми колесами, установленными на зубчатой дорожке. Сверло нажималось к вращающейся пушке силой тяжести особых ломиков, снабженных тяжестями, вставленными в оси колес тележки. Если придать ломику с тяжестью угловое положение, то он будет

**Рис. 2. Действующий макет пушечно-сверлильного цеха
Александровского завода. Автор И. Трипецкий. 1834 г.
Александровский завод, г. Петрозаводск**

постоянно приводить в движение тележку вперед и прижимать сверло к пушке.

Макет такого пушечно-сверлильного цеха до сих пор хранится в фондах Национального музея Республики Карелия (рис. 2), но более интересный макет находился в Морском музее Санкт-Петербурга, сделанный тем же заводским модельщиком Иваном Трипецким (там были даны не только основные установки, но и мелкие инструменты, служащие для обточки пушек, и фигуры рабочих в процессе работы)⁴.

После просверливания канала пушки и запала производилось обследование внутренних стенок пушки. С помощью «особого» инструмента «трещотки» отыскивали раковины. Если они были велики, то пушка шла в брак, а если не очень – заделывались. Прежде всего определялась величина раковины: «посылали в канал деревянный шест, с наложенным на конце воском, которым и проверяли величину находившейся внутри раковины»⁵. Далее, пользуясь особой «секретной машинкой», высверливали раковину с помощью «мячика» (сверлышка); в это отверстие вгонялся винт с подрезанной головкой, которая свертывалась при завинчивании. После этого посредством ручных пил (представля-

ющих собой деревянный шест с полукруглой пилой на конце), место слома сглаживалось: «пропускают ее в пушки, наводят на то место, где впущен винт, потом начинают беспрестанно двигать шест от себя и к себе до тех пор, пока почти совсем не сгладится шейка винта»⁶. Опиливание продолжалось более мелкой пилой до полного сглаживания стенки пушки.

В 1835 г. на Александровском заводе по указанию начальника Штаба Корпуса горных инженеров К.В. Чевкина был учрежден «музеум», в программу которого входил обязательный перечень создания моделей машин, а именно: «цилиндрических мехов; сверлильной; резной; винторезной; каморы; заделочной; токарный станок; для выбивания кругов; полировальной, а также двух печей – доменной и вагранки»⁷.

К 1881 г. в горном музеуме дополнительно появились модели: «станка для прострагивания пространства между цапфами; для обточки дульных частей и просверливания; цапфоточного; угловой передачи движения; машины для прессования торфа; газолитейной печи; калильной печи с генератором; свинцовообливательной печи; отражательной печи, а также модели разрезанного орудия для показа укладки ядер, 12-фунтового орудия с нарезным каналом и т. д.»⁸. Т. е. первые коллекции моделей должны были включать в себя те, которые свидетельствовали об особом вкладе Александровского завода в технический прогресс в период работы начальником заводов К. Гаскойна. К большому сожалению, большинство этих моделей в фондах Национального музея Республики Карелия до наших дней не сохранилось.

Особое место среди прочих занимает коллекция моделей артиллерийских орудий, произведенных на Александровском заводе. Ее появление связано с именем великого князя Константина Николаевича, второго сына Николая I, родного брата Александра II. 17 мая 1844 г. в сопровождении своего наставника, вице-адмирала Федора Литке на пароходе «Ладога» (это был первый пароход, который увидели в Петрозаводске) великий князь прибыл в Петрозаводск. На следующий день, 18 мая, в сопровождении гражданского губернатора Повало-Швыйковского и начальника Олонецких горных заводов генерал-майора Бутенева I он отправился на Александровский завод. Очень подробно Константин осмотрел: проплавку железных руд из чугуна; формование артиллерийских орудий (в его присутствии были отли-

ты 1-пудовый единорог и 3-пудовая бомбическая пушка); сверление и отделку артиллерийских орудий разных калибров; действие «самодувных» печей; действие вагранки; выделку железа; формование снарядов и их отливку; обточку снарядов и приготовление карронадных винтов. Также он осмотрел две пушки, отлитые в присутствии императора Александра I в 1819 г. (одну из которых император лично оковал). Великий князь, которому не было еще 17 лет, обратил внимание на усердную работу мастеров и рабочих. Мастеру сверлильного цеха Гребешкову подарил золотые часы и на всех рабочих сто рублей серебром. После этого Константин посетил пробную батарею (на берегу Петрозаводского залива Онежского озера, за горнозаводской пристанью), где присутствовал при пробе 10-ти орудий 36-фунтового калибра. Вечером посетил музей Олонецких заводов, внимательно осмотрел представленные предметы, особенно модели разных заводских механизмов⁹. После экскурсии по заводу великий князь изъявил желание приобрести коллекцию моделей орудий и чертежей к ним, изготавливавшихся для сухопутных войск, Черноморского и Балтийского флотов. В августе того же 1844 г. на заводе было изготовлено собрание моделей орудий, отливаемых на Олонецких заводах, числом 67 с чертежами на медных досках, уменьшенных в $\frac{1}{8}$ долю. В это же время поступила заявка от Морского Кадетского корпуса. Чуть позднее великий князь Константин Николаевич решил коллекцию «дополнить моделями тех чугунных орудий, которые были отливаемы для Флота и Крепостной артиллерии по вновь составленным чертежам в последние 10 лет» (т. е. с 1844 по 1855 гг.)¹⁰.

Коллекция моделей пушек, находящаяся в фондах музея, насчитывает около 70 предметов. В коллекции представлены точные копии орудий в $\frac{1}{8}$ доли, отлитых в разные годы на заводе как для сухопутной (крепостной) артиллерии, так и для морской (корабельной). Их чуть более 40 единиц.

Тела орудий до 30-х гг. XIX в. условно разделялись на части – казенную, вертлюжную (среднюю) и дульную. Эти части отделялись друг от друга фризами (в виде обручей). Плоские и широкие фризы назывались поясами. Выпуклая часть орудия позади казенной части называлась торелью. За торелью орудие оканчивалось продолговатой или круглой шишкой, большей частью со сквозной дырой. Эта шишка называется винградом. У карронад

Рис. 3. Модель 36-фунтовой пушки

Рис. 4. Модели:
4.1. 24-фунтовой морской пушки;
4.2. единорога;
4.3. 30-фунтовой сухопутной пушки;
4.4. 18-фунтовой пушки

в винграде ходил подъемный винт¹¹. Все это, включая запальное отверстие и изображение герба Российской империи, имеется на этих моделях. На цапфах обозначены калибр орудия, вес, год создания, название завода и фамилия начальника завода, при котором отливалось орудие. Например, на модели 36-фунтовой пушки (рис. 3) хорошо видны и изображение герба, размещенное между цапфами, и запальное отверстие, и надписи на цапфах: «въ 1/8 дол. 36 фун: Пушки 168 1/2 пу» и «1836-го Алксн: Звд Н: Армтр:». На цапфах упоминаются фамилии начальников завода Бутенева I, Армстронга, Фуллона, Фелькнера и его помощника подполковника Егорова.

На некоторых моделях на торели обозначена принадлежность пушки: «м.а.» (морская) или «с.а.» (сухопутная). Среди сухопутных имеются модели крепостных орудий 12, 18 (рис. 4.4) и 24-фунтовых и 1 и 3-пудовых производства 1847 г.; 30-фунтовой «береговой» пушки производства 1858 г. (рис. 4.3). Среди морских – 18, 24 (рис. 4.1), 30, 36, 48-фунтовые производства 1847 и 1858 гг. Более 20 моделей представляют собой заготовки моделей различных орудий. У них не просверлен канал ствола, имеются «наплывы» в дульной части и не отрезан «хвостовик» в казенной части. Среди них есть модели гаубиц (единоголов), карронад и мортир (рис. 5).

Рис. 5. Заготовки моделей пушек

Работа над макетами и моделями, связанными с историей

Александровского завода, также как и над историей самого завода, будет продолжена. Одна из таких страниц – «Пушки Александровского завода на кораблях Черноморского и Балтийского флотов» и «Приезд в Петрозаводск для приемки пушек для Черноморского флота Михаила Петровича Лазарева».

- ¹ Герман И. Описание Кончезерского и Петрозаводского заводов и производимого при оных литья пушек и снарядов. СПб., 1803.
- ² Каменский В. Производственный процесс на б. Александровском пушечном заводе (в конце XVIII – начале XIX вв.) // Карело-Мурманский край. 1930. № 11–12. С. 36.
- ³ Там же. С. 37.
- ⁴ Иван Анисимович Трипецкий в 1827–1829 гг. числился работником, а затем столяром в машинном цехе (НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 27/292. Л. 27). Возможно, во время своей поездки для обзора Олонецких заводов в 1835 г. начальник Штаба Корпуса горных инженеров К.В. Чевкин заметил И. Трипецкого и отправил его на учебу в Горную Техническую школу в Петербурге. Окончание учебы совпало с учреждением горного музея при Александровском заводе, и Трипецкий был первоначально определен в цех для изготовления моделей для музея.
- ⁵ Каменский В. Производственный процесс... С. 38.
- ⁶ Там же. С. 39.
- ⁷ НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 68/554. Л. 40–41.
- ⁸ Там же. Оп. 30. Д. 27/289. Л. 6.
- ⁹ Путешествіе Его Императорскаго Высочества государя великаго князя Константина Николаевича по Олонецкой губерні въ 1844 году. Выпускъ II. С. 7–9. О высочайшихъ посещеніяхъ Олонецкой губерні Августѣйшими Особами в XIX столетіи. Историческій сборникъ. Изданіе Олонецкаго Губернскаго Статистическаго Комитета под редакціею Д. Члена-Секретаря А. Иванова. Петрозаводскъ. Библиотека Национального музея Республики Карелия. № 939.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 38. Оп. 2. Д. 10/98.
- ¹¹ Широкопад А.Б. Энциклопедія Отечественной артиллеріи. / Под общей редакціей А.Е. Тараса. Минск, 2000. С. 96.

А.С. Титов (Санкт-Петербург)

КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРИИ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ И ВЕРМАХТА НА НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

22 ИЮНЯ 1941 г. на поле боя сошлись не только два мира, две идеологии, два образа жизни, но, главным образом, две армии. Каждая из этих армий имела свою историю развития, свои принципы формирования и концепцию ведения войны.

«Артиллерия – бог войны»¹, – так еще до войны И.В. Сталин охарактеризовал роль артиллерии на поле боя. И история развившейся вскоре Второй мировой войны (1939–1945) полностью подтвердила правоту этого его утверждения. На поле боя всей Второй мировой войны и самой тяжелой, самой интенсивной и самой кровопролитной части Великой Отечественной войны (1941–1945) артиллерия была основной силой по борьбе с танками и авиацией противника, основной силой, расчищавшей путь своей пехоте и танкам через зачастую эшелонированную и сильно укрепленную оборону противника.

Сравнение артиллерии Красной армии и артиллерии вермахта на начало Великой Отечественной войны интересно тем, что это без сомнения были две сильнейшие артиллерийские школы Второй мировой войны, и во многом именно в их противостоянии на полях Великой Отечественной войны был решен вопрос о победе. Победе, которая далась народам СССР ценой гигантских жертв, невероятного напряжения сил, мужества и героизма.

В современных условиях сравнительный анализ артиллерийского вооружения РККА и вермахта актуален по нескольким причинам:

1. Несмотря на большое количество литературы по артиллерии Красной армии и артиллерии вермахта, работ, в которых произведена хоть какая-то попытка провести сравнительный анализ, очень немного.

2. Создаваемое в предвоенные годы артиллерийское вооружение может куда более точно, чем многие появившиеся в последние годы гипотезы, показать нам, к какой войне готовились обе стороны конфликта.

К концу 20-х гг. перед артиллерийскими конструкторами всех стран появилось несколько новых проблем, и первой из них были танки. Первый раз появившиеся 15 сентября 1916 г.², к началу 30-х гг. они прошли немалый путь в своем развитии и готовились стать основной ударной силой всех армий мира.

К 22 июня 1941 г. на вооружении Красной армии и вермахта находилось несколько противотанковых пушек. Однако основной их противотанковой артиллерии были советская 45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г. 53-К³ и немецкая 37-мм противотанковая пушка обр. 1935/36 г. Pak 35/36⁴.

Обе пушки были очень похожи по конструкции. Они имели клиновой затвор полуавтоматического действия, резиновые колеса и подрессоренный лафет. Впрочем, это было неудивительно, так как у обоих орудий был единый протектор.

В 1924 г. в обстановке глубочайшей секретности в связи с действующими ограничениями Версальского договора фирмой «Рейнметалл» была создана 37-мм противотанковая пушка, получившая индекс Tak 28 (Tankabwehrkanone 28). В 1930 г. начала проходить испытания, а в 1932 г. орудие стало поступать в войска⁵.

Правда, еще до поступления первых Tak 28 в войска в 1930 г. экспортный образец этого орудия через БЮТАСТ⁶ попал в СССР, где его направили конструкторам завода № 8 в подмосковный Калининград (ныне – г. Королёв)⁷. Здесь под руководством выдающегося советского артиллерийского конструктора М.Н. Логинова (1903–1940)⁸ была создана новая противотанковая пушка, получившая заводской индекс 53-К⁹.

В ходе испытаний орудие совершило 1046 выстрелов и прошло 50 км пробега¹⁰. В ходе испытаний выяснились некоторые недостатки этого орудия, а именно – невозможность использования полуавтоматической системы стрельбы при стрельбе ос-

45-мм советская противотанковая пушка обр. 1937 г. Инв. № 3/104

3,7-см немецкая противотанковая пушка обр. 1936/37 г. (РАК-36/37)
Инв. № 011/32

колочно-фугасными снарядами и слабость деревянных колес, которые усложняли эксплуатацию орудия и позволяли транспортировать его только со скоростью 10–15 км/ч¹¹.

Однако, несмотря на все эти проблемы, это орудие под обозначением «45-мм противотанковая пушка образца 1932 г.» было принято на вооружение¹².

Естественно, к пушке обр. 1932 г. у военных с самого начала было немало претензий. Неустойчивая работа автоматики при стрельбе осколочно-фугасными боеприпасами, отсутствие подпрессоренного хода, что уменьшало мобильность орудия, и деревянные колеса – все это требовало создания нового или модернизации существующего орудия.

Поэтому в ходе модернизации, проведенной в КБ завода № 8 (подмосковный Калининград), была переработана затворная часть пушки, введен подпрессоренный ход лафета, вместо деревянных колес были введены колеса от автомобиля ГАЗ. Новое орудие получило заводской индекс 53-К, в конце 1937 г. прошло заводские испытания и было направлено на войсковые испытания¹³.

В первом квартале 1938 г. пушка 53-К прошла все положенные испытания и 24 апреля 1938 г. была принята на вооружение под обозначением «45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г., индекс ГАУ-52-П-243»¹⁴.

История же Pak 35/36 тем временем продолжалась. Как уже было сказано выше, 37-мм противотанковая пушка Tak 28 с 1932 г. стала поступать в части германской армии.

Однако у вермахта к Tak 28 были практически те же самые претензии, что и РККА к пушке обр. 1932 г. Поэтому в 1934 г. она была модернизирована.

Новая противотанковая пушка получила новый лафет с подпрессоренным ходом, колеса с пневматическими шинами, а также новые прицельные приспособления. Под обозначением 3,7-см Pak 35/36 (3,7-см Panzerabwehrkanone 35/36 – 37-мм противотанковая пушка обр. 1935/36 года)¹⁵. Это орудие было принято на вооружение вермахта и на долгие годы стало основным противотанковым орудием немецкой армии.

Как видно из данных, представленных в таблице 1, советская противотанковая пушка имела некоторое преимущество перед немецкой пушкой по бронепробиваемости. Однако в то же время

она была тяжелее своей немецкой коллеги. Тем не менее, их можно считать равными по тактико-техническим характеристикам.

Табл. 1

Сравнение тактико-технических характеристик советской 45-мм противотанковой пушки обр. 1937 г.¹⁶ и немецкой 37-мм противотанковой пушки Pak 35/36¹⁷

Тактико-технические данные	45-мм противотанковой пушки обр. 1937 г.	37-мм противотанковая пушка Pak 35/36
Калибр	45 мм	37 мм
Длина ствола	46 калибров	45 калибров
Масса (в боевом положении)	560 кг	480 кг
Скорострельность	15–20 выстр./мин	10–15 выстр./мин.
Начальная скорость бронебойного снаряда.	760 м/с	762 м/с
Эффективная дальность стрельбы (бронеб. снаряд)	500 м	500 м
Бронепробиваемость (дистанция 100 м)	45 мм	34 мм

Кроме 45-мм противотанковой пушки образцов 1932 и 1937 гг. и Pak 35/36, на вооружении Красной армии и вермахта к 22 июня 1941 г. состояли еще два образца противотанковых пушек. Эти орудия к началу войны были малосерийными, так как их разработка началась только в конце 30-х гг.

Первым увидело свет немецкое 50-мм противотанковое орудие фирмы «Рейнметалл». Оно было принято на вооружение в 1939 г. под обозначением 5-см Pak 38 (5-см Panzerabwehrkanone 38 – 50-мм противотанковая пушка обр. 1938 г.)¹⁸.

А весной 1941 г. на вооружение РККА поступила 57-мм противотанковая пушка обр. 1941 г. ЗИС-2, созданная в КБ завода № 92 под руководством В.Г. Грабина (1900–1980)¹⁹, выдающегося советского артиллерийского конструктора²⁰.

Как видно из таблицы 2, советская 57-мм пушка значительно превосходила немецкую Pak 38.

К началу Великой Отечественной войны на вооружении РККА были и минометы: 82-мм батальонный миномет обр. 1937 г. БМ-37, созданный в КБ знаменитого советского артиллера Б.И. Шавырина (1902–1965)²¹. А на вооружении вермахта

Сравнение тактико-технических характеристик советской 57-мм противотанковой пушки обр. 1941 г.²² и немецкой 50-мм противотанковой пушки Pak 38²³

Тактико-технические данные	57-мм противотанковая пушка обр. 1941 г.	50-мм противотанковая пушка Pak 38
Калибр	57 мм	50 мм
Длина ствола	73 калибров	60 калибров
Масса (в боевом положении)	1050 кг	1000 кг
Скорострельность	15–25 выстр./мин	12–14 выстр./мин
Начальная скорость бронебойного снаряда	990 м/с	760–800 м/с
Эффективная дальность стрельбы	1000 м	700 м
Бронепробиваемость (дистанция 100 м)	120 мм	68 мм

находился 8-см sGW 34 (8-см schwere Granatwerfer 34) – 81-мм тяжелый миномет обр. 1934 г.²⁴.

Оба миномета имели примерно равные характеристики и всю Великую Отечественную войну пробыли на вооружении противоборствующих сторон.

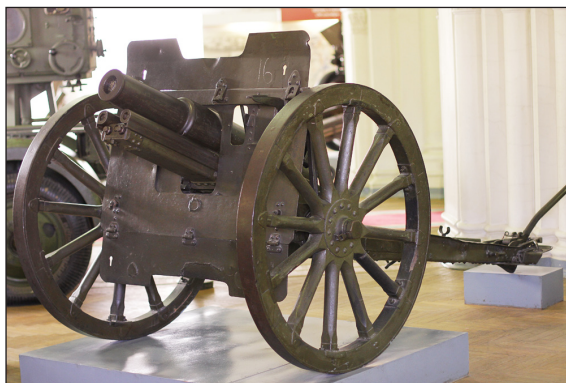
А вот системы полковой артиллерии РККА и вермахта во многом были различны. Основой обеих систем были 76-мм короткоствольные пушки. На вооружении Красной армии находилась 76-мм полковая пушка обр. 1927 г.²⁵, а на вооружении германской армии – 7,5-см leIG 18 (7,5-см leichte Infanteriegeschütz 18²⁶) – 75-мм легкое пехотное орудие обр. 1918 г.²⁷

Таблица 3 говорит нам о том, что, несмотря на схожие калибры и расположение в системе вооружения, орудия имеют значительную разницу в тактико-технических характеристиках. 76-мм полковая пушка обр. 1927 г. была практически в два раза тяжелее своего немецкого собрата, при этом обладала более чем в два раза большей дальностью стрельбы. При этом немецкая пушка имела практически в три раза больший уровень вертикального наклона.

Все это говорит просто о разной концепции применения орудий. Советские конструкторы стремились создать орудие, спо-

**7,5-см немецкая противотанковая пушка обр. 1938 г. (РАК-38)
Инв. № 011/31**

76-мм советская полковая пушка обр. 1927 г. Инв. № 3/129

собное как можно больше обеспечивать поддержку пехоты без смены позиций. Немецкие же конструкторы, исходя из концепции «Блицкрига», стремились сделать орудие поддержки пехоты как можно более легким, чтобы оно не отяжеляло пехотные полки, пытавшиеся поспеть за бронетанковым кулаком.

При этом благодаря большому максимальному углу возвышения немецкая 75-мм пушка могла вести навесной огонь практически как миномет. Для советской полковой пушки, где в полках имелось немалое количество 120-мм минометов, такой необходимости не было.

Табл. 3

Сравнение тактико-технических характеристик советской 76-мм полковой пушки обр. 1927 г.²⁸ и немецкого 75-мм легкого пехотного орудия 7,5-см leIG 18²⁹

Тактико-технические данные	76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	75-мм легкое пехотное орудие leIG 18
Калибр	76,2 мм	75 мм
Длина ствола	16,5 калибров	11,8 калибров
Масса	920 кг	400 кг
Скорострельность	10–12 выстр./мин	12 выстр./мин
Макс. даль. стрельбы	8500 м	3500 м
Максимальный угол ВН, град.	24,5	75

Второй частью полковой артиллерии был 120-мм миномет обр. 1938 г. ПМ-38. На начало Великой Отечественной войны это был самый мощный миномет в мире, ни одна из армий мира подобного образца артиллерийского вооружения не имела.

Табл. 4

Тактико-технические характеристики 120-мм полкового миномета обр. 1938 г. ПМ-38³⁰

Тактико-технические данные	120-мм полкового миномета обр. 1938 г. ПМ-38
Калибр	120 мм
Масса	275 кг
Скорострельность	15 выстр./мин
Макс. дальность стрельбы	5700 м
Угол ГН	6 град.
Угол ВН	80 град.

120-мм минометы обр. 1938 г. оказались столь удачны, что немцы просто скопировали его и в 1943 г. запустили в производство.

В Германии же в полковое звено была принята 15-см sIG 33 (schweres Infanteriegeschütz 33 – 15-см тяжелое пехотное орудие обр. 1933 г.)³¹. Ни одна армия в мире не имела столь мощного орудия в полковом звене, однако ее немалый вес (1750 кг) и сложность в производстве сыграли с вермахтом дурную шутку. Всего было выпущено около 4,5 тысяч орудий sIG 33.

**Тактико-технические характеристики
150-мм тяжелого пехотного орудия sIG 33³²**

Тактико-технические данные	150-мм тяжелого пехотного орудия sIG 33
Калибр	150 мм
Длина ствола	11,4 калибров
Масса	1750 кг
Скорострельность	2–3 выстр./мин
Угол ГН	11 град.
Угол ВН	75 град.

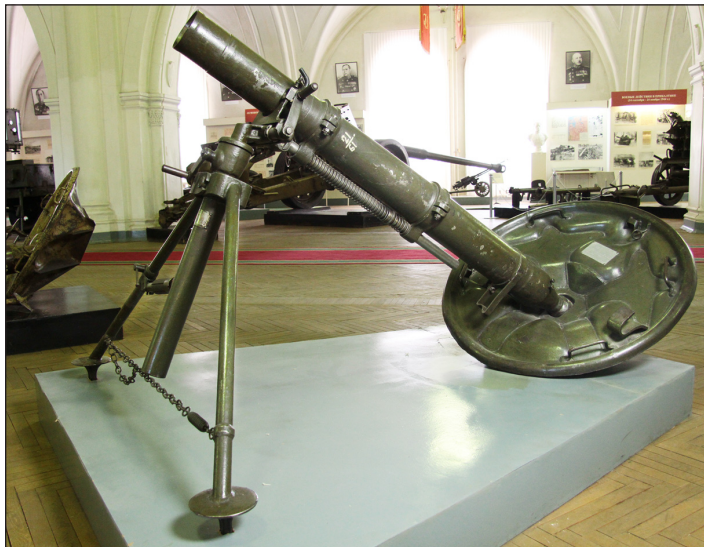
В дивизионном звене РККА и вермахта также имелись некоторые различия: в отличие от Красной армии вермахт не имел на вооружении дивизионных пушек.

Основной дивизионной гаубицей РККА на начало ВОВ была 122-мм гаубица обр. 1938 г. М-30, созданная в КБ Ф.Ф. Петрова. Основной же дивизионной гаубицей вермахта была 10,5-см leFH 18 (10-см leichte Feldhaubitze 18) – 10,5-см легкая полевая гаубица обр. 1918 г.³³

Если посмотреть на их внешний вид, то он очень схож, они были вполне современными дивизионными гаубицами для своего времени. В таблице 6 можно посмотреть сравнение ТТХ этих двух орудий.

**Сравнение тактико-технических характеристик
советской 122-мм дивизионной гаубицы обр. 1938 г.³⁴ и
немецкой 105-мм легкой полевой гаубицы обр. 1918 г.³⁵**

Тактико-технические данные	122-мм дивизионная гаубица обр. 1938 г. М-30	105-мм легкая полевая гаубица leFH18
Калибр	122 мм	105 мм
Длина ствола	22,7 калибров	28 калибров
Масса	2400 кг	2040 кг
Скорострельность	5–6 выстр./мин	6–8 выстр./мин.
Макс. дальность стрельбы	11 800 м	10 675 м
Максимальный угол ВН	24,5 град.	30 град.
Вес ОФ снаряда	22 кг	14 кг

120-мм советский полковой миномет обр. 1938 г. (ММ-38)
Инв. № 21/61

122-мм советская дивизионная гаубица обр. 1938 г. (М-30)
Инв. № 3/109

Как мы видим из таблицы 6, обе гаубицы имеют примерно одинаковую дальность стрельбы. При этом немецкая гаубица имела немного большую скорострельность, однако за это пришлось заплатить цену в виде куда менее мощного снаряда – 22 кг у М-30 против всего 14 кг у немецкой гаубицы. Чтобы хоть как-то справиться с этой проблемой один из дивизионов артиллерийских полков обычно вооружался 150-мм гаубицами sFH 18³⁶, однако в условиях больших расстояний Восточного фронта осенней и весенней распутицы, они часто тормозили продвижение немецких пехотных дивизий и были скорее проблемой, чем дополнительным огневым средством.

Как уже говорилось, кроме гаубиц в дивизионной артиллерии РККА находились и 76-мм дивизионные пушки. Это были и устаревшие 3-дм обр. 1902 г., и их модернизированный вариант обр. 1902/30 г.³⁷, а также более новые Ф-22³⁸ и УСВ³⁹, созданные великим советским артиллерийским конструктором В.Г. Грабиным.

Однако задерживаться на их рассмотрении мы не будем, так как их не с чем сравнивать. Только заметим, что они, несмотря на некоторые свои недостатки, были куда более эффективны для борьбы с танками, чем гаубицы. Это в свою очередь делало советские пехотные дивизии куда более устойчивыми в противотанковом отношении, чем дивизии вермахта.

Основой корпусной артиллерии Германии и СССР того времени были корпусные пушки и тяжелые гаубицы.

Вермахт в 1941 г. использовал в своем корпусном звене 10,5-см К 18 (10,5-см Kanone 18) – 105-мм корпусную пушку обр. 1918 г.⁴⁰, и уже упоминавшуюся здесь 150-мм тяжелую полевую гаубицу обр. 1918 г.⁴¹ 15-см sFH 18 (15-см schwere Feldhaubitze 18).

В Красной армии существовал так называемый корпусной дуплекс из 122-мм корпусной пушки обр. 1931/37 г. А-19⁴² и 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20⁴³.

Из таблицы 7 видно, что соотношение здесь примерно такое же, как и в сравнении дивизионных гаубиц. К 18 имеет схожие, а в некоторых случаях превосходящие А-19 баллистические характеристики, но в то же время уступает в массе, а значит и в могуществе снаряда.

76-мм советская дивизионная пушка обр. 1936 г. (Ф-22)
Инв. № 3/130

76-мм советская дивизионная гаубица обр. 1939 г. (Ф-22УСВ)
Инв. № 3/83

Табл. 7

**Сравнение тактико-технических характеристик
советской 122-мм корпусной пушки обр. 1931/37 г.⁴⁴ и
немецкой 105-мм корпусной пушки К 18⁴⁵**

Тактико-технические данные	122-мм корпусная пушка обр. 1931/37 г. А-19	105-мм корпусная пушка К 18
Калибр	122 мм	105 мм
Длина ствола	46,3 калибров	52 калибра
Масса	7100 кг	5542 кг
Скорострельность	3–4 выстр./мин	6 выстр./мин
Макс. дальность стрельбы	17 900 м	19 500 м
Вес ОФ снаряда	25 кг	15 кг

Немного другое различие мы видим в сравнении советской 152-мм корпусной пушки-гаубицы обр. 1938 г. МЛ-20 и немецкой 150-мм тяжелой гаубицы sFH 18.

Табл. 8

**Сравнение тактико-технических характеристик
советской 152-мм пушки-гаубицы обр. 1938 г. МЛ-20 и
немецкой 150-мм тяжелой полевой гаубицы sFH 18**

Тактико-технические данные	152-мм пушки-гаубицы обр. 1938 г. МЛ-20	150-мм тяжелая полевая гаубица sFH 18
Калибр	152,4 мм	149,1 мм
Длина ствола	32,3 калибров	29,5 калибров
Масса	7300 кг	5500 кг
Скорострельность	3–4 выстр./мин	4–5 выстр./мин
Макс. дальность стрельбы	17 200 м	13 325 м
Вес ОФ снаряда	49 кг	43,5 кг

Как мы видим из таблицы 8, советская 152-мм пушка-гаубица МЛ-20 имела куда большую массу, однако, при этом, куда большую дальность стрельбы и немного более мощный боеприпас. Так что в случаях, когда этим орудиям приходилось встречаться лицом к лицу, советские артиллеристы могли вести огонь, находясь вне зоны действий своих немецких коллег.

**122-мм советская корпусная
пушка обр. 1931/37 г. (А-19)
Инв. № 3/124**

**152-мм советская пушка-гаубица обр.
1937 г. (МЛ-20) Инв. № 4/22**

Зенитная артиллерия всех передовых армий того времени состояла из двух составляющих – малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) и зенитной артиллерии среднего калибра (СЗА).

Основу МЗА Красной армии и вермахта составляли малокалиберные автоматические пушки калибров 20–37 мм. Однако, как мы увидим позже, соотношения этих орудий в войсковом ПВО было различным. Основным зенитным орудием была разработанная фирмой «Рейнметалл» 2-см Flak 30/38 (2-см Flugzeugabwehrkanone 30/38) – 20-мм зенитная пушка обр. 1930/38 г.⁴⁶ В СССР также было создано орудие подобного калибра, 25-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1940 г. 72-К, созданная в КБ завода № 8 под руководством М.Н. Логинова⁴⁷.

Табл. 9

Сравнение тактико-технических характеристик советской 25-мм автоматической зенитной пушки обр. 1940 г. 72-К⁴⁸ и немецкой 20-мм зенитной пушки Flak 30/38⁴⁹

Тактико-технические данные	25-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1940 г. 72-К	20-мм зенитная пушка Flak 30/38
Калибр	25 мм	20 мм
Длина ствола	82,6 калибров	65 калибров
Масса	1200 кг	450 кг
Скорострельность	240 выстр./мин	220 выстр./мин
Макс. дальность стрельбы: по высоте	3000 м	3000 м
по дальности	4500 м	4800 м
Угол вертикальной наводки	-10, +85 град.	-12, +90 град.

Как мы видим из таблицы 9, Flak 30/38 имела значительно меньшую массу, чем советская пушка, при этом обладая сравнимыми баллистическими характеристиками. Однако это было не единственным преимуществом немецкой зенитки.

Flak 30/38 начала поступать в вермахт еще в 1934 г. и к 1941 г. была основой его МЗА. 72-К начала поступать в части РККА только в конце 1940 г., и к началу Великой Отечественной войны в войсках имелось еще небольшое количество этих орудий.

Другим видом малокалиберной зенитной артиллерии, активно использовавшейся в войсковом ПВО РККА и вермахта, были автоматические зенитные пушки калибра 37 мм. В СССР это была 37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г. 61-К⁵⁰. В Германии в 1935 г. на вооружение была принята 3,7-см Flak 18 (3,7-см Flugzeugabwehrkanone 18) – 37-мм зенитная пушка обр. 1918 г.⁵¹, а вскоре она была модернизирована и получила индекс 3,7-см Flak 36 (3,7-см Flugzeugabwehrkanone 36) – 37-мм зенитная пушка обр. 1936 г.⁵²

Табл. 10

Сравнение тактико-технических характеристик советской 37-мм автоматической зенитной пушки обр. 1937 г. 61-К⁵³ и немецкой 37-мм зенитной пушки Flak 16/36⁵⁴

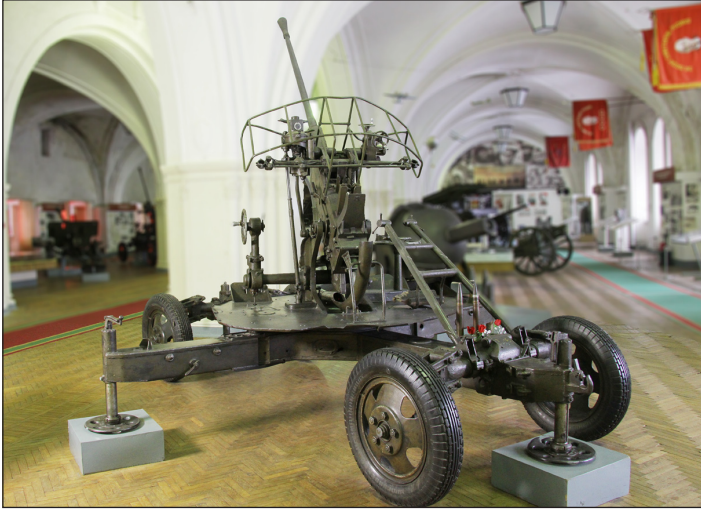
Тактико-технические данные	37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1940 г. 61-К	37-мм зенитная пушка Flak 18/36
Калибр	37 мм	37 мм
Длина ствола	62,6 калибров	57 калибров
Масса	2100 кг	1550 кг
Скорострельность	120 выстр./мин	120 выстр./мин
Макс. дальность стрельбы: по высоте	4000 м	4000 м
по дальности	5000 м	5200 м
Угол вертикальной наводки	–5, +85 град.	–8, +85 град.

Основой зенитной артиллерии Красной армии были 76-мм зенитная пушка обр. 1931/38 г. З-К и 85-мм зенитная пушка обр. 1939 г. 52-К⁵⁵. Как и другие зенитные орудия РККА, эти орудия были созданы в КБ завода № 8.

Основным орудием СЗА вермахта было 8,8-см Flak 18/36 (8,8-см Flugabwehrkanone 18/36) – 88-мм зенитная пушка обр. 1918/36 г. Фирма «Крупп» начала работы по новому зенитному орудью еще в 1928 г.⁵⁶ К 1932 г. работы были завершены, и орудие под обозначением 8,8-см Flak 18 было принято на вооружение германской армии. А в 1936 г. на вооружение была принята модернизированная зенитная пушка, получившая индекс 8,8-см Flak 36.

Как мы видим из таблицы 11, 76-мм зенитная пушка обр. 1931/38 г. значительно уступала немецкому зенитному орудью,

**37-мм советская автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г.
Инв. № 5/13**

однако 85-мм зенитная пушка обр. 1939 г. уже вполне соответствовала ей по тактико-техническим характеристикам, имея при этом вес в боевом положении на тонну легче.

Заканчивая свой рассказ о полевой артиллерии РККА и вермахта на начало Великой Отечественной войны, надо сказать, что в рамках данной статьи не рассматривается артиллерия большой и особой мощности. Это во многом обусловлено тем, что специфика создания подобных крупнокалиберных орудий чрезвычайно затрудняет их сравнительный анализ.

Поводя итоги рассмотрению и сравнительному анализу артиллерии Красной армии и вермахта на 22 июня 1941 г., можно сделать следующие выводы.

Материальная часть артиллерии обеих сторон была для того времени вполне современной. Однако в то же время, как показали четыре года войны, несмотря на ряд ошибок, допущенных в развитии материальной части артиллерии в предвоенные годы, артиллерийский парк РККА оказался более сбалансированным и адаптированным к быстро менявшимся условиям боевых действий.

Так, например, создание 120-мм миномета обр. 1938 г. на первом этапе войны давало полковой артиллерии Красной армии зна-

Сравнение тактико-технических характеристик советских 76-мм зенитной пушки обр. 1931/38 г. 3-К, 85-мм зенитной пушки обр. 1939 г. 52-К⁵⁷ и немецкой 88-мм зенитной пушки Flak 16/36⁵⁸

Тактико-технические данные	76-мм зенитная пушка обр. 1931/38 г. 3-К	85-мм зенитная пушка обр. 1939 г. 52-К	88-мм зенитная пушка Flak 18/36
Калибр	76,2 мм	85 мм	88 мм
Длина ствола	55 калибров	55,2 калибров	56 калибров
Масса	3750 кг	4000 кг	5000 кг
Скорострельность	15–20 выстр./мин	15–20 выстр./мин	15–20 выстр./мин
Макс. дальность стрельбы:			
по высоте	9250 м	10 500 м	10 600 м
по дальности	14 600 м	14 000 м	14 860 м
Угол вертикальной наводки	–3, +85 град.	–3, +86 град.	–8, +85 град.

чительное преимущество над артиллерией полка вермахта, где подобная артиллерийская система появилась только в 1942 г. В то же время, введение в полковое звено вермахта 152-мм пушки sIG 33, хорошо проявившей себя в Европе, в условиях весенней и осенней распутицы и слабой дорожной сети СССР часто приводило к ухудшению маневренных качеств артиллерии полкового звена вермахта из-за большой массы этой артиллерийской системы⁵⁹.

Отказ от пушечной составляющей дивизионного звена во многом ослаблял противотанковые возможности дивизий вермахта. Особенно сильно это сказалось, когда выяснилось, что 37-мм противотанковая пушка Pak 36/37 и даже новейшая на 1941 г. 50-мм противотанковая пушка Pak 38 не могли справиться с противоснарядным бронированием советских танков KB-1 и Т-34. В то время как советские 76-мм дивизионные пушки Ф-22, УСВ, а с 1942 г. и ЗИС-3 всю войну активно применялись для борьбы с танками.

Аукнулось вермахту и облегчение артиллерийских систем дивизионного и корпусного звена, произведенное конструкторами,

которые подстраивались под тактику блицкрига. Министерство вооружения в первую очередь требовало улучшения маневренных качеств артиллерии и совсем упустило из вида такой важный показатель как могущество боеприпаса. Поэтому боеприпасам 105-мм легкой полевой гаубицы обр. 1918 г. и 105-мм корпусной пушки К 18, весившим около 15 кг, часто просто не хватало мощности для поражения целей.

Стремясь хоть как-то компенсировать нехватку мощности боеприпаса, германское командование стало вводить в дивизионное и корпусное звено более мощные артиллерийские системы из более высоких звеньев артиллерийской системы⁶⁰. Однако в условиях бездорожья Восточного фронта это часто приводило к негативным последствиям в виде брошенной техники, которой не хватало средств тяги и материального обеспечения.

Все это приводило к тому, что уже во время войны немецким конструкторам приходилось проводить много работ по модернизации существующих или созданию новых артиллерийских систем, и это отнимало у Третьего Рейха немало сил и средств⁶¹. В то же время в СССР, благодаря продуманности системы артиллерийского вооружения, подобных работ было мало⁶².

Прошло уже более 70 лет со дня, когда прогремели последние залпы самой страшной войны в истории человечества, унесшей жизни более 27 миллионов жизней наших соотечественников. Однако уроки той войны, и в том числе в истории материальной части артиллерии, как положительные, так и отрицательные, и сейчас, спустя более полувека могут оказаться небезыntenересны для нас, живущих в XXI веке.

---

¹ Цит. по: Артиллерия / Под общ. ред. М.Н. Чистякова. М., 1953. С. 1.

² Танки. Смоленск, 2000. С. 1.

³ К началу Великой Отечественной войны было выпущено около 20 тыс. таких орудий. См.: Шунков В.Н. Оружие Красной Армии. Мн., 1999. С. 544.

⁴ Fleischer W. 3,7-см Panzerjagerkanone Waffen-Arsenal. Band 169. S. 21.

⁵ Ibid.

⁶ Бюро для технических работ и изучений – организация, созданная для тайного военно-технического сотрудничества СССР и Германии.

⁷ Широкопад А.Б. Тевтонский меч и русская броня. Русско-германское военное сотрудничество. М., 2003. С. 21.

⁸ Логинов Михаил Николаевич (1903–1940) – знаменитый советский конструктор артиллерийского вооружения. Главный конструктор завода № 8 (1937–1940), лауреат Сталинской премии (1941) посмертно.

- ⁹ Шунков В.Н. Оружие Красной Армии. С. 544.
¹⁰ Там же. С. 545.
¹¹ Там же.
¹² Там же. С. 546.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же. С. 547.
¹⁵ Fleischer W. 3,7-см Panzerjägerkanone Waffen-Arsenal. S. 22.
¹⁶ 45-мм противотанковая пушка образца 1937 года. Руководство службы. М., 1939. С. 129.
¹⁷ Fleischer W. 3,7-см Panzerjägerkanone Waffen-Arsenal. S. 69.
¹⁸ Харук А.И. Артиллерия Вермахта, М., 2010. С. 261.
¹⁹ Грабин Василий Гаврилович (1900–1980) – выдающийся советский конструктор артиллерийского вооружения. Генерал-полковник технических войск (1945). Доктор технических наук (1941), профессор (1951), Герой Социалистического труда (1940), лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946, 1950).
²⁰ Грабин В.Г. Оружие победы. М., 1989. С. 315.
²¹ Шунков В.Н. Оружие Красной Армии. С. 110.
²² 57-мм противотанковая пушка образца 1941 года. Руководство службы. М., 1942. С. 102.
²³ Fleischer W. 5-см Panzerjägerkanone Waffen-Arsenal. Band 169. S. 23.
²⁴ Fleischer W. Deutsche Minen- und Granatwefer 1914–1945. Waffen-Arsenal. Band 150. S. 12.
²⁵ Иванов А. Артиллерия СССР во Второй мировой войне. СПб., 2003. С. 64.
²⁶ Хотя орудие и называлось образца 1918 г., в действительности оно было принято на вооружение в 1932 г.
²⁷ Fleischer W. Light & Heavy Infantry Artillery 1914–1945. Schifer publ., 1995. S. 12.
²⁸ 76-мм полковая пушка образца 1927 года. Краткое руководство службы. М., 1942. С. 94.
²⁹ Fleischer W. Light & Heavy Infantry Artillery. S. 13.
³⁰ 120-мм минометы образца 1943 и 1938 года. Руководство Службы. М., 1946. С. 5.
³¹ Fleischer W. Light & Heavy Infantry Artillery. S. 15.
³² Ibid.
³³ Engelmann J. Deutsche leichte Feldhaubitze 1935–1945. Waffen-Arsenal. Band 125.
³⁴ Шунков В.Н. Оружие Красной Армии. С. 188.
³⁵ Engelmann J. Deutsche leichte Feldhaubitze.
³⁶ Шунков В.Н. Оружие Красной Армии. С. 200.
³⁷ Повелители Огня / Под ред. Н.И. Караулова. М.; СПб., 1997. С. 130.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 150.
⁴¹ Engelmann J. Deutsche schwere Feldhaubitze 1935–1945. Waffen-Arsenal. Band 135. S. 14.
⁴² Иванов А. Артиллерия СССР во Второй мировой войне. С. 112.
⁴³ Там же. С. 114.
⁴⁴ 122-мм пушка обр. 1931/37 г. и 152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г. Краткое руководство службы. М., 1944. С. 200.
⁴⁵ Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 325.

- ⁴⁶ Там же. С. 290, 292.
- ⁴⁷ 25-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1940 г. Руководство службы. М., 1942. С. 5–7.
- ⁴⁸ Там же. С. 100.
- ⁴⁹ Müller W. 2-cm Flak im Einsatz 1935–1945. Waffen-Arsenal. Band 142.
- ⁵⁰ 37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г. Руководство службы. М.: Военное издательство МО СССР, 1981. С. 1.
- ⁵¹ Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 302.
- ⁵² Там же. С. 303.
- ⁵³ 37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г. Руководство службы. М.: Военное издательство МО СССР, 1981. С. 2.
- ⁵⁴ Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 344.
- ⁵⁵ Шунков В.Н. Оружие Красной Армии. С. 246.
- ⁵⁶ Большая часть работ шла на территории Швеции в КБ фирмы «Бофорс» (из-за ограничений Версальского договора), но силами немецких конструкторов (фирма «Крупш» владела 30 % фирмы «Бофорс»). См.: Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 308.
- ⁵⁷ 37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г. Руководство службы. М.: Военное издательство МО СССР, 1981. С. 2.
- ⁵⁸ Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 344.
- ⁵⁹ Немецким конструкторам пришлось переводить это орудие на самоходную основу, что требовало дополнительных затрат людских и материальных ресурсов. См.: Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 326–239.
- ⁶⁰ Каждый артиллерийский полк пехотной дивизии Вермахта получил дивизион 150-мм гаубиц sFH 18, а в корпусном звене стали появляться 150-мм пушки, скорее характерные для артиллерии большой мощности.
- ⁶¹ С 1941 по 1945 гг. германским инженерам пришлось произвести две модификации leFH 18. См.: Харук А.И. Артиллерия Вермахта. С. 108–110. Три раза модифицировали sFH 18 и создали для нее активно-реактивный снаряд. Из-за оказавшегося провальным проекта Pak 38 пришлось срочно вводить для этой артиллерийской системы подкалиберный снаряд с сердечником из дефицитного вольфрама.
- ⁶² В 1942 г. была проведена модернизация 45-мм противотанковой пушки образца 1937 г., получившая индекс М-42, в 1943 г. на основе лафета 122-мм дивизионной гаубицы образца 1938 г. была создана 152-мм корпусная гаубица образца 1943 г. Д-1.

Т.Ю. Токарева (Сергиев Посад)

ИСТОЧНИКИ ПО АРСЕНАЛУ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ XVII–XVIII ВЕКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ о Троицком арсенале XVI–XVII вв. содержатся в различных документальных комплексах. Условно их можно разделить на две группы. Первая – это единичные упоминания, встречающиеся в монастырских Вкладных книгах, в документах Троицких осадных сидельцев 1608–1609 гг., в актовом материале и в записках иностранцев. Почти все они опубликованы¹.

Вторая группа источников представляет собой перечневые росписи оружейной «казны» XVII–XVIII вв., включенные в описи имущества монастыря. Полностью ни одна из них не издана². Между тем, они представляют особый интерес для исследователей. Самый ранний и наиболее полный, подробный и значимый источник по арсеналу монастыря – это Опись ТСМ 1641/42 г.³ Ученые XIX–XXI вв. неоднократно обращались к этому уникальному документу при изучении оружейной палаты, крепостной артиллерии, огнестрельного и белого оружия, а также осады монастыря 1608–1610 гг.⁴ Между тем, выдержки, иллюстрирующие историю некоторых видов троицкого арсенала, не дают целостного представления об оружейной коллекции обители. Поэтому необходимо в полном объеме ввести в научный оборот данные Описи 1641/42 г. Также остается неизвестной и следующая Опись арсенала монастыря – Переписная книга 1701 г.

Об оружейном собрании обители дают представление и другие неопубликованные ведомости оружия, содержащиеся в Описях монастырской казны⁵. Это книги 1724, 1727 и 1734 гг. Как и Опись 1641/42 гг., они хранятся в СПГИХМЗ, но, в отличие от нее, другим исследователям не известны⁶.

Данные всех перечисленных неопубликованных рукописей, сопоставленные между собой, представляют оружейное собрание монастыря как цельный историко-культурный феномен. Полностью тексты их приводятся ниже. Однако в настоящей статье мы остановимся только на краткой характеристике артиллерии крепости, описание остального оружия не входит в задачу данной работы.

Арсенал крепости Троице-Сергиева монастыря впервые зафиксирован в Описи 1641/42 г. В тематически разных разделах рукописи содержатся перечни: крепостной артиллерии, находившейся в ведении келаря, оружия, хранившегося в Оружейной палате и в особых погребах на попечении оружейного старца, и оружия, лежавшего в Казенных кельях, за которое отвечал казначей.

Кратко остановимся на Троицкой артиллерии. Она была расставлена только по башням. Ее размещение было осуществлено после завершения строительства крепости, во второй половине XVI в. Крепостной «*наряд*», находившийся на вооружении монастыря, состоял из 111 крупных, средних и мелких артиллерийских орудий. 90 из них находилось на 12 башнях и в Святых, Водяных и в Каличьих воротах. Это были полуторные, полковые и затинные пищали, одна пушка верховая (мортира), многоствольные органы и тьюфяки – всего одноствольных орудий 76 единиц⁷. Разнообразие типологии артиллерийских орудий, как показало ранее проведенное исследование, не было случайностью. Каждый вид орудий находился на определенном месте и отвечал собственным задачам. Нам удалось установить, что артиллерия подразделялась на три основных типа⁸.

Первый – это артиллерия, предназначенная для ведения настильной стрельбы по крупным объектам, защищавшая подступы к крепости. Она размещалась по 1–3 орудия только на верхних, третьих ярусах трехъярусных монастырских башен. Это были 23 полуторные и полковые пищали (калибром до 6 гривенок). Полуторные в числе восьми стояли только на угловых башнях, являвшихся узловыми точками обороны. Полковые орудия меньшего калибра (от 2 до 5 гр.) стояли и на плоских башнях. И полуторные, и полковые пищали были помещены на деревянные, обитые железом колесные станки. Боеготовность троицких

больших полуторных и полковых пушек обеспечивал собственный штат артиллеристов.

Второй тип орудий, находившийся на средних, вторых ярусах башен – это затинные (от слова *тын*, стена) крепостные пищали по 3–5 на каждой. Эти тяжелые «долгие» ружья с фитильными замками, в количестве 37 стволов, предназначались для прицельной атаки на значительные расстояния. У всех затинных были «притины» – приваренные снизу к стволам крюки для упора о внешнюю грань стены, гасящие действие отдачи. Все затинные были уложены в деревянные неподвижные станки-колоды.

Третий тип, соответствующий месту размещения, занимавший нижние, подошвенные ярусы башен – это дробовые орудия различных наименований. Их предназначением было уничтожение противника, подошедшего вплотную к стенам. Опись особо отмечает их направление: как прямо в поле, так и вдоль прясел стен, напротив друг друга на выступающих гранях башен, расстояние между которыми было около 60–90 м, поэтому они обеспечивали максимальную плотность покрытия близлежащей территории. «Долгие» дробовые орудия размещались на колесных станках, тогда как орудия меньшего размера на бесколесных «собаках» и на «суках деревянных». На нижних ярусах были и 14 «органов» – орудий батарейного типа. Троицкие «органки» имели по три или по четыре ствола в одном станке, были снабжены механизмом замка; станки у них были бесколесными. Как и затинные, они тоже были снабжены крюками «притинами». Многоствольные «органы», стоявшие на Троицкой крепости, были направлены всегда «в поле», а не на фланги, поддерживая огонь дробовых орудий.

Особым образом были защищены и одни из ворот крепости – Каличьи, находившиеся с северо-запада. Здесь внизу находилась единственная «пушка верховая» (мортира), калибром в пять пудов, в станку «на волоках». Ее происхождение и функциональное назначение в этом месте для XVII в. не совсем понятно. Орудия для навесной стрельбы обычно использовались противником (в качестве осадных) и применялись «для зажжения крепостей». Артиллерия предназначалась и для защиты сухого рва с восточной стороны, так как в Описи упоминаются пушечные бои под мостом⁹.

Кроме 90 орудий, стоявших на крепости, в монастыре еще были 21 полковая и затинная пищаль, тюфяки и органы, многие из которых были закуплены в 1630-е гг. Эти пищали находились под специальным навесом, расположенным около Оружейной палаты. По нашему мнению, они были подготовлены в качестве смены вышедших из строя орудий или для поднятия на строящиеся новые башни.

Итак, распределение орудий на крепости, как показывают более поздние документы, оставалось таким же вплоть до ее перестройки в середине XVII в. Задуманная еще при строительстве каменного ожерелья обители при Иване Грозном в 1540–50-х гг., система построения огневой защиты боевой цитадели Троице-Сергиева монастыря соответствовала ее конструктивным особенностям. Переписная книга 1701 г. показывает, что она была несколько изменена после перестройки стен и башен в сторону увеличения.

Итак, объем материала Описи по арсеналу в тексте публикации мы разделили на несколько разделов. В первом – описание крепостной артиллерии. Второй представляет сведения о запасах пороха и снарядов, хранившихся в особой палате, располагавшейся на Житном дворе, а также в погребе под Больничными кельями. В третьем разделе показана Оружейная палата, находившаяся в ведении старца Исидора Нармацкого. Это самый пестрый по представленности оружейного «материала» отдел описи. Оружие в тексте перемешано как между собой, так и с хозяйственным оборудованием. Вперемежку записано ручное оружие с артиллерией, луки с медведями, подкопные снасти со стрелами и копьями; годное оружие со сломанным, рваным и ржавым, запасные части с комплектным оружием и т.д. Такая подача материала скрыла от внимания исследователей часть арсенала, поэтому приводим здесь текст полностью¹⁰.

Перечень оружия, хранившегося в казне, приводится нами в четвертом разделе. Этой части никто из исследователей не уделил внимания. В него входили значительные партии огнестрельного и белого оружия, а также оружейные замки. В этот же раздел мы посчитали уместным включить мушкеты, выданные из казны «в расход» на охрану монастырского корабля, отправленного в Астрахань за икрой, рыбой и клеем. Всего же Опись 1641 г. сообщает сведения о нескольких тысячах предметов во-

енного оснащения монастыря (его характеристика не входит в задачу настоящей статьи).

Опись 1641/42 г.

Раздел 1. Крепостная артиллерия. (Л. 524–536 об.). «И всего у города двенадцать башен, а в башнях и по городу по стене 547 сажений с полусаженью. Во всех башнях по три бои: подошвной, средней, верхней». «А на Городе наряду. **На Красной башне** против Святых ворот в верхнем бое: пищаль полуторная медяная двенадцати пядей, в станку на колесех. Ядро шесть гривенок. Пушкарь у той пищали Захарко Ондреев сын Стрельник. Пороху три заряда, ядер тож. Другая пищал(ь) полковая медяная ж, полонянка, трехнатцати пядей, в станку на колесех, по ней травы. Ядро полшесты гривенок. Пушкарь у той пищали Первушка Федоров. Пороху три заряда, ядер тож. Третья пищаль полковая ж медяная, скорострельная, трехнадцети пядей, в станку на колесех, по ней канфарены травы. Ядро полтрети гривенки. Пороху три заряда, ядер тож. Пушкаря у ней нет. Да в том же бое коза (с) смолою ломана. В среднем бою: пищаль затинная в полшесты пяди, казна у ней грановита, в станку с притином и с трубкою, и с курком, з забойником, с трещоткою. Пороху и ядер нет в запасе. Другая пищаль затинная ж, полушесты пяди, казна у ней грановита, в станку с притином, с курком и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет ж. Третья пищаль затинная ж шти пядей, казна грановита, в станку с притином, с курком и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет ж. А ко всем к тем затинным пищалям порошницы и фители, и мошны кожаные, и напулки, затравки, и обертки. В подошвном бою, у ворот, на правой стороне в пазушине: пищаль полковая медяная дробовая шти пядей, на суку деревянном. Стоит по стене к Круглой башне. Пороху и ядер нет. Другая пищаль скорострельная, затинная, медяная четырех пядей, в станку, с курком и с притином, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. В подошвном ж бою, да на площадь к Служне слободе: пищаль затинная семи пядей, в станку с притином, з збойником и с мишенью. От казны до половины грановита, другая половина круга, с трубкою и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет.

На углу, **на Круглой башне**, к Подольному монастырю, в верхнем бою: пищаль полуторная медяная, двенадцати пядей, в станку на колесех. Ядро шти гривенок. Пушкарь у той пища-

ли Ондрюшка Плетников. Пороху и ядер три заряда. Другая пищаль полковая “Олень”, медяная, четырнадцати пядей. Ядро две гривенки. У казны голова звериная, в станку на колесех. Пушкарь у пищали Наумко Ефтихеев. Пороху и ядер три заряда. В том же бою две козы с смолою. В среднем бою: пищаль затинная, шти пядей, кругла, в станку с притином и с курком, и з забойником, и трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пищаль затинная ж, шти пядей, казна и устье грановиты, в станку с притином и с курком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. В подошвном бою: на правой стороне пищаль полковая медяная дробовая семи пядей, на собаке, стоит к Луковой башне. Пороху и дробу нет. Да на левой староне пищаль полковая ж, дробовая, медяная, семи пядей, на собаке, стоит по стене к Красным воротам. Пороху и дробу нет. Да на площадь к Свитошной слободе три арганки по три стволы, в одном станку, с притинами. Пороху и пулек нет.

На Луковой башне в верхнем бою: пищаль полковая медяная одиннадцати пядей, в станку на колесех. Ядро две гривенки. А у ней близко устья на стороне дира. Пушкарь у пищали Трофимко Михайлов. Пороху и ядер нет. В том же бою коза с смолою. В среднем бою: пищаль затинная полушесты пяди, кругла, в станку с притином и с курком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пищаль полковая железная с травами, без запыжника. Ядро гривенка. Пороху и ядер нет. В подошвном бою: пищаль полковая волконейка; в станку; железная, дробовая, девять пядей, с притином, на собаке, стоит по стене к Круглой башне. Да арганка.

У Водяных ворот, в полатке, в подошвном бою, у деревщиков: пищаль полковая дробовая медяная шти пядей, на собаке, стоит по стене к Луковой башне. Пороху и дробу нет. **На Водяных воротех**, в верхнем бою: пищаль полуторная медяная, в станку на колесех, трехнадцати пядей. Ядро шесть гривенок. У пищали пушкарь Макарко Недошивка. Пороху и ядер два заряда. Другая пищаль полковая медяная в станку на колесех, десяти пядей. Ядро гривенка. У пищали пушкарь Емелька Зеленин. Пороху и ядер два заряда. Да в том же бою две козы с смолою. В среднем бою: пищаль затинная, в станку, полушесты пяди, с притином, казна и устье грановито, з забойником, с трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пищаль затинная ж, в станку, полушесты

пяди, казна грановита, с притином и с курком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Третья пищаль затинная ж, кругла, с мишенью, в станку, пяти пядей с четью, с притином и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Да арганка, в одном станку три ствола, с притином, в подошевном бою. Пороху и пулек нет. А ко всем к тем к трем пищальям порошницы и фители, и мошны, напулки кожаные. У Водяной ж башни на городской стене котел медяной ведр в сто, держат для осадного времени на приступных людей, варят в нем вар. В той же (башне. – Т. Т.) восемь парусов.

Против погребя, **на Пивной башне**, в Сушиле, в верхнем бою: пищаль полковая медяная волконейка, по ней травы, в станку на колесех, девяти пядей. Ядро гривенка. Стоит по стене мимо Гостины поварни х Келарскому крыльцу. Пороху и ядер нет. Другая пищаль железная волконейка, до казны по ней чешуя, от казны по ней травы канфарены, девяти пядей. Пороху и ядер нет. В среднем бою в Квасной полатке: пищаль полковая медяная гладкая, в станку на колесех, десяти пядей. Ядро гривенка. Стоит по стене х Келарскому крыльцу. Пушкарь у пищали Ивашко Соболев. Пороху и ядер три заряда.

В Отводном в подошевном бою к Солодовне: другая пищаль полковая железная, в станку на колесех, девять пядей. Ядро у ней полгривенки. Пороху и ядер нет. Пищаль полковая железная волконейка, дробовая, в станку на колесех, девяти пядей. Стоит по стене к Водяным воротам. Да коза с смолою. Пороху и ядер нет. Да на площадь через Круглой пруд: пищаль затинная кругла, медяная, в станку, полусеми пяди, запал сверху, с курком, с притином и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пищаль затинная ж кругла, медяная, в станку, шти пядей, запал сверху, с курком, с притином и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Третья пищаль затинная ж, грановита, з замком, пяти пядей, в станку, с притином и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Четвертая пищаль затинная ж, кругла, полчетверты пяди, в станку с притином, с курком, з забойником и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Ко всем к тем пищальям порошницы и напулки, мошны кожаные.

В Пивной поварне в подошевном бою по сторон ворот: тюфяк железной дробовой кругол, шти пядей, запал сверху, в станку с притином, на собаке. Пороху и ядер нет.

Да в чулане **на Келарском крыльце**: пицаль затинная кругла, шти пядей, устье грановито, в станку с притином и с курком, и з забойником, с трещоткою. Пушкарь у пицали Михалко Горянов. Пороху и ядер нет. Другая пицаль в станку, шти пядей, казна и устье грановито, с притином и с курком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Третья пицаль затинная кругла, с мишенью, шти пядей, в станку, с притином и с курком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Четвертая пицаль затинная ж, в станку, полшесты пяди, казна и устье грановито, с притином, с курком и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Пятая пицаль затинная ж кругла, в станку, полшесты пяди, с курком, с притином и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Шестая пицаль затинная ж, кругла, с мишенью, в станку, полшесты пяди, с курком и с притином, з забойником, и с трещоткою. Ко всем к тем пицалям порошницы и фетили, и напулки, мошны кожаные.

На Плотнишной башне в верхнем бою: пицаль полковая медяная, в станку на колесех, двенадцати пядей. Ядро гривенка. Пороху и ядер нет. **На Жилецком крыльце** в верхнем бою: пицаль полковая медяная, осьми пядей, с летописью, ручки железные, в станку на колесех. Ядро полгривенки.

На Конюшенных воротех в верхнем бою: пицаль полковая медяная, ручки железные, в станку на колесех, девяти пядей. Ядро две гривенки без чети. Пороху и ядер три заряда. В среднем бою: пицаль полуторная медяная, в станку на колесех, одиннадцати пядей. Ядро четыре гривенки. Пороху и ядер три заряда. Пушкарь у пицали Тихонка Онтипин. Другая пицаль полковая медяная, полоненка, в станку на колесех, девяти пядей. Ядро гривенка без чети. Пороху и ядер три заряда. Пушкарь у пицали Фед(ь)ко Иванов. В том же бою две козы с смолою. Пицаль затинная кругла, в станку, шти пядей, с притином и з замком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пицаль затинная ж грановита, полшесты пяди, в станку, с притином и з замком, и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Третья пицаль затинная ж грановита, полшесты пяди, в станку, с притином, з замком и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Четвертая пицаль затинная ж, гладка, без курка, семи пядей. В подошевном бою **в воротех**: пицаль полковая медяная дробовая, на собаке, осьми пядей. Пороху и ядер нет. Пи-

щаль полуторная. Ядро шесть гривенок. Снесена с Келарского крыльца. Пороху и ядер два заряда. Пищаль затинная грановита, в станку, девяти пядей, с притином и з замком. Ствол и станок олифлян. Пороху и ядер нет. У тех же ворот пушка верховая медяная, с летописью, в станку на волоках, шти пядей. Ядро пять пуд. В станку на волоках. Пороху и ядер нет.

На Соляной башне: пищал(ь) медяная новая, купли келаря старца Александра Булатникова, девяти пядей. Ядро две гривенки. Пороху и ядер нет. Пушкарь Трофимко Степанов. Пищал(ь) затинная, в станку, девяти пядей, з замком, с притином и з забойником, с трещоткою, ствол и станок олифлян. Пороху и ядер нет. В том же бою коза с смолою. Под тою ж башнею в подошвенном бою: две арганки в одном станку по три стволы. Пороху и ядер нет.

На Кузнишной башне в верхнем бою: пищал(ь) полуторная, старая, медяная, в станку на колесех, кашпирова литья, десяти пядей. Ядро четыре гривенки. Пушкарь у пищали Вас(ь)ка Свешник. Пороху и ядер два заряда. В том же бою коза с смолою. В подошвенном бою на правой стороне: пищал(ь) полковая железная, кругла, дробовая, в станку на собаке, десяти пядей. Ядро четверть гривенки, с притином. Пороху и ядер нет. В том же бою на левой стороне: тюфяк железной, дробовой, в станку на собаке, десяти пядей, с притином. Пороху и дробу нет.

На новой Житнишной полатке в верхнем бою: пищал(ь) затинная железная, грановита, з замком, девяти пядей, в станку, с притином, з забойником и с трещоткою, станок олифляной. Пороху и ядер нет. В среднем бою **на Житнишной башне:** пищаль полковая, медяная, гладка, дробовая, на собаке, осьми пядей. Арганка в одном станку три стволы. Пороху и пулек четверть.

На Житнишной башне в верхнем бою: пищаль полуторная медяная, в станку на колесех, старая, десяти пядей. Ядро четыре гривенки. Пушкарь у пищали Серешка Осипов. Пороху и ядер три заряда. Другая пищаль полковая медяная ж, полонянка, в станку на колесех, девяти пядей. Ядро гривенка. Пороху три заряда, шесть ядр. Пушкарь у пищали Фед(ь)ка Сидоров. В среднем бою: пищаль затинная, казна грановита, шти пядей, с замком, в станку с притином и з забойником, и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пищаль затинная ж, устье грановито, полусеми пяди, в станку с притином и с курком, и з забойником, и

с трещоткою. Пороху и ядер нет. Третья пищаль затинная ж, грановита, шти пядей, з замком, станок олифлян, с притином, с курком, з забойником, с трещоткою. Пороху и ядер нет. В подошвенном бою: пищаль полковая медяная дробовая, гладкая, на собаке, семи пядей. Пороху и ядер три заряда. Другая пищаль полковая ж медяная, дробовая, на собаке, осьми пядей. Пороху и ядер три заряда. Третья пищаль волконейка, железная, дробовая, гладкая, с травами, в станку с притином, на собаке. Пороху и ядер нет. Промеж тех дробовых пищалей четыре арганки, в одном станку по три стволы, с притинами. Пороху и пулек нет.

На Сушильной башне в верхнем бою: пищаль полуторная медяная, с травами и с летописью, в станку на колесех, тринадцати пядей. Ядро шесть гривенок. Пороху и ядер три заряда. Пищаль полковая медяная, змеи с орлом, в станку на колесех, одиннадцати пядей. Ядро у ней гривенка с четью. Пушкарь у пищали Ивашко Зеленщик. Пороху и ядер три заряда. В том же бою коза с смолою разламана. В среднем бою: пищаль затинная кругла с целью, з замком, устье грановито, полусеми пяди, станок олифлян, с забойником и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Другая пищаль затинная ж кругла, устье грановито, с целью в станку, семи пядей, с притином, з забойником и с трещоткою. Пороху и ядер нет. Третья пищаль затинная ж грановита, в станку, полшесты пяди, с притином, с курком, з забойником и с трещоткою. Пороху и ядер нет. В подошвенном бою: пищаль медяная волконейка, дробовая, с травами и с летописью, в станку на колесех. Ядро гривенка. Пороху и ядер нет. Пищаль полковая железная, дробовая, кругла, в станку на собаке, девяти пядей, с притином. Пороху три заряда. Да на площадь к Служне слободе: две арганки, в одном станку по четыре стволы. Пороху и ядер нет.

Да под навесом: купли келаря старца Александра Булатникова три пищали, пищаль полковая десяти пядей; пищаль семи пядей; пищаль девяти пядей, все три медяные.

Четыре пищали дробовых медяных, куплены во 148 году (1639/40 г. – Т. Т.). Пороху и ядер у них нет.

Пищаль полковая медяная, в станку на колесех, пяти пядей. Ядро гривенка.

Пищаль полуторная медяная, в станку на колесех, тринадцати пядей. Ядро в шесть гривенок.

Пищаль “Барсук”, полковая медяная, в станку на колесех, одиннадцати пядей. Ядро гривенка с четью. Пушкар(ь) у ней Мишка Горянов. У него четьре заряда пороху, одиннадцать ядер.

Пищаль полковая медяная, в станку на колесех, пяти пядей. Ядро четверть гривенки.

Пищаль полковая медяная, на собаке, пяти пядей, грановита. Ядро четверть гривенки.

Пищаль затинная, шти пядей, устье грановито, с курком, с притином, с трещоткою.

Другая пищаль затинная, шти пядей, с курком, с притином, в станку, кругла, з забойником и с трещоткою.

Пищаль затинная ж, шти пядей, с мишенью и з забойником, и с трещоткою.

Пищаль полковая медяная грановита, на собаке, шти пядей. Ядро полгривенки.

Тюфяк железной, дробовой, в станку, шти пядей, с притином.

Арганка, четьре стволы в одном станку, с притином.

Арганка ж, три стволы в одном станку, с притином.

Пищаль полковая медяная, восьми пядей, с летописью, ручки железные, в станку на колесех. Ядро полгривенки.

Пищаль полковая медяная, с летописью, в станку на колесех. Ядро гривенка».

Раздел 2. Снаряды и порох. (Л. 458 об.).

«Казначей же старец Симон ведает пушечные запасы в особой палате и под Больничными кельями, в погребе, ручного и пушечного зелья (по перевесу) 600 пуд. Под церковью Соловецких Чудотворцов и под Казенными кельями в погребе 300¹¹ пуд свинцу. Да пушечных ядер: 4 ядра по 30 гривенок; 2 ядра по полупуда; 36 ядер по 14 гривенок; 13 ядер по 8 гривенок; 650 ядер по 6 гривенок; 360 ядер по 4 гривенки; 390 ядер по 2 гривенки; 15 ядер по гривенке; 40 ядер по полугривенке; 14 ядер по чети гривенки».

Раздел 3. Оружейная палата. (Оп. 1641 г. Л. 520 об.; Л. 475–478).

Л. 520 об. «Подле той палаты онбар деревянной, в нем стоит городской наряд: пищали полуторные и полковые, и тюфяки, и всякой мелкой наряд, и писаны подлинно ниже сего, после наряду, что на городе».

Л. 475–478 «Оружейные казны ведает в монастыре оружейный старец Исидор Нармацкой. В анбарех: 369 самопалов з замки свитцкими¹². 7 пистолей съезжих с колесными замки, 17 стволов целых без лож и без замков, 3 ствола рваных, 2 пищали железные скорострельные, 2,5 ствола рваных затинных, тюфяк железной невелик, без станку, тюфяк железной в станку, 12 пищалей затинных с жаграми, 12 пищалей затинных с замками¹³, 4 пищали затинных без лож и без замков, 2 пищали полковых рваных, железные, 77 замков свитцких, 90 (замков) фетильных от мушкетов, 19 пищалей съезжих с колесными и с свитцкими замки; 65 луков целых, 4 лука ломанных, 7 луков черемисских, 111 лубьев саадачных с колчаны, старых и новых, да лубье с колчаном, писано золотом, 100 стрел <...>. В сундуке 3 сверла самопальных, 2 воронила, ворот шурупной, 33 трещетки <...>¹⁴.

Котельные снасти <...>.

Подкопные снасти: щуп ввертной, две напарья, две лопаты железные, 5 буравов долгих, бурав подкопный, 2 ложки железных, подъем тележной новой, другой подъем горелой, 67 кирок и куров земляных подкопных, опоки железные большие, снасть литовские телеги, 4 векши железных больших.

4 древка с копыи, 14 копий на древках <...>, латы да кольчуга железные изоржавели; в кади 6 лоскутов кольчужных изоржавели и ветхи, 2 бахтерца избитых, наруч, да наруч же, наколенок, два набата ратных <...>; 17 сабель целых и ломанных <...>; 6 пуд всяково ломаново железа <...>; в коробке пушечных ядер и дробу 2 пуда с четью <...>; 1100 копеец железных <...>; 115 копеец на древках <...>; котел железной большой осадной ведер в двести <...>.

Раздел 4. (Оп. 1641 г. Л. 365 и об., 353 об.).

«В Казенных же в верхних палатах: <...> В сундуке 98 мушкетов немецкие с замками. Да в другом сундуке 112 самопалов русского дела, 7 самопалов длинных немецкого и русского дела, 12 пистолетов, 2 карабинца. В третьем сундуке 200 сабель с ножнами. В той же палате 4 саадачонка, да четверы лубья саадачные, 50 замков санопальных <...>». / «Да в казне <...> сундук, а в нем по старым отписным книгам шелом бухарской, на городке камышок достокан лазорев, да жемчуг уродец <...>».

Перечни военного оснащения, извлеченные в полном объеме из Описи 1641/42 г., показывают почти 2500 единиц самого раз-

ного вооружения в разной же степени сохранности, относящегося к концу XV (времени создания первой, деревянной крепости) – первой трети XVII в. Описания значительной их части находятся и в других документах¹⁵.

Следующее такое описание содержится в Переписной книге 1701 г.¹⁶ К сожалению, оно охватывает только артиллерию, стоящую на крепостных стенах и башнях. Перечень оружия, хранившегося в монастырской Оружейной палате, по-прежнему укомплектованной тысячами стволов, в книге 1701 г. отсутствует. На обороте верхней обложки почерком того же времени сделана запись: *«в сей книге ружейной казны и пороху нет, а есть (о)ружья, что у ворот в башнях»*. Она «предупреждает», что в ней нет смысла искать перечневых росписей пороха и оружия, а есть лишь данные на крепостную артиллерию. О том, что оружие сохранялось в обители по-прежнему, точно известно из Описей казны.

Рассмотрим артиллерию Троицы по Переписной книге 1701 г. Опись фиксирует стоящие на крепости железные и чугунные пушки и пищали вместе со станками. В ней также записаны и уже пустые станки, от древней медной артиллерии, все еще стоявшие на своих местах. Некоторые из них помечены как *«ветхие»*. Это говорит о том, что орудия были убраны со стен незадолго до составления Описи. Этот же факт подтверждает и то, что пушки, снятые с крепости, были очень старыми, возможно, нефункциональными.

В книге 1701 г. перечень артиллерии и пустых станков от нее выполнен, как и прежде, по топографическому принципу. Это позволяет высказать ряд предположений относительно особенностей изменения построения огневой защиты крепости. Всего по Описи 1701 г. на стенах и на 10 башнях из 12 находилось 22 железных пушки в станках, 1 пушечка, 21 железная пицаль и 1 тюфяк. От медных пушек оставались разной величины (большие, средние и меньшие) 28 станков, с окованными железом колесами, а у некоторых и станинами. То есть всего к 1701 г., если считать вместе с пустыми станками, на вооружении крепости было 73 пушки. Если исключить из этого числа органы, уже не стоявшие на вооружении цитадели к 1701 г., то орудий оставалось почти столько же, сколько их было и в середине XVII в. Однако их расположение на крепости изменилось. Об этом говорит указание описи, что пус-

тые станки большими группами стояли только в двух точках – в Святых воротах и на Пятницкой башне – 13 в воротах, и 8 на башне. Остальные пушки и пустые станки стояли на башнях относительно равномерно, так же как и прежде, на двух-трех уровнях на каждой башне. Ответить на вопрос, почему две большие группы пустых станков находились только на двух башнях, пока не представляется возможным, также как точно прочитать опись относительно высот, на которые были подняты конкретные виды орудий. Не исключено, что артиллерия переставлялась при подготовке крепости к обороне при втором стрельцом мятеже 1689 г.

Любопытно отметить и то, что пушки к этому времени стояли и на стенах, в чем и состоит главное отличие в организации огневой защиты обители, предпринятой, очевидно, после перестройки стен и башен во второй половине XVII в. С этого времени ширина галереи стен превышала в отдельных местах 6 м, а высота верхнего, третьего яруса крепостной стены, достигающей 15 м, совпадала с прежней высотой башен.

Опись 1701 г. сообщает сведения и о количестве ядер, указывая калибр. Всего числилось 2534 ядра, это ровно на тысячу больше, чем в середине XVII в. Ядра подразделены в ней всего на 4 основных типа. Писцы, облегчая себе работу, указали лишь наименьший калибр каждого из типов. Самая большая часть ядер, 2080 единиц, были записаны как ядра весом 5 гривенок и больше. Это говорит о том, что пушки калибром от 5 гривенок, как и в древности, были наиболее распространенным видом артиллерии в Троице. Также записаны и остальные снаряды. К сожалению, это намного осложняет, по сравнению с Описью 1641 г., понимание имевшихся на вооружении обители функциональных орудий.

Поскольку медная артиллерия Троицы, вероятно, была сдана в переплавку вместо «колоколенной» меди¹⁷, (а не в действующую армию, так как тогда, вероятно, были бы взяты и разнокалиберные ядра к ней), то такую артиллерию без предварительного осмотра лично царем не уничтожали. Известно, что царь осматривал и отбирал «куриозные» орудия, имевшие историческую или художественную ценность. Например, царь в 1702 г. просил Корнелия де Бруина осмотреть древние пушки с гербами и клеймами, свезенные в Преображенское в «арсенал полка гвардейцев его величества». После их осмотра путешественник

с недоумением записал, что он «решительно не мог дознать, каким это образом в давно минувшие времена пушки эти попали в руки русских»¹⁸. Поэтому не исключено, что среди свезенных в Москву орудий могли оказаться и древние медные пушки из Троицы, переданные впоследствии в строящийся в 1706 г. по указу Петра цейхгауз в Кремле¹⁹.

Переписная книга 1701 г., как и книга 1641 г., содержит и другие данные о древнем военном оснащении обители. К ним относятся уникальные свидетельства о троицких осадных козах, уже снятых к этому времени со стен и башен²⁰. Опись дает возможность представить их внешний вид: «две решетки железные, что словут козы». «Козы» также упоминаются и в Описях казны – они лежали на одной из башен²¹. Ранее мы предположили, что в 1878 г. одна из них была передана на Политехническую выставку в Москву под именем «каркаса для зажжения крепостей», откуда возвращена не была²².

Опись 1701 г., как и предыдущая, содержит списки троицкого гарнизона (стрельцов, конных слуг и пеших служек), на которых мы здесь не останавливаемся²³. Однако заметим, что пушкарей у монастыря по Описи 1701 г. уже не числилось. Поэтому сказать, кто в те годы обслуживал оставшиеся троицкие пушки, если они оставались функциональными, неизвестно²⁴.

Арсенал ТСМ по Описи 1701 г. (публикация текста)

Л. 411–412. «Да по досмотру и по переписке по городу, и в которых башнях, что пушек и всякого пушечного снаряду явилось налицо, о том пишет в сих же книгах ниже сего.

В **Святых воротах**, по обе стороны, четыре стана пушечных больших, колеса и станы окованы железом; девять станов средних и меньших, окованы железом же, ветхи. **На городе**, против Святых же ворот, **в башне**, три пушки железных чугунных в станках, станки окованы железом.

В круглой Пятницкой башне пять пушек чугунных же, железных, в станках, а станки окованы железом, на колесах. Да в той же башне в среднем бое пушка ж железная в станку; четыре пищали железных чугунных же, в станках; восемь станков пушечных простых, и в том числе один стан большой, без колес, окован железом, а семь станков средних и меньших, окованы железом же, а станки на колесах простых.

На Гульбишной башне две пушки железные, чугунные, в станках, а станки окованы железом. Да в той же башне два станка пушечных порожни, с колесами простыми.

На Водяной башне в исподнем бое две пушки чугунных в станках, а станки окованы железом. В той же башне в среднем бою станок пушечной на колесах, окован железом.

На городской же стене, против Посельские службы²⁵, в среднем бою пушка железная чугунная ж, в станку. Станок окован железом, колеса простые.

На Мельничной башне четыре пушки железные ж, в станках, станки окованы железом, под станками колеса простыя.

На Житничной башне в среднем бою пушка железная в станку, станок окован железом, под станком колеса простыя. **На городу** у башни Житничной три пушки железные в станках, станки окованы железом, станок же порозжей, окован железом, под станками колеса простыя.

На Плотнишной башне станок пушечной простой, окован железом. Да на той же башне две пицали железные, в ложах.

В Каличьих воротах пушечной станок, окован железом. Да на той же башне, вверху, пушечный станок окован железом же, под ним колеса простыя.

На Благовещенской башне пушечка, да тюфяк, тринадцать пицалей в ложах, и в том числе две пицали без лож, железные ж. **Да пушечных ядер:** 44 ядра по пуду и больши; 110 ядр гривенок по пятнадцати и больши; 2080 ядр гривенок по пяти и больши; 300 ядер по фунту и по полуфунту.

В Погребной башне две пицали железные, станки окованы железом, без колес».

Следующие публикуемые реестры оружия монастыря сохранились в Описях казны 1724, 1727 и 1734 гг. Эти книги, в отличие от Переписной книги 1701 г., напротив, не показывают крепостную артиллерию монастыря. Нет в них и упоминаний о больших станках. Поэтому сказать, как и чем была «наряжена» крепость ко второй трети XVIII в., не представляется возможным. Тем не менее, из других документов известно, что пушечная пальба в монастыре – обычное явление в те годы. Одно из упоминаний об этом (1722 г.) оставлено Фридрихом Вильгельмом Берхгольцем²⁶. В следующем веке, уже после уничтожения крепостных бастионов вокруг монастыря, устроенных по указу

Петра Великого в 1706–1711 гг., новые чугунные пушки монастыря, поступившие на его вооружение при Петре, частью оказались врытыми в грунт вокруг обелиска, а остальные расставлены в воротах.

Отсутствие описаний функциональной артиллерии крепости в Описях казны отчасти компенсируется перечнем снятой со стен старой, негодной артиллерии, показанной в них под заголовком: «В Башне». Здесь находим те древние железные и чугунные пушки, стоявшие на вооружении крепости в XVII в. и отраженные в перечнях артиллерии 1641 и 1701 гг., среди которых органки, тюфяки, затинные пищали, фальконеты и др. По-прежнему и почти в том же количестве лежат и не пригодившиеся к ним ядра. К сожалению, лишь малая часть артиллерии Троицы осталась в Лавре, откуда в 1920 г. была передана в собрание СПМЗ.

Опись казны 1724 г.²⁷

«Да в Казенной (же) палате медной и оловянной посуды и ружья: пищаль турецкая, да пара пистолетов с серебряной оправой и с насечкой, и с костями (в Описи 1734 г. добавлено: “а по осмотру явились весьма ветхи и серебряной оправы немного, а насечки и кости не имеется”. – *Т. Т.*); пищаль винтовальная (в Описи 1734 г. добавлено: “ветхая”. – *Т. Т.*).

Да в Рухлядной палате парчей и всяких припасов и рухляди: сабля, оправка серебряная по бархату черному, в шести местах золочена, пояс оправлен, тесьма шелковая, полоса булатная (в Описи 1734 г. добавлено: “по осмотру ножны изломаны и бархат опрел”. – *Т. Т.*); сабля, оправка серебряная по зеленому хозу, в 5 местах оправка серебряная, золочена, полоса булатная; <...> муштук князь Ивановской Михайловича Кафтырева, оправка серебряная золочена, с камнем, с бирюсками, с паперстью и с пахвьями, тесьмы шелк с золотом, дан за долг за 50 рублей, в муштуке 17 бирюзок нет, в пахвях места, да двух камней нет; узда и пахви на красной шелковой тесьме, на ней набор серебряной гвоздочками, а протчей медной, а именно на пахвях 74 гвоздка, на узде 164 гвоздка серебряные, в дву плащиках 2 камышка бирюски, на обоих плащиков медных восемь; паперсть тесьма с золотом, на ней набор серебряной чеканной, позолочен, а именно: 3 пряжки, наконешник, да крюк с петлюю, да 10 жучков, да два круга <...>; знамен полковых: 3 знамя на камках, по золоту

писаны образы Живоначальные Троицы, да Видения Великого Чудотворца Сергия, у знамен древка и яблоки писаны красками, на знаменах чехлы сукна однояточного; 2 знамени в кругах, одно на камке, другое на тафте, зеленого цвету, писаны по золоту ж образ Живоначальные Троицы, да Видения чудотворца Сергия, ветхи <...>; седло архимаричье и чепрак бархатной вишневой, подложен сафьяном черным, передняя и задняя луки обложены серебром, стремяна железные резные луженые, снимальник суконной вишневой <...>²⁸.

Да под Казенным приказом за железной решеткой: пороху в кадке, да в боченке, в кувшине 11 пуд 39 фунтов; да в кульке лежалово пороху 1 пуд с четвертью (в Описи 1734 г.: “пороху лежалого в кадке 2 пуда, а по рухлядным книгам пороху показано на лицо в Рухлядной палате половина боченка”. – Т. Т.).

Да в Рухлядной палате: <...> тулумбас с кожей <...> (в Описи 1734 г. добавлено: “тулумбас медной с кожей, весу попята фунта”. – Т. Т.).

Да в Оружейной палате ружья: 2 фузеи в нагалищах тульского дела; 75 фузей немецкого дела (в Описи 1727 г. “72”, а в Описи 1734 г. “71 фузея немецкого дела”. – Т. Т.); 504 фузеи тульского дела (в Описи 1727 г. “504 фузеи тульского дела, и в том числе 31 мушкет недомерков, ложки и замки по-фузейному”, а в 1734 г. “504 фузеи тульского дела, в том числе 31 мушкет недомерков, ложки и замки по-фузейному, у многих фузей ложки и замки попорчены, а у иных ложки переложены и замков нет. По справке ружейного Курдюмова с книгами прошлого 1731 г., оных фузей показано у него в приеме и с караульными 498 фузей²⁹”. – Т. Т.); 18 пищалей (в Описях 1727 г. и 1734 г. отсутствуют. – Т. Т.); 395 сабель немецкого дела (в Описях 1727 г. и 1734 г. “394 сабли немецкого дела в ножнах с поясами ременными, а иные без поясов, в том числе одна изломана”); 10 фузей с багинетами немецкого дела (в Описи 1734 г. добавлено: “по означенным ружейного Курдюмова книгам, оных фузей имеется налицо 9 фузей”. – Т. Т.); 2 фузеи длинные московского дела; 30 багинетов, один без крыжа (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюмова имеется 13, а не 30-ть”. – Т. Т.); 18 пищалей, в том числе 6 пищалей длинных; 365 пар пистолетов в ольстрах старинного дела (в Описях 1727 г. и 1734 г. добавлено: “в том числе многие без замков и ветхи, без ольстров”. – Т. Т.); 350 сабель в нож-

нах с поясами и без поясов московского дела; 430 сабель в ножнах с поясами монастырские старые (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюмова показано 403 сабли”. – *Т. Т.*); 25 пар пистолетов старых без лож и без замков; пицаль старая с замком (в Описях 1727 г. и 1734 г. добавлено: “что явилась вместо фузеи после балахонского промышления”. – *Т. Т.*); винтовка малая с русским замком <...>; 20 стволов карабельных без лож (в Описи 1727 г. “карабинных”, а в 1734 г. отсутствуют. – *Т. Т.*); 8 стволов пистолетных (в Описи 1727 г. добавлено: “без лож”. – *Т. Т.*); 15 замков пистолетных, в том числе и карабинных; 24 лядунки, шиты золотом по бархату (в Описях 1727 и в 1734 г. “19”. – *Т. Т.*); 2 лядунки бархатные гладкие ветхи; 405 пар с полупарою пистолетов с медными набалдашниками (в Описях 1727 г. “400 пар с полпарою”, а в 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюмова явствует 397 пар с полупарою”. – *Т. Т.*); 24 пары с железными набалдашниками; 336 мушкетов старых и ломанных (в Описях 1727 г. и 1734 г. добавлено: “в том числе 18 без замков, 7 без стволов ломанные”. – *Т. Т.*); 362 карабина старых (в Описях 1727 г. и 1734 г. добавлено: “в том числе 7 карабинов без замков”. – *Т. Т.*); 100 карабинов, в том числе 70 без лож; 50 лядунок суконных красных (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюмова явствует 25”. – *Т. Т.*); 378 натрусков деревянных с железными обручниками (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюмова явствует 348”. – *Т. Т.*); 573 рога казачьих зеленых с борошнями; 190 рогов с костью черных без борошней; 167 борошней сафьянных; 10 сумочек сафьянных же; 21 лук с колчанами, в том числе 3 без колчанов, ветхи; 500 стрел; 500 пар ольстров старых ветхих (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюмова явствует 50 пар”. – *Т. Т.*); 54 ремня с крюками; 69 ремней с берендерами; кинжал булатной, оправ серебряная позолочена (в Описи 1734 г. добавлено: “по скаске монаха Курдюмова имеется у господина архимандрита Варлаама в келье”. – *Т. Т.*); турка; да винтовка, у турки насечен ствол серебром (в Описях 1727 г. и 1734 г. добавлено: “старца Ионы Салникеева³⁰”. – *Т. Т.*); пицаль турецкая ломанная; влагалище мушкетное кожаное (в Описях 1727 и 1734 г.: “нагалище”. – *Т. Т.*); 140 замков русских и финталных ломанных в коробке; пицаль длинная яныченка, ложа яблонная, врезаны раковины и кости; 4 фузеи тульского дела, в том числе одна павловского дела

(в Описях 1727 и 1734 г. добавлено: “у трех фузей ложки яблонные, у четвертой ложка кленовая, замки у всех по-фузейному”. – Т. Т.); 2 винтовки, ложки яблонные, врезаны раковины, а у другой кости (в Описях 1727 и 1734 г. добавлено: “после бывшего казначея Феоктиста Второго”³¹. – Т. Т.); 3 пары пистолетов с медными набалдашниками; пара (пистолетов – пропущено. – Т. Т.) тульского дела с железными набалдашниками; 2 сабли черкасские; меч стальной полоса полтора аршина, на нем подпись иноземская, яблоко и крыж позолочен и посеребрен, черен оболочен бархатом, ножны оболочены кожей; набат строевой (в Описях 1727 г. и 1734 г. описан в другом месте, в “нижнем жилье” той же Оружейной палаты: “набат ратного строю”. – Т. Т.) <...>.

В Башне: 14 пицалей в станках; коза железная осадная; пушечных ядер больших и средних и малых по смете 3000; 3 пицали скорострельных старинных; 3 пицали затинных старинных; 2 ствола рваных железных затинных; 5 стволов железных затинных; 28 пицалей с замками и с жаграми; 3 пицали по 4 ствола; 14 пицалей по 3 ствола; 42 фузеи тульского дела; 50 фузей тульсково дела мелких; 6 сабель московского дела; 20 луков ветхих; 20 ремней сабельных; 21 ремень с пряжками и простых и без пряжек; пицаль турецкая длинная, ложка чинаровая, замок русского дела; лядунка оболочена бархатом; рог казачей.

В той же палате в нижнем жилье: 82 ядра пушечных, 2 бурава подкопных, 30 гнезд мехов кузнечных ветхих, в том числе 15 гнезд ветхих, а остальные 15 гнезд все одни доски, да обручи, а кож нет ничего (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам рухлядново Курдюкова явствует 14 гнезд, а не 30-ть”. – Т. Т.); 70 луков саадачных с колчанами ветхих; 15 колчанов одинаких ветхих; 233 ложки пицальных с замками ветхих; клин скорострельной; 2 фурмы с брусками двойными; 2 фурмы одинаких; зобня, да кадка подметных рогаток; 3 козы осадных; 3 кольчуги железные ветхи; 19 лат железных; 5 шоломов железных; 3 нагрудника; 2 нашейника железных; нарукавник железной ветхий; 270 лопаток московского дела цельных и ломанных железных (в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного Курдюкова явствует 217”. – Т. Т.); 130 топорков, в том числе 3 с обухками; 347 бердышей насаженных и не насаженных старых ветхих и ломанных; 10 рогатин (в Описях 1727 и 1734 г. добавлено: “новых”, и далее в описи 1734 г. “по книгам ружейного Курдюкова явствует 4”. –

Т. Т.); 15 копий* с деревами (*в рукописи: “колес”; в Описи 1734 г. добавлено: “по книгам ружейного монаха Курдюкова явствует 5 копей”. – Т. Т.)».

Итак, приведенный перечень Троицкого арсенала по Описям казны, показывает масштаб накопленного монастырем собрания. В нем, не считая артиллерии, почти 5000 ед. К 1724 г. арсенал представлял собой весьма разнообразный по составу запас как древнего оружия XV–XVII вв., сопоставимый с предыдущими Описями, так и новых поступлений рубежа XVII–XVIII вв. Среди нового оружия, судя по описаниям, было много строевого огнестрельного оружия конца XVII в. Были в собрании монастыря и единичные предметы, такие как турецкие пищали с отделкой, уникальный иноземный меч, латы, шлемы, нарукавники, наколенники, кольчуги и многое другое.

Новые поступления больших партий однотипного оружия прекращаются к началу XVIII в. Уже не поступает и вкладное оружие. Поэтому в Описях казны отсутствуют образцы оружия, относящиеся ко времени их составления. Это подтверждается и тем, что от Описи к Описи количество хранимого в монастыре оружия неуклонно сокращается³². Реестры арсенала, находящиеся в казначейских описях, подтверждают высказанное нами ранее предположение, что он перестал поновляться к началу XVIII в. Троицкая оружейная палата к 1724 г. стала хранилищем нефункционального оружия.

Арсенал Троицы в большей своей части был изъят в 1756 г. в Военно-походную канцелярию графа П.И. Шувалова. Сохранившаяся копия Ведомости переданного в Москву оружия, частично опубликованная В.Р. Новоселовым³³, при сравнении ее с Описью казны 1734 г., показывает, что Лавра передала не весь свой арсенал. Несколько сотен предметов оружия ни тогда, ни позднее не были переданы государству, поэтому судьба его остается пока неизвестной.

---

¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е.Н. Клитиной, Т.Н. Манушиной, Т.В. Николаевой. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 10, 40, 86, 241, 253–254, 276, 303, 363, 414 и другие; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1843. Т. II. № 181.1–3, 240, 241, 242.1–3; Сборник князя Григория Хилкова. СПб., 1879. № 14, 18, 34, 35, 37–39, 42; Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института ис-

тории РАН. Колл. 124 № 277, 278, 346, 348, 349, 357, 358, 359; Колл. 145. Оп. 1. Ед. хр. № 83, 87, 103, 104, 106, 107, 108, 111; Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов (Под ред. И.О. Тюменцева). Волгоград. 2012; Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 100.

² Некоторые новые источники по арсеналу монастыря кратко представлены мною в тезисах научно-практического семинара «Историческое оружие в музейных и частных собраниях», проходившего в октябре 2010 г. в Оружейной палате Московского кремля (Токарева Т.Ю. Источники по истории арсенала Троице-Сергиева монастыря в XVII в. С. 57 // www.kreml.ru/fi/c5m1/i2810/thesishistoricalweapon2010).

³ Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 г. // СПГИХМЗ. Инв. № 289-рук ИХО (Далее Опись 1641 г.)

⁴ Рапорт полковника В. Чебышева от 14 января 1866 г. об оружии, принадлежащем ТСЛ // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 (Главное Артиллерийское управление). Оп. 1/1. Ед. хр. 1573. Л. 83–100; Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. (Переиздание 1909 г.). СПб., 2007. С. 169–171; Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский. Опыт историко-критического исследования. Серия: Антирелигиозная библиотека журнала «Революция и церковь». М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1920. С. 35; Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники оружейной палаты XVII в. // Государственная Оружейная палата Московского кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 16; Новоселов В.Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры Смутного времени: мифы и документы. // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Тезисы докладов научного семинара 14–15 октября 2008. М., 2008. С. 16–18; Чубинский А.Н. К атрибуции «троицких пищалей» из собрания Оружейной палаты. // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Тезисы докладов научного семинара (2010 г.) // www.kreml.ru/fi/c5m1/i2810/thesishistoricalweapon2010. С. 58–62; Токарева Т.Ю. Артиллерия крепости Троице-Сергиева монастыря во время осады 1608–1610 гг. // Церковь и общество на переломных этапах истории. Доклады участников Всероссийской научной исторической конференции в Московской Духовной академии 12–13 октября 2012 года. Сергиев посад, 2014. С. 64–82 (Далее Артиллерия.); Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007. С. 15.

⁵ Токарева Т.Ю. Описи казны второй четверти XVIII в. в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника (к характеристике коллекции) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VIII международной конференции 3–5 октября 2012 г. Сергиев посад, 2013. С. 243–253.

⁶ СПМЗ. Инв. № 59–61 рук ИХО; КП 22424–22426-рук.

⁷ К числу мелкой артиллерии мы относим затинные пищали (долгие и крупные, тяжелые крепостные ружья на деревянных колодах, стрелявшие ядром малого калибра), а также «орг ны» – многоствольные системы, стрелявшие пулями).

⁸ Артиллерия. С. 69–79.

⁹ «Около города ров. Против ворот Красные башни мост деревянной на каменных сводах <...> Под мостом палатка, а из палатки по рву в обе стороны пушечные бои» (См.: Опись 1641/42 г. Л. 522).

¹⁰ В частности, лишь частично отражена оружейная казна монастыря в одной из первых статей по оружию Троицы, впоследствии повторенная и у других авторов. См.: Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие...

¹¹ В моей статье «К вопросу об истории оружейной казны ТСМ в XVII в ...» в прим. 6 ошибочно приведено количество свинца в 30 пудов, правильно – 300.

¹² У Н.В. Гордеева – 360.

¹³ У Н.В. Гордеева 12 пищалей затинных без лож и без замков.

¹⁴ С этого места военное оснащения крепости оружие не публиковалось, кроме осадного котла. См.: Голубинский Е.Е. Преподобный Сергей Радонежский... С. 169–171.

¹⁵ Содержание Описи 1641 г. по Троицкому арсеналу не исчерпывается вышеприведенными сведениями. Некоторые из них рассмотрены нами в статье: «К вопросу об истории оружейной казны ТСМ в XVII в. ...».

¹⁶ Переписная книга Троице-Сергиева монастыря 1701 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 27. Обложка, оборот; Л. 411–412 об. (Далее Опись 1701 г.).

¹⁷ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. С. 232–233; Белоброва О. А. Чудо 1701 г. о колоколах Троицкой лавры // ???

¹⁸ Корнелий де Бруин Путешествие в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова. Л., 1989. С. 65–66.

¹⁹ Например, по взятии г. Митава, царь Петр «огромную митавскую артиллерию повелел отправить в Москву по зимнему пути» (См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 16 т. Т. 10. С. 115–120). Вскоре после выхода в 1706 г. указа Петра I об учете всех достопамятных орудий, доставленные в Москву пушки были частично установлены в Кремле у Посольского приказа.

²⁰ На одном из хозяйственных дворов Лавры писцы обратили на них внимание (См.: Опись 1701 г., Л. 446).

²¹ Перечневая ведомость оружия, хранившегося в монастыре по описям казны, частично опубликована нами. См.: Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны ТСМ... С. 75–76.

²² Токарева Т.Ю. Арсенал крепости Троице-Сергиева монастыря // Сергиев посад. Взгляд сквозь века. Сергиев посад., 2009. С. 101. Описание коз см. также и в перечне оружия Кирилло-Белозерского монастыря, опубликованного в: Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. № 77. М., 1958.

²³ Опись 1701 г., Л. 460–467 об.; 474–476 об.; 477–482.

²⁴ Есть в этом источнике и другие упоминания, связанные с арсеналом Троицкого монастыря, например, описание деревянной Оружейной палаты, которое мы здесь не приводим, так как оно не входит в тему настоящего сообщения. Из Описи 1701 г. можно также почерпнуть сведения и о характере деятельности монастырского оружейного подьячего. Подробнее об этом см.: Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны ТСМ... С. 6 и прим. 16, 17.

²⁵ На основании изучения планов монастыря XVIII в. и других источников, а также учитывая место расположения в фортификационном комплексе каждой из башен вместе с полагавшимся ей «нарядом», мы сопоставляем данные книги 1701 г. по наименованиям башен следующим образом. Авторы описаний двигались от одной башни к другой, но описания наряда башен условно разделены на две части. Сначала описывается артиллерия Красной, главной воротной башни восточной стороны, а затем автор двигается к угловой Водяной башне, сто-

явшей на юго-западном углу. Затем автор вновь возвращается к главным воротам и продолжает описывать «наряд» крепости, начиная от Сушильной башни, по описи 1701 г., Мельничной, также по порядку, заканчивая Пивной башней (в описи 1701 г. – Погребной). Это объяснение необходимо привести здесь так подробно потому, что башни за 60 лет, прошедших с момента составления предыдущей Описи, поменяли свои названия. Исследователи Троицкой крепости еще не предпринимали попыток разобраться с наименованиями древних и новых башен крепости, приведенных в Переписной книге 1701 г. Однако без сопоставления с военным оснащением крепости это вряд ли можно сделать, так как разные названия башен не всегда удастся сопоставить со сведениями источников: они менялись, в зависимости от функционала, слишком часто, что происходит и ныне.

²⁶ Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера, веденный им в России с 1721 по 1725 г. (Пер. с нем. И.Ф. Аммона. Печатается по: Изд. 2-е. Ч. I–II. М. 1858–1860) // Нестовый реформатор / Сост., коммент. А. Либерман, В. Наумов (послел., указ. имен). М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 436–441.

²⁷ Сведения по арсеналу из Описи 1724 г. частично опубликованы нами в: Токарева Т.Ю. К вопросу об истории оружейной казны ТСМ в XVII в. // Сергиево-Посадский музей заповедник. Сообщения. Вып. XI. Сергиев Посад. 2010. С. 74–76. В настоящей статье описание оружия из нее приводится полностью, так как она самая ранняя и полная из них. Разночтения с Описями по арсеналу монастыря из Описей казны 1727 и 1734 гг. помечены нами в скобках после основного текста.

²⁸ Эти две сабли и седло, переданные в Оружейную палату Московского кремля в 1830 г., а также уздечка из собрания СПМЗ, так до сих пор и числятся принадлежавшими знаменитым героям Смутного времени. См. о них подробнее в моей статье «Арсенал крепости Троице-Сергиева монастыря...». С. 94.

²⁹ По ведомости о монашествующих ТСМ в монастыре числился Филарет Курдюков, которому был в 1731 г. 71 год.

³⁰ Иона Салникеев был обвинен в растрате монастырского имущества по делу Синода 1726–1733 гг., когда он был снят с должности архимандрита Казанского Спасо-Преображенского монастыря. В 1709 г. в Троицком монастыре «избывал взыскания за кражу 525 р. 9 алт.», где сказал «за собою государево слово и дело», после чего отправлен в Москву, откуда сбежал. В 1733 г. он был настолько дряхл и стар, что боялись, как бы он не умер (См.: ОДДАС. Т. 6. СПб., 1883. Стб. 287–299).

³¹ Феокист Второй был строителем Астраханского Троицкого монастыря, послан туда в 1703 г., происходил из бывших строителей Николо-Песношского монастыря, в 1711 г. казначей ТСМ.

³² Отдельные упоминания в Описях казны о бывших владельцах оружия, живших, как установлено нами, в конце XVII – нач. XVIII вв., являются единичными примерами владения личным оружием служебными монахами, и не относятся к Троицкому гарнизону (Иона Салникеев, Иосиф Коллюбакин, Феокист Второй).

³³ Новоселов В.Р. Указ. соч. С. 17–18.

А.С. Толкацкая (Барнаул)

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КАТАЛОГИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ФОНДОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ археологических источников – одна из важных задач археологических исследований. Ее проведение возможно также путем создания каталогов и построения баз данных. Обозначилась необходимость дальнейшего проведения исследований и обобщения накопленных знаний на новом уровне. В этом процессе огромное значение имеют издания музейных собраний, а важной формой подачи материала являются каталоги. Алтайский Государственный краеведческий музей (далее АГКМ) располагает значительным количеством археологических материалов, относящихся к памятникам кыргызской культуры (АГКМ, ОФ 13105, 13170). Среди них имеются и предметы, относящиеся к памятникам кыргызской культуры на Алтае. Данные материалы были получены в ходе работы Алейской экспедиции ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1971 г. Курганные могильники Локтевского района Гилево I–V были открыты еще в 1970 г. археологом Я.А. Шером, Алейская экспедиция совместно с Алтайским краеведческим музеем (Э.М. Медникова) провела повторные исследования данных памятников. У с. Гилево было раскопано 17 курганов с трупосожжением (Гилево-III). Исследователем был сделан вывод о том, что обнаруженные здесь артефакты бытовали на просторах Центральной Азии, в среде кочевников северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв.¹

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея».

Тем не менее, хотя большая часть материалов данного курганного могильника была введена в научный оборот, возникает необходимость упорядочивания многочисленного материала, который представлен вооружением, конским снаряжением, элементами костюма и предметами быта, обнаруженными при работах на памятнике кыргызской культуры Гилево-III.

В Большой энциклопедии² понятие «каталог» (от греч. *katalogos* – перечень, список) определено следующим образом: 1) систематический ряд, перечень предметов, подобранных вместе по определенному признаку; 2) систематический свод, перечень представленных где-либо авторов или анонимных произведений, составленных, как правило, в алфавитном порядке.

Другое понятие «каталог» – в широком смысле – это список элементов данных, составленный в порядке, облегчающем их нахождение, содержащий систематизированный перечень данных. Каталоги упорядочиваются по алфавиту, датам, размеру содержащихся в них объектов и другим признакам.

Самые распространенные виды каталогов – библиографические, библиотечные, музейные, выставочные.

Каталогизация включает процессы аналитико-синтетической обработки документа, процессы организации, ведения и редактирования каталогов и управление системой каталогов и техническими процессами каталогизации. Организация каталогов – процесс, включающий в себя определенные структуры каталога, процессы его внешнего оформления (сведения о наименовании каталога и его краткая характеристика) и внутреннего (группировка записей, расстановка картотек выделенных отдельных групп карточек с помощью разделителей, которые раскрывают внутреннюю логику каталога и облегчают его пользование) и разнообразия документов, в том числе средства рекламирования. Ведение каталога – процесс расстановки карточек, редактирование и внесение исправлений, внутреннее и внешнее оформление уже функционирующего каталога.

Продуктами централизованной каталогизации являются комплексы каталожных карточек, «каталогизация в издании», типовые каталоги, рекомендательные списки книг, представляющие модель фонда, определяющие тип библиотеки. К важным процессам каталогизации относятся: составление описания, систе-

матизации и предметизации, которые являются процессами аналитико-синтетической обработки документа.

Каталогизация археологических фондов, несмотря на более чем полтора века истории, сегодня может считаться направлением музейной работы, находящимся еще только в стадии становления. В этом есть свои положительные стороны – можно использовать опыт, накопленный коллегами при составлении каталогов исторических, этнографических, художественных и других коллекций, но возникают и серьезнейшие проблемы, в первую очередь – отсутствие методологических основ и общепринятых методик каталогизации археологических фондов. Имеющиеся методические рекомендации по описанию и обработке археологических коллекций не закрывают эту лауну, т.к. призваны решать другую задачу³.

Рассмотрев некоторые образцы каталогов археологических коллекций⁴, а также образец описания научной инвентаризации музейного предмета, мы провели работу по разработке собственного каталога, где был задействован их опыт создания и собственный анализ предметов кыргызской культуры.

Для создания собственного каталога были проанализированы материалы из фондов АГКМ и основные публикации, в которых был отражен процесс изучения тех или иных предметов кыргызского времени. Систематизировав и упорядочив учетные и научные сведения, мы создали полное описание каждого предмета с его характерными признаками и свойствами.

Каталог состоит из карточек, систематизированных по следующим блокам:

1. Памятник, номер кургана, датировка.
2. Описание предмета (фото, рисунок), материал, наименование предмета.
3. Размеры изделия.
4. Степень сохранности.
5. Автор исследования, дата раскопок, место публикации материалов.
6. Место хранения находки, инвентарный номер.

Таким образом, информация, вынесенная на каталожную карточку, представляет собой совокупность сведений, характеризующих отдельные вопросы первичной информации. Сама каталожная карточка определяется как носитель вторичной инфор-

мации. Структура ее складывается из элементов (блоков), имеющих самостоятельное значение.

Используя данный образец карточки, провели инвентаризацию каждой аппликации в электронном виде, привлекая к атрибуции ее фото или рисунок для большей наглядности.

При данном исследовании было составлено около 46 описаний предметов.

Алтайский государственный краеведческий музей, коллекция 13105 (1971 г., раскопки В.А. Могильникова)					
<i>Инв. №</i>	<i>Наименование</i>	<i>Курган (№)</i>	<i>Кол.</i>	<i>Материал</i>	<i>Состояние</i>
13105/1	Подвеска из клыка кабана	4	1	Кость	Хор.
13105/2	Предмет железный	4	1	Железо	Хор.
13105/3	Обломок железных удил	4	1	Железо	Удовл.
13105/4	Удила железные, одно звено	4	1	Железо	Хор.
13105/5	Кость лошади	5	1	Кость	Хор.
13105/6	Подвеска в виде шарика	5	1	Цв. металл (бронза)	Удовл.
13105/7	Изделие кожаное – обрывок из- под черепа	5	1	Кожа	Хор.
13105/8	Железный наконечник стрелы	5	1	Железо	Хор.
13105/9	Бляшка железная	5	1	Железо	Хор.
13105/10-17	Древки стрел деревянные	5	8	Дерево	Хор.
13105/18-26	Панцирные пластины	10	9	Железо	Удовл.
13105/27	Бусина пастовая белая	13	1	Паста	Хор.

Систематизация и каталогизация предметов кыргызской культуры в Алтайском музее

13105/28-33	Железные наконечники стрел	15	6	Железо	Удовл.
13105/34	Обломок ножа	15	1	Железо	Плохое
13105/35-36	Предмет железный	15	2	Железо	Хор.
13105/37	Панцирная пластина железная	16	1	Железо	Хор.
13105/38	Пряжка поясная бронзовая	17	1	Цв. металл (бронза)	Хор.
13105/39	Оконечник ремня	17	1	Цв. металл (бронза)	Хор.
13105/40	Стремя железное	17	1	Железо	Хор.

Алтайский государственный краеведческий музей, коллекция 13170 (1972 г., раскопки В.А. Могильникова)					
<i>Инв. №</i>	<i>Наименование</i>	<i>Курган (№)</i>	<i>Кол.</i>	<i>Мате- риал</i>	<i>Сос- тояние</i>
13170/1-11	Панцирные пластины	9	1	Железо	Хор.
13170/12	Бляшка	10	1	Бронза	Хор.
13170/13-15	Наконечники стрел	12	1	Железо	Хор.
13170/16	Панцирная пластина	14	1	Железо	Хор.

Для наглядности вышеописанного анализа был разработан первый пробный каталог с описанием артефактов кыргызской культуры из памятников данного народа Алтая. В итоге получилось 17 карточек научного описания (рис. 1–6).

Таким образом, систематизация и каталогизация предметов кыргызской культуры позволяет нам упорядочить и комплексно проанализировать артефакты, на основании чего могут быть сделаны выводы, позволяющие судить о сложных культурогенетических процессах протекавших на территории юго-западной Сибири в эпоху Средних веков.

Каталог предметов кыргызской культуры, обнаруженных на территории Алтая (фонды АКМ)

Инвентарный номер №13105/3

Обломок железных кольчатых удил.

Изделие сильно корродировано. Состояние - удовлетворительное.

Размеры изделия: длина звена - 9 см, диаметр кольца - 2,5 см., ширина изделия - 0,5 см.

Раскопки осуществлялись Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1971 г. [Алтайский государственный карведческий музей, coll. № 13105].

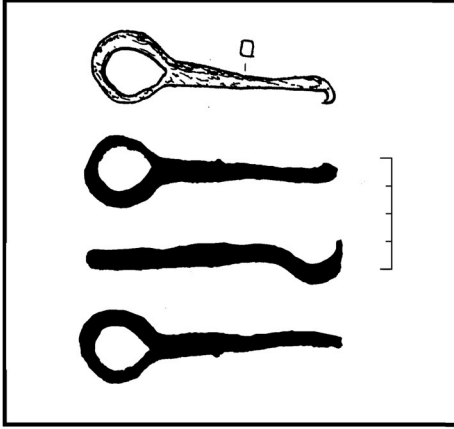
Находка опубликована [Могильников, 2001]

Зафиксирована в погребении кыргызской культуры, датуемое 2-ой половиной IX - 1-ой половиной X вв.

Коллекция № 13105

Инвентарный номер: №13105/3

Памятник Гилево-III
Курган №4

Каталог предметов кыргызской культуры, обнаруженных на территории Алтая (фонды АКСМ)

Инвентарный номер №13105/6

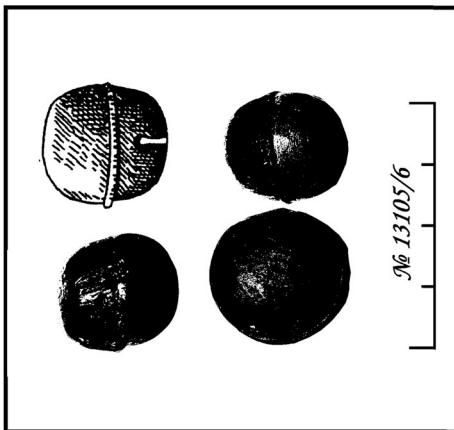
Бронзовая подвеска в виде шарика

Изделие сильно корродированно. Состояние - удовлетворительное.

Размеры изделия: длина звена - 9 см., ширина звена - 0,6 см., диаметр кольца - 2,3 см.

Раскопки осуществались Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1971 г. [Алтайский государственный кареведческий музей, колл. № 13105].

Находка опубликована [Могильников, 2001]

Зафиксирована в погребении кыргызской культуры, датруемое 2-ой половиной IX - 1-ой половиной X вв.

Коллекция №13105
Инвентарный номер: № 13105/6

Памятник Гилево-III
Курган №5

Каталог предметов кыргызской культуры, обнаруженных на территории Алтая (фонды АКСМ)

Инвентарный номер №13105/34

Обломок железного черешкового ножа, с изогнутой спинкой.

Лезвие подтреугольной формы

Изделие сильно корродированно, черешок сильно поврежден коррозией металла.

Сохранность - плохая.

Размеры изделия: длина - 5,7 см., ширина - 1,1 см., толщина - 0,3 см., длина черешка - 2,3 см., ширина черешка - 0,5 см.,

Сохранность - удовлетворительная

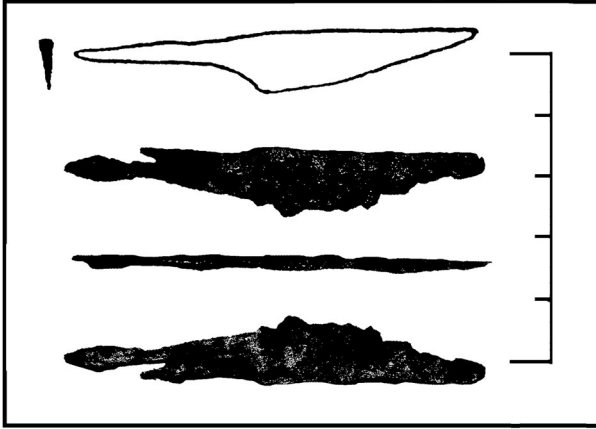
Раскопки осуществлялись Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А.Могильникова в 1971 г. [Алтайский государственный краеведческий музей, колл. № 13105] Находка опубликована [Могильников, 2001]

Зафиксирована в погребении кыргызской культуры, датированное 2-ой половиной IX - 1-ой половиной X вв.

Коллекция № 13105

Инвентарный номер: №13105/34

Памятник Гилево-III
Курган №15

Каталог предметов кыргызской культуры, обнаруженных на территории Алтая (фонды АКСМ)

Инвентарный номер №13105/29,31,33

Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, геометрические заостренные:
 № 13105/29 - Асимметрично-ромбический, с упором. Лопасты частично корродированны.

Размеры: длина черешка - 5,7 см., ширина черешка - 0,3 см., длина пера - 5,3 см., ширина пера - 0,9 см., толщина (диаметр) черешка - 0,3 см.

№ 13105/31 - Асимметрично-ромбический, без упора. Лопасты сильно повреждены из-за коррозии.

Размеры: длина черешка - 5,5 см., ширина - 0,4 см., длина пера - 3,7 см., ширина пера - 1,3 см., толщина (диаметр) черешка - 0,3 см.

№ 13105/33 - Асимметрично-ромбический, без упора. Лопасты сильно повреждены коррозионной металла.

Размеры: длина черешка - 5,6 см., ширина черешка - 0,3 см., длина пера - 4,3 см., ширина пера - 0,8 см., толщина (диаметр) черешка - 0,2 см.

Сохранность - удовлетворительная

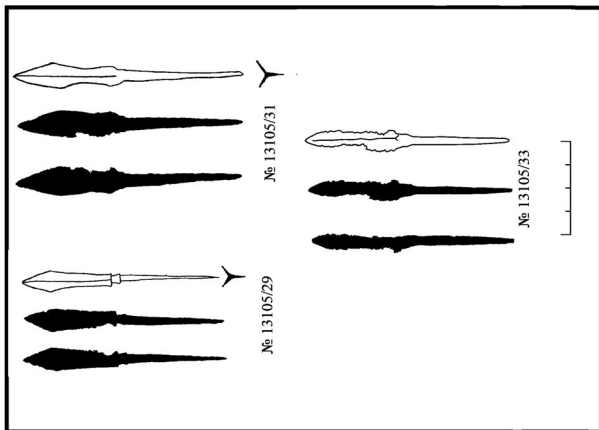
Раскопки осуществлялись Алтайской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1971 г. [Алтайский государственный краеведческий музей, колл. № 13105] Находка опубликована [Могильников, 2001]

Зафиксирована в погребении кыргызской культуры, датируемое 2-ой половиной IX - 1-ой половиной X вв.

Коллекция № 13105

Инвентарный номер: № 13105/29,31,33

Памятник Гилево-III
 Курган №15

Каталог предметов кыргызской культуры, обнаруженных на территории Алтая (фонды АКМ)

Инвентарный номер № 13105/18-26

Железные панцирные ламелярные вертикальные:

1. с боковыми и средними отверстиями, овальнопрямоугольные укороченных пропорций
  2. с боковыми, средними и окантовочными отверстиями, овальнопрямоугольные укороченных пропорций
  3. с боковыми, средними и окантовочными отверстиями со специальными отверстиями для нижнего канта, овальнопрямоугольные укороченных пропорций.
- Пластины сильно корродированы.

Сохранность - удовлетворительная

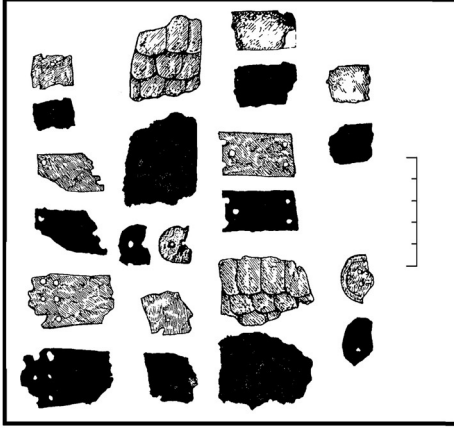
Размеры изделий: длина от 2,8 см. до 4,7 см., ширина от 1,8 см. до 2,3 см., толщина от 0,1 см. до 0,2 см.

Раскопки осуществлялись Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1971 г. [Алтайский государственный краеведческий музей, колл. № 13105]
Находка опубликована [Могильников, 2001]

Зафиксирована в погребении кыргызской культуры, датируемое 2-ой половиной IX - 1-ой половиной X вв.

Коллекция № 13105

Инвентарный номер: № 13105/18-26

Памятник Глево-III
Курган №10

Каталог предметов кыргызской культуры, обнаруженных на территории Алтая (фонды АКСМ)

Инвентарный номер №13105/38,39

№ 13105/38 - Поясная бронзовая овальная пряжка со щитком. Относится к отделу шпешковых, по сечению - трапециевидная. Пряжка имеет овальную рамку, полуовальный щиток и подвижный язычок.

Размеры: длина изделия - 3,8 см., длина рамки - 2,0 см. ширина рамки - 1,3 см., ширина щитка - 1,5 см., длина щитка - 1,8 см., длина язычка - 0,4 см., ширина язычка - 0,2 см.

№ 13105/39 - Бронзовый оконечник ремня подпрямоугольной формы, шпешковый.

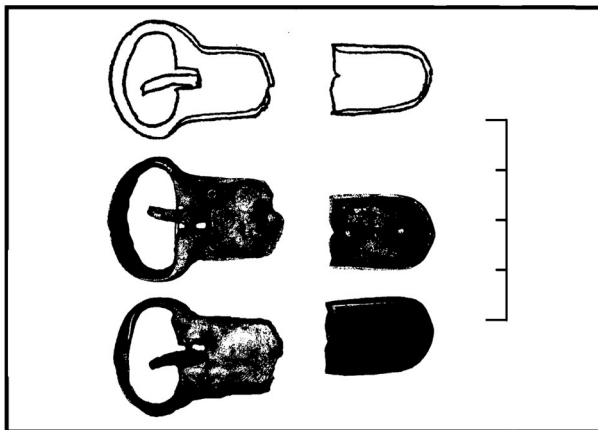
Размеры: длина изделия - 2,6 см., ширина - 1,4 см., толщина - 0,2 см.

Раскопки осуществлялись Алейской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А.Могильникова в 1971 г. [Алтайский государственный краеведческий музей, колл. № 13105] Находка опубликована [Могильников, 2001]

Зафиксирована в погребении кыргызской культуры, датированное 2-ой половиной IX - 1-ой половиной X вв.

Коллекция № 13105
Инвентарный номер: 13105/38,39

Памятник Гидево-III
Курган №17

¹ Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.

² Большая энциклопедия: В 62 т. Т. 21. М., 2006.

³ Бородовский А.П., Глушков И.Г., Матющенко В.И. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологических коллекций. Омск, 1984.

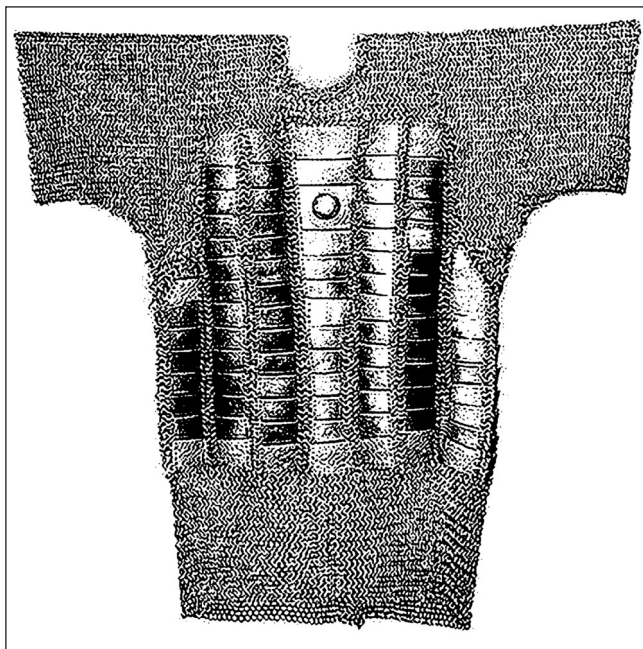
⁴ Раев Б.А. Каталог археологических коллекций музея истории донского казачества. Новочеркасск, 1979; Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб: «Славия», 2001.

О.Г. Ульянов (Москва)

**БРОННЫЙ ПРИКАЗ И ЕГО РОЛЬ
В РАЗВИТИИ МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ
ШКОЛЫ XVI–XVII ВЕКОВ
(Специализация и проблемы секретности)**

С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ Оружейной палаты при учреждении чина оружейничего в 1508 г. определилось доминирующее направление ее деятельности – формирование национальной школы оружейного дела со своими устойчивыми традициями и специфическим комплексом технологических приемов¹. Отличительной особенностью дворцовых оружейных мастерских в Москве стала специализация на изготовлении парадного высококачественного оружия, что обусловило постепенную концентрацию в столице оружейников самой высокой квалификации. Вместе с тем, возложенная на Оружейную палату функция снабжения разнообразным вооружением российского войска стала основным фактором неуклонного роста численности московских оружейников на протяжении XVI–XVII вв.

Не вызывает никакого сомнения, что подлинный прогресс в оружейном деле мог быть достигнут лишь на базе собственных ремесленных традиций и своей оружейной школы. Не случайно в описях и делопроизводных записях конца XV – начала XVI в. участились упоминания «московских» шелофов, пансырей, копий, рогатин и т. д.² В собрании Эрмитажа один из юшманов (рис. 1), принадлежавших кн. В.А. Старицкому (I.604), помечен надписью: «сотворити Московскому князю Владимиру Андреевичу 5 лет княжения его 17 лет возраста его» (т. е. 1550 г.). О популярности на Востоке московского «доспеха» позволяет судить переписка с крымским ханом Менгли-Гиреем, которого настолько восхитил «пансырь», пожалованный ему в 1488 г. вели-

**Рис. 1. Юшман кн. В.А. Старицкого. 1550 г. (ГЭ I.604).
Поступил в ГЭ из Царскосельского арсенала. Грудь выполнена
из 5 рядов, 3 центральных по 14 пластин (включая подполок),
два крайних по 13, бока выполнены из 2 рядов по 9 пластин,
спинная часть из 5 рядов, 4 ряда по 14 пластин и
центральный ряд из 13. Общее количество пластин – 173**

ким князем Иваном III, что в 1492 г. в Москву был отряжен ханский «паробокъ Касымъ, пансырь велми знает, который он похвалит пансырь, ко мне бы еси, брату своему, прислал»³. Последнее обстоятельство невольно рождает вопрос о степени знакомства крымских посланцев с Государевой оружейной казной. Подобные факты позволили исследователям прийти к справедливому заключению, что для равной конкуренции с дамасским или итальянским оружием на международном рынке в Крыму оружие московских мастеров должно было давно стать образцовым и первоклассным⁴.

О широкой международной известности московского оружия свидетельствуют многочисленные грамоты ногайских

мурз (Удус-мурзы 1550 г., Исмаила и Урус-мурзы 1564 г.) к царю Ивану Грозному с просьбой о присылке из Москвы «сабель, что рубят железо»⁵. Начиная с 90-х гг. XV в., панцыри «московского дела», получили широкое распространение на Востоке, во многом благодаря купеческой торговле⁶. Именно московские панцыри были закуплены только за один 1589 г. в количестве ок. 100 шт. бухарскими купцами⁷.

Самые ранние среди известных на сегодняшний день сведений о демонстрации иностранцам великокняжеской казны связаны с посещением Москвы венецианским послом А. Контарини в 1473 и 1476 гг. По его описанию, великий князь Иван III «с большим радушием показал свои одежды из золотой парчи, подбитые прекраснейшими соболями»⁸, т. е. часть Постельной казны, хранившуюся, как можно предположить из описания приема, в покоях у «столовой гридни». Уже ко времени посольства Контарини оружие «московского дела» стало широко известно за пределами Русского государства, поскольку он сообщает о посылке астраханским ханом в Москву татарских купцов с целью обмена шелка на «мечи».

Исследование кремлевской топографии с использованием впервые выявленных нами архивных источников позволило точно установить, что древнейшим хранилищем Оружейной палаты, где размещалось и первоначально производилось вооружение, служили Набережные палаты, построенные весной 1508 г.⁹ Последние с утратой их лидирующего положения к середине XVII в. стали использоваться под склад вышедшего из употребления оружия, требовавшего починки, и весьма примечательно, что в кладовых при проверке вещей в 1861 г. среди железного лома со следами пожара 1737 г. была найдена зубчатая полоса древнего меча, проходящая в самых ранних описях Оружейной палаты под № 1¹⁰.

Дальнейшее местонахождение Оружейной палаты в XVII в. было прослежено с достаточной полнотой И.Е. Забелиным, которому удалось установить ее расположение и устройство, используя при этом план Кремлевского дворца 1751 г. и записные книги дворцовых приказов¹¹. По заключению И.Е. Забелина, ведомство Оружейной палаты было размещено в западной части Кремля, против Потешного дворца, на втором (мастерские) и третьем (хранилище) этажах длинного каменного корпуса, рас-

тянувшегося от Куретных до Колымажных дворцовых ворот, стоявших вблизи церкви Рождества Иоанна Предтечи. Однако, когда именно и для какой царской особы был возведен этот корпус, ни И.Е. Забелин, ни последующие исследователи так и не смогли выяснить.

Между тем, существуют сведения, что в 1565 г., учреждая (с января 1564 г.) опричнину, царь Иван Грозный собирался именно на этом месте, позади церкви Рождества Богородицы 1393 г. (возобновлена в 1514 г.) и до самых Куретных ворот, основать свой особый Опричный дворец¹². Следовательно, до 1565 г. здесь не были известны какие-либо значительные дворцовые постройки. По целому ряду документов Оружейного приказа середины XVII в., в частности, челобитной 1652 г., прослеживается различие между сторожами «Ружейной полаты» и сторожами «Набережных хором»¹³. Отсюда возникает резонный вопрос: когда же именно и в силу каких причин основное ядро Оружейной палаты переместилось из Набережных палат в новый корпус между Колымажными и Куретными воротами?

В очередной раз решающим фактором стал, скорее всего, самый опустошительный кремлевский пожар 21 июня 1547 г., когда «Оружничья полата вся погоре с воинским оружием»¹⁴. По крайней мере, серьезную озабоченность царя Ивана Грозного состоянием оружейного дела показывает его обращение в том же 1547 г. к императору Карлу V посредством саксонца Ганса Шлитте с просьбой о присылке «ружейных и панцирных мастеров»¹⁵. Однако обращение русского царя осталось безрезультатным, т. к. ливонский магистр, добившись запрета Карла V, не пропустил в Москву ни одного из набранных 123 мастеров, страшась усиления военной мощи Русского государства. Поэтому царь Иван Грозный вынужден был избрать иные средства и в 1556 г. отправил грамоту в Новгород с указанием «отписать на Государево имя» мастеров из пленных, «какому делу который умеет»¹⁶.

Одним из оптимальных способов решения проблемы освоения передовых технологий стало приглашение на Русь высококвалифицированных иностранных мастеров, что представляло собой повсеместное явление для национальных оружейных школ Европы в период их становления. Так, знаменитые дворцовые мастерские в Гринвиче (Англия) были основаны в 1511 г. благодаря приглашению Генрихом VIII итальянских оружейни-

ков, чья продукция приобрела общеевропейскую известность¹⁷. В свою очередь, Мария Тюдор, дочь короля Генриха VIII, оказала помощь московскому двору в развитии собственного оружейного производства, снабдив «посла московитов... всякого рода оружием оборонительным и наступательным, и особенно артиллерией, в которой они были несведущи, и **даже мастерами** с целью дать им средства, чтобы одержать верх над землей султана»¹⁸. На самом деле уже в середине XVI в. венецианский посол в Москву Марко Фоскарини относительно технического уровня московской артиллерии заметил, что «она снабжена всевозможными боевыми снарядами, какие имеются в настоящее время и у других государей»¹⁹.

Беспощадный кремлевский пожар 21 июня 1547 г., в который «казна великого царя погоре и Оружьничья полата вся погоре», все же пощадил значительную часть хранилищ, т. к. первые английские путешественники и дипломаты, начиная с кормчего Ричарда Ченслера (1553–1554) и капитана Антония Дженкинсона (1557–1558) были поражены великолепием царского приема в Москве²⁰. Например, в «Описании России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557/1558 года при царском дворе» относительно царской сокровищницы замечено, что это «приказ, где по нашем прибытии нам показали громадное число царских драгоценных каменьев и богатых платьев, прося нас заметить и осмотреть их внимательно, чтобы мы по приезде в Англию могли рассказать, что видели здесь»²¹.

Однако, несмотря на практику специальной демонстрации представителям иностранных держав Государева хранилища на Казенном дворе, дворцовый арсенал ни одному из них не был показан. Исследователи русского оружия, и в первую очередь историки Оружейной палаты, почему-то постоянно проходили мимо глубокой засекреченности этой отрасли древнерусского ремесла, прежде всего, в столице Русского государства. Между тем, впервые кое-какие сведения о московском арсенале смог раздобыть лишь посол императора Максимилиана II Иоганн Кобенцель в 1576 г. По его сообщению, арсенал был настолько велик, что вмещал около 2 тысяч орудий, правда, расположенных «в двух только местах»²².

Лишь на исходе XVI в., уже в правление царя Бориса Годунова, иностранные дипломаты стали допускаться к осмотру Ору-

жейной палаты в самом Кремле, как о том можно судить по свидетельству секретаря посольства шаха Аббаса I дона Хуана Персидского, побывавшего в Москве в 1600 г.: «... нам были показаны достопримечательности города, в особенности сокровищница, чьи богатства... столь же трудно представить себе, как и описать. Хранилище царской одежды равным образом представляло ценность невероятную. Арсенал столь же велик и так богато снабжен, что можно было бы вооружить **20 тысяч всадников**»²³. Вновь, как и в летописной записи о кремлевском пожаре 21 июня 1547 г., последовательно перечислены в соответствии с топографией дворцовых палат Казенный двор, Постельная казна и Оружейная палата. Вместе с тем Джером Горсей, состоявший английским посланником при московском дворе с 1573 по 1591 гг., сообщал о готовности московского государя немедленно предоставить имперской короне «**50 тысяч конных воинов**» в полном вооружении²⁴. Если считать, что это была оптимальная численность дворянской конницы, в какой-то мере получавшей оружие из казны²⁵, то вероятнее всего, дон Хуан Персидский ознакомили лишь с палатой «Большой Оружейной казны». В качестве дара персидскому шаху Аббасу I Великому царем Борисом Годуновым были выбраны в 1604 г. именно панцырь московской работы и два самопала.

Как уже было ранее отмечено в наших публикациях²⁶, при оружейнике И.Д. Теввекелеве вошло в употребление наименование Бронного приказа, впервые зафиксированное в Списке служилых людей, составлявших опричный двор царя Ивана Грозного, в который была преобразована в 1572 г. опричина, имеющем полное заглавие: «Лета 7081-го марта в 20 день государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси поместил боярам и околничим и дияком и дворяном и приказным людем свое жалованье по окладу»²⁷.

В этом документе, датированном 20 марта 1573 г., находят-ся первые подробные сведения о разделении труда в Бронном приказе, способном обеспечить потребности ремонта и подновления оружия не только Государева опричного войска в количестве 664 чел., но и всей опричины²⁸. Анализ Списка 1573 г. позволил не только установить общую численность Бронного приказа в 115 чел., но и впервые открыть ранее неизвестные имена ведущих оружейников Москвы, включая их оклад со-

гласно профессиональной квалификации и оружейную специализацию.

Весьма показательно включение в список Бронного приказа «сторожей верхней казны», которое Д.Н. Альшиц счел ошибочным²⁹. Если придерживаться топографии дворца XVII в., то верхние кладовые палаты располагались близ Оружейной палаты на одном с ней этаже указанного нами длинного корпуса, против Потешного дворца. Корректность такого подхода доказывает упоминание в списке 1573 г. остальных приказов – Постельного, Сытного и Конюшего, составлявших непосредственное окружение Оружейной палаты и в XVII в., причем Сытный дворец размещался прямо под оружейными мастерскими³⁰. Материалы, которые могли служить не только для изготовления огнестрельного оружия, но и для монтировки холодного оружия и доспеха, находились, судя по перечневой росписи 1647 г., в непосредственном соседстве, под кремлевской церковью Сретения и в Поваренной палате³¹.

На основании изложенных данных вполне вероятно предположить возведение каменного корпуса кремлевских палат, растянувшегося от Куретных до Колымажных дворцовых ворот, в период 1565–1572 г. Таким образом, наряду с переводом основного ядра Оружейной палаты в новый корпус, находящийся позади дворцовых палат с церковью Рождества Богородицы, к 1572 г. вошло в употребление новое наименование – «Бронный приказ».

Следует подчеркнуть, что государевы оружейники уже в последней четверти XV в. занимали исключительно привилегированное положение, ничуть не ниже ведущих иконописцев и золотых дел мастеров. Не случайно, перечень мастеров Бронного приказа возглавили 3 оружейника, владевшие поместьем: шеломник Иван Савин (100 четей поместья) и сабельники Офоня и Муха Горусины (70 четей). За исключением мастеров-помещиков, все остальные оружейники Бронного приказа распределены в этом списке по отдельным квалификационным группам в соответствии с уровнем их мастерства и продолжительностью производственного стажа.

Всего в штат Бронного приказа, по состоянию на 1573 г., входило **4 шеломника** вместе с названным Иваном Савиным: Микита Чеусов, Михалко Климов и Проня Якимов (все в 1 группе);

к ним же можно присоединить Ивашку Федорова, «что шапки выбивает» (3 группа). Наряду с упомянутыми Горусиными в сабельниках состоял также Никитка Истомина (3 группа).

Численный состав оружейников других специальностей во многом зависел от потребности в том типе оружия, по которому они специализировались. В Бронном приказе числилось **14 пансырников**: Лесук Иванов, Олеша Родионов, Бажен Андреев, Фетко Григорьев (все в 3 группе), Яким Никитин, Калина и Янка Федоровы, Иванко Лукьянов, Васка Рыскунов, Сенка Микулин, Митка Дмитриев, Сенка Никифоров, Бориско Степанов, Юшко Игнатъев (все в 4 группе); **8 юшманников**: Ждан и Митя Нестеркины, Васка Ондреев (все в 1 группе), Офоня Рябой, Петруша Лукьянов (оба во 2 группе), Меншик Овдокимов (3 группа), Иванко Фролов, Васка Леонтьев, что «юшманские доски куёт» (оба в 4 группе); **5 лучников**: Михай Андреев (3 группа), Тимошка и Матюоша Офонасьевы, Третьяк Горяинов, Бажен Купреянов (все в 4 группе); **5 ножевников**: Полуня Иванов, Потапко Васильев, Фетко Григорьев (все в 3 группе), Ромашка Антонов, Фетко Кузмин (оба в 4 группе); **4 стрелника**: Илейка Федоров, Олеша Родионов (оба в 3 группе), Игнаша Иванов, Ондрюша Максимов (оба в 4 группе); **2 саадачника**: Сухой Селиверстов (2 группа), Васка Булыгин (4 группа) и, наконец, **1 копейный мастер** Иванко Мартынов (3 группа).

В то же время, значительная часть мастеров была занята на вспомогательных операциях. Прежде всего, здесь следует отметить **26 чищельников**: Иванко Семенов, Седой Окатьев (оба во 2 группе), Степанко Иовлев, Наумка Иванов, Исачко Васильев (все в 3 группе) Фетко Никонов, Офрем Нефедов, Ромашко Ларин, Вавилко Протасов, Гриша Мамзов, Наумко Офонасьев, Иевко Ортемов, Филка Григорьев, Паня, Олеша и Онисимко Кузьмины, Фадейко и Микифорко Григорьевы, Говор Олексеев, Третьяк Федоров, Офонка Давьдов, Китайко Леонтьев, Илейко и Сидорко Васильевы, Овдоким и Юдка Тимофеевы (все в 4 группе).

Смежные функции, связанные с черновой заготовкой или, напротив, с отделкой оружейных изделий, выполняли **4 строчника**: Иванча Чорной (1 группа), Спирия Михайлов, Васка Степанов, Атман Новокрещенов (все во 2 группе); **3 наводника**: Васка Федоров, Иванча Чорной (оба в 1 группе), Костя Булатников

(2 группа); **4 проволочных**; Онисим Иванов (3 группа), Степанко Володин, Мотой и Матюша Ураковы (все в 4 группе); **2 железечника**: Петелка Ильин и Суворец Вавилин (оба в 4 группе); **1 хозник** Данилко Костин (4 группа); **1 тохтуйник** Митя Уткин (4 группа); **1 костник** Васка Истойников (4 группа) и **1 пряжник** Богданко Халопов (4 группа). Отдельно в списке служилых людей Бронного приказа упомянуты **11 самопальных стрелков** и **8 мастеров самопальных пищалей**.

Таким образом, согласно списку 1573 г., в Бронном приказе состояли оружейники **20 специальностей**, из которых более привилегированными, судя по окладу, считались специальности самопального мастера, шеломника, сабельника, юшманника и наводника.

По сравнению с выделенными в свое время А.В. Арциховским для новгородского ремесла XVI в. **шестью оружейными специальностями**, полученные нами данные позволяют намного увеличить их число, что подтверждает тезис о значительной дифференциации оружейного ремесла Москвы XVI в. Разница в окладе между мастерами 1 (первой) и 4 (последней) групп составляла 2 рубля, примерно та же разница была и в размерах корма.

Обращает на себя внимание совмещение одним оружейником нескольких специальностей: Иванча Чорной – **наводник** и **строчник** (1 группа), Фетко Григорьев – **пансырник** и **ножевник**, а Олеша Родионов – **пансырник** и **стрелник** (оба в 3 группе). Видимо, подобная универсальность в определенной степени поощрялась, поскольку в последней группе (наименьший оклад) таких мастеров не значилось. Ко времени составления списка сложились целые оружейные династии, такие как сабельники Горусины, пансырники Федоровы, юшманники Нестеркины и лучники Офонасьевы. Следовательно, родственные связи выступали решающим фактором не только при назначении в оружейничество (Карповы, Салтыковы), но и при наборе оружейных мастеров, что в очередной раз подчеркивает высокую требовательность к сохранению государственной тайны в оружейном деле.

Перечень специальностей мастеров Бронного приказа обнаруживает не только высокую степень дифференциации оружейного ремесла, но и определенную эволюцию в национальном оружейном деле. Среди Государевых оружейников в Москве доминировали специалисты по оборонительному доспеху, причем,

если в целом ряде оружейных мастерских в России, например, в Кирилло-Белозерском монастыре, даже в первой половине XVII в. была известна лишь унифицированная специальность «бронника»³², то в столичном Бронном приказе числились «шеломники», «юшманники», «пансырники» при некотором преобладании последних.

Характерно отсутствие в списке 1573 г. специальности «кольчужника» в свете не стихающей до сих пор полемики вокруг классификации таких типов кольчатого доспеха, как пансырь и кольчуга. О существовании специальности «кольчужника» стало впервые известно из надписи на надгробии 1596 г., найденном М.Г. Рабиновичем при раскопках Таганского холма в Москве. Надо заметить, что в современном собрании Оружейной палаты пансырей в два с лишним раза больше, чем кольчуг, согласно описи Государевой оружейной казны 1687 г., где довольно четко обозначен тот или иной тип доспеха. Вместе с тем в «Смотренных списках» и «Десятнях» XVII в. все кольчужные доспехи нередко фигурировали под собирательным названием «панцырь», поэтому не исключено изготовление мастером – «пансырником» и кольчуг. В свое время Н.В. Гордееву на основе одной из кольчуг (№ 4477 ОП) удалось выделить переходную форму XVI в. от кольчуги к панцирю, возникшую отчасти под влиянием широко популярных на Востоке кабардинских панцирей³³. В описи 1687 г. пять панцирей (№ 4499-4503 ОП) были записаны как «черкасские», что лишний раз свидетельствует о проникновении кабардинских военных традиций в дворцовый обиход со времени царя Ивана Грозного.

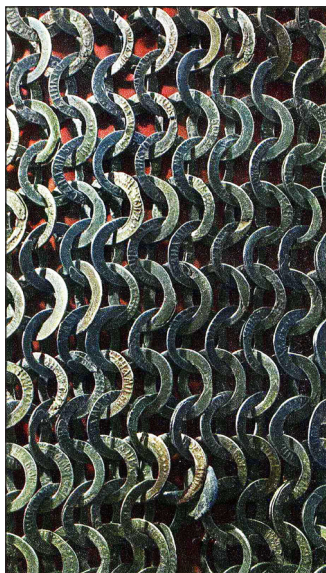
Заготовкой проволоки как для панцирей, так и для юшманов занимались особые «проволочные» мастера, владевшие способом волочения железной проволоки в специальном станке. Примечательно, что к 1573 г. в Бронном приказе на 22 «доспешных» мастера приходилось всего лишь 4 «проволочных». К числу вспомогательных оружейных специальностей относилась и специальность «железечника», что опровергает точку зрения Б.А. Колчина о ее торговом характере³⁴.

В описи «пожитков» Б.Ф. Годунова значительная часть вооружения имела московское происхождение, в т. ч. расписанный золотом «по красной земле» лук «Савина дела Деревягина». Временем Бориса Годунова датируется знаменитая байдана, на каж-

дом кольце которой с лицевой стороны выбита надпись «С нами Бог никтоже на ны» (Рим. 8, 31), которая в описи 1647 г. упоминается как «байдана железная, на кольцах слова чеканные» (рис. 2). В 1589 г. один из чищельников Бронного приказа был пожалован Б.Ф. Годуновым, ко времени правления которого относятся также вполне определенные сведения о привлечении кузнецов Пушечного приказа для «Государева оружейного дела»³⁵.

Очевидно, что основную массу Государевых оружейников к концу XVI в. составляли русские мастера, а иностранцы в списке 1573 г. помечены отдельно. Большая их часть приходилась на мастеров самопальных пищалей, оклады которых были выше окладов оружейников других специальностей, в свою очередь, жалование иностранцев на 1–2 рубля превышало оклады русских мастеров огнестрельного оружия. Иноземные мастера самопальных пищалей, как правило, были западноевропейского происхождения, например, «немчин» Михалко Семенов (7 рублей). Однако шеломники Михалко Климов и Проня Яковлев были «волошанами», т. е. выходцами из Валахии, культурные связи с которой особенно упрочились со времени Елены Волошанки, снохи государя Ивана III.

Явно привилегированное положение в Бронном приказе самопальных мастеров было обусловлено усилением на рубеже XVI–XVII вв. приоритетности огнестрельного оружия. Иностранные самопальные мастера, как и русские, поступали по прибытию в ведение оружейничего, на которого был возложен (с 1550 г.) также контроль за бесперебойной работой устроен-

Рис. 2. Байдана времени Бориса Годунова. (4560 ОП). Длина – 71 см, ширина в плечах (с рукавами) – 106 см, ширина в подоле – 62 см, вес – 6150 г. Диаметр колец – 24 мм, ширина – 4,5 мм, толщина – 2,5 мм

ных в Москве на р. Яузе и р. Неглинной кузнечных мельниц, где «варили железо» и ковали пищали и самопалы при помощи вододействующих молотов³⁶.

Наименование «Бронного приказа» смогло продержаться лишь до Смутного времени, судя по «Записке о царском дворе, царском чиновачалии, придворных чинах, Приказах, войске, городах и прочем», датируемой 1610–1613 гг. Исходя из имеющейся на ней пометки на старопольском языке, «Записка» была составлена в Москве по заданию правительства Речи Посполитой для королевича Владислава. В документе точно зафиксировано размещение Оружейной палаты в том самом корпусе, куда она переместилась к 1572 г.: «Вверху, назади, в полатах на то устроено место, где делают про Государя златые утвари и серебряные, и подле того **оружейничья полата**, приказана боярину да дьяку; Государские все тут зброи, латы, и бехтерцы, зерцалы, и юшманы, и колчюги, и пансыри, шапки булатные, и шеломы, сабли, и самопалы, копыя и рогатины»³⁷. Возрожденное наименование «Оружейничья полата» сохранило близость к первому летописному упоминанию «оружельничей полаты» в 1537 г.³⁸

Впервые различие между хранилищем парадного царского оружия и арсеналом строевого вооружения определил участник голштинского посольства в Москву в 1634 г. А. Олеарий, указавший в Московском Кремле «Ружейный приказ, где хранится все царское вооружение и оружие для военных целей, а также разные украшения для процессий и торжественных случаев. Здесь же находится цейхгауз, или Оружейная палата»³⁹. Подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин, бежавший в 1664 г. в Швецию и составивший по заказу шведского канцлера сочинение о государственном устройстве России, уже более осведомленно охарактеризовал ведомство Оружейного приказа, которому подчинялся не просто «цейхгауз», а «двор, где делают ружья», т. е. Ствольный приказ на Бархатном дворе; кроме того, ведению Оружейного приказа подлежала **«казенная Оружничья палата и ствольного, и ложного, и замочного и иного дела мастера»**⁴⁰. Последнее обстоятельство ясно обнаруживает производственный характер Оружейной палаты в Московском Кремле, тем более что сам Г.К. Котошихин подчеркнул, что «Оружейной» приказ входил в число приказов, что «устроены **на царском дворе**», а «доставные все приказы устроены от царского двора поодаль,

на площади за церквами»⁴¹. В том же сочинении «О России в царствование царя Алексея Михайловича» содержатся важные в рамках нашей темы сведения о деятельности Государевых оружейных мастерских: «а емлют к тому делу мастеров на Москве и из городов и из монастырей, кузнецов и всяких того дела промышленных людей... А уголье на то дело, и на Денежной и на Кормовой дворы, емлют Московского уезду...»⁴². Аналогичные функции оружейного хранилища и производственных мастерских, объединенных в одном ведомстве Оружейной палаты, выделил Я. Рейтенфельс, побывавший в ней вскоре после ее парадной отделки в 1671–1673 гг.: «Ружейный (приказ), в котором **изготавливается и хранится** всякое оружие, знамена и все прочее, необходимое для пышных военных торжеств»⁴³.

Последующие изменения в топографии с появлением новых хранилищ Оружейной палаты в первой половине XVII в. уже были прослежены нами ранее при анализе черновой Описи 1646 г. и «Перечневой росписи Оружейной казны царя Алексея Михайловича» 1647 г.⁴⁴ Добавим, что при царе Михаиле Федоровиче к 1625 г. у внешней стороны кремлевской стены, между Тайницкой и Водовзводной башнями, был построен Бархатный двор, где по описи 1687 г. указано одно из хранилищ Оружейной палаты. Ю.В. Арсеньев полагал, что мастеровые Бархатного двора «наряжались в помощь» мастерам Оружейного приказа, а работой их руководил помощник начальника Оружейного приказа: так, при окольникем В.И. Стрешневе (во главе Оружейного приказа в 1626–1639 гг.) эти обязанности исполнял ловчий А.И. Матюшкин⁴⁵. Но в росписи 1647 г., отличающейся точной локализацией различных помещений Оружейной палаты, хранилища на Бархатном дворе не указано. Вместе с тем в том же 1647 г. был учрежден Приказ ствольного дела (Ствольный приказ), в чьи мастерские, устроенные действительно на Бархатном дворе, было привлечено около 200 кузнецов-оружейников, выполнявших заказы Оружейного приказа⁴⁶. Вероятно, «онбар, что за Тайницкими вороты у Кремля города, у стены», подлежавший ведению Солдатского приказа и упомянутый уже в 1638 г. в связи с переносом туда мушкетов и лат из палаты на Денежном дворе, «что на Варварском кресце, против Гостина двора», перешел позднее в распоряжение Ствольного приказа.

Благодаря интегрированной структуре управления был найден оптимальный путь развития для московской школы парадного оружия. Многие исследователи уже не раз акцентировали внимание на участии мастеров Золотого и Серебряного приказов в создании высококлассных оружейных изделий. Гораздо менее разработана тема разносторонней квалификации самих мастеров-оружейников и соответствующей организации Оружейной палаты. Например, согласно «Приходо-расходной книге золоту» за 1622–1625 гг., «полоса сабельная теврискской выков» была откована сабельным мастером Алфером Юрьевыми, затем позолочена самопальных замков мастером Первушей Исаевым, после чего наводником Борисом Суетиным она была орнаментирована при помощи волоченого золота, которое подготовил мастер той же Оружейной палаты Юрий Яковлев⁴⁷. Таким образом, весь цикл изготовления и украшения этой сабельной полосы от начала и до конца пришелся только на Оружейную палату.

Лишь для срочных и значительных по объему работ в Оружейную палату привлекались мастера разных специальностей из других приказов. Так, в 1685 г. из пушкарского приказа «для Государева скорого дела, на время» были присланы оружейники «в прибавку мастерам для протазанного и мечья дела»⁴⁸. В 1658 г. из Стрелецкого приказа также «для Государевых скорых дел, на время» были вызваны из «разных приказов стрельцы бронного дела мастера»⁴⁹. В 1660 г. из Приказа Большого Дворца были привлечены паникадильные мастера из Таганной слободы, причем архивные источники, выявленные нами, позволяют установить, что паникадильные мастера присылались в большинстве случаев для изготовления медных огнив на холодное оружие или медных оправ на пороховницы⁵⁰.

Мастера Оружейной палаты, в свою очередь, также вызывались «на время» для выполнения тех работ, где требовалось их высококвалифицированное мастерство. В 1661 г. оружейного дела мастера были взяты в Казенный приказ «для заводу монетного дела»⁵¹. О тесной связи монетного и оружейного дела, восходящей к византийским традициям, свидетельствовало размещение Старого Денежного двора в годуновских палатах Кремля (в первой трети XVIII в. здесь же находилась Монетная контора)⁵².

Именно благодаря русским «мастеровым», работавшим в Бронном приказе до Смуты, Оружейная палата была возрож-

дена при новой царской династии Романовых. В первую очередь, следует назвать бронного мастера Конона Михайлова, создавшего стальной бахтерец еще в 1587 г.⁵³ В 1620 г., используя как кольчужную, так и панцирную технику крепления колец, он изготовил первоклассный бахтерец (рис. 3), украшенный золотым наводом, для царя Михаила Федоровича (4564 ОП). Наряду с этим мастером преемственность оружейных традиций на рубеже XVI–XVII вв. обеспечила династия лучников Деревягинных, первые упоминания о которых были отмечены нами в описи Б.Ф. Годунова, а документы XVII в. сохранили имя лучника Василия Деревягина. Наконец, знаменитый мастер латного и самопального дела Никита Давыдов приобрел известность в Оружейной палате, по всей видимости, до Смуты, ибо уже в 1613 г. был послан указ Владимирскому воеводе с требованием «прислать к государю на Москву в Оружейную палату на казенной подводе кузнеца Микиту»⁵⁴. Тотчас же после возвращения Никита Давыдов был пожалован в старшие мастера Оружейной палаты и возглавил оружейную артель в количестве 20 человек.

Учитывая общегосударственное значение столичного центра ору-

Рис. 3. Бахтерец царя Михаила Федоровича. 1620 г. Мастер – Конон Михайлов. (4564 ОП). Длина – 66 см, ширина – 55 см, вес – 12 300 г. Диаметр колец – 12 мм, всего колец – 9000. Общее количество пластин – 1509

жейного производства, правительство сразу же после воцарения Михаила Федоровича взяло курс на скорейшее восполнение кадрового состава мастеров Оружейной палаты. С этой целью был организован поиск и вызов в Москву наиболее квалифицированных ремесленников из различных регионов страны. Следует отметить, что в случае утайки специалистов оружейного дела местным воеводам грозили жестокие правительственные меры: «а буде по сему нашему указу киргопольских кузнецов и ствольников, всех что ни есть в Каргополе и которые вновь сысканы будут, к нашему на указанный срок... и Москве не вышлешь, или вышлешь, да не всех сполна, а оставишь кого из них в Каргополе, а за то тебе от нас быть в великом наказании без пощады»⁵⁵.

Сама география поиска, проводившегося на протяжении всего XVII в., обнаруживает специализацию ряда городов и районов России по отдельным видам ремесел в зависимости от местной сырьевой базы. Мастерством обработки железа славились ростовские, нижегородские, луховские, романовские, пошехонские, муромские кузнецы⁵⁶. Широкой популярностью пользовались мастера таких крупнейших районов металлической промышленности, как Новгородская земля и Устюжна Железнопольская, а также самопальные мастера из Каширы и кузнецы винтовальных и гладких пищалей из Ливен⁵⁷. Мастера смежных специальностей, связанных с производством оружия, приглашались в Москву из Костромы (ольстренники), Холмогор (костяного дела), Вятки (резного дела), Ярославля (станочные мастера) и других городов⁵⁸. Исходя из списочного состава мастеров Оружейной палаты, можно прийти к заключению, что значительную часть оружейников составляли выходцы из Северной Руси, как это отразилось в их прозвищах: Михайло Колмогор, Степан Волгодга, Федор Ростовец и т. д.

Вместе с тем среди них было немало представителей иных национальностей, как правило, завоевавших известность в определенной области оружейного ремесла. Специалисты пансырного и сабельного дела в большинстве своем набирались из черкесов, грузин (например, сабельный мастер Петр Грузинец) и других народов Кавказа и Закавказья⁵⁹. Калмыки и чуваша известны были своими мастерами куячного и бахтерцевого дела⁶⁰.

Наконец, кадры государевых оружейников в Москве отчасти пополнялись за счет вызова иностранных мастеров, например,

в Наказы русским посольствам, отправлявшимся в Персию, неизменно включалось поручение вербовать «кизылбашских Шаховой области мастеров по сабельному, шелковому и хзовому делу»⁶¹. Кроме оплаты переезда и полного годового жалованья с кормом, «кизылбашские» мастера обеспечивались также переводчиками, в основном, из посадских людей Астрахани. Последний факт еще ни разу не привлек внимание исследователей, а между тем, благодаря ему во многом проясняется процесс нахождения иностранных оружейников на русской службе.

В документах Оружейной палаты можно встретить указания на турецких мастеров по черни, греческих строчников и молдованина – «ствольного, замочного и сабельного дела мастера»⁶². Помимо упомянутых, среди иностранных оружейников широко были представлены выходцы из западноевропейских стран, нередко фигурирующие в источниках под собирательным названием «немцы». Как бы то ни было, в московских оружейных мастерских на протяжении всего XVII в. работало одновременно не более 15–20 иноземных мастеров, причем весьма непродолжительное время⁶³.

Несмотря на то, что в ранее вышедших публикациях в той или иной степени освещалась работа иностранных оружейников в Оружейной палате, тем не менее, еще ни разу не был проставлен акцент на сохранении государственной тайны в оружейном деле. Между тем постоянную актуальность этого вопроса лишний раз подчеркивает государственный указ 1675 г. о воспрещении продавать иноземцам порох, свинец и всякое оружие: «чтоб русские всяких чинов люди ... и всякие иноземцы пороху, и свинцу, пицалей, сабель... Калмыкам и Мугалам, и Китайским людям, и Бухарцам, и Башкирцам и всяким иноземцам нигде не продавали и ни на что не променивали»⁶⁴. Теми же стратегическими интересами Российского государства было продиктовано еще одно постановление конца XVII в. «о запрещении Черемисам, Чувашам и Вотьякам заниматься кузнечного дела мастерством»⁶⁵.

Объяснение столь строгим мерам можно найти в более поздних памятниках российского законодательства середины XVIII в., где предписывалось «иноверцев, не воспринявших христианского закона, в цехи не записывать»⁶⁶. В соответствии с традициями Оружейной палаты определение в мастера сопровождалось приводом к «истинному обещанию» в Большом Ус-

пенском или Архангельском соборах Московского Кремля, при этом «новик» давал присягу, что «дела никакого хитра не учинит над государевой казною и, взяв великих государей годовое денежное и хлебное жалование, **не збежит ни в немца, ни в Крым, ни в иные страны**»⁶⁷. Так, 13 июля 1645 г. в Мастерской палате было совершено крестное целование всех мастеров новому царю Алексею Михайловичу⁶⁸.

Вызванные из-за границы или приглашенные из других городов в Оружейную палату мастера селились, как правило, в Бронной слободе, тем самым обеспечивался строгий правительственный контроль и соблюдались необходимые меры предосторожности. Во второй половине XVII в. было особо оговорено, что «сабельных дел мастеров из иноземцев в Москве в Мещанскую слободу не переводить, но оставить по прежнему в Бронной слободе»⁶⁹. Там же оставались оружейники, выбывавшие из Оружейной палаты после периодических аттестаций: «всяким мастеровым людям, которые **по приговору Оружейной Палаты плохи** и дела их мастерства не прибыльны, отставить и быть им в Бронной слободе в тягле»⁷⁰.

Определяющим фактором столь компактного проживания являлось сохранение государственной тайны в оружейном деле. Согласно «Уставу» Анисима Михайлова, «у хором мастеровых людей двери и окна... устроити во двор, а не на улицу»⁷¹. Вероятно, обнаруженные при археологических раскопках в Москве, в Зарядье, такие топографические особенности планировки ремесленной усадьбы, как расположение дома и мастерской ремесленника в глубине двора, были вызваны именно этим фактором, а не случайными обстоятельствами, как полагал М.Г. Рабинович⁷².

Проблема воспроизводства квалифицированной рабочей силы и пополнения кадрового состава дворцовых оружейников после Смуты была решена в предельно сжатые сроки, судя по темпам роста численности мастеров Оружейной палаты. Если в 1613 г. в Оружейной палате было собрано лишь 20 оружейников, то за два года их стало 39 человек, а в 1621 г. уже числилось 52 мастера, в т. ч. иноземные⁷³. К 1627 г. число мастеров Оружейной палаты достигло 66 человек, а всего за первую половину XVII в. оно было доведено до 130 человек, привлеченных к выделке парадного либо строевого вооружения для государственных нужд⁷⁴.

Согласно обнаруженной нами «Росписи Оружейной палаты мастеровых людей разных дел русских и иноземцев с денежными оклады» 1663 г., численность дворцовых оружейников составляла к этому времени **108 человек**⁷⁵. Напомним, что в Бронном приказе, по данным за 1572/1573 г.г., насчитывалось почти столько же ремесленников – **109 человек**. В 1671 г. в ведомстве Оружейной палаты состояло 136 мастеров, в то время как в ведомстве Ствольного приказа – 113 человек⁷⁶. Следовательно, правомерно сделать вывод, что к середине XVII в. численность мастеров Оружейной палаты, занятых непосредственно изготовлением казенного оружия, стабилизировалась и стала регламентироваться штатным расписанием. Последнее документировано как выявленной росписью 1663 г., так и списком выдачи мастеровым Оружейной палаты прибавочного жалованья 1655 г., а также подробным списком выдачи жалованья служащим Оружейной палаты 1661 г.⁷⁷ Из этого вытекает, в свою очередь, заключение, что почти полвека потребовалось для восполнения кадрового состава мастеров Оружейной палаты после Смуты и приближения их численности к уровню конца XVI в.

¹ О московской оружейной школе в этот период см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 351–366.

² Бартев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. М., 1916. С. 266.

³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской орду. СПб., 1884. С. 122, 169.

⁴ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 599.

⁵ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 10, 213–214.

⁶ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. // Труды ГИМ. Вып. 31. М., 1956. С. 53–54.

⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 34.

⁸ Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 230.

⁹ Там же. С. 352.

¹⁰ Опись Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. М., 1885. С. 85.

¹¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 1990. С. 103; Малицкий Г.Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 536.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. С. 31, 137–138.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. I. Ч. 4. Ед. хр. 4388.

¹⁴ Ульянов О.Г. О времени возникновения Оружейной палаты Московского Кремля (к 500-летию создания) // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. М., 2009. С. 338–339.

- ¹⁵ ЧОИДР. Кн. IV. М., 1915. С. 290; Из истории блокады Русского государства / Перевод и вводная статья И.М. Полосина // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 257–271.
- ¹⁶ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 102.
- ¹⁷ Royal Armouriers. London, 1986.
- ¹⁸ Лурье Я.С. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 292.
- ¹⁹ См. подробнее: Ульянов О.Г. Древнейший арсенал в Московском Кремле – место рождения русской артиллерии // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. IV. С. 238.
- ²⁰ Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1938. С. 59, 80.
- ²¹ ЧОИДР. Кн. IV. М., 1884. С. 20–21.
- ²² Письмо Иоанна Кобенцеля о Московии // ЖМНП. № 9. СПб., 1842. Отд. 2. С. 150.
- ²³ Еще в 1593 г. персидский шах Аббас I продемонстрировал послу царя Федора Ивановича князю Андрею Звенигородскому свой дворцовый арсенал – «шеломы и шапки и зерцалы булатные, навожены золотом, и панцири» и сообщил, что «то делают в нашем государстве, а булат хороший красный выходит к нам из Индийского государства, а панцири добрые из черкас» (См.: Дон-Хуан Персидский. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, в 1599–1600 гг. М., 1898. С. 16).
- ²⁴ Горсей Дж. Записки о России в XVI – нач. XVII вв. М., 1990. С. 106.
- ²⁵ Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 20. М. 1948. С. 38.
- ²⁶ Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке. С. 362.
- ²⁷ ОР РНБ. Эрм. 542.
- ²⁸ Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного // Исторический архив. Т. IV. М., 1949. С. 14.
- ²⁹ Там же. С. 19.
- ³⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 104.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 69359. Л. 4.
- ³² Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря // МИА СССР. № 77. М., 1958. С. 197.
- ³³ Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 65, 74.
- ³⁴ Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА СССР. № 12. М., 1949. С. 197.
- ³⁵ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 7.
- ³⁶ Арсеньев Ю.В. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче: материал, извлеченный из архива Оружейной палаты. СПб., 1903. С. 1; Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 6.
- ³⁷ АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 355. С. 425.
- ³⁸ ОПИ ГИМ. Син. 939. Л. 102 об.

- ³⁹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 283.
- ⁴⁰ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // История Отечества. Век XVII. М., 1983. 497.
- ⁴¹ Там же. С. 504.
- ⁴² Там же. С. 497.
- ⁴³ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // ЧОИДР. Кн. III. М., 1905. С. 113.
- ⁴⁴ Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы в первой половине XVII века (По данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. II. С. 442–454.
- ⁴⁵ Арсеньев Ю.В. К истории Оружейного приказа в XVII в. М., 1904. С. 4.
- ⁴⁶ Епифанов П.П. Оружие // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М., 1979. С. 267; Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 352.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 1024. Л. 194, 197.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 1. Ч. 4. Ед. хр. 5675.
- ⁴⁹ Там же. Ч. 5. Ед. хр. 5921.
- ⁵⁰ Там же. Ч. 6. Ед. хр. 7251; Ч. 7. Ед. хр. 7906; Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 946.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Ч. 6. Ед. хр. 7405.
- ⁵² Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 69359. Л. 2.
- ⁵³ Железнов В.Ф. Указатель мастеров, русских и иноземцев, горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907. С. 29.
- ⁵⁴ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 21–22.
- ⁵⁵ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 5.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Ед. хр. 5048; Ч. 5. Ед. хр. 5533; Ч. 7. Ед. хр. 8350, 8512.
- ⁵⁷ Там же. Ч. 5. Ед. хр. 5895; Ч. 6. Ед. хр. 7223, 7700; Ч. 7. Ед. хр. 8369.
- ⁵⁸ Там же. Ч. 5. Ед. хр. 5725, 5750; Ч. 6. Ед. хр. 7280, 7445.
- ⁵⁹ Там же. Ед. хр. 7714; Ч. 7. Ед. хр. 7849, 8004.
- ⁶⁰ Там же. Ед. хр. 8026, 8039, 8132.
- ⁶¹ Там же. Ед. хр. 8032.
- ⁶² Железнов В.Ф. Указатель мастеров, русских и иноземцев ... С. 32, 60.
- ⁶³ Епифанов П.П. Оружие ... С. 268.
- ⁶⁴ ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. С. 375.
- ⁶⁵ ПСЗ. Т. 3. СПб., 1830. Ст. 1579. П. 8.
- ⁶⁶ Там же. Т. 12. Ст. 9012.
- ⁶⁷ СпбИИРАН. Ф. 133. Д. 50.
- ⁶⁸ Троицкий В.И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII века. М.-Л., 1928. С. 51.
- ⁶⁹ ПСЗ. Т. 1. Ст. 559.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 8. Ед. хр. 9729.
- ⁷¹ Радищевский О.М. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях, в государственное царей и

великих князей Василия Иоанновича Шуйского и Михаила Феодоровича, всея Руси Самодержцев, в 2-х частях: Ч. 2. СПб., 1781. С. 11.

⁷² Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX–XV вв. // Труды ИЭ. Новая серия. Т. 1. М., 1947. С. 32.

⁷³ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты ... Л. 21–23.

⁷⁴ Бахрушин С.В. Железоделательные заводы в Русском государстве в XVI в. // Вопросы географии. Вып. 20. М., 1950. С. 3; Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII в. // Материалы и исследования ГММК. Вып. 2. М., 1976. С. 25.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 7. Ед. хр. 8490. Л. 1–16.

⁷⁶ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей ... С. 103.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 5. Ед. хр. 5653. Л. 11–12; Ч. 6. Ед. хр. 7596.

А.Л. Устьянов (Санкт-Петербург)

АБОРДАЖНЫЕ ПАЛАШИ ОБРАЗЦА 1854 ГОДА ДЛЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

С ВОСШЕСТВИЕМ НА ПРЕСТОЛ Николая I был образован комитет под председательством адмирала Грейга, занимающийся приведением флота в надлежащий вид. В 1830 г. в Артиллерийском департаменте Морского министерства пришло время заняться и абордажным оружием, но прежде чем заказывать недостающее было решено узнать мнение флотских офицеров, какой формы и размера должно быть абордажное оружие на военных судах. Для выяснения этого вопроса обратились в Кронштадское общее собрание флагманов и капитанов военных судов, послав туда образцы разного абордажного оружия. Общее собрание, рассмотрев присланные образцы, в частности, выбрало палаш с корвета «Наварин» (во время ремонта на Мальте в 1828 г. на корвет были закуплены английские абордажные палашы обр. 1804 г. в количестве 80 штук). Комитет под председательством Грейга одобрил это решение, и палаш среди прочего абордажного оружия был представлен 4 февраля 1831 г. государю, который повелел «...палаша иметь по сему образцу, наблюдая, чтобы клинки оных не были короче образца, в коем длины 29 дюймов»¹. В мае того же года на Сестрорецком оружейном заводе были изготовлены два образцовых палаша по типу палаша с корвета «Наварин». 27 сентября 1831 г. было утверждено «Положение об абордажном оружии», и Артиллерийский департамент Морского министерства принял решение приготовить 8000 штук, на которые и было запланировано выделить в следующем году деньги. Но из-за занятости оружейных заводов военного ведомства производством огнестрельного оружия выполнить там заказ на изготовление палашей долгое время не

удавалось. Только в мае 1835 года заказ решили разместить на Златоустовской оружейной фабрике. Но 6 июня последовало Высочайшее повеление принять из сухопутного в морское ведомство безвозмездно 17 тысяч саперных тесаков в число абордажного оружия, и заказ отменили. Так флот вместо абордажных палашей получил снятые с вооружения в военном ведомстве саперные тесаки образца 1824/1827 г.

В январе 1853 г. Морской министр и он же начальник Главного морского штаба (ГМШ) Его Императорского Величества князь А.С. Меншиков был отправлен с особым поручением в звании чрезвычайного посла в Константинополь, а в управление морским ведомством вступил товарищ начальника ГМШ генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. В конце марта 1853 г. в корреспонденции, полученной на имя исправляющего должность Главного начальника Черноморского флота и портов вице-адмирала Берха, было выражено желание Константина Николаевича узнать его (Берха) соображение по предложению генерал-адъютанта Корнилова о замене палашами саперных ножей. Берх, будучи не в курсе этого дела, обратился к начальнику штаба Черноморского флота генерал-адъютанту Корнилову за разъяснением этого вопроса. Следует сказать, что Корнилов имел разрешение от управляющего Морским министерством князя Меншикова по важным вопросам обращаться к нему лично, минуя вышестоящие инстанции. Приведем полностью ответ Корнилова Берху:

«7 Апреля 1853 г.

Г-ну Исправляющему должность Главного Командира Черноморского флота и портов.

Вследствие предписания Вашего Высокопревосходительства от 4-го числа сего месяца за № 22997 имею честь представить при сем копию с докладной записки, поданной мною в С-Петербурге г. Начальнику Главного Морского Штаба Е.И.В. 21 Декабря 1852 г. о требующемся изготовлении для Черноморского Флота в число абордажного оружия пистолетов и палашей сходно образцам, удостоенным уже Высочайшего утверждения, причем нужным считаю присовокупить, что снабжение флота более удобными саблями я нахожу необходимым и что нынешние саперные ножи вовсе не соответствуют вооружению абордажных на военных судах партий, в чем я ныне, в бытность мою в Кон-

стантинополе, имел случай еще более убедиться, посетив французский винтовой корвет «Chaptal», английский винтовой корвет «Wasp», голландский фрегат «Доггербанк» и турецкие корабли. К этому я также должен прибавить, что форма саперных ножей вовсе не подходит к обучению матросов на эскадронах, ныне в черноморских экипажах столь развитому, причем имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства рисунки: а) саперного ножа, б) палаш, Высочайше утвержденного в Балтийском флоте, доставленного в 1835 г. к бывшему Главному Командиру Черноморского флота и портов адмиралу Лазареву, с) французской абордажной сабли и d) английской абордажной сабли.

Начальник штаба Черноморского Флота и портов Контр-Адмирал Корнилов»².

К рапорту прилагался рисунок (рис. 1).

«Копия

Его Светлости Князю А.С. Меншикову.

Черноморский флот, находясь в самом удовлетворительном состоянии в отношении к постройке судов, их вооружению, и как к морскому, так и к боевому снабжению, имеет один недостаток, возможность которого налагает на меня обязанность донести о нем Вашей Светлости. Это недостаточное или несвоевременное состояние абордажного оружия.

О заготовлении недостающего числа ружей и не имеющих вовсе в Арсеналах годных к употреблению пистолетов, признанных на всех флотах необходимыми для абордажных партий, вооружаемых холодным оружием, поступило к Вашей Светлости особое представление, и если последует на него разрешение, то будут оставаться абордажные палаши. Палаши эти составляют на судах главное вооружение абордажных партий, предназначенных из-за стрелков производить атаку на неприятельское судно, они должны быть, не затрудняя матросов при лазании, ловки для действий, между тем как ныне отпускаемые старые саперные ножи, совершенно не соответствующие Высочайше утвержденным образцам палашей, и коротки, и не защищают руки, и не имеют нужных приспособлений при лазании, и потому не в состоянии будут уравнивать бой с неприятелем, снабженным оружием, введенным на других флотах вообще и вполне соответствующим своему назначению.

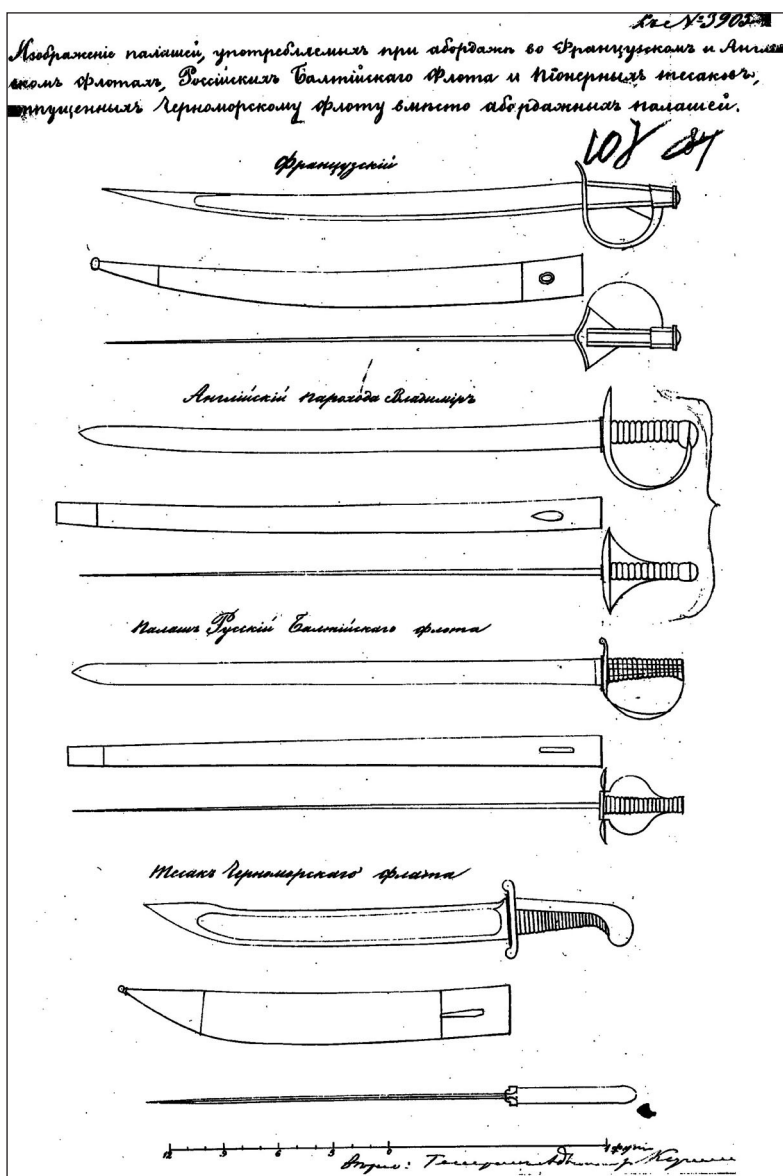

Рис. 1. Рисунок к рапорту Корнилова Берху
(РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1553. Л. 107)

Доволя до сведения Вашей Светлости таковое не совершенно удовлетворительное вооружение матросов для абордажа, я имею честь просить Вашего ходатайства о разрешении Черноморскому управлению озаботиться о немедленном заготовлении и пистолетов и палашей сходно образцам, удостоенным уже Высочайшего утверждения.

Генерал-Адъютант Корнилов

21 декабря 1852 г.»³

В рапорте к Константину Николаевичу от 5 мая 1853 г. Берх повторил, что ему доложил Корнилов, добавив от себя, что «... я буду иметь честь ожидать сведения: который из помянутых клинков угодно будет Вашему Высочеству признать удобнейшим для введения в употребление по ЧФ; с получением какового сведения я не премину войти особым представлением о соображениях моих по заготовлению такового оружия.

Адмирал Берх»⁴.

30 сентября 1853 г. был получен ответ Константина Николаевича, что на введение в Черноморском флоте в число абордажного оружия палашей вместо саперных ножей он, со своей стороны, согласен. И что из представленных ему рисунков он одобрил рисунок английских палашей, имеющих на пароходе «Владимир»⁵. О средствах заготовления сих палашей и заводе, на котором Берх признает нужным их заготовить, он будет ожидать от него представления.

На данном документе Берх написал резолюцию: «Как в настоящее время заказ в Англии затруднителен, то заказать на русских заводах; о чем на соображение в интендантство и представить. 15 октября 1853 г.»

Артиллерийской экспедицией Черноморского флота для образца был вытребован один самый лучший английский палаш из состоящих на пароходе «Владимир».

(Пароходофрегат «Владимир» был построен в Англии в 1848 г., и на нем были английские абордажные палаши образца 1845 г.)

По собранным Артиллерийской экспедицией Черноморского флота от Артиллерийского департамента Военного министерства и начальника 2-й Резервной кавалерийской дивизии сведениям оказалось, что все белое оружие для войск, а в том числе палаши и сабли, заготавливаются на Златоустовской оружейной

фабрике Горного ведомства. И потому Артиллерийская экспедиция Черноморского флота 5 декабря 1853 г. просила правление Златоустовской оружейной фабрики уведомить о цене палашей (6 тысяч штук) по препровожденному образцу на фабрике и за доставку в Николаев, и в какое время могут быть заготовлены. Вследствие чего горный начальник Златоустовских заводов отношением от 15 февраля уведомил экспедицию, что потребные для флота палаша 6 тысяч штук, могут быть изготовлены на Златоустовской оружейной фабрике в течение полутора или двух месяцев со времени получения заказа. Цена каждого палаша из лучшей рафинированной стали не будет превышать 2 р. 25 к. В случае заказа палашей горный начальник просил уведомления: будет ли кому поручен прием сего оружия от фабрики, или она должна сама отправить его за своим браком к месту назначения. В последнем случае он обязывался командировать с ним одного оружейного мастера для исправления могущих случиться во время пути повреждений. К этому горный начальник прибавил, что фабрикой будут приняты всевозможные меры к понижению назначенной для палашей цены, а если от них не требуется большой точности в размерах и тщательности в наружной отделке, а лишь прочность и доброта клинка, то палаша эти будут стоить значительно дешевле.

Об этом Берх довел до сведения начальника Главного морского штаба Е.И.В. князя Меншикова, который дал согласие палаша заказать безотлагательно и озаботиться о доставке их тем путем, каким они скорее могут быть получены на место. И что было бы удобнее, если бы фабрика по изготовлении отправила палаша к месту назначения за своим браком, с откомандированием оружейного мастера.

23 февраля 1854 г. от горного начальника Златоустовских заводов и Директора оружейной фабрики в Артиллерийскую экспедицию Черноморского флота был прислан вновь сделанный палаш и сообщение: "В дополнение к отношению моему, от 15 февраля, имею честь препроводить при сем изготовленный на здешней Оружейной фабрике абордажный палаш, по образцу присланного сюда, при отношении Экспедиции от 5 декабря 1853 г., и прошу покорно, если он по осмотру найден будет соответствующим своему назначению, и если последует на эти палаша заказ, утвердить подписью и приложением к нему печати,

и возвратить ко мне, для руководства при выделке таковых палашей, так как присланный сюда от Экспедиции подержанный палаш образцом при выделке новых служить не может. В случае же не надобности в заказе, прошу обратить препровожденный палаш ко мне»⁵

Полученный палаш был найден во всех отношениях удовлетворительным для своего назначения, утвержден образцом и отослан 2 апреля 1854 г. к горному начальнику Златоустовской фабрики для руководства при заготовлении палашей, с сообщением: «На отношение Вашего Высокоблагородия Артиллерийская Экспедиция ГУ ЧФ и портов имеет честь уведомить, что наружная отделка присланного палаша, сделанного на вверенной Вашему Высокоблагородию фабрике, оказалась удовлетворительна для абордажных палашей на флоте, качество же стали в клинках и прочность палашей должны быть самые высокие. В таком смысле, помянутый палаш утвержден образцом и при сем возвращается. В следствии чего Артиллерийская экспедиция покорнейше просит распорядиться о изготовлении 6 тыс. палашей по означенному образцу, и как оружие это в настоящее время нужно на флоте, а потому, чем скорее они будут приготовлены раньше назначенного в отзыве вашем срока, тем они будут полезнее. По заготовлении сих палашей отправить их за своим браком сухопутно до реки Камы, а оттуда водою в Дубовку, а если представится возможность, то в Ростов /на Дону/ или же другим путем, каким скорее могут быть они получены в Ростове, откомандировав из фабрики при палашах оружейного мастера, для исправления могущих случиться в них на пути повреждений. Причем Экспедиция имеет честь присовокупить, что о таковом заготовлении палашей на вверенной Вам фабрике вместе с этим сообщено в Департамент Горных и Соляных дел (которому была подчинена Златоустовская Оружейная фабрика)»⁶. Немедленно было приказано приступить к выполнению заказа.

Изготовление палашей было окончено к 3 июля 1854 г. А так как водяной караван с Златоустовских заводов отбыл еще в апреле месяце, и потому не представилось возможности палаши сплавить водой, они были отправлены в город Ростов-на-Дону 5 июля с вольным возчиком-мастеровым Лосевым. Он обязался доставить их туда если не раньше, то никак не позже 50 дней со дня принятия груза из арсенала под наблюдением урядника Во-

локитина, которому было поставлено в обязанность, если окажутся в палашах какие либо повреждения, произошедшие в пути следования, то исправил бы их с помощью прикомандированного к нему оружейника Петра Антонова.

По рапорту ростовского комиссионера Черноморского ведомства абордажные палаши в количестве 6 тысяч штук, упакованные в 37 деревянных ящиков, на подводках из Златоустовского завода были доставлены в Ростов-на-Дону к 20 августа и приняты к комиссионерству. Для доставления в Севастопольский порт они были погружены на 37 воловых подвод подрядчика николаевского 1-й гильдии купеческого сына Федора Киреевского. 29 августа из Ростова-на-Дону обоз отправился в Севастопольский порт, но по случаю начала военных действий в Крыму и опасения захвата его неприятелем кем-то из воинских начальников он был перенаправлен в Николаев, куда и прибыл 4 октября. Там палаши были приняты в николаевские артиллерийские магазины при свидетельстве приемной комиссии и записаны в приход.

Последующее упоминание об этих палашах можно найти из следующих ведомостей:

от 26 октября 1861 года в «Ведомости о ручном огнестрельном и холодном оружии по Николаевскому и Севастопольскому портам»⁷:

«Итого имеется в экипажах и на судах палашей абордажных – 2607

Затем находится на лицо в артиллерийских магазинах – 3264
Всего – 5871»;

от 11 января 1865 г. в «Ведомости о наличии по Николаевскому порту, ручного огнестрельного и холодного оружия, свинцу, капсулей и железных чашечек, за декабрь месяц 1864 г.»⁸:

«Палашей абордажных годных – 3834

Починочных – 42

Итого – 3876».

Дальнейшую судьбу этих палашей по документам архива проследить не представляется возможным, вероятно они, как и палаши образца 1856 г. были сняты с вооружения в 1900 г.

Определяющими признаками этого палаша является клинок, чуть изогнутый, без дол, с надписью на обухе «Златоуст 1854» и литая чугунная рукоятка.

¹ РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 121. Л. 41. И.П.Суханов. Абордажное оружие. СПб., 2012. С. 143.

² РГА ВМФ. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 311. Л. 21. Документ опубликован в книге: Вице-адмирал Корнилов (Материалы для истории русского флота) Москва, 1947. С. 174. № 134.

³ РГА ВМФ. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 311. Л. 22. Документ опубликован там же. С. 166. № 127.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 104. Оп. 1 Д. 311. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 63.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 165. Оп. 1 Д. 2526. Л. 70.

⁸ Там же. Д. 2709. Л. 7.

О.В. Филатов (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ИМПЕРАТОРА РОССИИ НИКОЛАЯ II В АКТИВИЗАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ И ВОЕННО-МОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ войны мир оказался окончательно поделен между крупнейшими европейскими державами, первыми вступившими на путь активной колониальной экспансии, – Англией, Францией, Португалией, Голландией, Бельгией. Россия была занята освоением бескрайних просторов на востоке, а американцы покоряли Дикий Запад. Лишь Германия осталась в стороне. После разгрома Франции и создания Германской империи на берегах Рейна и Шпрее начался экономический бум, а в конце XIX – начале XX в. резко обострились англо-германские отношения, соперничество двух держав на море. В 1890 г. вышла в свет книга американского контр-адмирала А. Мэхэна «Влияние морской силы на историю». Автор утверждал, что военно-морской флот играет решающую роль в любой войне, а завоевание господства на море является единственной целью, достижение которой – это победа над противником и мировое лидерство. Исходя из этого, английский парламент в 1889 г. принял закон, по которому флот этой страны по своей мощи должен был превосходить флоты двух самых развитых в военно-морском отношении стран. Началась новая гонка вооружений на море, которая явилась неотъемлемой частью в подготовке к переделу мира.

По своему основному предназначению флоты были должны выполнять ряд важных задач. Во-первых, защищать побережье стран, их порты, важные города (к примеру, основное предназначение русского Балтийского флота – защита Петербурга). Во-

вторых, бороться с вражескими военно-морскими силами, подерживать свои сухопутные силы с моря. В-третьих, охранять морские коммуникации, стратегически важные пункты; особенно это касалось Британии и Франции, владевшие огромными колониальными империями. В-четвертых, обеспечивать статус страны; мощный военно-морской флот показывал положение державы в мировой неформальной таблице рангах.

В это время Германия заявляет о желании стать еще одной колониальной державой. Император Вильгельм II решил захватить просторы мирового океана. Этой задаче он подчинил всю внешнеполитическую деятельность. В марте 1898 г. был принят «Закон о флоте». Он предусматривал строительство серии мощных современных боевых кораблей, в том числе 11 эскадренных броненосцев. В 1900, 1906, 1908 и 1912 гг. судостроительные программы рейха принимались с корректировкой в сторону увеличения, и по закону 1912 г. предполагалось, что германский флот получит дополнительно до 41 линейного корабля и 20 броненосных крейсеров, к числу уже имевшихся легких крейсеров и миноносцев¹.

В ответ Лондон принял судостроительную программу, по которой Великобритания должна была иметь на 60 % больше линейных кораблей, чем флот Вильгельма II, а в 1909 г. на каждый спущенный с верфей Германии линкор строить свои два.

Россия с 1907 по 1914 г. на 173,9 % увеличила свои расходы на строительство флота.

В 1907 г. в Англии построили первый в мире линкор нового типа – дредноут, который по своим тактико-техническим данным превосходил предыдущие типы кораблей. Линейные корабли стали делиться на два типа: дредноуты и додредноуты.

С 1907 г. началась гонка вооружений на море².

Разразившаяся в 1904 г. Русско-японская война изменила расстановку сил как на Дальнем Востоке, так и в Европе. В этих условиях, когда союзник Франции – Россия ослабла, Париж стал сближаться с Лондоном. 8 апреля 1904 г. был подписан договор о Сердечном соглашении (Антанте) между Францией и Великобританией³. Он состоял из двух частей – открытой и закрытой. В секретной предусматривалась возможность ликвидации власти марокканского султана и самого этого государства, решались и другие споры по колониальным вопросам между двумя странами.

Создание Антанты было серьезнейшим ударом по интересам Германской империи. Она потеряла Марокко. Лондон получил возможность вывести из Средиземного моря около 160 своих военных кораблей и перевести их в северные моря.

После создания Антанты Вильгельм II дает указание восстановить двусторонние дружеские отношения с Россией. 15 октября 1904 г., под давлением Берлина, Австро-Венгрия заключила с Россией договор о «лояльном и абсолютном нейтралитете» в случае «неспровоцированной войны» со стороны третьей державы. Германия стала снабжать углем российский флот, который направлялся из Балтики на Тихий океан. И наконец, сам кайзер сообщил Николаю II о готовности заключить с Россией союзный договор.

Однако российское правительство во главе с императором не было готово к перемене союзников. Это привело бы к разрыву франко-русского союза, а конфликт с Англией привел бы к ситуации, когда Россия стала бы зависеть от Берлина как экономически, так и политически. В Берлине сотрудник германского МИДа барон Фридрих Август фон Гольштейн (бывший советник канцлера Бисмарка) вызвал к себе российского посла графа Николая Дмитриевича Остен-Сакена и имел с ним доверительный разговор. Он предложил ему от имени кайзера заключить союз, к которому французы, по его мнению, вынуждены были бы присоединиться. Но если бы это случилось, это привело бы к тому, что французы вышли бы из союза с Россией. Кайзер был в выигрышном положении по отношению к России, которая в конце 1904 – начале 1905 г. практически была в изоляции.

Вильгельм II не оставлял мысли о разрушении франко-русского союза. В конце октября 1904 г. он написал Николаю II письмо, где ясно давал понять, что возможна «комбинация трех наиболее сильных континентальных держав» – России, Германии и Франции. Надо сказать, что российский монарх размышлял о союзе с Германией. 23–24 июля 1905 г. состоялась личная встреча двух императоров, проводивших свой отпуск в морских прогулках по Балтике в финляндских шхерах близ острова Бь рке. Она была совершенно секретной, на ней отсутствовали обычно сопровождавшие Вильгельма II лица. Кайзеру удалось убедить царя подписать русско-немецкий союзный договор.

От России вместе с императором Николаем II его подписал только вице-адмирал А.А. Бирилёв⁴, назначенный 29 июня 1905 г. первым российским морским министром и сопровождавший царя в поездке, но и он не знал, что было в тексте договора. Кстати, министр иностранных дел России при этой встрече отсутствовал.

Согласно договору, в случае, если одно из государств подвергнется нападению европейской державы, второе обязывалось прийти ему на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами, а во-вторых, Россия давала обещание привлечь к русско-германскому союзу Францию.

По возвращении на родину император имел беседу с премьер-министром С.Ю. Витте и министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом, после чего государь пришел к выводу, что Бернский договор необходимо дезавуировать, что и было сделано. Планы кайзера потерпели полный крах⁵.

Поражение России в Русско-японской войне, в которой Японию поддержал Лондон, привело императора Николая II к мысли о необходимости решения многих проблем, которые накопились к началу XX в. в русско-английских отношениях – это и Афганистан, и Персия, и Китай, и Средняя Азия, и Балканы, и Ближний Восток. На сближение с Англией Российскую империю подталкивал и целый ряд экономических факторов. Но и британский король Эдуард VII понимал необходимость нормализации отношения с русскими, к этому его вынуждала гонка вооружений на море, которую начал кайзер Вильгельм II. На Ближнем Востоке и у России и Англии появился общий враг – Германская империя.

В 1907 г. Лондон заявил о своем желании вместе с Францией предоставить крупный финансовый займ России. Двусторонние контакты получили новое развитие, когда в Англии на пост министра иностранных дел был назначен сэр Э. Грей (8 декабря 1905 г. он получил портфель министра иностранных дел и статс-секретаря министерства в кабинете Кемпбелл–Баннермана и был на этом посту до 1916 г.)⁶, который заявил о том, что необходимо как можно скорее решить накопившиеся проблемы в русско-английских отношениях. Об этом он известил своего коллегу в Санкт-Петербурге министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа⁷. Николай II тут же для закрепления успеха

назначил на пост министра иностранных дел сторонника сближения с Англией А.П. Извольского⁸. Эта работа велась с мая 1906 г. и вплоть до подписания 31 августа 1907 г. двустороннего соглашения, регламентировавшего разграничение сфер влияния Англии и России в Персии, Афганистане и Тибете. В эти годы были заложены основы согласия между Россией, Англией и Францией⁹. Теперь Европа была разделена между Антантой и блоком центральных держав в лице Германской и Австро-Венгерской империй.

Как же строил император Николай II в эти непростые годы свою работу по развитию флота России? Прежде всего он опирался на уже сложившуюся систему взаимоотношений с ведомствами посредством общения с их руководителями, которых он и назначал, – начальником Морского министерства и начальником Морского Генерального Штаба (далее МГШ).

МГШ – высший оперативно-стратегический орган управления Российским флотом был создан 24 апреля 1906 г. Начальником МГШ был назначен капитан 1-го ранга (с 1907 г. контр-адмирал) Л.А. Брусилов¹⁰. Он имел право Всеподданейшего доклада императору при морском министре по своему кругу вопросов. Ему подчинялись военно-морские агенты (атташе) за границей, оперативные части (отделения) в штабах, начальники действующих флотов (морсил). А также в его ведение были переданы общие направления деятельности Курсов военно-морских наук в Николаевской морской академии¹¹.

11 января 1907 г. Николай II наделил морского министра правами главного начальника флота и морского ведомства и управляющего боевыми силами, личным составом и строевой частью, Главным и Морским штабами. 10 октября 1911 г. утверждено Временное положение об управлении морским ведомством, которое просуществовало до 1917 г.¹²

Сам император был знаком с деятельностью МГШ не на словах, а на деле: он постоянно принимал у себя как военно-морских руководителей высшего ранга, так и военных агентов и многих других специалистов, поскольку для принятия необходимых решений ему было необходимо знать, что происходило и в стране и за границей. Такую информацию ему мог предоставить МГШ. Для этого в его структуре были созданы отделения русской и иностранной статистики и военно-историческое. А также

имелось и делопроизводство по мобилизации. Выполняли они следующие задачи:

1. сбор и обработка информации об общем политическом положении, о силах и средствах иностранных государств и об их готовности к войне, о морских театрах военных действий, обработка статистических данных о русском флоте;

2. составление проектов программ развития морских вооруженных сил, основных заданий к постройке кораблей, для подготовки театра военных действий, неприкосновенных запасов, для комплектования флота и мобилизации, формирования эскадр и отрядов и их дислокации;

3. составление основных планов обучения, ремонта, перевооружения, снабжения флота, подготовки его к войне; кроме того: положений, уставов, правил службы и инструкций, касающихся боевой подготовки;

4. разработка вопросов общей организации службы на флоте, составления заданий по морским маневрам, наблюдение за их ходом и отчеты о них;

5. проработка военно-исторических материалов, разработка документов для составления международных деклараций, переписка по военно-политическим вопросам, общее заведование «Морским сборником».

В 1912 г. МГШ подвергся реорганизации и перед началом Первой мировой войны состоял из семи частей: 1-й оперативной (Балтийское и Северное моря),

2-й оперативной (Черное море и южные моря), 3-й оперативной (Тихий океан и восточные моря), 4-й организационно-тактической из 2-х отделений, 5-й статистической иностранной, 6-й статистической русской (обе по изучению флотов), 7-й военно-морской исторической и канцелярии. В начале войны были добавлены отделения воздушного и подводного плавания, взаимодействия морских и сухопутных сил в Прибалтике и на дальних подступах к столице со стороны Финского залива служба тыла¹³.

До начала Первой мировой войны Германия все-таки пыталась уговорить императора Николая II как главу всей русской дипломатии изменить расклад сил на континенте. Так, 29 октября 1907 г. был подписан русско-германский Балтийский протокол, регулировавший некоторые проблемы в этом регионе. Эти

попытки сближения с Россией продолжались вплоть до 1910 г., но особой роли не сыграли.

Главы государств в этот период непосредственно принимают участие в различных внешнеполитических мероприятиях. Император Николай II прекрасно владел несколькими европейскими языками, что также имело немаловажное значение в международных делах. Улучшение русско-английских отношений Берлин воспринял негативно. Особенно Вильгельм II был недоволен результатами дружественной встречи в Ревеле в июле 1908 г. русского и английского государей Николая II и Эдуарда VII. На ней обсуждались вопросы, связанные с требованием к Турции в проведении преобразований в ее македонских владениях, и о совместном вмешательстве в турецкие события¹⁴. В Османской империи происходила младотурецкая революция.

Надо отметить, что агрессивные устремления Вены на Балканах подогревались в Берлине, который попытался в который раз проверить верность союзническому долгу стран Антанты. Вильгельм II понимал, что Турция владеет проливами, и укрепление там позиций России и Англии недопустимо. Он, используя свои возможности, дипломатическими методами надавил на союзников-австрийцев, и 5 октября 1908 г. австро-венгерский император заявил о распространении своего суверенитета на Боснию и Герцеговину¹⁵. Россия согласилась с этим требованием Австро-Венгрии, но подчеркнула, что этот вопрос является общеевропейским, а проблемы аннексии Боснии и Герцеговины требуют международного обсуждения и обусловлены необходимостью компенсации для целого ряда государств. Но Вена, поддерживаемая Вильгельмом II, начала готовить планы уничтожения Сербии, планируя разделить эту страну между Австро-Венгрией, Болгарией и Румынией. 29 марта 1909 года в Австро-Венгрии была объявлена мобилизация пяти корпусов. Император Николай II, дабы избежать новой войны с участием России, не стал обострять отношения с Австро-Венгрией и Германией и признал аннексию Боснии и Герцеговины, сняв вопрос с повестки дня о созыве международной конференции. Боснийский кризис до крайности ухудшил отношения между Санкт-Петербургом, с одной стороны, и Берлином и Веной – с другой. Действия Вильгельма II заставили императора Николая II еще более укрепить союз с Лондоном и Парижем, он

не собирался подчиняться воле кайзера. Тем не менее, немецкая дипломатия под руководством Вильгельма II продолжала действовать в том же ключе, что и раньше. 9 февраля 1909 г. морской министр и начальник МГШ обратились к императору с просьбой разрешить, согласно докладу, составить программу судостроения на следующие 10 лет. Получив разрешение, они представили этот документ в Совет министров под названием «Программа развития морских вооруженных сил на 1909–1919 годы». 24 февраля 1910 г. она была согласована с Советом министров, а 24 марта – с императором. Программа предполагала за десять лет построить для флота России 8 линкоров, 4 линейных крейсера, 9 легких крейсеров, 36 эсминцев, 36 шхерных миноносцев и 20 подводных лодок. В согласованном документе осталось 4 линкора, 4 линейных крейсера, 4 легких крейсера, 18 эсминцев и 12 подводных лодок. А 25 апреля 1911 г. император утверждает «Программу усиленного судостроения Балтийского флота на 1911–1915 годы» и «Закон об императорском флоте». Кроме того, 9 мая 1911 года царь утвердил «Положение о командовании Морскими силами Балтийского и Черного морей и командующего Сибирской флотилией», которое было введено в действие через 18 дней.

Как можно понять из вышеперечисленных документов, подписанных императором, совершенно ясно, что он постоянно держал на контроле исполнение поручений по выполнению программ, связанных с укреплением флота России. 6 июня 1912 г. Государственная дума проголосовала за этот законопроект, но уже в уточненном варианте, под названием «Программа усиленного судостроения БФ на 1912–1916 годы». Помимо вышеупомянутых программ, император 17 июня 1912 г. окончательно утвердил «План операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны». Согласно «Программе усиленного судостроения БФ на 1912–1916 годы» предполагалось спроектировать и построить линейные крейсера «Бородино» и «Наварин». 18 июля 1915 г. был спущен на воду «Бородино», 27 октября – «Наварин»¹⁶.

Император уделял большое внимание судостроению. Так, в частности, находясь в Крыму, в Ливадии, он 28 ноября 1913 г. сделал следующую дневниковую запись: «...принял Григоровича, с вице-адмиралом Муравьевым по вопросу судостроения»

(Муравьев – начальник Главного управления кораблестроения в морском министерстве)¹⁷.

В 1908–1911 гг. обострилась международная обстановка, которая показала, насколько близко Европа подошла к грани крупномасштабной войны. Так, 5 октября 1911 г. итальянские войска после вторжения в североафриканские провинции Османской империи Триполитанию и Киренаику (современную Ливию) начали боевые действия против Турции. В 1912 г. между двумя противниками был подписан в Швейцарии договор, по которому Рим получил полный контроль над спорной территорией. Итало-турецкая война послужила стимулом для объединения ряда балканских государств в союз против Стамбула. Утром 9 октября 1912 г. боевые действия против Турции начала Черногория, а 16 октября войну Османской империи объявили Сербия, Болгария и Греция. В начале ноября болгарская армия стояла у стен Константинополя, а 3 декабря было подписано перемирие, но в феврале 1913 г. боевые действия возобновились. В этой войне Османская империя потерпела полное поражение. Согласно Лондонскому договору от 30 мая 1913 г., который подвел итоги 1-й Балканской войны, почти вся территория Европейской Турции переходила к союзникам, и таким образом для балканских стран закончилось многовековое османское иго¹⁸. Вена и Берлин были недовольны условиями договора и решили его разорвать. Император Николай II и вся русская дипломатия пытались устранить назревавший новый военный конфликт на Балканах, но сохранить единство славянских государств не удалось. Болгарии были необходимы кредиты, а Австро-Венгрия обещала предоставить их Софии, и болгары во главе со своим царем Фердинандом из немецкой династии Кобургов 29 июня 1913 г. вероломно напали на Сербию и Грецию. Так началась братоубийственная 2-я Балканская война. В войну вмешалась и Румыния, а Турция, с помощью военной силы, вернула себе Андрианополь. В этих условиях Австро-Венгрия отказалась помогать болгарам. 10 августа 1913 г. в Бухаресте между балканскими государствами был подписан мир, по которому Болгария потеряла не только недавно завоеванные у Турции территории, но и часть своих земель¹⁹. 2-я Балканская война имела важные геополитические последствия. После нее на Балканах образовались две группировки: Сербия, Греция и Румыния, с одной стороны, Болгария и Турция – с другой.

Дипломатическая борьба двух главных противоборствующих в Европе сил после 2-й Балканской войны только обострилась: одни пытались восстановить прежний блок балканских государств, другие – присоединить к болгаро-турецкой коалиции Румынию. Обладание черноморскими проливами осталось в планах России.

Стремясь выиграть время для перевооружения армии и военно-морского флота, Россия вступила в переговоры с Германией. В ноябре 1910 г. состоялась встреча Николая II и Вильгельма II в Потсдаме. Такой дипломатический шаг означал ответную реакцию русской дипломатии на безразличное отношение Англии и Франции к России во время «боснийского кризиса». Заключенное между Россией и Германией 6 (19) августа 1911 г. Потсдамское соглашение не изменило общий вектор вовлечения этих государств в противостоящие друг другу военно-политические союзы. Россия обязалась не препятствовать постройке железной дороги Берлин–Багдад, а также взяла на себя обязательство получить от Ирана концессию на постройку железной дороги Тегеран–Ханекин на ирано-турецкой границе. Германия признала наличие «специальных интересов» России в Северном Иране и обязалась не добиваться там концессий, а также дала заверение, что не будет строить ответвления Багдадской железной дороги к северу от Ханекина²⁰.

Военная гонка великих держав продолжала нарастать. Царская Россия также шла в этом фарватере. Ее союзники нуждались в русской армии для борьбы с Германией. Летом 1912 г. была заключена русско-французская морская конвенция, согласно которой морские силы Франции и России обязывались действовать совместно. Выполняя взятые в Антанте обязательства, царское правительство в 1913 г. утвердило напряженную программу военного строительства и усиления боевой мощи военно-морского флота. На Дальнем Востоке дипломатия России добилась существенных успехов. Подписанный в 1907 г. договор России с Японией означал вступление этих стран на путь проведения согласованной политики на Дальнем Востоке. Отношения между Англией и Россией на Дальнем Востоке также носили компромиссный характер. В 1912 г. Россия, признав Тибет сферой влияния Англии, добилась взамен признания за собой сферы влияния во Внешней Монголии.

Выводы:

В нараставшем соперничестве каждая из великих держав преследовала собственные интересы.

Император Николай II, осознавая необходимость сдерживания экспансии Германии и Австро-Венгрии на Балканах и упорочения там собственных позиций, рассчитывал на отвоевание у Австро-Венгрии Галиции, не исключая при этом установления контроля над находящимися во владении Турции черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы. Британская империя ставила целью устранить главного конкурента – Германию и упрочить собственное положение ведущей державы, сохраняя господство на море. Одновременно Британия планировала ослабить и подчинить своему внешнеполитическому курсу союзников Россию и Францию. Последняя жаждала реванша за поражение, понесенное в ходе франко-прусской войны, а главное – хотела вернуть утраченные в 1871 г. провинции Эльзас и Лотарингию. Германия намеревалась нанести поражение Великобритании, чтобы захватить у нее богатые сырьевыми ресурсами колонии, разгромить Францию и закрепить за собой Эльзас и Лотарингию. Кроме того, Германия стремилась овладеть обширными колониями, принадлежавшими Бельгии и Голландии, на востоке ее геополитические интересы простирались к владениям России – Польше, Украине и Прибалтике, а еще она рассчитывала подчинить своему влиянию Османскую империю (Турцию) и Болгарию, после чего совместно с Австро-Венгрией установить контроль над Балканами. С появлением Германской колониальной империи общее мнение, что «морское могущество означает мировое господство», требовало наличия сильного военно-морского флота для защиты своих владений.

Исходя из всего вышесказанного, следует еще раз подчеркнуть, что внешнеполитический курс формируется не только руководителем государства, но и под воздействием многих других факторов. Одним из них является фактор морского соперничества. Перед правительством Николая II встала дилемма: либо воссоздавать мощный флот открытого моря, который дал бы России возможность продолжать активную внешнюю политику либо создавать оборонительный флот для обеспечения безопасности собственного побережья. Предпочтительнее был вариант строительства оборонительного флота, который бы состоял из

миноносцев, подводных лодок и средств минной позиционной войны (мин заграждения).

Состояние военно-морских флотов указывает на экономические и финансовые возможности великих держав, их роль и место в системе международных отношений. Все это оказало в свое время определяющее влияние на взаимоотношения Германии, Австро-Венгрии и стран Антанты: Англии, Франции и России.

Надо отдать должное императору Николаю II в том, что он сам не только участвовал в формировании внешнеполитического курса страны, но и неоднократно встречался с лидерами союзных стран, обсуждая многие международные проблемы, в том числе и военно-морские, а также и с руководителями Австрии, Германии, Италии, Швеции, Дании, Румынии и другими, и предлагал усилия к решению конфликтных вопросов мирным путем. Переговоры не всегда проходили в столицах государств. Так сложилось в международной практике, что одним из инструментов подготовки и ведения переговоров стали императорские яхты, являясь морскими резиденциями России, и они же были средством доставки дипломатических кадров и главы государства.

Так, император Николай II года вел переговоры на яхте «Штандарт»: в июле 1907 г. с германским императором Вильгельмом на рейде города Свинемюнде; в 1908 г. с английским королем Эдуардом VII; 14 июля 1908 г. с французским президентом Арманом Фаллиером в Ревеле; в 1909 г. с королем Швеции Густавом V. В июне 1912 г. император Германии Вильгельм II приходил на яхте «Hohenzollern» на закладку в Ревеле нового порта Петра Великого. В августе того же года Николай II принимал на «Штандарте» и вел дипломатические переговоры с премьер-министром Франции Р. Пуанкаре. На яхте «Александрия» царь дважды принимал Раймонда Пуанкаре: в первый раз в качестве премьер-министра в июне 1912 г., а во второй раз – как президента Франции в июле 1914 г. в Кронштадте.

Примерами, иллюстрирующими уровень сложности и широту замыслов во внешнеполитической деятельности императора Николая II в области войны и мира являются его инициативы накануне Первой мировой войны. Это, в частности, предложение о созыве мирной конференции, целью которой было бы всеобщее и полное разоружение. 12 августа 1898 г. появляется Циркулярная нота о третейском международном суде. О мир-

ном предложении были извещены правители Европы и других континентов, но ответ последовал, быстрый и отрицательный, от Франции, Германии, Японии. 30 декабря – вторая нота Николая II о сокращении вооружений, но уже менее широком. Это предложение отчасти было осуществлено: 6 мая 1899 г. была созвана по инициативе России и по почину лично царя 1-я международная мирная конференция в Гааге, в которой участвуют 26 стран. На заседаниях с 18 мая по 29 июля председательствует посол России. Конференция запретила пользоваться на войне удушливыми газами, разрывными пулями («дум-дум»), метать взрывчатые вещества с воздушных шаров.

В 1907 г. состоялась 2-я мирная конференция в Гааге. На основе принципов этой конференции была создана Лига наций, а затем и ООН.

В секретариате ООН, в Нью-Йорке на почетном месте выставлена для всеобщего обозрения подлинная грамота с призывом о мирной конференции за собственноручною подписью царя Николая II.

Вот как оценивал роль императора Николая II во внешней политике его современник президент Французской Республики Эмиль Лубе. В интервью венской газете «Neue Freie Presse» в 1910 г. он сказал следующее: «О русском Императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский Император сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой». Известный русский историк С.С. Ольденбург (1888–1940) писал: «Государь имел также упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов. Он не забывал их, постоянно к ним возвращался, и зачастую, в конце концов, добивался своего. Иное мнение было широко распространено потому, что у Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка... Мягкость обращения, приветливость, отсутствие или, по крайней мере, весьма редкое проявление резкости – та оболочка, которая скрывала волю Государя от взора непосвященных – создала ему в широких слоях страны репутацию благожелательного, но слабого правителя, легко поддающегося всевозможным, часто противоречивым, внушениям... Между тем, такое представление было бесконечно далеко от истины; внешнюю оболочку принимали за сущность. Император Николай II, внимательно выслушивавший самые различные мнения,

в конце концов, поступал сообразно своему усмотрению, в соответствии с теми выводами, которые сложились в его уме, часто прямо вразрез с дававшимися ему советами... Но, напрасно искали каких либо тайных вдохновителей решений Государя. Никто не скрывался «за кулисами». Можно сказать, что Император Николай II сам был главным «закулисным влиянием» своего царствования²¹. Уинстон Черчилль (военный министр Британии в годы Первой мировой войны) давал следующую оценку ситуации в России к марту 1917 г. и императору Николаю II: «В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна... Согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна... Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?... Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; Брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли?»²²

В современных исторических условиях развития России и ее положения на международной арене анализ и изучение событий, которые происходили в начале XX в. на Балканах, Ближнем Востоке, в России и Европе и во всем мире позволяет адекватно оценивать прошлое, понять приоритеты внешней политики России в XXI в. и, опираясь, на многовековой опыт российской дипломатии, использовать его в достижении позитивных результатов во внешней политике государства как сегодня, так и в будущем.

---

¹ История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время. (1871–1914). М.: Госполитиздат, 1963. С. 628.

² Патрушев А.И. Германия в XX веке. М.: Дрофа, 2004. С. 41–43.

- ³ Дипломатический словарь. Т. I. А–К. М.: ОГИЗ, 1948. С. 139–146.
- ⁴ Бирилев, Алексей Алексеевич (16 марта 1844, Тверская губерния – 6 февраля 1915, Петроград) – русский военно-морской и государственный деятель, морской министр, адмирал (1907) (Военный энциклопедический словарь / Под ред. Н.В. Огаркова. М.: Воениздат, 1984. С. 864).
- ⁵ История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время. (1871–1914). С. 575–576.
- ⁶ Эдуард Грей, он же Грей оф Фаллодон (Grey of Fallodon), виконт (25 апреля 1862, Лондон – 7 сентября 1933, Фаллодон, графство Нортумберленд) – английский государственный деятель. С 1885 – член парламента от Либеральной партии. В 1892–1895 – заместитель министра иностранных дел, в 1905–1916 – министр иностранных дел (Дипломатический словарь. Т. I. С. 509–512).
- ⁷ Граф Владимир Николаевич Ламсдорф (также Ламздорф или Ламбсдорф; 25 декабря 1844 [6 января 1845] – 6 [19] марта 1907, Сан-Ремо, Италия) – русский дипломат из остзейского дворянства, министр иностранных дел Российской империи в 1900–1906 гг. (Дипломатический словарь. Т. II. М.: ГИПД, 1950. С. 5, 6).
- ⁸ Извольский Александр Петрович (6 (18) марта 1856), Москва – 16 августа 1919, Париж) – русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906–1910 гг. Брат обер-прокурора П.П. Извольского. Автор воспоминаний: Извольский А.П. Воспоминания / Пер. с англ. А. Сперанского. Пг.-М.: Петроград, 1924 (Дипломатический словарь. Т. I. Стр. 671).
- ⁹ Дипломатический словарь. Т. I. С. 118–120.
- ¹⁰ Лев Алексеевич Брусилов (1857–1909) – российский вице-адмирал. Один из главных инициаторов создания и первый начальник Морского генерального штаба. Сын генерала А.Н. Брусилова, брат генерала А.А. Брусилова (Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. СПб.; [М.]: Тип. г-на И.В. Сытина, 1911–1915).
- ¹¹ Березовский Н.Ю. Российский императорский флот 1696–1917. Военно-исторический справочник. М.: Русский мир, 1993.
- ¹² Климов А.Ю., Козюренко К.Л. Н.О. фон Эссен, А.В. Колчак и разработка программы усиленного судостроения Балтийского флота // Журнал «Гангут». 2000. № 24. С. 29, 30, 33, 34, 37, 39, 41, 44–46.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ История дипломатии. Т. II. С. 645–647.
- ¹⁵ Там же. С. 660.
- ¹⁶ Климов А.Ю., Козюренко К.Л. Н.О. фон Эссен, А.В. Колчак и разработка программы усиленного судостроения Балтийского флота.
- ¹⁷ Романов Н.А. Дневники Императора Николая II. ЦГАОР СССР. М.: Орбита, 1991. С. 263.
- ¹⁸ История дипломатии. Т. II. С. 753–754.
- ¹⁹ Там же. С. 755–760.
- ²⁰ Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 / Сост. И.В. Козьменко, под ред. Е.А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. С. 405–407.
- ²¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. Т. I. С. 17, 86–87.
- ²² Winston Churchill. The World Crisis 1916–1918. Vol. 1. New York, 1927. P. 227–228.

Г.А. Филиппов (Ставрополь)

РАНЕЕ НЕ ОПИСАННЫЕ КИНЖАЛЫ ТЕРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

ПОСЛЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ положение с холодным оружием в Кубанском казачьем войске (ККВ) и Терском казачьем войске (ТКВ) являлось катастрофическим. Кинжалов Таннера было закуплено немного, тем более, что вместо 6000 штук поставщик изготовил и поставил всего 3900. Но и те не вполне соответствовали предъявленным требованиям по размерам и отделке. Поэтому командование казачьих войск вновь обратило внимание на Златоустовскую оружейную фабрику (ЗОФ)¹.

Но продукция ЗОФ была достаточно дорогой для простых казаков. Кроме того, фабрика не выполнила условия поставки. А именно, была выполнена неаккуратная подгонка деталей и допущена задержка по срокам изготовления заказа. В связи с этим командование ККВ заказ отменило, и контракт был расторгнут. Штаб ККВ предложил выполнить заказ Тульскому и Ижевскому заводам. Туляки заказ не приняли, а ижевцы сделали кинжалы, которые не удовлетворили заказчиков.

Поэтому было заказано 1000 кинжалов вольным мастерам Казихумского округа Северного Дагестана. Кинжалы эти были традиционно дагестанского типа. Вероятнее всего, с одним смещенным долом, так как это был самый распространенный вариант на тот период. Такая практика прослеживается с 1871 г. Затем снова на сцену выступает ЗОФ. Но в выполненном заказе войсковое руководство снова находит недочеты: способ монтажа рукоятей, материал щечек, где вместо рога использовалось дерево, и не менее важный фактор – высокая цена изделий.

Поэтому на территории, где дислоцировалось войско, активно работали различные кавказские мастера, которые выполняли как войсковые, так и единичные заказы. После соответствующей проверки эти кинжалы принимались на вооружение ККВ. Нужно отметить, что разногласия с ЗОФ возникали постоянно. Этой ситуацией активно пользовались мастера из близлежащих регионов Кавказа, такие как братья Керимовы, Исмаил, Мамаев, Юсупов, братья Ибрагимовы. Так, поставщиком оружия и снаряжения для нижних чинов станиц Кавказского полкового округа был Магомет Али Оглы Алимов, а 2-го Полтавского полка – Магомет Остап-Оглы Хаджи-Мурзаев. Им заказывались даже призовые кинжалы в дорогой отделке (Сулейманов). Активно работали и войсковые мастерские и школы (Екатеринодарская, Уманская, Майкопская, Славянская, Лабинская, Кавказская, Баталпашинская).

В Терском войске не было такого разнообразия ремесленных школ и мастерских, поэтому их место быстро заняли кавказские оружейники, тем более что заказ на ЗОФ от ТКВ был размещен в 1886 г. и пущен в продажу в 1887 г. Но, опять же, из-за небольшого количества (порядка 3000 штук) и довольно высокой цены – по 3 рубля 50 копеек за штуку – запросы войск не были удовлетворены. Поэтому заказы продолжали размещать у ремесленников-кавказцев.

**Рис. 1. Аббревиатура
Горско-Мозского полка**

Мастерские Омарова, Гузунова, Коджоянц были фактически официальными поставщиками войска. После изучения специальной литературы², а также общения с коллекционерами исторического холодного оружия, я заинтересовался несколькими экземплярами кинжалов, которые показались мне заслуживающими особого внимания. Это были кинжалы с характерными литерами на одной стороне и вензелем – на другой. У обсуждаемых кинжалов с одной стороны стояло клеймо «Г-М» (рис. 1), а с другой «НА» (рис. 2).

Мастерские Омарова, Гузунова, Коджоянц были фактически официальными поставщиками войска.

После изучения специальной литературы², а так-

В процессе изучения различных исторических материалов (в первую очередь – аббревиатур терских казачьих полков из дореволюционных изданий о Терском Казачьем Войске)³ был сделан вывод, что литеры «Г-М» являются сокращением от «Горско-Моздокского полка», входившего в состав ТКВ. Тем более что написание букв на клинке было идентичным написанию в дореволюционном издании. (рис. 3) Возможно, вензель «НА» под короной на другой стороне мог принадлежать Николаю Александровичу Романову – Николаю II.

Рис. 2. Вензель Николая II на кинжале Горско-Мозского полка

В результате изысканий были обнаружены и другие кинжалы с точно такими же литерами «Г-М» с одной стороны и «НА» с другой. Всего три образца, один из которых находится в Государственном историческом музее (ГИМ), поступил в 1935 г., значится как «Кинжал кавказский второй половины XIX в.». Оба эти предмета имеют совершенно одинаковый внешний вид и размеры. А именно: обоюдоострый прямой клинок с одним

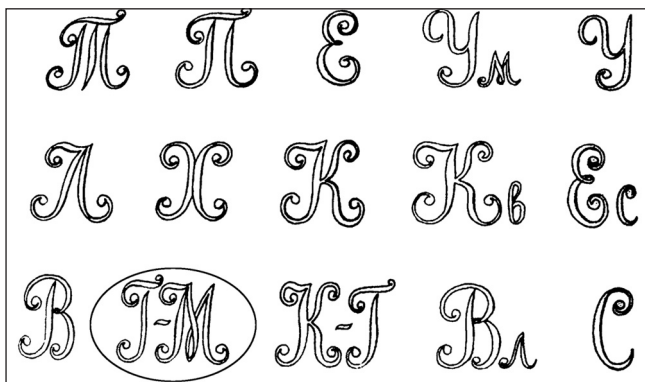

Рис. 3. Аббревиатуры полков ТКВ

Рис. 4. Кинжал Волгского полка ТКВ

смещенным долом с каждой стороны. Размеры: общая длина – 520 мм, длина клинка – 395 мм, ширина клинка – 39 мм.

Затем мне в руки попал такой же кинжал (рис. 4), но с несколько отличающимися размерами от двух представленных ранее. Вместо «Г-М» на одной стороне стоит литера «В» (рис. 5), что, по полученным в ходе исследования данным, означает: «Волгский полк ТКВ». На другой стороне клинка – литеры: «НА» (рис. 6). Этот кинжал принадлежал некому Овчарову, служившему в Собственном конвое в третьей терской сотне

Рис. 5. Литера Волгского полка

Рис. 6. Вензель Николая II на кинжале Волгского полка ТКВ

в 1890-х гг., что подтверждается и клеймом на серебряных деталях кинжала со стоящими на них литерами ИМ, принадлежавшим петербургскому ювелиру Иванову Моисею, с 1849 г. владевшему своей мастерской и жившему в 1816–1893 гг. (рис. 7). Таким образом, можно предположить, что данный заказ вышеупомянутых кинжалов мог приходиться на 1890-е гг.

В процессе дальнейших исследований удалось обнаружить аналогичные кинжалы с литерами «Г-М», «В» и «К» (Кизлярский полк), иногда без вензеля императора с другой стороны. Поскольку эти кинжалы практически неотличимы от известных кинжалов Гузунова и Омарова⁴ с битыми клеймами «ТКВ», можно предположить, что однодольные кинжалы были заказаны раньше (примерно в 1890-е гг.), а четырехдольные – позже, скорее всего с 1900 гг., но перед «гузуновскими» и «омаровскими», которые выпускались где-то с 1920-х гг.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что данное небольшое исследование, на наш взгляд, приоткрывает еще одну страницу из истории холодного оружия России.

Рис. 7. Клеймо мастера Моисея Иванова

¹ Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С. 131–133.

² Кулинский А.Н. Русские именные клинки. СПб., 2011. С. 535.

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 49. С. 50303а.

⁴ Фролов Б.Е. Холодное оружие Кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 225–237.

А.Е. Финченко (Санкт-Петербург)

ОХОТНИЧЬЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ДУЛЬНОЗАРЯДНОЕ ОРУЖИЕ КУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИБИРСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ КУНСТКАМЕРЫ

СИБИРСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ огнестрельного дульнозарядного оружия, хранящиеся в фондах отдела Сибири и оружейной кладовой Кунсткамеры, сегодня составляют 46 предметов. Среди них 7 ружей и пистолетов фабричного производства России и Западной Европы. Остальные 39 экспонатов представляют ружья местного кустарного производства: коллекции 273-38, 1955-1, 2078-26 – **тунгусы**; 343-46 – **лопары**; 391-28, 1340-291а – **тувинцы**; 422-36-1, 3 – **эвены**; 1153-1, 2427-12, 2427-13, 2427-15, 4695-14 – **ненцы**; 1339-218 – **тофалары**; 1763-17, 1763-19, 1763-18 – **нигидальцы**; 3369-8, 3720-251, 5068-146, 5068-147, 5068-148, 5068-149, 5068-150, 5068-151 – **алтайцы**; 1099-159, 3522-21, 3643-1, 3643-2, 3643-3, 3758-7 – **якуты**; 5072-39, 2334-56, 5072-40(6) – **шорцы**; 2383-48, 5541-93 – **ханты**; 1238-15 – **кеты**; 5062-132, 5062-133 – **Хакассия**; 7224-106 – **Южная Сибирь**.

Коллекция в основном была сформирована за счет экспедиционных привозов XIX–XX вв.: собиратели **Э.В. Толь** (1894), **Я. Яценко** (1887), **Г.И. Осокин** (1897), **В.Н. Васильев** (1906–1908), **А.В. Журавский** (1907), **В.И. Анучин** (1908), **Л.Я. Штернберг** (1910), **А.В. Анохин** (1914), **И.Н. Шухов** (1914), **Г.Д. Федоров** (1915), **Л.П. Потапов** (1926), **В.В. Никифоров** (1927), **Г.Д. Махоткин** (1927), **А.А. Романов** (1928), **Д.Г. Данилин** (1928), **А.И. Новиков** (1931), **А.Ф. Анисимов** (1931), **Н. Прытков** (1936), **Г.Д. Вербов** (1946).

Все стволы ружей коллекции изготовлены в местных кузницах методами обычной, скрученной или навитой ковки. Материалом для изготовления стволов служило железо. Однако в коллекции имеется ружье со стволом, изготовленным из латуни (№ 1099-159 Якуты).

Обычный (простой) ствол получали из полосовой заготовки длиной от 800 до 900 мм, шириной 90–120 мм, толщиной 9–13 мм. После разогрева эту полосу кузнечным способом загибали на оправке таким образом, что ее продольные кромки прилегали друг к другу встык, параллельно оси канала ствола. Этот стык сваривался кузнечным методом и тщательно проковывался. В архиве МАЭ сохранились экспедиционные сведения (полевые дневники Л.П. Потапова за 1926 г.), что обе длинные стороны прямоугольной заготовки иногда стонялись «на ус» и сваривались не встык, а внахлест. После сварки и охлаждения стволы проходили разверткой, обтачивали на токарном станке внешнюю поверхность, которую потом шлифовали вручную на большом круге из мягкого песчаника.

С казенной стороны в ствол всегда вкручивалась винтовая заглушка-хвостовик, которая иногда тоже проваривалась. Наиболее яркие примеры стволов, изготовленных таким способом, представляют ружья алтайцев, хранящиеся в данной коллекции (рис. 1).

Рис. 1. Ружья, инв. 5068-147, 5068-150, 5068-149. Алтайцы

Сварной шов в обычном стволе, располагавшийся параллельно оси ствола, часто был местом разрушения при стрельбе. Чтобы избежать этого, простой сваренный ствол начинали повторно нагревать в центральной части и скручивали вдоль оси по всей длине так, чтобы сварной шов приобрел форму винтовой линии. Этот прием делал шов значительно менее нагруженным при выстреле. Ружья со скрученным стволом представлены в сибирских коллекциях Кунсткамеры экспедицион-

ными привозами от шорцев и тофаларов. Навитой ствол получали путем постепенного навивания тонкой стальной полосы на оправку в виде стержня или трубы. Винтообразный сварной шов затем последовательно проковывали кузнечным молотом. В архиве МАЭ сохранились сведения, что процесс навивания необходимого количества полос на оправку иногда достигался в 3–4 приема. Эту технологию изготовления стволов представ-

Рис. 2. Ружье, инв. 5072-40/6. Шорцы

ляют в коллекции карабин эвенков, ружье от тунгусов, 3 ружья ненцев и 2 ружья кетов.

В большинстве случаев внешней части ствола придавали восьмигранную форму: либо полностью, либо в казенной части, либо в казенной и дульной части (рис. 2). Практически на всех стволах

Рис. 3. Нарезной канал ствола, инв. 3758-7. Якуты

коллекции присутствуют традиционные для региона внешние утолщения патронника и внешний раструб у дульного среза. Калибры стволов разнообразны: для «зверовых» ружей, – 8–18,5 мм, для «птичниц», – 4,5–7 мм. Целик и мушку, как правило, изготавливали из железа или меди напильником и вбивали в трапециевидные пазы «ласточкин хвост». Более половины ружей в коллекции имеют прямые нарезы канала ствола (рис. 3). Повсеместно в сибирском регионе существовала и практика украшения стволов кольцами-поясками, канфарением и геометрическим орнаментом (рис. 4).

На большинстве ружей коллекции стоят самодельные за-

мки: фитильные (в виде рычага-серпентина) и кремневые (русского и карельского типов).

На некоторых ружьях присутствуют замки (кремневые французские батарейные и капсюльные), изготовленные на Тульском и Ижевском оружейных заводах в начале и середине XIX в. К большинству кремневых замков, включая французские батарейные, приспособлены боковые спусковые крючки (рис. 6).

На ружья, как правило, ставили полную прямую ложу, иногда с многопрофильным прикладом. Часто приклад ложи украшали примитивным геометрическим орнаментом, однако в коллекции имеются и приклады с ярко выраженной сакральной функцией в виде резной «рыбьей чешуи» (рис. 5).

Рис. 4. Декор ствола, инв. 2427-12. Ненцы

Рис. 5. Оберез «рыбья чешуя» на прикладе, инв. 5072-40/6. Шорцы

Рис. 6. Замок русского типа с боковым спусковым крючком, инв. 1763-18. Нигидальцы

Учитывая ограниченный объем статьи, приведу лишь три примера моих описаний наиболее интересных ружей из указанной коллекции:

Рис. 7. Ружье, инв. 3522-21. Якуты

№ 3758-7

Поступление – 1927 г., от Махоткина Г.Д., Якутская АССР, Вилуйский округ, якуты (рис. 7).

Охотничье нарезное ружье кустарного производства второй половины XVIII в. с искровым кремневым ударным замком русского типа и боковым спусковым крючком (отсутствует).

Ствол восьмигранной формы у патронника и дульного среза и круглый в средней части выкован из железа обычным способом. Канал ствола имеет 6 прямых нарезов. Прицельные приспособления (целик и мушка) изготовлены из железа и вбиты в трапециевидные пазы «ласточкины хвосты» ствола.

На ружье поставлен искровой ударный кремневый замок Русского типа с одной двуперой пружины, представляющей его ранний вариант. Нижнее перо пружины служит боевой пружинной, верхнее, – подогнивной. Все остальные элементы замка идентичны более позднему варианту замка с двумя пружинами (боевой и подогнивной). Основные элементы замка расположены на внешней стороне замочной доски: курок, огниво, пороховая полка, боевая (подогнивная) пружина. Курок с неподвижной нижней губой на прямой короткой ножке, основание которой заканчивается крестовиной. В носок крестовины упирается королек боевой пружины. Пята (задняя часть крестовины) служит боевым взводом. Выступающее из сквозного отверстия замочной доски шептало заходит за пяту. Губы курка имеют железный стержень, исключаяющий их перекося при ударе об огниво. Традиционное кольцо (или косица) верхней губы, предназначенное для захвата курка при его постановке на боевой взвод, конструк-

тивно не предусмотрено. Его заменяет головка крепежного винта коротких губ курка. Огниво на низкой стойке, прямое. Курок и огниво прикреплены к замочной доске железными крепежными винтами. Спусковой механизм находился внутри ложи и состоял из прямой пружины с шепталом и спусковой тяги, одно колено которой было расположено перпендикулярно замочной доске. При нажиме на спусковой крючок шептало утапливалось, и курок под действием боевой пружины, давящей на его носок сверху вниз, ударял по огниву. Искры попадали на полку (крышку которой предварительно открывали) и воспламеняли затравочный порох. В губы курка был вставлен кусок черного или светлого кремня, помещенного в свернутый прямоугольный тонкий кусок кожи. При постановке на ружье бокового спускового крючка с замка был снят спусковой механизм, предназначенный под нижний спусковой крючок: прямая пружина с шепталом и спусковая тяга. Первоначально замок был приспособлен под нижний спусковой крючок и стоял на другом ружье. Об этом свидетельствуют специальное сквозное отверстие в замочной доске от снятого шептала и сквозные отверстия в замочной доске от своего крепежного винта и крепежного штифта пружины. В цефье продолжение этих отверстий не оформлено. На исследуемое ружье данный замок был поставлен в самый поздний период своего бытования, что подтверждают новые крепления замочной доски и боевой пружины. Замочная доска по краям закреплена двумя шурупами фабричного производства. К правому ее краю техникой кузнечной сварки перпендикулярно приварена толстая железная пластина. К этой пластине тем же способом был приварен правый конец пружины.

Полная прямая ложа изготовлена из древесины березы и пропитана горячим льняным маслом. В прикладе вырезан пенал для хранения осаленных пыжей из мха или войлока. Крышка пенала закреплена березовым нагелем. Для удобства открывания крышки в ее сквозном отверстии закреплен кожаный ремешок. В цефье просверлены два сквозных отверстия под кожаные антабки плечевого ремня. В одном из них антабка присутствует. В шейку приклада вбита железная скоба-фиксатор бокового спускового крючка. Ствол прикреплен к ложе железным крепежным винтом хвостовика и двумя ложевыми кольцами из тонких железных пластин. В цефье просверлено традиционное шомполь-

ное гнездо, в которое помещен шомпол, изготовленный из древесины березы.

Ствол у патронника и дульного среза техникой плоскорельефной чеканки декорирован простейшим геометрическим орнаментом (точки, прямые и косые линии).

Размеры: общая длина – 1172 мм, длина ствола – 768 мм, максимальная высота – 158 мм, калибр – 7,3 мм, вес – 4,3 кг.

Материалы: малоуглеродистая сталь, железо, древесина березы, кожа, льняное масло.

Сохранность: Замок неисправен из-за утраты сварочного крепления пружины.

Отсутствует боковой спусковой крючок, крепежный винт хвостовика, антабка цевья. Рукоятка шомпола обломана. На ложе имеются сколы, трещины и потертости.

Рис. 8. Ружье, инв. 2078-26. Тунгусы

№ 2078-26

Поступление – 1912 г., от Кычакова Н.П. и Фридьева Н.Г., Забайкалье, Читинский уезд, тунгусы (рис. 8).

Охотничье нарезное ружье калибра 13,5 мм кустарного производства второй половины XVIII в. с кремневым французским батарейным замком и боковым спусковым крючком.

Ствол изготовлен из железа навитым способом. Нижнему концу ствола от начала патронника придана редкая шестигранная форма. Средняя часть ствола постепенно приобретает круглую форму с традиционным расширением у дульного среза. Канал ствола имеет 6 прямых нарезов. Прицельные приспособления (железный целик в виде поперечного прямоугольного щитка с прорезью и продольная прямоугольная мушка из красной меди) вбиты в специальные трапецевидные пазы («ласточки-хвосты») ствола. Патронник и казенный винт с хвостовиком взяты от другого ствола более крупного калибра, о чем свидетельствуют толщина патронника и несовпадение трех его граней

при стыковке с соответствующими гранями ствола. На патроннике сохранился паз от «родного» целика. После утраты этого целика на хвостовике казенного винта была выбита продольная прорезь, заменяющая утраченный целик. В дальнейшем был изготовлен новый целик, вбитый в начало средней части ствола.

Необходимость сложной по технологии замены патронника была вызвана разрывом (при выстреле) этой части ствола. При разрыве патронника дала сильную трещину и правая сторона ложи, закрепленная впоследствии у хвостовика казенного винта кованым железным гвоздем с широкой шляпкой. Скорее всего, также пострадал и первоначальный замок.

Первоначальный ударный кремневый замок русского типа утрачен (о типе этого замка и его утрате свидетельствуют сохранившиеся характерные вырезы в ложе).

Новый кремневый французский батарейный замок конструкции Марэна ле Бурже под стандартный нижний спусковой крючок, скорее всего, взят от русской пехотной винтовки образца 1798 г., выпущенной Императорским Тульским Оружейным Заводом в период 1798–1808 гг.

Батарею замка представляет огниво, объединенное в один элемент с крышкой полки.

Боевая, подогнивная пружины замка и спусковая пружинка (перка) изготовлены из среднеуглеродистой стали. Остальные детали замка железные. Курок, полка, крышка полки и огниво (батарея) и подогнивная пружина смонтированы на лицевой стороне замочной доски. Весь рабочий механизм, кроме курка, огнива и подогнивной пружины, смонтирован на внутренней стороне замочной доски. Главная особенность замка этого типа заключается в вертикально действующем шептале. На колесе лодыжки имеются два выреза для боевого и предохранительного взвода. Прорезь для предохранительного взвода более узкая и глубокая, что не приводит к срыву курка при его полувзводе. Перед выстрелом курок ставится на боевой взвод, и более мелкая прорезь диска лодыжки при нажатии на спусковой крючок обеспечивает срыв курка. При спуске шептало выходит из вырезов лодыжки, и курок (под действием боевой пружины, давящей корольком на носок лодыжки) ударяет по огниву. При ударе крышка полки автоматически открывается, и высеченные искры воспламеняют затравочный порох. Подогнивная пружина

выполняет две функции: удерживает крышку полки и создает необходимое сопротивление в момент удара кремня по огниву.

При постановке на ружье бокового спускового крючка с замка была снята часть спускового механизма: спусковая пружинка «перка» и переднее колено спускового механизма с шепталом.

В губы курка был вставлен кусок черного или светлого кремня, помещенного в прямоугольную тонкую свинцовую пластину или аналогичный кусок кожи.

Замочная доска замка с левого конца прикреплена к ложе кованым железным гвоздем с широкой шляпкой, а с правого – двумя полными оборотами кожаного ремня вокруг патронника и соответствующей ему части ложи. На крепежный винт губ курка для сохранения его резьбы при плотной фиксации кремня надеты две круглые кожаные прокладки.

К крепежному винту батареи привязан кожаный ремешок «закрытки» – специального приспособления, предохраняющего затравочное отверстие и порох на полке от влаги и грязи. Закрывающая часть «закрытки» изготовлена из древесины березы. К ней сухожилием животного прикреплен кусочек шкуры северного оленя.

Под новый замок был приспособлен традиционный для региона боковой спусковой крючок, изготовленный из плотного рога или железной пластины, или железной проволоки. Этот боковой крючок и его фиксатор (скоба) утрачены. О фиксаторе в форме скобы свидетельствуют два характерных глухих отверстия в ложе. Традиционным материалом скобы являлась толстая железная проволока. Спусковой крючок через свое ушко был привязан крученой льняной веревкой или кожаным ремешком к кольцу курка, который при боевом взводе фиксировался в нужном положении треугольным выступом спускового крючка, заходящего за левую боковую грань скобы-фиксатора, вбитой в правую сторону шейки приклада. После выстрела и в походном положении спусковой крючок фиксировался своей нижней овальной гранью в сквозном отверстии скобы.

Полная прямая ложа со скошенным затыльником приклада изготовлена из древесины березы и многократно пропитана пережженным льняным маслом. В шомпольное гнездо в виде подствольной канавки, вырезанной в цевье, вставлен шомпол из

древесины березы. На рукоятку шомпола (для удобства его доставания) нанесены поперечные вырезы, выполненные в технике углубленной (плосковыемчатой) резьбы.

В нижней части приклада стамесковой выбрано гнездо-пенал для хранения осаленных пыжей из мха или войлока. Откидывающаяся крышка пенала закреплена в нем березовым нагелем. На другой край пенала (для более плотного закрывания крышки) кованым железным гвоздем прибит кусочек кожи. На левой стороне гребня приклада имеются отверстия от шести мелких гвоздей, закреплявших мехом наружу кусок шкуры животного, предохраняющей правую щеку стрелка «от отдачи» в момент выстрела.

На ложе просверлены два двойных сквозных отверстия под кожаные антабки ружейного ремня. На цевье имеется плоский вырез под сошки или любой другой упор, необходимый для улучшения прицеливания.

Ствол был закреплен к ложе крепежным винтом хвостовика (сохранился) и двумя кожаными или железными ложевыми кольцами (утрачены).

На замочной доске фрагментарно проступает клеймо Императорского Тульского Оружейного Завода с неразборчивой датой выпуска: «17...».

Декор отсутствует.

Размеры: общая длина – 1253 мм, длина ствола – 893 мм, максимальная высота – 130 мм, длина шомпола – 828 мм, калибр – 13,5 мм; размеры пенала: 72×14 мм, вес – 4,9 кг.

Материалы: среднеуглеродистая и малоуглеродистая сталь, железо, латунь, красная медь, древесина березы, кожа, шкура североного оленя, сухожилие животного.

Сохранность: отсутствуют подлинный боковой спусковой крючок и его фиксатор-скоба, часть заводского спускового механизма замка, 2 ложевых кольца, 2 кожаные антабки, ружейный ремень. На ложе имеются многочисленные сколы, трещины и потертости.

Примечание: В период хранения ружья была предпринята неудачная попытка реконструкции бокового спускового крючка. Крючок был изготовлен с соблюдением традиционных конструктивных особенностей, но из непригодного для использования материала – древесины березы.

В качестве фиксатора бокового спускового крючка в одно из двух сохранившихся отверстий от подлинного фиксатора – скобы – был вбит современный гвоздь заводского изготовления. Крючок привязан к ушку курка современной шелковой веревкой.

Рис. 9. Ружье, инв. 422-36-1, 3. Эвены

Интересный разборный вариант короткоствольного ружья (карабина) представлен в коллекции от эвенов.

№ 422-36/ 1, 3

Поступление – 1898 г., эвены (рис. 9, 10).

Охотничий нарезной карабин калибра 10 мм кустарного производства первой половины XIX в. с кремневым французским батарейным замком.

Кроме замка, все детали карабина кустарного производства. Ствол, выкованный из железа навитым способом, у патронника восьмигранный, в остальной части – круглой формы. Прицельные приспособления (целик и мушка) изготовлены напильником из красной меди и забиты в специально подготовленные трапециевидные пазы («ласточкины хвосты») ствола. Открытый хвостовик казенного винта ствола и его крепежный винт из-

Рис. 10. Место разборки ружья, инв. 422-36-1, 3. Эвены

готовлены из железа. Канал ствола имеет 6 прямых нарезов.

На ружье поставлен кремневый французский батарейный замок выпуска Тульского оружейного завода, 1819 г. В губы курка замка вставлен кусок черного крем-

ня, обернутого тонкой широкой полоской кожи. Спусковой крючок изготовлен из плотного оленьего рога.

Полная прямая ложа с тонким узким прикладом изготовлена из древесины березы и пропитана горячим льняным маслом. Шомпол, вставленный в подствольную канавку ложи, выкован из красной меди. Две кожаные антабки закреплены через два сквозных отверстия в ложе. Кожаный ружейный ремень у приклада съемный; застегивается на пуговицу из рядовой оленьей кости, прикрепленную тонким кожаным ремешком к кожаной антабке приклада. В ствольной части плечевой ремень наглухо привязан к кожаной подствольной антабке. Через отверстие от утраченного правого железного шплинта замочной доски к цеvью привязан кожаный ремешок. К этому ремешку прикреплялась «закрытка» – кожаное или деревянное приспособление, которое использовалось только в полевых условиях и служило для предохранения запального отверстия и «затравки» (пороха на полке) от попадания влаги и грязи.

К кожаной антабке цеvья тонким ремешком из шкуры нерпы прикреплен чехол из того же материала, защищавший канал ствола от попадания в него в полевых условиях влаги и грязи. На цеvье имеется подсошная прямоугольная выемка.

Карабин для удобства транспортировки, благодаря специальным вырезам в цеvье, мог разбираться на две части. Одну из них при разборке составляли ствол, часть цеvья с шомполом и тремя ложевыми кольцами, кожаный ружейный ремень. Другую – приклад с частью цеvья и ударно-спусковым механизмом. При сборке две составляющие части карабина закреплялись нижним ложевым кольцом.

Ствол у патронника (при переходе восьмигранной части в круглую) декорирован двумя выступающими поясками. На замочной доске в технике ручной двухмерной гравировки выполнено клеймо: Тула 1819.

На стволе (ближе к дульному срезу) выбита неразборчивая надпись, скорее всего, определяющая имя мастера и место изготовления ствола.

Размеры: общая длина – 1830 мм, длина ствола – 610 мм, максимальная высота – 145 мм, вес – 4,1 кг.

Материалы: сталь малоуглеродистая и среднеуглеродистая, железо, латунь, красная медь, камень (кремнь), кожа, шкура не-

рпы, плотный олений рог, оленья рядовая кость, древесина березы, льняное масло.

Сохранность: замок карабина находится в исправном состоянии. Отсутствуют: кожаная (деревянная) «закрытка», винт хвостовика и правый замочный шплинт. Оборваны ремешки «закрытки» и защитного чехла ствола. Имеются сколы, трещины и потертости на ложе.

К карабину прилагаются отдельные сошки (№ 422-36/3).

Сошки второй половины XIX в. изготовлены из древесины березы. Состоят из двух половинок, скрепленных между собой через сквозные отверстия в них березовой пластиной и двумя витыми кожаными ремешками. В обе верхних части сошек (для усиления их крепления к цевью карабина) вставлено по одной треугольной пластине из плотного оленьего рога со сквозным отверстием. Каждая пластина через три сквозных отверстия в ней прикреплена к деревянной части половинки сошек тремя тонкими нагелями из плотного оленьего рога. В каждую нижнюю часть («основание») половинок сошек вставлен «зуб» – заостренная железная пластина, усиленная кольцом из желтой меди.

Размеры сошек: длина – 720 мм.

Материалы: древесина березы, кожа, плотный олений рог, железо, желтая медь.

Сохранность: отсутствует основание с зубом одной половины сошек, один крепежный кожаный ремешок, четыре нагеля из плотного оленьего рога. В условиях хранения одна роговая пластина закреплена в первоначальном месте современной медной проволокой в нитяной обмотке. Часть кожаного ремешка «закрытки» оборвана и вставлена в сквозное отверстие утраченного винта хвостовика.

* * *

К сожалению, лишь отдельные образцы этой замечательной коллекции в эпоху СССР экспонировались на отечественных и зарубежных выставках (постоянной экспозиции по народам Сибири Кунсткамера не имеет). Возможно, эта статья вызовет новый интерес к уникальным сибирским ружьям кустарного производства, столь ярко характеризующим региональные и национальные особенности оружейного дела России.

В.И. Хозиков (Санкт-Петербург)

ЗАВОД ГРЕЙСОНА – ПЕРВОЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ЧАСТНОЕ ВОЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В 1810 г. в военное министерство обратился Карл Грейсон, англичанин, уже более четверти века проживавший в Петербурге, с предложением приобрести разработанную им технологию производства ружейных пуль из чугуна¹. Изобретатель уже был знаком министерству, причем с положительной стороны, поэтому к его предложению отнеслись с большим вниманием.

Карл Грейсон появился в России в 1784 г., когда вместе с несколькими другими соотечественниками он поступил на службу камердинером при великом князе Константине Павловиче. Через десять лет Грейсон по состоянию здоровья оставил карьеру при дворе и посвятил себя предпринимательству. Его первые шаги на новом поприще были связаны с сугубо мирными делами, разработкой и производством мыла, красок, консервов². Однако в 1808 г. он впервые предложил свои услуги военному ведомству, представив технологию изготовления пуль, обеспечивавшую меньшую, в сравнении с допускаявшейся, потерю свинца при литье³.

Скорее всего, резкая смена сферы деятельности объяснялась тем, что дела Грейсона в гражданской области пошли вниз. Известно, что он обращался за поддержкой в Государственный Земельный банк, от которого в 1804 г. получил ссуду в 20 000 р.⁴, а в 1805 г. один из его сыновей был исключен из Горного кадетского корпуса с наличием недоимки за содержание⁵. Наконец, в 1807 г. Грейсон объявил, что не в состоянии далее исполнять свои обязательства по долгу 1804 г., даже притом, что вся сумма была выдана ему без процентов, и обратился с прошением к императору

ру об отсрочке платежа по оставшемуся на нем долгу в 16 000 р. на шесть лет. Александр I просимую отсрочку дал⁶, однако это не отменяло необходимости заботиться об источниках существования, и, видимо, ситуация подсказывала предпринимателю, что военные заказы могут обеспечить более устойчивый и значительный спрос.

Последняя из известных попыток Грейсона заработать на гражданской продукции была предпринята в том же 1808 г., когда он изобрел и вывел на рынок состав-заменитель кофе. Состав успешно прошел освидетельствование в Петербургском физикате, объявления о его продаже на фабрике Грейсона на Петербургской стороне и в принадлежащем ему магазине у Полицейского моста публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁷, но, по всей видимости, желаемым спросом товар не пользовался. И начиная с 1808 г. нет никаких свидетельств о каких-либо мирных изделиях, разработанных, выпущенных и представленных Грейсоном.

Технология литья свинцовых пуль, разработанная Грейсоном, была подвергнута продолжительной и всесторонней оценке Временным артиллерийским комитетом, члены которого сперва подробно беседовали с изобретателем в своем «присутствии», затем осмотрели организованное на фабрике Грейсона производство, наблюдали за ходом литья и, сделав ряд замечаний, провели повторные испытания⁸. В мае 1808 г. по решению комитета при Петербургском арсенале была оборудована специальная литейная для опытов в более широком масштабе⁹. В итоговом рапорте комитета (в середине 1808 г. он был переименован в Ученый комитет по артиллерийской части) военному министру от 2 июля 1809 г. указывалось, что «... способ выливания свинца в пули, фабрикантом Грейсоном открытый, при сбережении знатной экономии казне, сохраняет и здоровье людей к литью употребляемых»¹⁰. В ноябре того же года Александр I утвердил придуманную Грейсоном технологию и повелел принять ее для «повсеместного введения»¹¹.

По всей видимости, тогда же Грейсон задумался и о возможности использовать для литья пуль другой, ранее не применявшийся, но суливший еще большую экономию металл – чугун. Необходимые опыты заняли у него меньше года, приказ об испытании чугунных пуль был отдан 4 декабря 1810 г., первые

стрельбы состоялись уже 9 декабря, продлившись почти до конца января 1811 г.¹²

23 января 1811 г. Ученый комитет по артиллерийской части направил инспектору всей артиллерии два рапорта с положительным заключением о чугунных пулях¹³. Александр I, однако, отнеся к заключению со скепсисом и повелел опыты повторить, с условием, что использовать пули станут лучшие стрелки Семеновского полка, а присутствовать на эксперименте будет командир полка Криднер. Эту высочайшую волю военный министр Барклай де Толли 23 февраля 1811 г. сообщил инспектору всей артиллерии¹⁴.

Повторные опыты организовали быстро – уже 8 марта 1811 г. участники испытаний направили совместный рапорт инспектору всей артиллерии, сообщая, «...что Грейсонские пули с пользою в употребление введены быть могут»¹⁵. Сомнения были разрешены – и 19 апреля 1811 г. военный министр сообщил инспектору всей артиллерии, что Александр I повелел выдать Грейсону за передачу государству технологии награду в 50 000 р., а чугунные пули принять на вооружение. В связи с этим, добавлял министр, и учитывая выраженную Грейсоном готовность участвовать в организации первого производства чугунных пуль в промышленных масштабах, следует немедленно приступить к согласованию с ним условий для заключения договора о постройке пулелитейного завода¹⁶.

11 июня 1811 г. Александр I утвердил доклад военного министра об организации под руководством фабриканта Грейсона пулелитейного производства. Докладом определялись основные пункты договора, который следовало заключить с предпринимателем. Последний, как предусматривалось, должен в течение пяти лет отлить 100 тыс. пудов пуль, из которых 10 тыс. пудов – в первый год, а в последующие четыре – по 22,5 тыс. пудов. Все организационные работы Грейсон брал на себя, при этом казна в лице Артиллерийской экспедиции обязывалась снабжать его чугуном и глиной определенных сортов, а также выдать заводчику беспроцентную ссуду в 50 000 р. «на вспоможение в организации литейной»¹⁷. Погашение ссуды планировалось через вычеты из платежей за принятые пули, цена которых определялась договором в 6 р. за пуд; по завершении срока контракта за государством закреплялось право выкупа завода, если это будет при-

знано выгодным¹⁸. (Стоимость свинца тем временем росла стремительно, в марте 1811 г. за него просили 18,8 р. за пуд¹⁹, к лету цена доходила до 21 р.²⁰, так что внедрение грейсоновской технологии сулило немалую экономию).

22 июня Грейсон подал в Артиллерийскую экспедицию доношение, указав, что для изготовления пуль ему потребуется не более 115 тыс. пудов чугуна, и прося безотлагательно выдать ему из установленной ссуды 20 000 р. на первоочередные расходы, указывая, что сам он располагает лишь домом с производственными постройками, причем это имущество с 1804 г. уже находится в залоге в Государственной Хозяйственной экспедиции²¹.

Просьба Грейсона о выдаче ссуды была удовлетворена 1 июля, а 3 июля Артиллерийской экспедицией с «фабрикантом Карлом Карловым сыном Грейсоном» был заключен контракт «об отливке им для артиллерии ста тысяч пуд новоизобретенных им пуль в продолжении пяти лет», еще через несколько дней предприниматель сообщил о покупке на Петербургской стороне «пустопорожного места» для возведения каменного литейного дома, далее, 4 августа 1811 г. в журнале Военной коллегии было зафиксировано, что план и фасад литейного дома Грейсона удостоены Высочайшего утверждения. Уже к середине августа нанятые предпринимателем рабочие люди выложили фундамент будущего производства; 24 сентября Грейсон уведомил артиллерийское ведомство, что рассчитывает закончить строительство здания в октябре и начать производство в ноябре этого же года. В связи с этим он просил отпустить для начала работ 15 тыс. пудов чугуна в виде негодных орудий и боеприпасов, указав, что нашел способ использовать и этот материал для изготовления пуль по его технологии²².

Есть все основания утверждать, что пулелитейный завод Грейсона стал первым в столице России специализированным частным военным предприятием. До сих пор исполнением военных заказов занимался только один частный петербургский завод, основанный в 1790 г. шотландцем Чарльзом Бердом. Однако его производство было многопрофильным, литейным, металлообрабатывающим и механическим, выполняло заказы как гражданские, так и оборонные, как казенные, так и частные. Грейсон же с самого начала планировал заниматься изготовлением только ружейных пуль из чугуна. Узкая специализация стала одной из

причин, хотя и далеко не самой главной, по которой завод Грейсона просуществовал совсем недолго.

Первый тревожный звонок для предприятия прозвенел даже до того, как в его основание был положен первый камень. Еще 10 июля 1811 г., то есть ровно неделей позже заключения договора, из Горного департамента в Артиллерийскую экспедицию сообщили, что по требованию 115 тыс. пудов чугуна с Олонецких заводов на литье пуль «...не только такого количества чугуна, но и нисколько уделить невозможно, потому что получаемого тамо им на собственные расходы недостаточно». Особо в отношении подчеркивалось, что «о сем и оной экспедиции из прежних переписок небезызвестно»²³. После этого ведомства вступили в затяжную переписку, изобиловавшую множеством неизбежных формальностей, которые умножали толщину дела, однако к решению вопроса не продвигали.

Грейсон был в курсе возникшего затруднения, однако, как можно судить по сохранившимся документам, тревоги не проявлял, видимо, веря в нерушимость контрактных обязательств. Кроме того, как показано выше, он нашел иной способ обеспечения своего дела сырьем – используя негодный артиллерийский чугун. Более того, предприниматель тогда даже рассчитывал увеличить номенклатуру изделий – еще 17 июня, то есть в промежутке между утверждением доклада военного министра и заключением договора, он подал в Ученый комитет по артиллерийской части прошение рассмотреть сконструированные им по образцу пуль орудийные ядра, которые, по мнению изобретателя, должны были «...оказать несравненное преимущество против сферических обыкновенных ядер»²⁴.

Ядра были приняты к испытанию, однако дальше опытов на Волковом поле дело в этот раз не пошло.

Зато летом 1812 г., после доклада Александру I отрицательного отзыва о чугунных пулях, помещенного во французском издании *Manual d'Artilleur* (имя автора доклада и подробностей о боеприпасах, удостоенных нелестного суждения, до нас не дошло, известно только, что речь шла не о грейсоновских пулях), император приказал Военному Ученому Комитету, преемнику Ученого комитета по артиллерийской части, подвергнуть пули Грейсона повторным испытаниям. Таковые были проведены в присутствии управляющего Военным министерством, с пригла-

шением всех желающих офицеров петербургского гарнизона, и показали, «...что пули сии (Грейсона. – В. Х.) будучи не те, о коих в книге упоминается, в деле своем совершенно равняются со свинцовыми, обыкновенными пулями, и при том не последовало ни малейшего повреждения стволу ружейному от тысячи выстрелов, сделанных в пять приемов, производя по двести в каждый раз с такою поспешностию, что приходилось по два выстрела на каждую минуту»²⁵.

После такого заключения единственным препятствием для Грейсона остался вопрос о поставке чугуна, который за прошедшее с момента заключения с ним договора время не только не разрешился, а лишь осложнился. В течение первого года пулелитейный завод проработал на сырье, собранном Артиллерийской экспедицией буквально «с бору по сосенке». В основном, это были негодные боеприпасы и орудия, которые удалось получить от Петербургской и Кронштадтской крепостей и от столичного арсенала²⁶. Все эти месяцы военное и горное ведомства, щедро тратя время, бумагу и чернила, препирались относительно возможности и источников поставки металла. Лишь 20 мая 1812 г. в Артиллерийскую экспедицию пришло отношение, в котором сообщалось, что начальнику Олонецких заводов в текущем году предписано изготовить и передать военному приемщику 25 тыс. пудов серого чугуна для литья пуль, в следующем году для той же цели – 30 тыс. пудов, а в последующие два года этот заказ будет передан Гороблагодатским заводам ввиду крайней перегруженности заказами Олонецких²⁷. Впрочем, уже 16 июля 1812 г. горный начальник Олонецких заводов письменно поставил в известность артиллерийского приемщика капитана Аргуна, что ни в 1812, ни в 1813 г. выполнить данное ему предписание относительно поставки чугуна для литья пуль «вовсе нет возможности»²⁸. После этого межведомственное общение, как бы замкнув первый круг, пошло на второй виток, нисколько не подвинув дела. Грейсон же прилагал все возможные усилия, чтобы обеспечить производство сырьем, единственным источником которого в сложившихся обстоятельствах были частные поставщики, торговавшие по рыночным ценам.

К проблемам с чугуном, к тому же, вскоре добавилась и кадровая. Согласно одному из пунктов договора на изготовление пуль, государство обязалось прислать на завод для рабо-

ты двадцать способных к ней кантонистов, сто учеников из молодых рекрутов, а также четверых литейных подмастерьев и четверых унтер-офицеров, передав их под начало Грейсона. Предсказуемо, военное ведомство предоставило частнику людей по остаточному принципу, как в плане физического состояния, так и личных качеств, так что уже вскоре после появления их на заводе хозяин начал ходатайствовать о частичной замене «контингента». Инспектор всей артиллерии П.И. Меллер-Закомельский, неоднократно обнадеживал Грейсона, что при первом же рекрутском наборе его просьбы будут удовлетворены, и так дело тянулось больше года, пока заводчик, лично наведя справки в канцелярии столичного рекрутского депо, не узнал, что новобранцев имеется более чем достаточно, однако о его проблемах беспокоиться никто и не думает. Тогда в мае 1813 г. Грейсон обратился в Артиллерийский департамент с повторным отношением о замене пятнадцати худших работников, указывая, что «...если они долее пробудут, могут развратить своим примером и других молодых людей, и что чрез то не только я не буду в состоянии выполнить своей обязанности, но даже и намерение правительства не может достигнуть той цели, с каковою завод устроен. ... Ныне при всех моих усилиях в пресечении дружеской связи хороших людей с объявленными развратными людьми вижу большую перемену в поведении, ибо первые, не видя до сего времени удаления от меня с завода последних, хотя я им и более года ежедневно почти для удержания их от шалостей о сем твержу, сообщаются с ними и следуют им во всем, в той надежде, что если они хотя и накажутся, но все по-прежнему будут опять у меня оставлены»²⁹. Однако решение и этого, казалось бы, не зависевшего от междуведомственных трений, вопроса, также легло в долгий ящик.

Тем временем, пришла пора подводить первые итоги исполнения договора – и они были неутешительными. Как докладывал 3 ноября 1813 г. Артиллерийский департамент управляющему Военным министерством, из 36 375 пудов чугуна, который к тому моменту казна была обязана отпустить Грейсону, ему на самом деле было предоставлено – и то летом 1813 г. – только 5000 пудов и, кроме того, ожидалось получение с ближайшим караваном из Сибири 8616 пудов³⁰. Реальная же, не опытная, отливка пуль на заводе была начата только в июле 1813 г.³¹, при том что

первоначально Грейсон планировал приступить к ней полтора годами раньше.

В полном соответствии с правилом «беда не приходит одна» спустя две недели выяснилось, что сибирский караван из-за наступивших морозов застрял в селе Сермаксе на Ладожском озере, в 200 верстах от столицы. Управляющий Военным министерством А.И. Горчаков 1-й, дабы не допустить полной остановки завода, разрешил пойти на чрезвычайные расходы и разрешил доставку металла санным путем³². Кроме того, 31 декабря 1813 г. Горчаков приказал выдать Грейсону дополнительно 5000 р. и провести перерасчет сроков выплаты им ранее предоставленной ссуды с учетом реального объема производства пуль³³. Параллельно продолжалась обильная, но малопродуктивная переписка с горным ведомством, вышедшая к тому времени уже на министерский уровень.

Тем не менее, в течение первого полугодия 1814 г. на завод Грейсона казной было завезено 14 250 пудов чугуна. Это было гораздо меньше определенного договором количества, но все-таки гораздо больше, чем удавалось получить в ходе предыдущих поставок. Однако и это не было хорошей новостью. При осмотре принятых партий заводчик обнаружил, что больше половины чугуна относятся к другим сортам, нежели изначально оговоренный. А это должно было неизбежно осложнить весь производственный цикл, увеличив как общее время изготовления пуль, так и затраты на топливо и на неизбежную при литье утрату части металла³⁴.

В результате отношения Грейсона с артиллерийским ведомством начали ухудшаться. Предприниматель снова и снова указывал как на многочисленные нарушения контракта в плане сроков и качества поставок сырья, так и на крайне низкий уровень предоставленных ему рабочих³⁵. Военные в ответ начали предъявлять Грейсону претензии по обращению с находившимися у него людьми. Якобы, высокий уровень болезненности среди них объяснялся не столько изначально слабым здоровьем, на которое давно указывал Грейсон, сколько плохими условиями, обеспечиваемыми им заводчиком; кроме того, появилось обвинение, что он начал принимать частные заказы на литье и пользоваться при их исполнении казенными людьми³⁶.

Вполне предсказуемо, стороны начали уставать от такого положения дел, к тому же с окончанием военных действий потреб-

ности в боеприпасах резко снизились, так что жизненно важной необходимости в сохранении, на случай нехватки или значительного удорожания свинца, производства чугунных пуль уже не было. И 2 ноября 1815 г. инспектор всей артиллерии направил управляющему военным министерством доклад с предложением расторгнуть с Грейсоном договор. Князь Горчаков предложение поддержал и передал для исполнения в Артиллерийский департамент³⁷.

К тому времени завод Грейсона изготовил и поставил 15 794 000 чугунных пуль, общим весом в 25 850 пудов на сумму в 154 980 р.³⁸ – чуть больше годового объема, предусмотренного договором от 3 июля 1811 г. Чиновники Артиллерийского департамента, проанализировав ситуацию со всех сторон, пришли к выводу, что договор имеет смысл расторгнуть, при том, что «...Грейсон изобретением чугунных пуль в такое время, когда свинца было недостаточно и когда цена его была весьма неумеренна, оказал Государству и пользу и услугу» и что он «...имеет полное право требовать ненарушимого продолжения действия Контракта, а правительство, дабы соблюсти святость и точность силы онаго, не может уничтожить его иначе, как с пожертвованиями в удовлетворении предстоящих от того подрячку убытков». Тем не менее, в интересах казны признавалось лучшим изготовление чугунных пуль прекратить, поскольку «...лучше бы всем тем, о чем Грейсон просит, ему пожертвовать, нежели тратить знатные суммы на вещи, без коих обойтись можно»³⁹.

Предложение Грейсону разорвать договор было отправлено 8 февраля 1816 г., а уже 13 февраля заводчик направил в Артиллерийский департамент ответ, в котором выражал согласие пойти навстречу пожеланию казны. Условий он выдвигал немного: ему следует простить все имевшиеся к настоящему моменту долги перед казной, государство должно выкупить уже изготовленные, но еще не сданные 4000 пудов пуль по определенной договором цене, принять обратно поставленный чугун, которого имелось 20 000 пудов, а также, при желании заинтересованных ведомств, оставить у него на семилетний срок шестьдесят рабочих для обучения мастерству с обязательством их работы на хозяина⁴⁰. Ответ поступил на рассмотрение и согласование причастных к делу государственных структур, процесс предска-

зуюмо затянулся, так что в июле 1816 г. Грейсон был вынужден снова обратиться в военное ведомство, причем на этот раз уже непосредственно к первому лицу, и тон его послания был более чем тревожным. За прошедшие месяцы положение предпринимателя заметно ухудшилось. Завод уже полгода как бездействовал, между тем, расходы на его содержание уменьшились весьма незначительно, частные кредиторы, к услугам которых Грейсон периодически был вынужден прибегать в течение последних лет для пополнения оборотных средств в условиях невыполнения казной договорных обязательств, требовали удовлетворения, а казенные мастерские, по-прежнему остававшиеся на заводе, как сообщал заводчик, «...быв отобраны из моего распоряжения, и не имея никакого занятия, занимая напрасно квартиры в доме моем, от праздности предаются разным шалостям, опасным для меня и моих соседей»⁴¹.

Дополнительное, хотя и уже косвенное осложнение делу придало инициированное в начале ноября 1816 г. военным министром, с остающейся неясной целью, повеление Александра I провести опытные стрельбы чугунными пулями в количестве 1000 штук из одного ружья, для выяснения «...годны ли сии пули на практическое учение солдат»⁴² (именно для учений планировалось употребить изготовленные, но оставшиеся неиспользованными чугунные пули). Для контроля опыта назначался комитет из нескольких генералов и полковых командиров. По результатам этого испытания комитет вынес отрицательное заключение о чугунных пулях, указав, что они портят ружейный ствол, после чего вопрос был передан уже на совместное рассмотрение членов указанного комитета с Военно-ученым комитетом и Советом Военного министерства; соответствующее заседание состоялось 25 ноября 1816 г., и оно постановило, что сделанное еще в 1812 г. «заключение о безвредности действия чугунных пуль на ружейные стволы справедливо»⁴³.

В итоге прошло еще полгода с момента обращения Грейсона в военное ведомство, прежде чем Комитет министров вынес решение, определив 19 декабря 1816 г. прекратить договор с Грейсоном, приняв все его условия, кроме одного – не прощать ему долга в 16 000 р., числящегося по МВД и образовавшегося задолго до начала исполнения военных заказов. Ранее Грейсон указывал, что о прощении этого долга он договаривался с воен-

ным министром Барклаем де-Толли, однако письменных подтверждений этому не нашлось⁴⁴.

Для Грейсона, с учетом накопившихся долгов перед частными лицами, это обстоятельство было более чем тяжело, и он обратился с личным письмом к Барклаю де Толли, прося его подтвердить наличие договоренности о сложении старого долга. Фельдмаршал, не признавая таковой договоренности напрямую, 8 февраля 1817 г. написал инспектору всей артиллерии, что Грейсон «...имеет все право на снисхождение правительства к понесенным им убыткам»⁴⁵, дав понять, что окончательное решение вопроса лежит вне рамок его компетенции и ответственности. После этого решение вопроса разделилось на два дела – по одному остался долг по МВД, по другому ликвидация пулелитейного завода, агония которого продолжалась еще больше года. Это время ушло на приемку остававшегося на предприятии чугуна, и составление необходимых расчетов⁴⁶, а также на распродажу имущества. Грейсон принял решение полностью ликвидировать завод, по всей видимости, в сложившихся обстоятельствах у него не было иного выхода. Наиболее ценное оборудование изъявил желание приобрести директор Сестрорецкого оружейного завода подполковник Ланкри, сам опытный механик, сразу оценивший все достоинства придуманных Грейсоном устройств. Первым осенью 1818 г. была куплена воздушная плавильная печь, обеспечивавшая значительную экономию топлива и, к тому же, работавшая на дровах, а не на импортном каменном угле⁴⁷. Далее в течение 1819 г. Ланкри приобрел и две вагранки, причем горный начальник Олонецких заводов А. Фуллон, которому было предложено провести оценку сделки, указал, что на его предприятии такого оборудования за заявленную Грейсоном цену просто не смогли бы изготовить⁴⁸.

Дело же о числившемся за Грейсоном долге в 16 000 р. тянулось и далее. Артиллерийский департамент, скрупулезно рассмотрев все обстоятельства, полностью стал на сторону предпринимателя, и 5 марта 1818 г. представил в Совет Военного министерства, что тот имеет право не только на списание долга в 16 000 р., но и на компенсацию за вынужденный простой завода в течение 1816 г., от момента дачи им согласия на расторжение договора до решения Комитета министров о таковом расторжении⁴⁹. Однако император, которому министр внутренних дел со

своей стороны представлял дело о долге Грейсона, в прощении его отказал, заметив, что заводчик и так был достаточно награжден пожалованием 50 000 р. за передачу технологии отливки чугунных пуль⁵⁰. После этого обсуждение вопроса продолжилось в «треугольнике»: Военное министерство – Министерство внутренних дел – Комитет министров; Грейсон не дождался его окончания, он умер в 1821 г.; решение о невзыскании с его наследников 16 000 р. было принято Комитетом министров 15 марта 1824 г. и утверждено Александром I 3 июня того же года⁵¹.

¹ АВИМАИВнВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 2. Л. 639.

² РГИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 318. Л. 3–4.

³ АВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5498. Л. 191.

⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 118. Л. 53.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Т. 1. Д. 987. Л. 3.

⁶ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 118. Л. 57–58.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 308. Л. 3–4.

⁸ АВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5498. Л. 191–191 об., 193, 196, 198.

⁹ Там же. Л. 214.

¹⁰ 1-е ПСЗ. Т. 32. С. 1355.

¹¹ Там же. С. 1354.

¹² АВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5696. Л. 490, 494 об.

¹³ Там же. Д. 5694. Л. 844–844 об.

¹⁴ Там же. Л. 155.

¹⁵ Там же. Л. 856–856 об.

¹⁶ Там же. Л. 283.

¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 2. Л. 11.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 5694. Л. 548.

²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 2. Л. 554

²¹ Там же. Л. 14–15.

²² Там же. Л. 25–26, 33, 39, 44, 82.

²³ Там же. Л. 32.

²⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 43. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 2. Л. 556.

²⁶ Там же. Л. 86–91.

²⁷ Там же. Л. 126.

²⁸ Там же. Л. 214.

²⁹ Там же. Л. 33, 153–154.

³⁰ Там же. Л. 296.

³¹ Там же. Л. 505.

³² Там же. Л. 306–308.

³³ Там же. Л. 369.

³⁴ Там же. Л. 402, 498.

³⁵ Там же. Л. 374–375, 390–391, 516.

- ³⁶ Там же. Л. 659–662.
³⁷ Там же. Л. 540, 551.
³⁸ Там же. Л. 556.
³⁹ Там же. Л. 558–560.
⁴⁰ Там же. Л. 563, 586.
⁴¹ Там же. Л. 642.
⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 40/1. Д. 36. Л. 9.
⁴³ Там же. Л. 25.
⁴⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 2. Л. 746–747.
⁴⁵ Там же. Л. 767, 769.
⁴⁶ Там же. Л. 793–799.
⁴⁷ Там же. Оп. 5/2. Д. 517. Л. 1–4.
⁴⁸ Там же. Оп. 5/2. Д. 519. Л. 7, 14.
⁴⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 370. Л. 697–700 об.
⁵⁰ Там же. Л. 701.
⁵¹ Там же. Д. 376. Л. 638.

Ю.С. Худяков (Новосибирск)

СЛУЖИЛЫЕ ВОИНЫ ИЗ СИБИРСКИХ НАРОДОВ НА ОХРАНЕ ГРАНИЦ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В XVI–XVII ВЕКАХ*

СРЕДИ ВАЖНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ задач, появившихся с начала процесса присоединения западных и южных сибирских земель к Московскому царству, была охрана границ российских владений в лесостепных и степных районах, населенных сибирскими татарами и другими тюркскими кочевыми этносами. Она была особенно трудной в к. XVI – н. XVII вв., когда Московское царство испытывало большие трудности вследствие неудачных войн и тяжелейшей Смуты, не располагая необходимыми ресурсами для защиты новых земель.

Известно, что царь Иван Грозный выразил серьезное недовольство в отношении купцов Строгановых, когда узнал о снаряжении ими казачьего отряда под командованием атамана Ермака в Сибирь, поскольку опасался за сохранность московских владений в Приуралье. Он даже пригрозил М. Строганову своим гневом в случае, если дело будет иметь неблагоприятный исход¹. В последующие годы он неоднократно обращался с посланиями к хану Кучуму, в которых предлагал вернуть ему возможность править сибирскими землями при условии уплаты дани. Однако тот неизменно отказывался, надеясь восстановить Сибирское ханство. В этот исторический период большое значение для сохранения сибирских земель в составе Российского государства имело привлечение на службу татарского населения, в том числе некоторых представителей сибирской татарской знати.

---

* Работа выполнена по проекту РНФ № 14-28-00045.

Еще период своего похода в Сибирь атаман Ермак попытался с помощью одного из знатных татар усыпить бдительность хана Кучума. Поэтому он с подчеркнутым уважением отнесся к взятому в плен татарскому тархану Кутугаю, по отношению к которому проявил различные знаки внимания и уверял его, что прибыл в Сибирь лишь для того, чтобы «дружески навестить» сибирского хана. Атаман Ермак просил передать Кучуму подарки, но при этом продемонстрировал Кутугаю стрельбу из пищалей, которая произвела большое впечатление на татарского тархана². Этот исторический эпизод воспроизведен на миниатюрах Ремизовской летописи, на которых воины в европейских доспехах и шлемах, возможно, из числа военнопленных с Ливонской войны, включенные купцами Строгановыми в состав казачьего отряда Ермака, демонстрируют татарскому тархану стрельбу из огнестрельного оружия³. Хотя дезинформировать хана Кучума с помощью подарков не удалось, принятые меры не были для атамана Ермака бесполезными, поскольку после своего возвращения тархан Кутугай рассказал многим татарам о том, какие почести ему оказал казачий атаман и о стрельбе казаков «невидимыми стрелами». Хан Кучум принял подарки, посланные Ермаком, но предпринял меры для военного противостояния казакам⁴.

Во время передвижения по Сибири казакам указывали путь «зырянские проводники», вероятно, коми, пришедшие с ними из Приуралья, а также сибирские татары, взятые в плен⁵. Попытки сибирских татар задержать продвижение казаков на маломерных судах по сибирским рекам были неудачными. В результате решающего боя на Чувашском мысу войско Сибирского ханства потерпело поражение и оставило ханскую столицу Искер. Татарские воины не сумели применить против казаков две пушки, которые хан Кучум ранее приобрел и привез из Казани. Их пришлось сбросить в реку Иртыш⁶. После этого поражения некоторые представители татарской знати и князья вогулов и остяков предпочли подчиниться новому правителю. Они добровольно подчинились и начали платить атаману Ермаку дань⁷. Остяцкий князец Бояр явился в занятый казаками Искер уже через три дня после победы казаков на Чувашском мысу. Он, с «множеством народа», принес в качестве дани пушнину и продукты, в которых воины из отряда Ермака очень нуждались. Вслед за ними

к Ермаку явились с подношениями «многие татарские семьи»⁸ с Иртыша и Тобола.

После победы казаков над отрядом Махметкула, в конце 1581 г. к Ермаку явились татарские князцы Ишбердей и Суклем, которые привезли подарки и продукты. Эти подношения также были необходимы для казаков, поскольку они не имели продуктовых запасов на предстоящую зиму. В дальнейшем Ишбердей стал «преданным слугой России и многих других князцов с их родами помог обложить ясаком»⁹. Он же служил проводником казакам. Этот князец провел группу казаков во главе с Иваном Кольцо, которых Ермак направил в Москву к царю Ивану Грозному с сообщением о «взятии» Сибири и просьбой прислать воеводу для управления новыми землями¹⁰. В дальнейшем к Ермаку явился по своей воле другой знатный татарин, мурза Сенбахта Тагин. Он указал казакам на место расположения на р. Вагай походного лагеря лучшего татарского военачальника, царевича Махметкула, что позволило казакам внезапно напасть на него и взять в плен¹¹. Через некоторое время Махметкул был доставлен в Москву и согласился служить царю. Вероятно, по требованию московских властей, он неоднократно писал письма хану Кучуму и другим своим родственникам, уговаривая их пойти на службу к «Белому царю»¹². Эти события свидетельствуют, что уже на начальном этапе присоединения сибирских земель часть татарской, а также угорской знати пошла на службу к российским властям.

В последующий период из сибирских татар, перешедших на сторону московских властей, сформировалась особая группа служилых татар, которые несли службу в составе российских войск, охраняли границы царских владений в Западной Сибири, а также принимали участие в военных действиях против своих соплеменников, сторонников восстановления Сибирского ханства¹³. Военные неудачи хана Кучума и его сторонников серьезно обострили существовавшие противоречия и борьбу за власть между разными группами татарской правящей элиты. Это привело к фактическому распаду Сибирского татарского ханства. Некоторая часть татарской знати поддержала претензии на ханский престол татарского князя Сейдяка из рода Тайбугидов, который попытался захватить власть в Сибирском ханстве и отомстить хану Кучуму за гибель своего отца Едигера, в прошлом

свергнутого и убитого Кучумом¹⁴. На сторону Сейдяка перешел один из знатных татарских князей, мурза Карача, которому удалось заманить в засаду и уничтожить отряд Ивана Кольцо, после чего сторонники мурзы были разгромлены казаками¹⁵. В 1584 г. в засаду попал казачий отряд во главе с самим атаманом Ермаком, который был дезинформирован сторонниками Кучума и направился на выручку якобы шедшего в Сибирь каравана бухарских купцов, но подвергся нападению сибирских татар, возглавляемых ханом Кучумом, и погиб, утонув в р. Иртыш¹⁶. В 1588 г. татарский князь Сейдяк, мурза Карача и казахский султан Ураз-Мухаммед попытались вступить в переговоры с представителями российских властей в недавно построенном Тобольском остроге, но были взяты в плен¹⁷. В эти годы знатных татарских пленников направляли в Москву, где некоторых из них приглашали на службу и наделяли землями. Подобное отношение показывало татарской знати, что в случае признания верховенства царской власти они смогут прилично существовать в Московском царстве. Некоторая часть татарской знати уже в конце XVI в. предпочла пойти на службу к российским властям в Сибири, войдя в состав «служилых татар» – «йомышлы»¹⁸. В то же время хан Кучум и его сторонники, опасаясь лишиться многих своих подданных, стали совершать походы на татарские селения, жители которых признали власть московского царя. Российским властям в Сибири пришлось брать их под защиту. В 1590 г. войско хана Кучума совершило поход в долину р. Тобол, затем в Каурдакскую и Салымскую волости, находившиеся в окрестностях Тобольского острога, татарское население которых платило ясак российским властям. Сторонники восстановления Сибирского ханства разорили несколько татарских селений, грабили «много добра» и угнали жителей в степь. Вероятно, подобные военные походы против своих соплеменников были продиктованы стремлением наказать тех, кого они считали «изменниками». Однако такие действия, несомненно, приводили к противоположным результатам, они отталкивали от Кучума многих сибирских татар, испытывавших на себе его карательные меры. В ответ на эти набеги против сторонников хана Кучума был послан военный отряд под командованием воеводы В. Кольцова-Масальского, в состав которого были включены не только отряды русских служилых людей, но и сибирских служилых татар.

Он совершил поход в степь, где разгромил ставку хана Кучума, находившуюся на оз. Чуланкуль в долине р. Ишим. Войско сторонников хана Кучума потерпело жестокое поражение. Некоторые его родственники и приближенные попали в плен. Однако самому хану удалось бежать вверх по р. Ишим¹⁹. В дальнейшем он еще не раз нападал на ясачных татар, живших в долине р. Тара. В то же время, в некоторых случаях сибирские татары проявляли недовольство своим положением в Московском царстве. В 1595 г. служилые татары вместе со своими семьями откочевали с прежних мест обитания. Они покинули окрестности Тюмени и ушли в верховья р. Тобол²⁰.

Для обороны российских владений в Западной Сибири в 1594 г. на р. Таре был сооружен острог. К строительству этого острога были привлечены не только русские, но также казанские татары, башкиры и сибирские татары. Во главе отрядов сибирских служилых татар были поставлены татарские командиры – Баязет и Байбахта²¹. Сооружение этого острога позволило успешнее вести борьбу со сторонниками хана Кучума. Значительная часть татарского населения, населявшего долину р. Тары, оказалась в составе российских владений. В 1595 г. в Тару был послан воевода Ф. Елецкий, которому было предписано вести активные военные действия против сторонников хана Кучума и поддерживавшего его ногайского мурзы Алея. Узнав о строительстве острога на р. Таре, хан Кучум предпринял попытку увести живших в окрестностях аялыньских татар на юг, в верховья Иртыша. На Черном острове он приказал построить укрепленный городок, в котором были поселены аялыньские татары²².

Против них был послан российский военный отряд под командованием Б. Доможирова. Ему удалось взять и сжечь Черный городок, захватить в плен нескольких татарских мурз. Однако самому хану вновь удалось бежать. В составе этого отряда были казаки, стрельцы, выходцы из Великого княжества литовского и «тобольские юртовские татары»²³. В том же году отряд Б. Доможирова и С. Рупосова, в котором были казаки и стрельцы, а также тобольские, тюменские и тарские служилые юртовские и волостные татары, совершил поход в Барабинскую степь и взял еще один опорный пункт сторонников хана Кучума – Чангульский городок. В результате этого похода барабинские татары подчинились российским властям и стали платить ясак в

Тарский острог²⁴. В наказе об отправлении в поход этого сводного отряда утверждалось, что «которые князьки и татарове государю служат, и в город к воеводам приходят, и ясаки платят», а также сообщают российским воеводам про «умышление» хана Кучума и поддерживавших его ногайских мурз, «тех татар поить и кормить государевым запасом, и бережение к ним и ласку держать великую, и отпустить их к себе не задерживая»²⁵.

К концу XVI в. сибирские воеводы убедились в том, что татарские войска, верные хану Кучуму, можно побеждать, не дожидаясь того, когда он сам станет нападать на российские владения. В 1598 г. российское войско под командованием воеводы А. Воейкова совершило поход против хана Кучума и его сторонников. В состав этого войска, помимо русских казаков и стрельцов, а также европейцев, было включено три сотни сибирских служилых татар из окрестностей Тары и Тобольска. Отряду из 60 служилых татарских воинов была поручена самостоятельная операция²⁶. Воеводе А. Воейкову удалось разгромить лагерь хана Кучума на р. Ирмень в Приобье. О местоположении ставки хана воеводе доложили татарские люди К. Махлеев и А. Чемычаков²⁷. В результате внезапного нападения был захвачен лагерь и взяты в плен некоторые родственники хана, однако самому Кучуму снова удалось бежать. Несмотря на разгром сторонников восстановления Сибирского ханства, воевода А. Воейков послал к Кучуму своего посланника татарина Талмухаммеда, пытаясь склонить хана к заключению мира. Однако тот, несмотря на свое тяжелое положение после этого разгрома, отказался признать власть московского царя. Многие сторонники и даже сыновья Кучума разуверились в успехе восстановления Сибирского ханства под его руководством и оставили хана. После этого хан Кучум бежал к джунгарам, затем к ногайцам, в землях которых погиб в 1601 г.²⁸

После гибели Кучума провозгласил себя ханом его старший сын Али. Он и его братья попытались вступить в переговоры с российскими властями в Сибири, чтобы на определенных условиях прекратить вооруженную борьбу. Однако сибирские воеводы не имели должных полномочий, чтобы заключать мирные соглашения, поэтому приехавшего на переговоры одного из братьев хана Али, Кубей-Мурата, они отправили в Москву. Это вызвало серьезные опасения у других сторонников восстановле-

ния Сибирского ханства, поэтому военные действия не прекратились, а были продолжены. Активную военную поддержку сторонникам восстановления Сибирского ханства оказывали правители ногайцев и Джунгарского ханства. Несмотря на смуту в Московском царстве, российским властям в Сибири удалось сохранить и даже расширить подвластные земли.

В 1607 г. против Кучумовичей были посланы военные отряды из русских казаков, служилых людей и юртовских татар, возглавляемые командирами Д. Юрьевым и К. Изъетдиновым, которые нанесли противникам тяжелые поражения. В течение всего последующего исторического периода, в ходе военного противостояния со сторонниками восстановления Сибирского ханства и княжествами енисейских кыргызов, которых поддерживали правители западных и восточных монголов, российские власти в Сибири поддерживали союзнические отношения и принимали на военную службу воинов из некоторых сибирских тюркских и кетских племен Алтая и Минусинской котловины. Подобные отношения были налажены с телеутами. Представителей племен качинцев и аринцев принимали на российскую военную службу. Эта политика явилась одним из существенных факторов, которые способствовали сохранению российских владений в Западной и Южной Сибири в наиболее сложные исторические моменты на протяжении позднего Средневековья и раннего Нового времени.

---

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. Вост. лит., 1999. Т. I. С. 214.

² Там же. С. 217.

³ Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. С. 487–488.

⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 218, 220.

⁵ Там же. С. 219–220

⁶ Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем Средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 247.

⁷ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 226.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Там же. С. 230–231.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 234.

¹² Там же. С. 244.

- ¹³ Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX). Казань: Изд-во «ФЭН», 2002. С. 46.
- ¹⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 236.
- ¹⁵ Там же. С. 249–250.
- ¹⁶ Там же. С. 252.
- ¹⁷ Худяков Ю.С. Эпизод пленения Сейдяка и Карачи в Тобольске в 1588 году в истории взаимоотношения российских властей с сибирской татарской элитой (по материалам письменных и изобразительных источников) // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 236.
- ¹⁸ Тычинских З.А. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 273.
- ²⁰ Тычинских З.А. Указ. соч. С. 46.
- ²¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 282, 351.
- ²² Там же. С. 288.
- ²³ Там же. С. 289, 359.
- ²⁴ Там же. С. 290, 361.
- ²⁵ Там же. С. 356.
- ²⁶ Тычинских З.А. Указ. соч. С. 46.
- ²⁷ Исхаков Д.М. Введение в историю сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2006. С. 189.
- ²⁸ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Изд-во «ФЭН», 2010. С. 207.

Д.Г. Целорунго (п. Бородинское поле, Московская обл.)

СУДЬБА ОТСТАВНЫХ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ И СОЛДАТ – УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

ВОПРОС О ТОМ, как складывалась жизнь офицеров и солдат, участников Отечественной войны 1812 г. после их выхода в отставку, остается до сих пор вне поля зрения исследователей этой эпохи, включая и занимающихся военно-исторической антропологией.

По состоянию на конец 1812 г. средняя продолжительность службы в войсках у офицеров составляла 7–12 лет¹. За это время офицер мог дослужиться до чина поручика или капитана. Чины младших офицеров до поручика в пехоте и кавалерии не соответствовали какой-либо определенной должности, разве что офицер в чине поручика временно мог исполнять должность командира роты в пехоте или командира эскадрона в кавалерии. Только штабс-капитанский чин давал возможность в пехоте, артиллерии и драгунских полках занять должность командира роты или эскадрона, а чин штабс-ротмистра позволял занять должность командира эскадрона в легкой и тяжелой кавалерии.

Отсюда следует, что офицеры в чинах капитанов и им соответствующих оказывались перед выбором: продолжать службу, дожидаясь, когда откроется в полку вакансия командира эскадрона, батальона, артиллерийской бригады, или подавать в отставку. Причем в пехоте только должность командира батальона, в кавалерии – командира эскадрона, в артиллерии – командира бригады давала возможность получить первый штаб-офицерский чин (майора, подполковника). Вакансии в мирное время на должности командиров эскадронов и особенно командиров батальонов и артиллерийских бригад открывались нечасто, в пехотном полку было три батальона, в каждом по четыре роты,

следовательно, в среднем три (не считая штабс-капитанов) претендента на один штаб-офицерский чин. В артиллерии три роты составляли бригаду, причем командир бригады совмещал должность командира одной из рот бригады, как правило, батареей роты. На одну должность командира артиллерийской бригады, предполагавшую штаб-офицерский чин, дожидались своей очереди два капитана данной бригады. В кавалерии продвижение по службе шло еще медленнее, чем в пехоте и артиллерии². Кроме того, нередко вне полкового списка по старшинству, на открывшиеся вакансии назначались гвардейские и армейские офицеры из других полков, получившие повышение в чине «за отличие», что, в свою очередь, задерживало продвижение офицеров данного полка по службе. По указанным причинам больше половины обер-офицеров дворянского происхождения, выслужив чин поручика или капитана, после 7–12 лет выслуги в войсках подавали в отставку. Разумеется, испрашивали дозволения уйти в отставку только в мирное время, как правило, ссылаясь на проблемы со здоровьем, так как неустроенная кочевая жизнь, раны и болезни, сопутствующие войнам, отрицательно сказывались на здоровье многих офицеров. С другой стороны, после отставки с военной службы офицеру присваивался очередной классный чин, который учитывался только на статской службе. А статская служба в каком-либо уездном или губернском городе хоть и сулила поначалу скромный доход, ниже, чем на военной службе, но зачастую гарантировала размеренную жизнь и возможность обзавестись семьей, ведь 91 % офицеров – участников Отечественной войны 1812 г. – были холосты³. Рассчитывать же на богатое наследство или безбедное проживание в своем или родительском имении после отставки подавляющей массе русских офицеров (90 %) не приходилось⁴.

Для многих дворян в начале XIX в. карьера чиновника началась после выхода в отставку с военной службы. В то время считалось, что военный человек был на все способным, фронтальная служба была школой для администраторов, и административные должности стали средством вознаграждения за военные доблести. В губернских городах отставные военные чаще всего служили советниками, ассессорами и дворянскими заседателями (чины 6-го – 10-го класса). В уездных городах они занимали должности городничего, уездного судьи, земского исправни-

ка, казначея, заседателей, получая чины с 8-го по 11-й класс «за уряд» (на время пребывания в должности). Верхней ступенью уездной чиновной лестницы считались должности городничего и судьи с жалованьем 300 р. в год⁵. Это примерно соответствовало годовому жалованию армейского подполковника – 250–334 р.⁶

Как известно, с 1793 г. бессрочный срок службы для солдат, служивших в войсках на правах рекрутов, был ограничен до 25 лет. По нашим данным, в регулярных воинских частях полевой армии 6,6 % рядовых солдат и 11,7 % унтер-офицеров выслуживали 21–25 лет и только 0,8 % рядовых солдат выслуживали 25 лет. Кроме этого 0,4 % рядовых и 1,3 % унтер-офицеров имели сверхсрочную выслугу в войсках (см. табл. 1).

Табл. 1

**Выслуга нижних чинов в войсках,
по состоянию на 1 июля 1812 г.**

Количество лет	Рядовые солдаты		Унтер-офицеры	
	Человек	Доля, %	Человек	Доля, %
Менее года	233	22,2	–	–
1	99	9,4	–	–
2–3	163	15,6	39	2,6
4–7	264	25,2	273	18,0
8–11	79	7,5	283	18,6
12–15	56	5,3	382	25,2
16–20	44	4,2	321	21,1
21–25	69	6,6	177	11,7
26–30	3	0,3	17	1,1
31–40	1	0,1	2	0,1
41–45			1	0,1
Нет данных	37	3,5	23	1,5
Всего	1048	100,0	1518	100,0

В военное время эти показатели из-за больших потерь убитыми, ранеными и особенно больными изменялись в сторону значительного преобладания среди рядовых солдат, особенно в пехотных полках, доли новобранцев. Так, за полгода боевых действий 1812 г. из-за боевых и небоевых потерь пехотные части в

чисто количественном отношении приблизительно один раз полностью сменяли свой наличный рядовой состав. Анализируя качественный состав русской пехоты, мы выявили, что в армейских пехотных и егерских полках действующей армии к концу кампании 1812 г. и в кампаниях 1813–1814 гг. доля новобранцев различных категорий среди рядового состава, без учета нестроевых солдат, приближалась к 90 % и выше⁷.

В 1813–1814 гг. бóльшая часть выздоровевших солдат задерживалась в пути из госпиталей к театру военных действий и в запасных батальонах, поэтому после выписки из госпиталей многие выздоровевшие солдаты так и не успевали принять участие в боевых действиях. Значительная часть солдат, по нашим подсчетам, около четверти из госпиталей, по освидетельству специальных врачебных комиссий попадала в гарнизонные части, где продолжала службу в зависимости от состояния здоровья. Часть солдат «за неспособностью к полевой службе» направлялась в гарнизонные части, другая часть «за неспособностью к полевой и гарнизонной службе» – в служащие инвалидные команды, а третья часть «за неспособностью к никакой службе» направлялась в инвалидные команды на положение неслужащих инвалидов. Причем, при направлении в гарнизонную часть, учитывалось желание солдата продолжать службу в родных краях. Это было, например, в случае с рядовым Василием Лисовичем, происходившим из мещан Волынской губернии, Житомирского уезда: он находился на службе с 10 ноября 1812 г., а 6 августа 1813 г. по неспособности к полевой службе был переведен из полевой части, находившейся в Герцогстве Варшавском, в Витебский гарнизонный батальон. Тем временем В. Лисович письменно обратился к начальству с просьбой о переводе его в Житомирский внутренний гарнизонный батальон. На основании именно Высочайшего указа его просьба была удовлетворена, а 22 августа 1815 г., пройдя в Волынской врачебной управе переосвидетельствование, он в возрасте 45 лет, прослужив в строю менее трех лет, был зачислен в неслужащие инвалиды⁸. Подобная история случилась и с Федором Николайчуком родом из крестьян Волынской губернии, который в 1806 г. вступил в службу рядовым в Гродненский гусарский полк⁹.

Из 775 рядовых солдат, поступивших в Житомирский, Петрозаводский и Воронежский внутренние гарнизонные батальоны в

1815 г., одна треть были уроженцами мест, где дислоцировались эти воинские части¹⁰. Но это усредненный показатель, в некоторых гарнизонных частях он был гораздо выше. Так, в 1815 г. среди 29 неслужащих инвалидов, переведенных на службу в инвалидные команды при Житомирском внутреннем гарнизонном батальоне, уроженцев Волынской губернии было 28 человек¹¹.

Выслужив положенные 25 лет, солдат, вступивший в воинскую службу на правах рекрутов, мог выбирать, остаться ли ему на сверхсрочную службу или выйти в отставку на собственное пропитание. Солдату по выходу в отставку не было положено пенсионное содержание. Вольным отставной солдат был лишь в праве выбора, в какое податное сословие ему перейти, чаще всего солдатский выбор останавливался на мещанском сословии. В редких случаях солдаты, преимущественно в унтер-офицерских чинах, оставались в воинской части полевой армии (см. табл. 1). Причем у солдата, вышедшего в отставку, оставалась возможность возвратиться на службу. Этим правом он мог воспользоваться в случае, если у него не сложилась жизнь вне армии или в случае потери здоровья «на вольных хлебах».

Вот несколько примеров. Матрос Никита Естафьев из крестьян Архангельской губернии в 1801 г. был отставлен от службы на собственное пропитание. В 1806 г. он добровольно поступил на службу в инвалидную команду Архангельского гарнизонного полка. В 1814 г. Н. Естафьева в возрасте 61 года перевели в неслужащую инвалидную команду этого же полка¹². Унтер-офицер Архангельского гарнизонного полка Прокопий Rogozin был уволен от службы на собственное пропитание в 1804 г., через два года принят обратно на службу в Архангельскую губернскую роту, переименованную через год в инвалидную команду. Впоследствии он был разжалован в рядовые за свое упущение в караульной службе, в результате которого из тюрьмы удалось бежать заключенным преступникам. В 1814 г. П. Rogozin в возрасте 54 лет был определен в неслужащую инвалидную команду¹³.

Таким образом, вступив в сверхсрочную службу, солдат мог рассчитывать на пожизненное признание в одной из инвалидных команд, находящейся недалеко от родных мест. Кроме того, вне зависимости от выслуги, значительная часть солдат из-за потери здоровья признавались негодными к полевой службе, их переводили в гарнизонные воинские части, если у солдата были

серьезные проблемы со здоровьем, его могли перевести в служащую инвалидную команду. В случае если солдат не мог служить по состоянию здоровья или по возрасту и в инвалидной команде, он получал статус неслужащего инвалида, то есть он мог доживать свой век, находясь на государственном попечении. Правда, в последнем случае был еще один вариант, солдата могли комиссовать с воинской службы, но только по взаимному согласию с родственниками, которые обязывались взять служивого на свое полное содержание. К слову сказать, инвалидные команды располагались в большинстве уездов центральной России, в небольшом количестве они располагались также и на окраинах империи, например в Сибири. Следовательно, солдат мог рассчитывать на гарантированную помощь от государства при потере им здоровья и по старости, представители других податных сословий Российской империи подобных государственных услуг тогда были лишены.

---

¹ Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002. С. 154.

² Там же. С. 154–155.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 102–104.

⁵ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3; Фаизова И.В. Материалы герольдмейстерской конторы о реализации Манифеста о вольности дворянства в практике дворянской службы // Чтения памяти В.Б. Кобрин: Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С. 182; Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, состав. в дек. 1903 г.). СПб., 1913. С. 112; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 305. Л. 30–76 об.

⁶ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 386.

⁷ Формулярные списки солдат, поступивших в качестве пополнения за 1814 г. в Рязанский пехотный полк и 50-й егерский полк. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 786, 1879.

⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5386. Л. 178 об.–179.

⁹ Там же. Л. 70.

¹⁰ Там же. Д. 5386. Д. 5801. Д. 5268.

¹¹ Там же. Д. 5386.

¹² Там же. Д. 6390. Л. 167 об.

¹³ Там же. Л. 170.

Т. Цесельски (Ополе, Польша)

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ НИТИ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПЕТРА ЛАССИ (ПИТЕРА ЛАЦЫ)*

ФЕЛЬДМАРШАЛА ПЕТРА ЛАССИ – Питера Эдмонда Лацы (Peter Edmund Lacy) – которого в источниках, в русской и польской историографии, называют также другой русифицированной формой фамилии: Леси, Ласи, Лесси, Лесий или Ласцы, без тени сомнения следует отнести к наиболее значимым военачальникам российской армии XVIII в., а может быть, даже считать его самым лучшим командиром, служившим свыше 20 лет после смерти Петра I. В российской армии Лацы прослужил свыше 50 лет, участвовал в 31 военной кампании, 18 осадах крепостей, 15 битвах и 3 генеральных сражениях. Он также являлся значимой фигурой в правительстве Российской Империи. Его имя появляется почти во всех работах, посвященных военным и политическим событиям в России последних десятилетий правления Петра I и эпохи «дворцовых переворотов»¹. Кроме того, много внимания уделили Лацы авторы работ о массовом переселении с Британских островов сторонников свергнутого в 1688 г. короля Якова II Стюарта и участников ирландской войны 1689–1691 гг. («Willamite war»²). Из-за ее внезапности и массовости эмигрантов 90-х гг. XVII в. называли «дикими гусями» (The Wild Goose³, Die Wildgänse⁴)⁵. В число якобитов, которые нашли свою новую Родину и сделали в ней прекрасную карьеру, входит и Ласси. При таких великих свершениях и частых упоминаниях его особы в историографии англо- и немецкоязычной, польской и, прежде всего, российской, может только удивлять тот факт, что до сей поры существует лишь несколько био-

---

* Перевод с польского – О.С. Смирнова.

графических статей, и, более того, за исключением трех, они носят популярный характер и вторичны в сравнении с биографией авторства Д.Н. Бантыш-Каменского, помещенной в Русском биографическом словаре⁶. Определенно, все это является совершенно недостаточным отражением в историографии столь значимой фигуры, которая благодаря своей недюжинной активности на военном поприще была отмечена на страницах истории нескольких государств, помимо России, еще и Франции, Австрии, Речи Посполитой, и исторических регионов: Ливонии, Курляндии и Крыма.

Петр Ласси (Лацы) родился 28 сентября (или 30 октября) 1678 г. в Ирландии, в Киллиди (графство Лимерик), в дворянской католической семье, ведущей свое происхождение от англо-нормандского рыцарства⁷. Военную службу он начал во время ирландской войны 1689–1691 гг. и уже в возрасте тринадцати лет стал хорунжим ирландской армии и принял участие в финальной части войны, второй обороне города Лимерик. После заключения 3 октября 1691 г. договора, прекращающего войну, семья Лацы воспользовалась возможностью эмигрировать, прописанной в этом договоре. Они отправились во Францию и, благодаря ходатайству бригадира Джона Лацы де Баллингари, были приняты в Ирландскую Бригаду французской армии. Петр Ласси в 1692–1696-х гг. участвовал в Савойских кампаниях Людовика XIV, продвинувшись до звания поручика⁸. После окончания войны и заключения договора в Рисвике (20.10.1697) численность Ирландской Бригады была значительно уменьшена, расформировано большинство полков. Среди офицеров, которые потеряли место во французской армии, был и Петр Ласси. Однако он быстро нашел нового «работодателя» – поступил на службу в императорскую армию и в 1698 г., вероятно, участвовал в сражениях с османами⁹. Впрочем, и эта война вскоре закончилась, что для Ласси значило потерю места службы в 1700 г. И в этот раз молниеносно, уже в июне 1700 г., он был принят на службу в армию Петра I в силу капитуляции, подписанной в Вене с генералом-фельдмаршалом герцогом Карлом-Евгением де Кроа (Charles Eugène ks. de Croÿ – фр.)¹⁰.

Службу в российской армии Ласси начал осенью 1700 г. под Нарвой и принял участие в проигранной битве со шведами 30 ноября, предположительно, командуя одной ротой из пехотного

полка Брюсова¹¹. После сражения он оказался в числе иностранных офицеров, выразивших желание и в дальнейшем служить России и ее правителю. Это был правильный выбор, потому что в первых десятилетиях XVIII в. в России высоко ценили иноземцев, предоставляя им большие возможности для карьеры. Ласси прекрасно воспользовался случаем получить высшие военные награды и высокие должности в государственной администрации. Если говорить о воинском поприще, то жертвенное служение в войне со шведами обеспечило ему быстрое продвижение в иерархии офицеров и командиров: 1701 г. – капитан, 1705 г. – майор, 1706 г. – подполковник, 1708 г. – полковник, 1711 г. – бригадир, 1712 г. – генерал-майор и 1720 г. – генерал-лейтенант. В последующие годы он стал: в 1725 г. – генерал-аншефом, а в 1736 г. – генерал-фельдмаршалом. В иерархии командиров Ласси был в 1701–1703 гг. командиром роты, в 1704 г. – командиром «дворянской» роты, с 1705 г. – командиром батальона и заместителем командира полка, с 1706 г. – штатным командиром, а затем начальником полка. Последовательно руководил новообразованным пехотным полком, носящим его имя, в 1706–1708 гг., сибирским полком пехоты – в 1708 г., а с 01.01.1709 получил на многие годы командование гренадерским полком. В 1740 г. командовал также кирасирским полком герцога Брауншвейгского. В последующих войнах, в которых участвовала Россия, Ласси выступал на высших командных должностях: в 1721 г. он провел десантную операцию и опустошил лежащую на Ботническом заливе провинцию Хальсингланд; в 1733–1735 гг. командовал российскими силами во время интервенции в Польше (с коротким перерывом с марта по август 1734 г.); в 1736–1739 гг. руководил донской армией, воюющей с турками; в 1741–1743 гг. был главнокомандующим российскими силами, участвующими в войне со Швецией. Трижды был назначен командиром корпуса, посылаемого на помощь Габсбургам: в 1726/1727, 1730 и 1735/1736 гг. Дважды выполнял миссию, связанную с обеспечением безопасности российской собственности (на самом деле – управления) в Курляндии: в 1727 и 1740 гг. С 1710 г. был военным комендантом Риги, а с 1726 г. вплоть до своей смерти был командующим войска, располагающихся в прибалтийских губерниях (при этом даже изменил их объем, например, в 1726 г. ему подчинялись отряды, находящиеся в губерниях Санкт-Петербургской, Нов-

городской и Рижской, в начале 30-х гг. – Рижской), а на рубеже 1743/1744 гг. также и в Московской губернии. В государственной администрации Ласси занимал следующие должности: с 1729 г. – администратор Рижской губернии, с 1730 г. – губернатор Риги, с 1740 г. – генерал-губернатор Лифляндии (далее осуществлял власть только в Рижской губернии)¹². Перевороты 1740–1741 гг., в которых Ласси дважды, не медля, вставал на сторону, получавшую власть, привели к тому, что его голос стал решающим в военных делах. Тем не менее, после отстранения от власти после переворота 6 декабря 1741 г. фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Миниха, он не стал министром и не взял на себя управление военными делами. Временно он входил в состав неформального «Совета 11», являвшегося ядром нового правительства императрицы Елизаветы Петровны¹³.

Длительная служба Ласси в российской армии привела к тому, что в его карьере имели место несколько польско-литовских эпизодов, некоторые из которых длились по несколько месяцев. Первый раз Ласси оказался на территории Речи Посполитой (разумеется, не считая его путешествия из Вены в лагерь под Нарвой летом – осенью 1700 г.) как офицер российской армии в 1705 г. Из написанной им в 1720 г. офицерской сказки¹⁴ не следует, что он принимал участие в первой экспедиции русских войск под командованием Бориса Шереметева в Литве и Курляндии, закончившейся поражением в битве со шведами при Мур-мызе/Гемауэртгофе 16 июля. Вероятно, он также не участвовал и во второй курляндской операции русских войск, проводившейся самим Петром I и увенчавшейся завоеванием Митавы 15 сентября. Однако он добрался до Вильно и, возможно, еще в самом начале 1705 г., в составе группировки ген. Карла Ренне, посланной ген. Никитой Ивановичем Репниным¹⁵. О том, что Ласси служил под командованием Репнина, свидетельствует информация, содержащаяся в его офицерской сказке, что он в 1705 г. был послан Репниным во главе 5 батальонов в Мерець, несомненно, для того, чтобы обеспечить безопасность дороги, соединяющей Гродно и Вильно. В январе 1706 г. после известия о наступлении на русский лагерь шведской армии Карла XII, Ласси получил приказ соединиться с главными силами. В Гродно он прибыл, по собственному утверждению, за несколько часов до появления шведов¹⁶. Таким образом, он оказался в

лагере, осажденном с 23 января 1706 г., но не подвергшемся атаке шведов, численность которых была меньше, чем русских. Также царская армия в течение более чем двух месяцев не предпринимала никаких наступательных действий, хоть и несла огромные людские потери из-за голода, холода и инфекционных болезней. Русские ждали прихода саксонской армии, поддерживаемой русским вспомогательным корпусом, но эти силы были наголову разбиты шведами в сражении под Вسخовой (Фрауштадте, 13.02.1706). После этого поражения на совете в Минске, где принимал участие Петр I, было решено вывести русские войска из Гродно. При слабом шведском сопротивлении русским удалось в начале апреля 1706 г. вырваться из осады и вывести войска на Вольнь, а затем под Киев¹⁷.

Поздней весной 1707 г. Ласси вернулся в Литву в составе корпуса ген. Родiona Баура, посланного ликвидировать группу литовских войск под командованием Кшиштофа Сеницкого. В начале 1707 г. эта группировка перешла на сторону Станислава Лещинского и, соответственно, Карла XII, а в апреле разбила под Начей русский конвой, перевозивший 30 000 рублей для «стимуляции» верности союзу с Россией другой группировки литовских войск под предводительством Григория Огинского. Ласси участвовал в почти двухмесячной осаде Старого Быхова и отличился тем, что захватил, а затем удерживал один из земляных валов¹⁸.

В 1708 г. Ласси участвовал в прикрывающих операциях сначала над р. Десной, а затем на Украине, обеспечивая безопасность городу Ромны. В 1709 г. в битве под Полтавой получил серьезное ранение, которое не позволило ему принять участие в марше победоносной русской армии до Речи Посполитой¹⁹. Оно стало причиной того, что на территории Польши Ласси оказался только летом 1712 г. Полк под его командованием снова входил в состав дивизии ген. Репнина, который после прибытия в Торунь поручил Ласси во главе 1500 солдат занять Познань с тем, чтобы обеспечить сохранность находящихся там складов (вероятно, в связи с набегом насчитывающего около 2000 сторонников Станислава Лещинского – отряда под командованием Яна Казимира Сапеги, ставшего впоследствии фельдмаршалом русской армии²⁰). Ласси прекрасно справился с этой задачей, продемонстрировав великолепные организаторские способности и

понимание логистических проблем. Следующие пять лет служил в действующей на территории Поморья и Меклембурга дивизии Репнина в качестве высокопоставленного офицера, бригадира и генерал-майора, а также ему приписывают временное руководство дивизией в 1717 г. На территории Речи Посполитой Ласси в следующий раз оказался в 1718 г., когда возвращающаяся в Россию дивизия Репнина получила задание принудить город Гданьск к исполнению финансовых и материальных обязательств в отношении Петра I²¹.

Мирное время, наступившее в 1721 г., не затормозило карьеры Ласси. В 1723 г. он стал членом Военной Коллегии, а после смерти Петра I его наследница Екатерина I в мае 1725 г. повысила его до звания генерал-аншефа и наградила вновь учрежденным орденом Святого Александра Невского, а в 1726 г. вверила командование войсками, дислоцированными в Санкт-Петербурге, Ингрии, Эстляндии, Карелии и в Новгородской губернии²². Зимой 1727 г. Военная Коллегия поставила перед Ласси задачу подготовить для борющегося с Ганноверской Лигой императора вспомогательный корпус, состоящий из 16 полков пехоты и 10 драгунских полков. Таким образом, Россия выполнила свои союзнические обязательства перед Империей Габсбургов, которые у нее были согласно договору, заключенному 6 сентября 1726 г. Желание принять на себя командование корпусом изъявляли Александр Меншиков и тесно с ним связанный, благодаря планируемой свадьбе их детей, Ян Казимир Сапега, бывший великий гетман литовский в 1708–1709 гг., а в марте 1726 г. принятый на русскую службу в звании фельдмаршала²³. Сапега имел влияние в Речи Посполитой, что могло помочь в получении согласия короля Августа II на переход корпуса через польские и литовские земли. Однако в русских правительственных кругах преобладало убеждение, что получением такого согласия должна заниматься дипломатия, а командование корпусом было доверено Ласси весной 1727 г.²⁴

В конце концов до выступления русского вспомогательного корпуса на Запад дело не дошло, потому что на рубеже мая – июня 1727 г. состоялось предварительное соглашение, завершившее конфликт Империи и Испании с Ганноверской Лигой. Осенью 1727 г. вспомогательный корпус расформировали, но из нескольких полков была сформирована меньшая боевая группи-

ровка, которая под командованием Ласси была послана в Курляндию, бывшую вассалом Речи Посполитой. Речь шла о решении проблемы престолонаследия в герцогстве после Кетлеров. Летом 1726 г. курляндские земли избрали правителем внебрачного сына Августа II Веттина, гр. Морица Саксонского, но против этого выступили Речь Посполитая и Россия. Первая стремилась присоединить Курляндию к польско-литовскому государству в качестве воеводства, и в марте 1727 г. для этой цели была создана специальная комиссия из сенаторов и депутатов. Россия стремилась сохранить существующее правовое состояние Курляндии и посадить на герцогский трон своего кандидата. Летом 1726 г. в Митаву прибыл специальный посланник Правительствующего Сената кн. Александр Меншиков, которому не удалось убедить курляндские земли аннулировать избрание Морица и возвести на престол кн. Петра фон Гольштейн-Бека. Вернувшись в Санкт-Петербург, Меншиков убедил Екатерину I в необходимости военного вмешательства. Для исполнения этой миссии императрица назначила рекомендованных Меншиковым Виттинггофа и Ласси, но из-за ее скорой смерти им удалось отправиться в Курляндию только в сентябре 1727 г. Ласси сочетал в себе функции официального посла нового императора Петра II и командира экспедиционного корпуса, состоящего из 4 пехотных полков (или 3 полков пехоты и 2 драгунских полков). Это были достаточные силы, чтобы прогнать из Курляндии кн. Морица, который располагал только одной ротой пехоты, одной ротой драгун и 12 пушками. Дело усложнилось, когда в конце сентября 1727 г. в Митаву пришли польские комиссары в сопровождении около 3000 солдат в двух драгунских эскадронах, а также 65 хоругвях кавалерии коронной и литовской²⁵. Ласси, располагая большим количеством солдат, занял твердую позицию и вынудил польско-литовское военное формирование отступить, позволив комиссарам взять в качестве сопровождения небольшое драгунское подразделение. Взамен русские выдали полякам захваченных товарищей Морица и все захваченное военное имущество. После консультаций с Петербургом и уверенный комиссаров, что целью их вторжения была не инкорпорация герцогства, а пересмотр действующих в нем законов, Ласси решил не вмешиваться в работу комиссии. Однако только до того момента, пока русским депутатам не удалось 6 октября 1727 г.

принудить к принятию декларации о недействительности избрания Морица в курляндских землях. Тогда была опротестована работа комиссаров Речи Посполитой, как призванная изменить статус герцогства, а позже было составлено заявление от имени Петра II о том, что русский и австрийский дворы не согласны с инкорпорацией Курляндии в Речь Посполитую после смерти герцога Фердинанда Кеттлера. Это не обострило конфликта, потому что на рубеже октября – ноября русские войска были перебросены в Ливонию, а в декабре 1727 г. были распущены польские комиссары и русские депутаты²⁶.

Опала Меншикова осенью 1727 г. не нанесла урона военной карьере Ласси. Некоторую опасность для него представлял Ян Казимир Сапега, который, благодаря женитьбе своего сына Петра Сапеги на родственнице Екатерины I Софье Скавронской, занял сильную позицию при дворе и в русском генералитете. Поначалу Петр II одаривал обоих Сапегов большим уважением, 8 ноября 1727 г. он назначил Яна Казимира генерал-губернатором Петербурга и Ингерманландии и командиром военного округа, насчитывающего 14 полков войска. Однако под конец 1727 г. князьям Голицыным удалось убедить императора, что не следует назначать на столь высокие посты иностранцев. Ян Казимир, поняв, что «полоса удач» закончилась, обратился в Верховный Тайный Совет с просьбой о разрешении временно вернуться на родину и, получив оное, уехал весной 1728 г. в Речь Посполитую. В Россию он уже не вернулся и в начале 1729 г. по предложению Военной Коллегии был отправлен в отставку. Формально Ян Казимир остался фельдмаршалом русской армии, он умер 22 февраля 1730 г.²⁷

Все это позволило Ласси занять позицию ведущего командира русской армии, дополнительно командующего 8 полками, располагающимися в Рижской и Ревельской губерниях²⁸. В результате кризиса в российском государстве, вызванного вопросом престолонаследия после смерти 30 января 1730 г. в Москве Петра II, Ласси хоть и не участвовал в возведении на престол Анны Иоанновны, но обеспечил комфорт и безопасность переезда новой императрицы из Митавы в Москву²⁹. Это обеспечило ему доброжелательное отношение императрицы, но из-за усиления немецкого влияния в важнейших правительственных структурах Ласси в командной иерархии «обошел» другой высокопос-

тавленный офицер, служивший в прошлом в армии Речи Посполитой. Это был Бурхард Кристоф фон Миних, который после перевода из инженерного корпуса в армию в январе 1732 г. стал президентом Военной Коллегии³⁰.

В марте 1733 г. на Ласси была возложена задача подготовить военную интервенцию в Речь Посполитую на случай, если бы ситуация бескорольева и выборов приняла бы неблагоприятный для России оборот. Согласно планам русского Кабинета министров и Военной Коллегии операцию предстояло выполнить силами трех корпусов, действующих в направлении Риги, Смоленска и Стародуба, но в конце концов от последнего решено было отказаться³¹. Летом русская интервенция стала необходимой, и в июле 1733 г. начали концентрировать войска в Ливонии и под Смоленском. Всеми силами, насчитывающими более 35 000 солдат, командовал генерал-аншеф Петр Ласси, который ради этого даже приостановил осуществление должности рижского губернатора. В августе 1733 г. во главе «ливонского» корпуса, состоящего из 11 пехотных полков и 3 драгунских, насчитывающего около 13 800 солдат и 25 орудий³², он начал марш через Курляндию и Литву в направлении Варшавы, в предместьях которой, согласно существовавшему в Речи Посполитой закону, должны были пройти выборы нового правителя. Русские, хоть и не встретили на своем пути никакого сопротивления, как со стороны армии литовской, так и коронной, двигались медленно, преодолевая ежедневно от 1 до 4 миль, и останавливаясь каждые 3–4 дня на длительные передышки. Первая же остановка на территории Речи Посполитой, в Йонишках, заняла двое суток, а в Гродно – целых 5, с 7 по 12 сентября. Получив решительный приказ от Анны Иоанновны, не дожидаясь корпуса ген. Артема Загряжского, который только в конце августа покинул район Смоленска и медленно двинулся на запад, Ласси несколько ускорил после 12 сентября темп марша, что было обусловлено желанием взять переправы на Нарве и Буге. И хотя обе реки русским удалось форсировать, но к предместью Варшавы – Праге – расположенному на восточном берегу Вислы, авангард дошел только 28 сентября, а основные силы – двумя днями позднее³³. Тем временем уже 12 сентября королем Польши был провозглашен Станислав Лещинский, который из-за своих близких связей с Францией (его дочь была королевой Франции, женой Людови-

ка XV), а также памятуя о его антироссийской позиции во время Северной войны 1700–1721 гг., был нежелателен для петербургского двора. Переход от Митавы до Варшавы занял у русского корпуса 49 дней, а средний темп марша не превышал 15 км ежедневно. Такая маленькая скорость проистекала отчасти из-за погодных условий и логистических проблем, но прежде всего из-за медлительности самого Ласси. Располагая сравнительно небольшим количеством солдат (хоть и так их было больше, чем поляков: 6–8 тыс. человек³⁴), он старался их беречь, чтобы как можно большее их число было пригодно к бою под Варшавой.

На рубеже сентября – октября 1733 г. русским, несмотря на низкий уровень воды, не удалось форсировать Вислу, т. к. ее западный берег был плотно занят располагающими достаточным количеством пушек польскими войсками, которым также удалось уничтожить паромы и лодки. Ласси сообщил об этом 4 октября «на публичной конференции» собравшимся под Прагой польским и литовским магнатам и шляхтичам, которые были против восшествия Лещинского на трон. В связи с окончанием, оговоренным законом, срока элекции правителя, было принято решение о ее проведении в Праге, а одним из вдохновителей этого начинания был Ласси. На следующий день, 5 октября 1733 г., правителем Речи Посполитой был избран саксонский электор Фридрих Август II. При этом присутствовало русское войско, которое после провозглашения Веттина королем, во время «*Te Deum Laudamus*»³⁵, дало в его честь залпы из орудий³⁶.

После ухода польских сил русские войска под командованием Ласси до 11 октября 1733 г. заняли Варшаву, а далее, до ноября, важнейшие города левобережной Мазовии. После реорганизации сил интервентов (после прихода группировки Загряжского оба корпуса соединились, выделив сильную группу в Варшаву и отряды, обеспечивающие безопасность дорог, соединяющих город с Гродно и Брестом-Литовским) и обеспечения отрядам необходимого отдыха, Ласси начал приготовления для захвата Гданьска, в котором нашел приют король-электор Станислав Лещинский. Предпринять эту операцию осенью 1733 г. оказалось невозможно из-за позиции союзных саксонских войск, командир которых, герцог Иоанн Адольф фон Саксен-Вейсенфельский, считал приоритетным захват Кракова и проведение коронации саксонского электора Фридриха Августа II. Только

проведя все операции, связанные с занятием Кракова, Ласси мог предпринять действия, целью которых был захват Гданьска. Вся операция, в которой участвовала русская армия, а в конце и царский флот и саксонские войска, заняла 193 дня, считая от ухода корпуса Ласси из района под Ловичем 21 декабря 1733 г. и до капитуляции Гданьска 2 июля 1734 г. Во время марша до Гданьска, который занял почти 2 месяца, Ласси выпустил универсалы, в которых призвал шляхту и города Королевской Пруссии признать Августа II законным правителем Речи Посполитой. Гданьские земли в своем ответе однозначно выступили на стороне Лещинского, что вынудило Ласси начать военные действия против города. Осада Гданьска заняла 135 дней, Ласси руководил ею до 15 марта 1734 г., ограничиваясь из-за недостатка осадной артиллерии и малого числа солдат блокадой города³⁷. Затем командование принял Бурхард Кристоф фон Миних, который предпринял решительные, но вместе с тем и рискованные осадные действия. С этого момента Ласси исполнял обязанности неофициального заместителя командира русских сил, осаждающих Гданьск, дважды отличившись мужеством и мастерством командира в ходе боев. Первый раз – 18–20 апреля 1734 г., когда руководил отрядом, отправленным ликвидировать подкрепление, которое было отправлено на помощь осажденным из Кувявии. Оно состояло из группировки войск, которыми руководил любельский воевода Ян Тарло, и которое насчитывало по одним данным 7–8 тыс., по другим 3–4 тыс. солдат. Ласси во главе 3–4,2 тыс. драгун и казаков быстро подошел к польскому войску и 20 апреля во второй половине дня одержал победу в двухчасовой битве между деревнями Смажино и Вышесин (в ее ходе он применил уловку – спешившимся двум драгунским полкам приказал идти на неприятеля и бить в барабаны, чтобы поляки подумали, что их атакует пехота, с которой не могли воевать). Группировка Тарло оказалась разбита, лишившись 5 офицеров и 370 солдат и рядовых. С русской стороны, согласно рапорту Ласси, был убит 1 солдат, 14 были ранены – поляки же считали, что убили 300 солдат противника³⁸. Еще одним эпизодом в сражениях за Гданьск, в котором отличился Ласси, был неудачный штурм русских кронверка Гродзиска ночью с 9 на 10 мая. В заключительной части боя Ласси лично явился на место сражения и принял командование отрядом, который после отражения ата-

ки застрял под гданьскими укреплениями и оказался под смертоносным огнем обороняющихся. Это позволило вывести остатки отряда на исходные позиции³⁹.

После капитуляции Гданьска Август III во время пребывания с 19 до 30 июля 1734 г. в монастыре в Оливе наградил Ласси «Орденом Белого Орла, портретом короля с алмазами и перстнем стоимостью 15 тыс. талеров, а его сына назначил камер-юнкером». Из денег «за колокольный звон», которые в русской армии традиционно выделялись из полученной контрибуции для награждения особо отличившихся солдат, Ласси получил 5000 рублей, 2083 червонца, 2 талера и 20 грошей⁴⁰.

Летом 1734 г. участвовал в саксонско-русских военных советах, в которые были допущены императорский резидент и выбранные польские паны. Их результатом стала разработка в конце июля 1734 г. оперативного плана, согласно которому должен был произойти захват всей Великой Польши и Мазовии летом – осенью 1734 г. Задача реализации этого плана легла на Ласси, потому что Миних, после получения согласия императрицы (указ от 7 VIII/27 VII), еще до 10 сентября сложил с себя полномочия командующего и выехал в Санкт-Петербург. На рубеже сентября – октября 1734 г. основные русские силы перешли из Поморья в воеводства Равское, Плоцкое и Мазовецкое, где были размещены в лагерях. Против сил Лещинского в район Петровка и в Сандомирский были посланы слабые корпуса генерал-майора Ивана Бахметева и генерал-майора Ивана Борятинского. Они не предотвратили проведения съезда сторонников Лещинского, на котором 9 ноября 1734 г. была основана основная конфедерация⁴¹.

В ответ военно-политическое русско-польско-саксонское руководство в начале декабря 1734 г. постановило начать операцию, целью которой была ликвидация группировок польских войск, оставшихся верными Лещинскому, и, таким образом, быстрое усмирение Речи Посполитой. Ласси приказал русским войскам начать концентрический марш в сторону западных земель русского воеводства. К 7 февраля 1735 г. русские, подкрепляемые группой саксонской кавалерии, дошли до Жешува, Медыки и Пшемысля, заставив верховного командующего коронных войск Юзефа Потоцкого начать переговоры. Они закончились подписанием 11 февраля в Жешуве перемирия, а 20 марта 1735 г.

в Закличине договора, прекращающего участие в войне большей части регулярной коронной армии вместе с гарнизоном Каменца Подольского⁴². Однако это не привело к усмирению Речи Посполитой, поскольку борьбу против русских, саксонцев и их польско-литовских единомышленников продолжили военные силы Станиславчиков (регулярные единицы коронной и литовской армии, а также отряды, выставляемые воеводствами, повятами и землями). На территории Короны они переместились в январе из Прикарпатья в район Кракова, а затем предприняли поход на Великую Польшу. Саксонцы и русские пытались вести мирные переговоры с властями конфедерации на конференции в Ченстохове в первой половине февраля 1735 г. Когда переговоры были прерваны, Ласси склонился к силовому методу разрешения конфликта. Зимой 1735 г. русские отряды заняли районы Сандомира, Радома, Опочна, Кракова, Жорек и Ченстоховы, отрезая от остальной Польши силы конфедерации, против которых выдвинулись саксонцы и две русские боевые группировки, насчитывающие около 1500–2200 солдат. Одной из них командовал Ласси, который лично руководил операцией против сил конфедерации. Закончилась она полным успехом, хотя Станиславчикам и удалось вырваться из Великой Польши и прорвать русскую заградительную линию между Ченстоховой и Краковом, но в конце концов они были разбиты и вынуждены сложить оружие. Сначала в конце марта под Козегловами капитулировала часть кавалерии конфедерации, а затем 10–11 апреля 1735 г. основные силы, окруженные у Вислы под Збычином (около Стенжицы) и Свежавой (район Козениц). Ласси лично участвовал в этих последних событиях и провел переговоры с конфедератами относительно условий капитуляции. Командующий окруженными отрядами черский каштелян Казимеж Рудзинский отказался сложить оружие перед русскими, и Ласси согласился на десятидневное прекращение огня. После прибытия из Варшавы посланника Августа III, мазовецкого воеводы Станислава Понятовского, конфедераты подписали 18 апреля почетный для них договор о капитуляции⁴³.

Военная ситуация в польских и литовских землях окончательно разрешилась в пользу Августа III, и в июне 1735 г. начался процесс вывода из Речи Посполитой саксонских и русских отрядов. Часть из тех последних, однако, не вернулась на родину, а бы-

ла послана в Германию на помощь воюющей с Францией Империи. Согласно решению царского Кабинета Министров от 22/11 марта, командовал ими Ласси, который в апреле 1735 г. передал командование над действующими в Польше русскими войсками прибывшему в Варшаву фельдмаршалу Миниху⁴⁴. Во главе 8 пехотных полков (около 13 100 солдат и 16 полковых 3-фунтовых пушек) Ласси перешел 19–20 июня 1735 г. границу и в конце августа дошел до западной Германии, в район Гейдельберга и Ладенбурга. В битвах с французами русские, как правило, не участвовали, только небольшие подразделения подкрепляли имперские силы, осаждающие линию Рейна в районе Шпейер-Филлипсбурга, а в первой половине октября они участвовали в перестрелке недалеко от этого города. Война закончилась через несколько недель после принятия Версальским двором подписанных в Вене 3 октября 1735 г. прелиминарных мирных договоров. Русский вспомогательный корпус был выведен и расквартирован в Чехии, Моравии и Силезии, чтобы в мае – августе 1736 г. пройти через Речь Посполитую к Киеву. Корпусом командовал генерал-лейтенант Джеймс Кейт, а сам Ласси, повышенный до звания генерал-фельдмаршала (28/17.02.1736), после аудиенции у императора Карла VI в Вене, в марте – апреле 1736 г. молниеносно перешел через Польшу на Украину, чтобы 15 мая 1736 г. принять командование над блокирующей Азов донской армией⁴⁵.

В последующих годах Ласси, командуя в войне с Турцией в 1736–1739 гг. армией, действующей под Азовом и в Крыму, а затем, будучи главнокомандующим в войне со Швецией в 1741–1743 гг.⁴⁶, не имел никаких связей с Речью Посполитой, и более того, не найдено никаких следов его почтовых контактов с польско-литовскими министрами или магнатами. Только осенью 1745 г. у него появилась заинтересованность в польских делах, когда министры убедили императрицу Елизавету I поддержать в военном отношении союзную Саксонию и тем самым ослабить Пруссию. В октябре императрица поручила фельдмаршалу Ласси приготовить армию к началу боевых действий весной следующего года. Были разработаны планы этой операции, но после сокрушительного поражения, нанесенного пруссаками австро-саксонской армии в битве под Кессельдорфом (15.12.1745), так называемая вторая силезская война закончилась подписанием мирного договора 25.12.1745 в Дрездене⁴⁷.

Россия, однако, сохраняла готовность вступить в войну и после заключения союзных договоров с Австрией и Великобританией в 1746 г., на рубеже 1746/1747 гг. началась подготовка к отправке сильного вспомогательного корпуса к Рейну. Организатором похода был назначен Ласси, который уже в январе 1747 г. на конференциях в Зимнем Дворце представил условия операции и финансовые затраты на нее, которые должны были покрыть англичане. Спустя месяц, 17 февраля императрица назначила командиром корпуса своего фаворита генерал-фельдцейхмейстера кн. Василия Репнина. Таким образом, из-за интриг Ласси оказался вынужден в очередной раз стать во главе отрядов, предназначенных выступить в Германию. Это означало, что ирландцу не дано было оказаться в очередной раз на территории Речи Посполитой, хотя на протяжении всего времени похода более чем 61-тысячного российского корпуса в Германию Ласси и обеспечивал его из Ливонии в военном и логистическом отношении. Также было и на завершающем этапе операции – возвращении русских солдат весной 1749 г. через Чехию и Речь Посполитую в Ливонию. Происходило это при особых обстоятельствах, так как еще на территории Германии умер кн. Репнин. Вся операция по возвращению была прекрасно организована новым командиром корпуса генерал-лейтенантом фон Ливеном и, прежде всего, Ласси, им удалось обеспечить провиантские склады в Польше и Литве⁴⁸.

Приготовление материально-технического обеспечения для корпуса, возвращающегося из Чехии, стало для Ласси последним большим заданием. Серьезная болезнь привела к тому, что в 1750 г. он ограничил свою активность в общественной жизни. В начале 1751 г. он был уже не в состоянии исполнять свои обязанности генерал-губернатора и командующего военными силами, располагающимися в прибалтийских провинциях, а 12 апреля 1751 г. он умер в Риге, где и был похоронен⁴⁹.

---

¹ Например: Бутурлин Д.П. Военная история походов Россиянъ въ XVIII столѣтїи, Ч. 3: Заключающая въ себѣ описаніе Польскої войны съ 1733-го по 1735-й год. СПб., 1823; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки). М., 1958; Баиов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Ч. 1: Первые три года войны. СПб., 1906. Шпитальов Г.Г. Запорозьке військо в російсько-турецькій вій-

ні 1735–1739 років. Запоріжжя, 2002. Шпилевская Н. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 гг. СПб., 1859. Широкоград А.Б. Северные войны России. Харвест, 2001 (URL: http://militera.lib.ru/h/shirokorad1/5_03.html [05.09.2015]); Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX–XII. М., 2002; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; Анисимов Е. Иван VI Антонович. М., 2008; Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; Щепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758. СПб., 1902; Jarochowski K. Oblężenie Gdańska w roku 1734. Szkic Historyczny // Z czasów saskich spraw wewnętrznych, polityki i wojny. Poznań, 1886; Wodziński A. Gdańsk za czasów Stanisława Leszczyńskiego 1704–1709, 1733–1734. Kraków, 1929; Wodziński A. Oblężenie Gdańska w roku 1733–1734 // Rocznik Gdański. T. 9/10. 1935/1936; Cieślak E. W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk, 1986; Ciesielski T. W obronie Gdańska – działania wojsk polskich na Pomorzu i Kujawach 1733–1734 // Studia Historyczno-Wojskowe. T. 2 / Ред. P. Gawron, K. Bobiatyński, M. Nagielski. Warszawa, 2008; Ense V. von. Leben des Feldmarschalls Jakob Keith. Berlin, 1844; Köster M. Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18 Jahrhundert. Wien, 1986; Benedikt H. Der Pascha Graf Alexander von Bonneval 1675–1747. Graz-Köln, 1959; Nithinen A.L.K. Field-marshal James Keith. Governor of the Ukraina and Finland 1740–1743 // Military Governors and Imperial Frontiers A. 1600–1800. A Study of Scotland and Empires / Ред. A. Mackillop, S. Murdoch. Leiden-Boston, 2003; Sutton J.L. The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession. Lexington, 1980; Tóth F. La Guerre der Russes et des Autrichiniens contre L'Empire Ottoman 1736-1739. Paris, 2011.

² Вильямитская война (англ.)

³ Дикий гусь (англ.)

⁴ Дикие гуси (нем.)

⁵ Harvey K.J. The Wild Geese in the Service of Imperial Austria: Capitan John Bellew // The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland. Vol. 118. 1988. С. 5–12; O'Callaghan J.C. History of the Irish Brigades in the service of France, from the Revolution in Great Britain and Ireland under James II to the Revolution in France under Louis XVI. Glasgow, 1885; D'Alton J. Illustrations, historical and genealogical, of King James's Irish army list, 1689. London, 1855; Die Wildgänse. Irische Soldaten im Dienste der Habsburger. Wien, 2003.

⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. 12-й генерал-фельдмаршал граф Ласси // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Ч. 1–2. М., 1991 (<http://militera.lib.ru/bio/bantysh-kamensky/14.html> [12.05.2012]); Русский биографический словарь (РБС). Т. 10: Лабзина-Ляшенко. СПб., 1914. С. 80–86. Вечный шеф 1-го пехотного Невского полка, генерал-фельдмаршал граф Петр Петрович Ласси. Статья из Русского Биографического Словаря с Официальной интернет-страницы потомков чинов и ревнителей памяти полка (<http://nevsky-polk.narod.ru/lassi.html> [12.05.2012]). Шишов А.В. Знаменитые иностранцы на службе России. М., 2001. С. 262–305; Соловьев Б.И. Генерал-фельдмаршалы России. Ростов-на-Дону, 2000. С. 77–84. Ciesielski T. Irlandczyk w służbie carskiej. Piotr Lacy – feldmarszałek i generał-gubernator Inflant // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej

Rzeczypospolitej. Т III: Inflanty polskie / Ред. W. Walczak, K. Łopatecki. Białystok, 2012. С. 227–265.

⁷ O'Callaghan J.C. History... С. 482; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 228.

⁸ O'Callaghan J.C. History... С. 482; Татарников К.В. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. М., 2015. С. 33; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 229.

⁹ Шишов А.В. Знаменитые иностранцы... С. 263; O'Callaghan J.C. History... С. 482; Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 33; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 229. Братья Петра остались во французской армии и, вероятно, погибли на службе Людовика XIV в войне за Испанское Наследство.

¹⁰ O'Meara P.J. Field marshal Peter Lacy: an Irishman in eighteenth-century Russia // International Conference on Scotland and Russia in the Enlightenment, Edinburgh, Scotland, 1–3 September 2000. С. 83. (<http://dro.dur.ac.uk/686/1/686.pdf?DDD36+dml4haf+dac0hsg> [12.02.2012]); Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 33; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 229–230.

¹¹ Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 33; Шишов А.В. Знаменитые иностранцы... С. 262; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 230.

¹² Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 34–36; РБС. Т. 10. С. 80–86; Смирнов С.С. Генералы-иностранцы на русской службе в последние годы правления Петра I // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. СПб., Декабрь 2006. СПб., 2007. С. 316–317; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 230–264.

¹³ Cook J. Voyages. Edinburgh, 1770. Vol. 2. С. 27–30; The memoirs of Catherine the Great / Ed. D. Maroger. Virginia, 1955. С. 55; РБС. Т. 10. С. 84; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». С. 295, 335–336, 338; O'Meara P. Field marshal Peter Lacy. С. 88; O'Callaghan J.C. History of the Irish Brigades. С. 494; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 251–252.

¹⁴ Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35.

¹⁵ Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35. Действия российских войск на территории Великого Княжества Литовского и Курляндии: Ciesielski T. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1701–1709 w świetle litewskiej i polskiej literatury pamiętnikarskiej // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: К 300-летию со дня битвы при д. Песная. Международная научно-практическая конференция 4 октября 2008 г. / Ред. Л.И. Будкова. Могилев, 2008. С. 364; Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne za Piotra I. Kraków, 2010. С. 318–323.

¹⁶ Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35.

¹⁷ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. С. 123–125; Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35; Ciesielski T. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim... С. 364–366; Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne... С. 323–328.

¹⁸ Полтавская битва 27 июня 1709 года. Документы и материалы / Ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2001. С. 246 (№ 187), 250 (№ 192); Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35; O'Meara P.J. Field marshal Peter Lacy... С. 83; Шишов А.В. Знаменитые иностранцы. С. 263–265; РБС. Т. 10. С. 80; Ciesielski T. Działania wojenne w Wielkim Księstwie Litewskim... С. 368; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 231–232.

¹⁹ Полтавская битва... С. 451 (№ 337); Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35; O'Meara P.J. Field marshal Peter Lacy... С. 84; Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne... С. 344.

- ²⁰ Rachuba A. Sapieha Jan Kazimierz // *Polski Słownik Biograficzny*. Kraków, 1994. Т. 35. С. 8.
- ²¹ Татарников К.В. Офицерские сказки... С. 35; Сѣверная война на Ингерманландскомъ и Финляндскомъ театрахъ въ 1708–1714 г. (Документы Государственного Архива) / Изд. А.З. Мышлаевскій. СПб., 1893 (Сборник Военно-Историческихъ матеріаловъ, выпускъ V-й). С. 277; Сборник императорскаго русскаго историческаго общества (СИРИО), СПб., 1888, Т. 61. С. 568, 572, 582; Шишов А.В. Знаменитые иностранцы... С. 267–268; O'Meara P.J. Field marshal Peter Lacy... С. 84; Krokosz P. Rosyjskie siły zbrojne... С. 366.
- ²² Смирнов С.С. Генералы-иностранцы... С. 315; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 233–234.
- ²³ Бантыш-Каменский Д.Н. 7-й Генерал-Фельдмаршал Граф Сапега // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. М., 1991 (URL: <http://militera.lib.ru/bio/bantysh-kamensky/09.html> [24.12.2015]); Rachuba A. Sapieha Jan Kazimierz... С. 7–12; Kriegseisen W. Diariusz petersburskiej podróży Jana i Piotra Sapiehów z 1726 roku // *Wiek Oświecenia*. 1993. № 9. С. 55–63; Macuk А. Ян Сапега в общественно-политических процессах Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и России в первой трети XVIII в. // Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2003. Ч. 3. С. 38–46. В Петербурге поговаривали, что командиром корпуса, который должен был выдвинуться на север Германии, что, несомненно, было ганноверским направлением, должен был стать «генерал Гессен». Вероятно, в виду не имелся бывший в России с 1723 г. кн. Людвиг Вильгельм фон Гессен-Гомбургский, которому тогда было не более 22 лет, и который стал генерал-майором только под конец 1727 г.: AGAD. Archiwum Roskie. Korespondencja. Pudło LV/20. С. 231–246.
- ²⁴ СИРИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 264, 358, 408, 411, 520; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов.... С. 39, 42, 44–45; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 234–235.
- ²⁵ Biblioteka im. Książąt Czartoryskich w Krakowie. Д. 2648. Л. 471.
- ²⁶ Шишов А.В. Знаменитые иностранцы... С. 271; Щевальскій П.К. Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи 1726–1727. М., 1860. С. 63–65; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 113–114; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов.... С. 55; Jarochoowski K. *Gazeta Berlińska (Vossa) jako materiał do dziejów polskich w XVIII wieku* // Jarochoowski K. *Opowiadania i studia historyczne*. Poznań, 1863. Т. 2. С. 220–286; Strohm K. *Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtropolitik im Ancien Régime*. Berlin, 1999. S. 93–117; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 234–236.
- ²⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. 7-й Генерал-Фельдмаршал Граф Сапега...; Rachuba A. Sapieha Jan Kazimierz... С. 10–11.
- ²⁸ СИРИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 563; СИРИО. СПб., 1898. Т. 101. С. 121; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов.... С. 65, 70; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 237.
- ²⁹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 175–175.
- ³⁰ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 511; Ley F. *Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle*. Paris, 1959. С. 53. Миних служил в польской армии в 1717–1719 гг. в ранге генерал-майора и командира гвардии, а также неофициального коменданта Варшавы: Российский Государственный Военно-Исторический Архив, Москва (РГВИА). Ф. 20. Д. 108, 112; Ciesielski T. *Armia koronna w czasach Augusta III*. Warszawa, 2009.

- ³¹ СИРИО. СПб., 1889. Т. 66. С. 557, 660; СИРИО. Юрьевъ, 1899. Т. 106. С. 90; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов.... С. 103–107.
- ³² РГВИА. Ф. 20. Д. 49. Ч. 1. Л. 12.
- ³³ РГВИА. Ф. 114. Д. 30. Л. 1–8; Kriegsarchiv, Wien (KA), Alte Feldakten (AFA), 425; Operationsjournale der Russischen Heersleitund 31 VII-1 X 1733; СИРИО. Т. 106. С. 376–377, 382–383, 391–393, 397; Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 19–25.
- ³⁴ Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Д. 3605, Л. 3–3 v; «Gazeta pisana [Andrzeja Cichockiego]...», Warszawa 1.X.1733, AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie (AR). Dz. XXXIV. Д. 351, С. 17; Dygdała J. Przygotowania stronników Stanisława Leszczyńskiego do obrony Rzeczypospolitej w bezkrólewiu 1733 roku // Między Barokiem a Oświeceniem. Wojny i niepokoje czasów saskich / Ред. Stachiewicz K., Achremczyk S. Olsztyn, 2004. С. 44.
- ³⁵ «Тебя, Бога, хвалим» (лат.)
- ³⁶ AGAD. AR. Dz. VI. 80a. С. 595–597; РГВИА. Ф. 114. Д. 30. Л. 8; КА. АФА. 425, 5 X 1733; Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 19–25; Российская Национальная Библиотека, СПб. Ф. 971. Оп. 2. АД, 129. Л. 3–4 об.; Российский Государственный Архив Древних Актов. Москва. Ф. 20. Оп. 1. Д. 89; H.W. Wilczek do Karola VI, Warszawa 5.X.1733, Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien (HHStA). Polen II. Д. 10, Л. 60; Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 25; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 239.
- ³⁷ Осада и захват русскими Гданьска: Атака Гданска фельдмаршаломъ Минихомъ 1734 года. Сборникъ реляцій графа Миниха / Изд. Д.Ф. Масловский. М., 1888, passim; Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 42–95; Duisburg F. K.G. Geschichte der Belagerungen und Blockaden Danzigs von des frühesten bis auf gegenwärtige Zeit. Danzig, 1808; Jarochowski K. Oblężenie Gdańska...; Wodziński A. Gdańsk za czasów...; Wodziński A. Oblężenie Gdańska...; Cieślak E. W obronie...; Sutton J.L. The King's Honor... С. 61, 112–134.
- ³⁸ Ciesielski T. W obronie Gdańska... С. 190–192; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 240–241; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов.... С. 130.
- ³⁹ Центральный державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАУК). Ф. 49. Оп. 1. 1521. Л. 5, 18; Атака Гданска..., С. 90–91, 263–264; Бутурлин Д.П. Военная история... С. 80–84; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов.... С. 130; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 241.
- ⁴⁰ РБС, т. 10. С. 82; Вечный шеф 1-го пехотного Невского полка; Cieślak E. W obronie tronu... С. 157; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 241.
- ⁴¹ AGAD. Archiwum Publiczne Potockich. Д. 169. С. 129–135, 159, 322–324, 357–360, 363–364, 390–392, 418; РГВИА. Ф. 114. Д. 30. Л. 108–112; КА, АФА, 425, VII-XI 1734; HHStA Wien, Polen II. Д. 10, 661–823; Архив Внешней Политики Российской Империи, Москва (АВПРИ). Ф. 80. Д. 232. Л. 61, 96; Д. 252, Л. 31; Korespondencja Józefa Andrzeja Załuskiego 1724–1736 / Oprac. Kupś B.S., Muszyńska K. Wrocław, 1967. С. 189. Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 85; Truchim S. Konfederacja dzikowska. Poznań, 1921. С. 71.
- ⁴² СИРИО. Юрьевъ, 1900. Т. 108. С. 481–483; Ciesielski T., Działania zbrojne w rejonie Krakowa w trakcie polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735 // Studia Historyczne. R. LII, 2009. Z. 3–4. С. 219; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 241–242.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 114. Д. 30. Л. 112–127 i КА, АФА, 425; HHStA Wien, Polen II, Д. 14. Л. 161, 194, 244 об., 258–264, 295, 329; Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 94–101; Schuster O., Francke F.A. Geschichte der Sächsischen Armie. Leipzig,

1885. Th. 1. С. 217; Krell A. Herzog Johann Adolf II von Sachsen-Weissenfels. Greiswald, 1911. С. 28–29; Hubert L. Adam Tarło, wojewoda lubelski // Hubert L. Pamiętniki Historyczne, Warszawa, 1861. Т. 1. С. 191–193; Ciesielski T. Działania zbrojne... С. 220–221; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 243.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 80. Д. 264; Д. 266. Л. 305; СИРИО, Юрьевъ, 1901. Т. 111. С. 151; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 152; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 244.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 80. Д. 264; Д. 266; HHStA Wien, Polen II, Д. 14. Л. 453–455; СИРИО, Т. 111. С. 73–74, 262–263, 385; Манштейн Х.Г. Записки о России // Перевороты и Войны. М., 1997. С. 67–85; Мюних Е. Записки // Перевороты и Войны... С. 356–357, 359; Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. Edinburgh, 1778. Т. 1. С. 197–198; Масловский Д.Ф. Всеподданейшие донесения графа Миниха. Часть 1. Донесения 1736–1737 // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 10. СПб., 1897; Бантыш-Каменский Д.Н. 12-й генерал-фельдмаршал граф Ласси...; Вечный шеф 1-го пехотного Невского полка...; Бутурлин Д.П. Военная история... Ч. 3. С. 105; Баиов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Ч. 1: Первые три года войны. СПб., 1906. С. 181–297; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки). М., 1958. С. 247–250; Шпитальов Г.Г. Запорозьке військо... С. 27–29; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов... С. 194–195, 197, 199–200, 202; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 154–172, 195, 200; Шишов А.В. Знаменитые иностранцы... С. 277, 280–282; Köster M. Russische Truppen... С. 147–170, 216–248; O'Callaghan J. C. History of the Irish Brigades... С. 484–486; R. Wills, The Jacobites. С. 191–194; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 244–245.

⁴⁶ Ciesielski T. Irlandczyk... С. 246–250, 252–256.

⁴⁷ Там же. С. 258–259.

⁴⁸ Щепкин Е.Н. Русско-австрийский... С. 64 и далее; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 332–335, 352–359; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 260–262.

⁴⁹ Cook J. Voyages. Т. 2. С. 617–622; Ciesielski T. Irlandczyk... С. 262.

И.П. Цуканов (Курск)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны никогда не изгладятся из памяти людей. Народный подвиг тех лет всегда будет служить для новых поколений граждан России примером самоотверженной преданности Родине, мужества и стойкости в борьбе за свою землю, умения не падать духом и побеждать самые тяжкие трудности даже тогда, когда они кажутся непреодолимыми.

Для объективного анализа работы общественности по сбору материалов о Великой Отечественной войне в период 1941–1945 гг. не хватает данных – как статистических, так и примеров практической деятельности. По-видимому, никогда не удастся выяснить полную картину состояния дел в этот период.

Большое место в научно-исследовательской работе музеев в военные годы занимали вопросы, связанные с комплектованием фондов материалами о войне. Первый раз эта задача была поставлена перед ними в обращении Наркомпроса РСФСР (в ведении которого тогда находились музеи) «Ко всем работникам музеев» от 15 июля 1941 г. В документе было отмечено, что «одной из важнейших работ музеев является систематическое собирание материалов, отражающих героическое настоящее нашего народа». Были названы и возможные предметы сбора: плакаты, лозунги, вырезки, фотографии, письма. Более подробно этот вопрос разбирался в письме Наркомпроса за № 170 от 15 ноября 1941 г. «О сборе материалов Великой Отечественной войны», в котором еще раз предлагалось немедленно организовать сбор

материалов о войне для пополнения основных фондов. Круг их несколько расширялся: кроме печатной продукции предлагалось собирать художественные произведения (живопись, графику, скульптуру), трофеи.

18 июня 1942 г. вышла инструкция Наркомпроса и НИИ краеведческой и музейной работы «О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны». В ней подчеркивалось, что перед музеями «стоит почетная обязанность – собрать и сохранить для потомства материалы и документы о Великой Отечественной войне». В инструкции рассматривались вопросы организации работы по комплектованию фондов, указывалось, что возглавить ее должны местные отделы народного образования. В ней также назывались предметы собирательства, обращалось внимание на сбор материалов о земляках, отличившихся в боях¹.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб музейному делу в нашей стране. Были разграблены или уничтожены тысячи ценнейших памятников материальной культуры, хранившихся в музеях. По неполным данным из 384 музеев, входивших в систему Наркомпроса РСФСР (без Москвы и Ленинграда), продолжал работать всего лишь 121 музей².

В эти годы шла работа по созданию выставок-передвижек, накоплению фактического материала. Выставки, посвященные Великой Отечественной войне, в течение 1941 г. проходили в Москве, Ленинграде, Архангельске, Горьком, Иванове, Йошкар-Оле, Иркутске, Краснодаре, Красноярске, Тамбове, Улан-Удэ, Чебоксарах, Чите, Якутске, Тбилиси, Фрунзе, Ереване.

К 1942 г. относится организация первых выставок трофеев. Так, на открывшейся в феврале 1942 г. в Государственном музее революции СССР выставке «Героический путь Красной Армии» были представлены образцы трофейного оружия, а во дворе музея выставлены немецкий танк и бомбардировщик «Ю-88». В том же году музей организовал специальную выставку «Трофеи советских войск». Демонстрация трофейных экспонатов способствовала увеличению интереса посетителей и посещаемости выставок³.

На своих выставках о войне музеи стремились экспонировать то, что могло оказать на посетителей особенно сильное воспитательное воздействие. Ярким примером этого является созданная

при участии ЦК ВЛКСМ в залах Государственного исторического музея выставка «Комсомол в Великой Отечественной войне» (1942 г.). Здесь все призывало к борьбе с врагом: комсомольский билет Александра Матросова, личные вещи юных подпольщиков и партизан Зои Космодемьянской, Александра Чекалина, Наталии Ковшовой, Михаила Сильницкого, Ольги Ржевской, дневники воинов, орденские книжки, фронтовые фотографии, материалы, рассказывающие о трудовом подвиге советской молодежи⁴.

Выставки военного времени способствовали созданию в музеях новых разделов по темам Великой Отечественной войны. Очень часто они становились основой будущих постоянных экспозиций. В сентябре 1943 г. в Москве в ГИМе открылась выставка «Белоруссия живет, Белоруссия борется», организованная этим музеем по инициативе ЦК Компартии Белоруссии. В ноябре 1944 г. сразу же после изгнания фашистских оккупантов с территории республики эта выставка, пополненная большим количеством материалов о партизанской борьбе, легла в основу еще более крупной выставки «Вооружение белорусских партизан», открытой в Минске, которая, в свою очередь, постоянно продолжала расширяться за счет новых разделов. Впоследствии она явилась базой для создания Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

В последние годы войны по инициативе фронтов и активной помощи Центрального музея Красной Армии (ЦМКА) стали создаваться фронтовые выставки. Сотрудники этого музея собирали с помощью политуправлений материалы в воинских частях и соединениях и сразу же монтировали выставки. Такие выставки производили глубокое впечатление на воинов, т.к. передавали не только ощущение боя, но и раскрывали сущность того, что происходило на данном участке фронта, объясняли, какое место этот участок занимает в борьбе с врагом. С такими выставками знакомились солдаты и офицеры Западного, Воронежского, 4-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, участники штурма Берлина⁵.

Остановимся на одной из них – выставке Карельского фронта, посвященной победе наших войск на реке Свирь и освобождению Карелии. Она занимала территорию в 30 га, которая силами воинов и жителей г. Лодейное Поле была превращена в парк.

Здесь были сохранены советские оборонительные укрепления. Открытие выставки состоялось в декабре 1944 г. Позже она стала филиалом ЦМКА. Силами политработников 1-го Белорусского фронта, находившихся в его войсках художников, музейных специалистов, при содействии ЦМКА в 1944 г. была создана выставка «Боевой путь 1-го Белорусского фронта»⁶.

За годы Великой Отечественной войны музеи создали тысячи самых разных выставок. Вот только некоторые цифры: Государственным музеем Революции СССР было проведено 277 выставок, Ивановским краеведческим музеем – 30, Нижне-Тагильским – 50, Свердловским – 40, музеем М.В. Фрунзе в г. Шуе – 29⁷.

Большинство выставок военного времени освещали основные победы советских войск на фронтах, историю защиты Советского государства, устраивались также выставки к годовщинам Октябрьской революции, но все они имели ярко выраженную военную направленность.

Одной из труднейших задач в условиях войны стал для музеев и архивов сбор памятников материальной и духовной культуры, особенно материалов о Великой Отечественной войне. Артиллерийский исторический музей (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) стал инициатором подготовки приказа Наркома обороны, обязавшего командиров соединений и частей действующей армии и партизанских отрядов оказывать музеям помощь в сборе материалов. Руководствуясь этим приказом, музей только за первое полугодие 1941 г. собрал до 10 тыс. памятников войны.

Собирательскую работу непосредственно на фронтах вел Центральный музей Красной Армии. Начиная с 1941 г. его сотрудники побывали на Западном, Брянском, Воронежском, Юго-Западном, Южном, 1-м Прибалтийском и других фронтах⁸. Музеи, воссозданные на освобожденных территориях, целенаправленно занимались сбором писем с фронта, материалов о партизанском движении, о зверствах немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях.

В январе 1942 г. Управление начальной и средней школы Наркомпроса РСФСР направило в регионы инструктивное письмо «Об экскурсионно-туристической работе с детьми в 1942 году», в котором отмечалось, что по инициативе Центральной детской

экскурсионно-туристической станции (ЦДЭТС) в республике проводятся: «сбор биографических данных о героях Великой Отечественной войны... (в виде записей рассказов о прошлом героев, фото, зарисовок)..., сбор юными туристами исторических данных о войне на путях разгрома фашистских захватчиков: запись рассказов о боевых эпизодах, о жизни под игом гитлеровских банд, описание произведенных врагом опустошений, его изгнания, восстановительных работ, зарисовка следов войны, сбор... исторического материала о единстве фронта и тыла, обеспечивающем победу над врагом». Было поручено внешкольным учреждениям на местах продолжить в 1942 г. начатую в 1941 г. экспедицию пионеров и школьников по изучению своего края «Наша Родина», основной целью которой должно было стать изучение героической борьбы страны с фашизмом⁹. «Сбор материалов о Великой Отечественной войне советского народа с германским фашизмом может вестись повсеместно... То, что сейчас так свежо в памяти очевидцев и участников событий, что не изгладилось на самой поверхности земли (например, разбитые немецкие доты, дзоты и другие укрепления и пр.), ... может и должно быть максимально зафиксировано для истории», – было написано в одной из методичек того времени для юных краеведов¹⁰.

В период войны в школах получили распространение такие формы краеведческой работы как: подготовка стендов, отражающих ход боевых действий, выпуск стенгазет и «боевых листков». Создание галерей «Они учились в нашей школе», многие школы вели переписку с фронтовиками. В «Учительской газете» была открыта специальная рубрика «Расскажем родителям-фронтовикам об их детях» (1944 г.). В 1945 г. состоялась экспедиция юных историков Московского Дома пионеров «По следам Великой Отечественной войны» (рук. А.Ф. Родин)¹¹.

В Центрально-Черноземном регионе (ЦЧР) развитию движения по изучению истории Великой Отечественной войны способствовало то, что в 1941–1943 гг. он стал ареной жестоких сражений, в том числе Курской битвы, и массового сопротивления захватчикам, был одним из наиболее пострадавших от оккупационного режима. От захватчиков пострадали областные и районные краеведческие музеи, ДЭТС, дома пионеров, школы.

Ушли на фронт краеведы-учителя, методисты, музейные работники, была разрушена материальная база, собранные юны-

ми краеведами материалы и личные архивы многих руководителей краеведческих кружков сгорели в войне, прекратили существование некоторые ДЭТС, в том числе Воронежская и Курская (восстановлены в 1946 и 1954 гг. соответственно). Трагичной оказалась судьба школьных музеев. Многие из них бесследно исчезли, ведь в России около 20 тыс. школьных зданий было уничтожено в ходе боевых действий, сами школьные здания, по понятным причинам, часто использовались не по прямому назначению (госпитали и др.).

Первоочередной задачей музеев ЦЧР стала задача активизировать собирательскую работу, ведь большая часть фондов была утрачена. Курский краеведческий музей в сложных условиях военного времени развернул работу среди населения по сбору первоисточников о военных действиях Красной Армии на территории Курской области, о партизанском движении. Все это обусловило интерес к изучению военной истории.

В первые месяцы после освобождения Курской области учащиеся вели сбор экспонатов для государственных и школьных музеев: на местах недавних боев собирали сведения о советских воинах, погибших при освобождении городов и сел, о героизме выпускников родных школ в период боев за Родину и на трудовом фронте.

Школьники Поньоровского и Прохоровского (ныне Белгородская обл.) районов оказали помощь сотрудникам Курского областного краеведческого музея, выезжавшим в экспедиции для сбора личных вещей погибших бойцов и командиров, образцов оружия, осколков снарядов и мин. Так, с помощью старшекласников Поньоровского района музейная экспозиция пополнилась противотанковым орудием, из которого 8 июля 1943 г. на Тепловских высотах замковый 7-й батареи Н.С. Гаврилов подбил немецкий танк «Тигр». Летом 1944 г. в областном краеведческом музее работали выставки: «Курск в период немецкой оккупации» и «Героическая борьба курских партизан в тылу врага», которые посетили сотни учащихся курских школ¹². В школе № 4 г. Курска были оформлены первые материалы о жизни и подвиге выпускника школы Героя Советского Союза Н.Г. Пигорева, установлена постоянная связь с семьей героя. В школах Горшеченского и Дмитриевского районов были подготовлены рукописные журналы, на страницах которых школьники рас-

сказывали о событиях военного времени, партизанском движении и участии в нем молодежи, в т. ч. старшеклассников местных школ. Учащиеся Дмитриевской школы выпустили рукописный сборник «Пережитое», в нем были разделы «Суровые дни», «Эвакуация», «Враг пришел», «Народные мстители», «Уничтожение немецкого гарнизона», «Вести с большой земли», «Партизанка Вера Терещенко», «Последние дни немецкой оккупации», «Освобождение», «Снова в родной школе». Во многих школах были созданы историко-краеведческие кружки¹³.

31 января 1945 г. Бюро Курского обкома ВЛКСМ приняло постановление о создании при райкомах и горкомах комсомола групп по сбору документов и материалов об участии комсомольцев и молодежи Курской области в Великой Отечественной войне. Был организован областной комитет по сбору и обобщению материалов. В 1945 г. научными сотрудниками Курского областного краеведческого музея были разработаны инструкции для сбора предметов, которые были розданы не только музейным работникам, но и во многие школы и учреждения культуры¹⁴.

Мы все в неоплатном долгу перед погибшими на фронтах, в партизанских отрядах, в фашистских концентрационных лагерях, умершими от ран, перед теми, кто, отдавая последние силы, умер от голода и перенапряжения в холодных заводских цехах. Их подвиг сейчас увековечен многочисленными мемориалами, памятниками, монументами и обелисками на нашей земле и за ее пределами. В граните и бронзе запечатлена история борьбы советского народа против фашизма.

Увековечение памяти погибших началось еще во время войны. Сохранить память о важнейших сражениях стремились, прежде всего, сами воины, а также местные органы власти. Например, 6 июля 1943 г. городской комитет обороны Сталинграда принял постановление об охране и реставрации памятников битвы на Волге. 26 и 30 ноября 1943 г. в Поныровском районе Курской обл. у с. Теплое и в 4 км севернее п. Поныри были открыты памятники героям-артиллеристам 3-й гвардейской истребительной противотанковой бригады и героям-саперам 1-й гвардейской инженерно-саперной бригады, участвовавшим в боях на Северном фесе Курской дуги. Памятники были сооружены по решению Военного Совета Центрального фронта специ-

альной командой военных саперов с участием молодежи Поньровского района. Они стали первыми памятниками в честь героев Великой Отечественной войны, построенными на территории Курской области¹⁵.

Первый памятник погибшим партизанам руководство Дмитриевского района Курской области открыло также в ноябре 1943 г. Проект памятника был разработан учителем рисования Дмитриевского педагогического училища Л.А. Праведниковым. Памятник представлял собой четырехугольный пьедестал, на лицевой и боковой сторонах которого были начертаны фамилии погибших бойцов и командиров партизанского отряда. На пьедестале возвышалась вырезанная из толстых досок фигура партизана, бросающего гранату. Сзади помещалась пятиконечная звезда, обитая железом. На белой ленте, исполненной из железа, имелась надпись: «Смерть немецким захватчикам!». В августе 1944 г. в с. Ивановское Рыльского района был открыт памятник Герою Советского Союза саперу Александру Федоровичу Патракову (1910–1943)¹⁶.

12 декабря 1943 г. воины 19-й танковой бригады установили в городе Калач танк «Т-70» в память окружения сталинградской группировки гитлеровцев. Это был первый памятник героям Сталинграда. 7 июня 1944 г. один из проектов военного времени был осуществлен в г. Невеле Псковской области, где открыт памятник советским воинам-освободителям. В 1944 г. было принято, а позднее осуществлено решение о сооружении памятников в Ленинграде, Ораниенбауме, Петродворце, на Пулковских и Синявинских высотах и других местах битвы за Ленинград¹⁷.

После окончания Великой Отечественной войны в стране начался новый этап в развитии общественного краеведческого движения – изучение событий прошедшей войны, установление судеб защитников Отечества и увековечение их памяти. В первые послевоенные годы начались поиски наиболее эффективных форм и методов краеведческой работы. В это же время начинают возникать первые послевоенные школьные музеи.

В Черноземье был восстановлен краеведческий кабинет в Валуйской школе № 1 (ныне Белгородская обл.), открытый еще в 1937 г., в котором были собраны материалы о борьбе местного населения с немецко-фашистскими захватчиками. В 1948 г. была создана краеведческая комната в Бегощанской семилетней

школе Крупецкого района Курской области, на базе которой в 1951 г. открыли школьный музей, где имелся раздел «Бегощане в Великой Отечественной войне». В 1949 г. в кабинете истории Свободинского специального ремесленного училища № 1 Курской области был оборудован краеведческий уголок, для которого по воспоминаниям старожилов п. Свобода была изготовлена схема расположения Командного пункта Центрального фронта в 1943 г., собраны экспонаты, материалы и воспоминания жителей о Великой Отечественной войне.

В 1951 г. был создан музей в Ново-Курлакской школе Аннинского района Воронежской области, в 1953 г. – музей боевой и трудовой славы Тербунской школы Тербунского района (ныне Липецкой области) и музей в Платоновской школе Рассказовского района Тамбовской области, где также были разделы «Односельчане в годы Великой Отечественной войны»¹⁸. Однако в первые послевоенные годы школьные музеи создавались лишь в немногих школах.

В 1946 г. ЦДЭТС и газета «Пионерская правда» объявили массовое путешествие пионеров и школьников по родному краю. Количество школьников, принимавших участие в этом путешествии, с каждым годом росло: в 1946 г. – 1 млн. чел., в 1947 г. – 3 млн. чел., в 1948 г. – 6 млн. чел., в 1949 г. в походы и экскурсии было вовлечено до 5 млн. чел. Участникам путешествия предоставлялся широкий выбор тематики краеведческих исследований, при этом акцентировалось внимание на выявлении новых исторических данных, объектов природы, памятников истории и культуры. Одной из задач похода было создание при школах краеведческих музеев. Путешествие оказалось чрезвычайно популярным среди педагогов и школьников. В ходе экспедиции в редакцию газеты «Пионерская правда» поступили донесения о выполнении краеведческих заданий от 1938 отрядов юных краеведов¹⁹.

В «Материалах по изучению родного края пионерами и школьниками», подготовленных ЦДЭТС в 1948 г., было рекомендовано изучение истории Великой Отечественной войны, участия в ней местного населения на фронте, в тылу, в партизанских отрядах, разрушений и зверств, произведенных захватчиками, подвигов местных героев фронта и тыла, восстановления разрушенного хозяйства²⁰.

1950-е гг. для детского туризма и краеведения были годами массового распространения и бурного развития. Это связано, главным образом, с приходом в школы бывших фронтовиков, которые стали организовывать походы и экскурсии по местам сражений Великой Отечественной войны, приобщать воспитанников к подвигам народа. При этом военно-историческим музеям и исследованиям в этой области государством не уделялось повышенного внимания. Постепенно ситуация стала меняться, Герои прошедшей войны без особых указаний и директив сверху посчитали необходимым увековечить память о героических днях. Слишком велико было значение этого события и велико желание многочисленных ветеранов запечатлеть по-своему трагические страницы военных лет. Во многом благодаря ветеранам в школах стали появляться музеи боевой славы. Как правило, это были экспозиции, посвященные частям и соединениям, которые защищали или освобождали данную местность. В этом проявилась качественно новая ситуация, сложившаяся в школьном краеведении во второй половине XX в. По ориентировочным подсчетам сотрудника ЦДЭТС А.И. Персина каждый третий музей в школах России в середине 1960-х гг. был связан с темой Великой Отечественной войны. Эта тенденция устойчиво продолжала сохраняться и в последующие десятилетия²¹.

В 1951 г. одним из первых в Воронежской области был открыт музей в Ново-Курлакской школе Аннинского района, его основал участник Великой Отечественной войны, учитель географии А.И. Щербаков. В том же году фронтовик, учитель истории Г.Р. Лемешев основал музей в Бегощанской семилетней школе Крупецкого района Курской области²². С 1953 г. стал водить в походы по местам боев на Курской дуге школьников Нижнесмородинской школы Поньровского района Курской области участник Великой Отечественной войны учитель географии Н.И. Калужских. Он знакомил учащихся с событиями, которые происходили на территории Курской области в годы войны, рассказывал о героических подвигах земляков. Юные краеведы собирали материал об истории местной партийной организации, о первых комсомольцах, писали «Летопись славы» и гордились тем, что два Героя Советского Союза – Николай Алексеевич Вялых (1918–1943) и Иван Павлович Шитиков (1923–1995) – в 1930-е гг. были учащимися их школы²³.

К началу 1950-х гг. широкое распространение в Курской области получили походы и экскурсионные поездки школьников по местам сражений на Курской дуге и районам боевых действий партизан: в Поныри, Прохоровку, Дмитриев, Льгов, Михайловку. Краеведение становилось характерной особенностью работы школ Курской области по воспитанию учащихся, способствовало расширению их кругозора, углублению и концентрации знаний по истории своей страны. Работа юных краеведов имела не только познавательную, но и нередко социально полезную направленность: школьники ухаживали за могилами павших в годы Великой Отечественной войны, оказывали посильную помощь инвалидам, вдовам и детям погибших.

В 1955 г. ЦДЭТС и газета «Пионерская правда» объявили пионерскую экспедицию под девизом «Дороги зовут» по изучению школьниками родного края, приобщению к труду взрослых. Экспедиция должна была объединить туристские походы и краеведческую работу, проводившуюся с поисковой и исследовательской целью. Задания экспедиционным отрядам дали Академия наук СССР, Музей революции СССР, Министерство культуры СССР, местные научные и хозяйственные учреждения. Одним из заданий экспедиции был «сбор сведений по истории своего села, района, о выдающихся людях прошлого и настоящего, об участии населения в борьбе против иноземных захватчиков, о народных восстаниях, революционном движении, социалистическом строительстве»²⁴.

Воронежская ДЭТС рекомендовала школам провести походы не только по изучению природы, полезных ископаемых, социалистического строительства, но и по местам боев в период Великой Отечественной войны. Более 200 дружин, отрядов, туристских и краеведческих кружков приняли участие в экспедиции²⁵.

В отчете Курской ДЭТС за 1955 г. указано, что летом этого года в Курской области были проведены походы по местам боев Великой Отечественной войны и партизанского движения. Воспитанники Курского дворца пионеров под руководством Р.В. Богачева совершили 10-дневный поход по маршруту Курск – Льгов – Марьино – Рыльск – Хомутовка – Калиновка – Дмитриев – Фатеж – Курск. В пути они осмотрели исторические места и достопримечательности, приняли участие в уборке сена, познакомились с партизанским движением в Хомутовке в

годы войны и встретились с его участниками, в Дмитриеве посетили краеведческий музей.

В Фатежском районе было проведено 43 похода по изучению своего края, среди них велосипедный поход по северному фасу Курской дуги (Фатеж – Поныри – Фатеж). Школьники Ленинского (сельского) района совершили экскурсии в Сталинград, где посетили музей обороны Царицына-Сталинграда и места боев 62-й и 64-й армий. В Курской области в походах по изучению родного края участвовало 1682 чел., а всего в туристско-экскурсионных мероприятиях – 7631 чел. Походы и экскурсии были описаны, сделаны альбомы и карты. С 1955 г. ОблОНО ежегодно разрабатывал маршруты экскурсий и походов школьников по местам исторических событий. Школьники-краеведы вели работу по заданиям центральных и областного музеев, собранные материалы передавались на хранение в областной архив и областной краеведческий музей²⁶.

Надо отметить, что в 1950-е гг. в работе по изучению событий Великой Отечественной войны произошли качественные изменения. Наряду с увековечением памяти героев и участников войны осуществлялось исследование военных событий. Начало этому важному делу положили статьи и книги известного писателя-фронтовика Сергея Сергеевича Смирнова (1915–1976)²⁷ о малоизвестных в то время событиях прошедшей войны (оборона Брестской крепости, бои 2-й ударной армии у Мясного Бора и Спасской Полисти Новгородской области), о судьбах пропавших без вести солдат. Главная его заслуга состояла, на наш взгляд, в том, что именно он привлек внимание миллионов людей, партийных и государственных структур к теме «забытых» солдат.

---

¹ Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела XVIII–XX вв. Ч. I. М., 1991. С. 201–202.

² Ушаков А.В. Научно-исследовательская работа музеев исторического профиля. 1917–1959 гг. // Музейное дело в СССР. Музейное строительство в СССР. Вып. 19. М., 1989. С. 60.

³ Семенов Т.Н. Выставочная работа музеев. 1917 – начало 1950-х гг. // Музейное дело в СССР. Музейное строительство в СССР. Вып. 19. М., 1989. С. 117–119.

⁴ Музейное дело в СССР. К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. М., 1985. С. 135.

⁵ Там же. С. 133, 135.

- ⁶ Музей и власть. С. 197; Музейное дело в СССР. К 40-летию Победы. С. 133.
- ⁷ Семененко Т.Н. Указ. соч. С. 120–121.
- ⁸ Музейное дело в СССР. К 40-летию Победы. С. 126–128.
- ⁹ Архив Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения (АФЦ). Оп. 1. Д. 43. Л. 3–4; Из истории детского туризма в России (1918 – 2008 гг.). М., 2008. С. 44–48.
- ¹⁰ Из истории детского туризма в России С. 53–54; Персин А.И. Краеведение и школьные музеи. М., 2006. С. 28–29.
- ¹¹ АФЦ. Оп. 1. Д. 491. Л. 87, 99; Черник С.А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 76.
- ¹² Коровин В.В., Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю., Семенихина Т.С. Путеводная звезда памяти (Деятельность общественных организаций Курской области по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи в 50–90-е гг. XX столетия). Ч. II. Курск, 2009. С. 93–94.
- ¹³ Краеведение в школе (из опыта). Курск, 1950. С. 6; Малые города России. Ч. II. Курск, Рыльск, 2000. С. 22.
- ¹⁴ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П-131. Оп. 1. Д. 105. Л. 234; Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 72. Л. 12.
- ¹⁵ Настоящий патриот ценит свое Отечество... Культурно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание молодежи Курской области (1934–1965 годы). Курск, 2014. С. 300.
- ¹⁶ Там же. С. 303, 304; Золотухин А.Ю. Роль военно-мемориальной работы в общественной жизни Курской области (вторая половина XX – начало XXI веков): Дис. ...канд. ист. наук. Курск, 2013. С. 160, 218.
- ¹⁷ Памяти павших. Великая Отечественная война (1941–1945). М., 2005. С. 156.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 153. Л. 3–14; Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 182. Л. 60–61; Д. 192. Л. 127; Краеведение в школе (из опыта работы). Курск, 1950. С. 69–70; Каталог школьных музеев образовательных учреждений Воронежской области. Воронеж, 2008. С. 6; Школьные музеи. Аннотированный каталог. Тамбов, 2006. С. 26.
- ¹⁹ Из истории детского туризма в России. С. 57, 59; Туманов В.Е. Школьный музей – хранитель народной памяти. М., 2006. С. 23.
- ²⁰ АФЦ. Оп. 1. Д. 59. Л. 59, 69, 86.
- ²¹ Персин А.И. Школьный музей из века в век – итоги и перспективы // Юный краевед. 2013. № 3. С. 6.
- ²² Информация об областном конкурсе на лучшую организацию работы школьных музеев Воронежской области в патриотическом воспитании учащихся // Письмо ГОУДОД «Воронежский областной центр детско-юношеского туризма, краеведения и экскурсий» от 16.11.2007 г. № 184; Большая Курская энциклопедия. Т. 1. Кн. 2. Курск, 2005. С. 20.
- ²³ Калужских Н. Спустя 10 лет // Молодая гвардия. 1953. 19 августа; Он же. 15 лет спустя // Молодая гвардия. 1958. 26 августа.
- ²⁴ АФЦ. Оп. 1. Д. 136. Л. 9; Из истории детского туризма в России. С. 66.
- ²⁵ АФЦ. Оп. 1. Д. 156. Л. 88, 98–99.
- ²⁶ АФЦ. Оп. 1. Д. 159. Л. 1–5; ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 159. Л. 110.
- ²⁷ См.: Смирнов С.С. На полях Венгрии. М., 1954. 216 с.; Он же. Крепость на границе. М., 1956. 96 с.; Он же. Сталинград на Днепре. Очерк Корсунь-Шевченковской битвы. М., 1959. 141 с.; Он же. В поисках героев Брестской крепости. М., 1959. 141 с. и др.

Н.Г. Чигарева (Санкт-Петербург)

**ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ
В ОТДЕЛЬНОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ
БАТАЛЬОНЕ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ
(По воспоминаниям военного врача)**

«**В**СЕ НАПИСАННОЕ не претендует на хронику событий, а имеет целью дать представление об основных событиях так, как автор их переживал, и как они запечатлелись в его сознании». Эти строки написаны полковником медицинской службы, начальником Санитарного отдела 42-й армии Я.А. Борейшей «В блокированном Ленинграде (воспоминания военного врача)»¹. С полным основанием их можно отнести ко всем личным дневникам и воспоминаниям, которые собраны в фондах Военно-медицинского музея. Среди них обращают внимание мемуары подполковника медицинской службы А.И. Иешина².

Автор родился 14 августа 1905 г. в дер. Терешкино Новоторжского района Калининской области (ныне Тверская). После окончания 9-ти классов учился в педагогическом техникуме в г. Торжок. Затем поступил во 2-й Государственный медицинский институт в Ленинграде.

Участник Великой Отечественной войны: 22.06.41–8.09.41 – Северный фронт, 8.09.41–22.02.45 – Ленинградский фронт. Был награжден орденом «Красной Звезды» (3.06.1944), медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией».

28.06.1941 А.И. Иешин был мобилизован Куйбышевским РВК г. Ленинграда, будучи студентом Ленинградского государственного мединститута. Служил врачом медицинского пункта отдельного железнодорожного батальона. Офицерское звание военврача 3 ранга было присвоено 07.01.42; старшего лейтенанта ме-

дицинской службы – 13.03.43, капитана медицинской службы – 30.08.44.

Воспоминания А.И. Иешина посвящены работе медицинского пункта отдельного железнодорожного батальона. Публикуемые фрагменты воспоминаний о различных аспектах работы медицинского пункта охватывают период с 1 июля 1941 г. по март 1945 г.

Медицинский пункт (МП), как военное медицинское подразделение, ведет свое начало от «полкового госпиталя», учрежденного Петром I (Воинский устав 1716 г.). В период с 1869 г. и до Октябрьской революции 1917 г. МП войсковых частей существовал на основе положений, приведенных в статьях 499–526 книги 16-й Свода военных постановлений 1869 г. (93-е изд. 1907 г.). Согласно этим положениям, при каждой войсковой части состоял войсковой лазарет или приемный покой. Войсковые части открывали приемные покои, а не войсковые лазареты, когда часть располагалась в пунктах размещения военных госпиталей или местных лазаретов³.

Во время Великой Отечественной войны медицинский пункт железнодорожного батальона (батальонный медицинский пункт – БМП) был предназначен для оказания доврачебной или первой врачебной (амбулаторной и стационарной) помощи военнослужащим и являлся одним из этапов медицинской эвакуации.

Следует отметить, что железнодорожные войска играли очень важную роль, причем, на Ленинградском фронте медицинское обслуживание железнодорожных войск имело некоторые особенности и специфичность: частая передислокация частей, большая раздробленность и разбросанность личного состава требовали от медицинской службы железнодорожных войск большой мобильности и организованности.

А.И. Иешин отмечал, что штатный состав медицинской службы батальона включал двух врачей, зубного врача, четырех фельдшеров, двух санитарных инструкторов, двух санитаров. По воспоминаниям А.И. Иешина: «первый период (период отступления с 1 июля по 8 сентября 1941 года) железнодорожный батальон выполнял задачу эвакуации... Медицинский состав распределился: (в путевых ротах – фельдшера, в технической роте – санинструктор. На БМП – два врача, зубной врач, фельдшер, санинструктор и два санитар), и в зависимости от постав-

ленной задачи тому или иному подразделению придавались медицинские работники из состава БМП. При БМП был организован стационар на 15 коек, а также имелась санитарная машина. В задачи медицинского пункта входили: своевременное обеспечение медицинской помощи больным и раненым, а также их эвакуация. На месте работы мед. помощь оказывали фельдшеры или санинструкторы, после чего больной или раненый эвакуировался на медицинский пункт санитарной машиной или попутным транспортом. Там производился осмотр всех поступавших больных и раненых. Легкораненые оставлялись на лечение в медицинском пункте, тяжелораненые и тяжелообольные, а также инфекционные эвакуировались в армейские госпитали... легко и тяжело раненым производилась первичная обработка ран, затем в зависимости от тяжести ранения или болезни эвакуация в общевойсковые или армейские госпитали, а иногда прямо в санитарный поезд».

По воспоминаниям А.И. Иешина, в самом начале войны силами работников БМП и больных из брезента была сшита самодельная палатка, которая «...послужила на первых порах основным очагом для размещения медицинского пункта в полевых условиях. В палатке производился прием больных и раненых... в ночь с 27 на 28 августа 1941 года в этой палатке было обработано 12 тяжело и 36 легкораненых... 28-го августа все 12 тяжело раненых были эвакуированы в сан. поезд на станции Териоки. 31 августа и 1 сентября под Белоостровом в этой палатке было обработано свыше 50 раненых».

Поразителен тот факт, что в годы войны была поистине уникальной рационализаторская и изобретательская деятельность медицинских работников всех степеней. Неудивительно, что и в дневнике А.И. Иешина имеются записи, свидетельствующие об этой работе.

Говоря об особенностях оказания медицинской помощи, автор отмечал, что «перевязки тяжело раненым и шинирование производилось под эфирным наркозом или местной анестезией 0,25 % новокаином. Наркотизатором был зубной врач или младший врач, операционной сестрой – фельдшер, старший и младший врач производили перевязки и шинирование. Стерильный материал приготавливали сами. Так как автоклава БМП не имел, то выход был найден в аппарате Турнера, который был изготовлен

в технической роте по соответствующему чертежу... Дистиллированную воду изготовляли сами... была изготовлена печка-временка с опускаемым в нее эмалированным бачком. За весь период отступления около 90 % всех раненых и больных прошли через медицинский пункт батальона и только около 10–12 % попали в другие госпитали, минуя медицинский пункт части».

2 сентября 1941 г. часть отступила к Ленинграду. Приказом Ленинградского фронта железнодорожный батальон был реорганизован в стрелковый и ему был дан оборонительный участок. В связи с этим был реформирован и медицинский пункт по типу стрелкового БМП. Задача медицинского пункта оставалась прежней, т. е. оказание первой помощи больным и раненым и эвакуация их в госпитали. Как пишет А.И. Иешин, «за период реорганизации... он длился один месяц, пришлось продумать пути эвакуации с переднего края, средства эвакуации, подготовить санитаров и носильщиков по два на каждый взвод (один подготавливался в резерв), провести занятия по сан. хим. защите. Своими силами были изготовлены лямки для санитаров-носильщиков, сделаны лыжно-носилочные установки по одной на каждую роту, организованы обогревательные пункты по пути эвакуации с переднего края...

В ноябре начались холода, достигавшие к концу месяца минус 20–25 градусов при повышенной влажности воздуха. Медицинским пунктом была предложена конструкция печей-временок для обогрева землянок, а для профилактики обморожений – «бахилы и чулки из ветоши, которые одевались на ноги поверх ботинок бойцами, отправляющимися в боевое охранение или заступающими на пост. Это значительно снизило обморожение нижних конечностей».

В ноябре 1941 г. была снижена норма пайка, которая «... была далеко недостаточной и не покрывала всех затрат энергии организма бойцов, находящихся на линии обороны ежесуточно от 5-ти до 7-ми часов. По инициативе медицинского пункта... был поставлен вопрос о профилактике наступающей алиментарной дистрофии... Строго было ограничено употребление жидкости и соли. Сокращены до минимума движения личного состава... Установлен постоянный контроль за приготовлением и раздачей пищи. Несмотря на принятые меры, в конце декабря начали поступать в медицинский пункт первые больные алиментарной

дистрофией... Врачами медицинского пункта был проведен осмотр всего личного состава, после чего... была произведена перегруппировка... Наиболее физически крепкие по состоянию здоровья были переведены на линию обороны, физически ослабленные переведены в подразделения с меньшей нагрузкой: хим. взвод, хоз. взвод, комендантский взвод и др.

Для очень слабых бойцов при медицинском пункте была оборудована специальная землянка, куда были помещены все физически ослабленные бойцы из подразделений. Для последних был установлен соответствующий режим... больной алиментарной дистрофией получал тот же паек, но целый день находился на нарах и только один-два часа бодрствовал, находясь на прогулке. Дополнительно получали концентрат витамина С или хвойной настойки, рыбий жир и общеукрепляющие медикаменты. Доставляемые в медицинский пункт больные дистрофией с полной адинамией, с малым пульсом помещались в стационар медицинского пункта, где им оказывалась соответствующая мед. помощь, смотря по состоянию (обогревание, вливание 40 % глюкозы, сердечные, введение через тонкий зонд горячего сладкого чая 300–400 г)... широко применялось переливание консервированной крови по 100–200 см³ через 3–4 дня. Кровь доставлялась на мотоцикле в специальном ящике из Ленинградского института переливания крови в требуемом количестве и бесперебойно. Все проведенные мероприятия в известной степени предотвратили тяжесть течения дистрофии, и потери личного состава были сравнительно невелики».

Как отмечал автор воспоминаний, «чаще подвергались заболеванию дистрофией лица молодого возраста, высокие и мускулистые. У последних на первый план выступали парезы и параличи верхних и нижних конечностей. Низкорослые и слаборазвитые переносили заболевание легче и скорее выздоравливали».

О том, что в этот период отмечался значительный рост заболевших алиментарной дистрофией, свидетельствуют также воспоминания А.И. Ермоленко⁴.

В конце января 1942 г. батальон был снят с линии обороны и вновь получил задачу по восстановлению и развитию железнодорожной магистрали на линии Ленинград-Ладога. Необходимо было обеспечить подвоз к Ленинграду продовольствия и боеприпасов с Западного берега Ладожского озера, доставленных

туда автотранспортом. В этот же период из Ленинграда эвакуировалось оставшееся нетрудоспособное население, дети, больные, раненые, а также фабрично-заводское оборудование.

Как пишет А.И. Иешин «к новому месту дислокации часть должна была пройти маршем около 40 км. Перед походом вновь был произведен осмотр всего личного состава... Позади маршевой колонны шла санитарная машина и всех ослабленных в пути перебрасывала к новому месту дислокации.

Части был дан кратковременный отдых, так как надо было беречь силы для предстоящих работ... С явлениями дистрофии в большой степени стал проявляться авитаминоз... пришлось организовывать команды ослабленных бойцов при каждой роте... В обязанности ослабленных команд входило приготовление настоя витамина «С» из хвои под контролем фельдшера роты. Эти команды готовили настой витамина «С» на весь личный состав роты. Кратковременный отдых, ограничение нагрузки, витаминизации значительно улучшили физическое состояние личного состава, и часть снова смогла выйти для выполнения задания».

В середине февраля 1942 г., решением правительства, была увеличена норма суточного рациона, что способствовало постепенному улучшению состояния здоровья бойцов и офицеров.

«В этот период перед медицинским пунктом части встали новые задачи... вследствие большой загруженности и трудности эвакуации из госпиталей Ленинграда в тыл, ставился вопрос о лечении больных на месте при медицинском пункте... стационар медицинского пункта был расширен до 20 коек. Это в известной степени облегчило положение в организации лечебной работы при части. Стационар был расположен в радиусе 40 км от дислоцируемых подразделений. При нем оставался врач, фельдшер, санинструктор, два санитаря, шофер с санитарной машиной. Стационар размещался в 2-х палатках БМП и в двух домиках. Для удобства передислокации и более компактного размещения больных были изготовлены технической ротой портативные стойки для кроватей... на которые помещалось двое носилок... получались двухъярусные кровати. Была организована кухня при медицинский пункте... Была организована своя клиническая лаборатория... Благодаря правильно организованной лечебной работе в БМП эвакуация в госпитали снизилась в среднем до 2-х человек за месяц. Кроме алиментарной дистрофии и ави-

таминозов на медицинском пункте лечились: травматические больные, легкораненые, и все другие соматические больные».

По воспоминаниям А.И. Иешина, «с наступлением весны 1942 года и полным отсутствием овощей, санитарной службой батальона было предложено ввести в пищевой рацион дикорастущую зелень... Это... способствовало окончательному изжитию авитаминозов.

Из дикорастущих растений в пищу употреблялись: крапива, заячья капуста, щавель, тмин, подорожник... Для чая употреблялись листья яблони, шиповника, Иван-чая. Из молодых листьев березы... приготавливался салат... Из ревеня... кислые щи, компоты, кисель, варенье.

Силами больных на медицинском пункте, а в подразделениях – временно освобожденными от физических работ, собирались дикорастущие ягоды..., а также грибы... Из лечебных трав собирались и засушивались: пастушья сумка, корень валерианы, череда, калган, конский щавель, мята, ромашка, ягоды и листья шиповника.

Витаминизация пищи проверялась в каждой ротной кухне один-два раза в неделю... В лаборатории СЭО производилась проверка на бациллоношение, анализ воды используемых водоисточников, а также определение калорийности пищи».

Летом 1942 г. часть работала на западном берегу Ладожского озера, по развитию станции Ладога, устройству пирсов для эвакуации фабрично-заводского и железнодорожного оборудования из Ленинграда в глубокий тыл. Шла эвакуация населения Ленинграда. А.И. Иешин вспоминал: «Засоренность путей фекалиями была колоссальной. Работая на путях и пирсах, личный состав подвергался опасности заболевания желудочно-кишечными инфекциями. Утоление жажды непосредственно озерной водой тоже грозило опасностью... медицинскому пункту... пришлось позаботиться о доставке кипяченой воды для питья, для мытья рук, котелков, что и обеспечивалось частично ротными кухнями, а частично за счет изготовленных по предложению медицинского пункта бачков-самоваров, которые выносились к месту работы подразделений».

За четыре года в части было только два случая дизентерии.

Далее автор пишет: «Второй год блокады был уже менее страшен... в течение лета 1942 года были заготовлены овощи... дико-

растущие ягоды... приготовление настоев хвой... уже более организовано. Материальная служба обеспечивала доставку сырья и оборудования витаминного цеха, медицинский пункт обеспечивал руководство и контроль... были изготовлены специальные валики для расщепления хвой, которая после расщепления закладывалась в глиняные бутылки и заливалась горячей водой. После двух часов отстаивания фильтровалась, добавлялась соляная или уксусная кислота и в 6 часов вечера доставлялась в каждое подразделение... Содержание витамина "С" в 100 гр. настоя доходило сначала до 6 миллиграмм, впоследствии... повысилось до 120-140 миллиграмм на 100 грамм настоя (по анализам СЭО)... наибольшая концентрация витамина "С" на 100 гр. настоя давала возможность уменьшить общее количество приготовления настоя.

В конце 1942 года... была организована команда рыболовов по вылавливанию рыбы из реки Невы и озер, расположенных в местах дислокации подразделений... В летнее время лов значительно уменьшался и шел главным образом за счет рыбы колюшка. Эта рыбка 5–6 см длиной имеет на спине два острых роговых шипа... которые трудно поддавались термической обработке. Врачом медицинского пункта было предложено собирать жир с колюшки... началось получение своего собственного рыбьего жира, который шел в качестве дополнительного питания всего личного состава... Жир колюшки... по исследованию Ленинградского витаминного института содержит достаточное количество витаминов "А" и "Д". При отсутствии трескового рыбьего жира медицинский пункт пользовался колюшковым рыбьим жиром, как лечебным средством, нисколько не уступавшим нормальному рыбьему жиру по своим целебным свойствам».

При постройке железной дороги по льду Ладожского озера в декабре 1942 – январе 1943 гг. весь личный состав был размещен в землянках. Что касается медицинской службы, то, по воспоминаниям А.И. Иешина, «Размещать медицинский пункт в палатке в зимнее время не совсем удобно... а рыть землянку требовалось время... медицинский пункт... добился получения одного пассажирского и двух товарных вагонов, которые и приспособил для целей медицинской службы. В пассажирском вагоне... были сняты скамейки, сделаны подвесные трехярусные койки на 12 больных, организована перевязочная, аптека и приемная...

В товарных вагонах было организовано общежитие для команды и склад, в другом – кухня. Для обслуживания медицинской помощью на льду была приспособлена обыкновенная лагерная палатка на санях, которая прицеплялась к санитарной машине и выезжала на середину озера, где оставалась на всю ночь (работы по постройке железной дороги на льду производились и в ночное время). В этой передвижной палатке медицинского пункта постоянно дежурил фельдшер».

В середине января 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда, и часть была перебросена в Шлиссельбург.

Следует отметить, что одной из важнейших медицинских проблем во время войны была борьба с педикулезом. Благодаря должному контролю за три года и восемь месяцев в части не было паразитарных тифов, и массовый педикулез отсутствовал.

Вначале борьба с педикулезом не представляла больших трудностей, так как в Ленинграде работали «все общественные бани и прачечные, а медицинский пункт лишь контролировал организацию бань и смену белья». С декабря 1941 г. и в течение января-февраля 1942 г. в Ленинграде работали две бани и две прачечные, которые обслуживали воинские части, при этом прачечные выдавали белье, импрегнированное мылом «К» (мыло «К» – твердое вещество со специфическим запахом. Препарат содержит 48–50 % биэтилксантогена (препарат К) и 50 % хозяйственного мыла. При смешивании с теплой водой образует стойкую эмульсию. Мыло «К» обладает акарицидным и инсектицидным действием на чесоточных клещей, вшей и других насекомых).

С отъездом из Ленинграда вопрос профилактики педикулеза осложнился. Как пишет А.И. Иешин: «Личный состав приходилось мыть в черных банях с пропускной способностью 10–15 человек в час. В летнее время личный состав мыли под навесом или в палатках, приспособляя для нагрева воды походные кухни, хуже обстояло со стиркой белья... качество стирки было плохое... Мед. служба батальона предложила конструкцию упрощенной прачечной на конной тяге... каждая рота была снабжена походной прачечной (походные прачечные были изготовлены в мастерских технической роты)... В барабан прачечной помещалось 20 пар белья, одновременно происходило кипячение и стирка его в течение 40–50 мин. После чего белье прополаски-

валось импрегнировалось мылом “К”. За день два бойца могли выстирать все белье, требующееся для роты. Для мелких подразделений был сконструирован переносный прачечный барабан на 5–6 пар белья.

Учитывая частые передислокации части, была сконструирована своя разборная дез. камера... на 10 комплектов зимнего обмундирования. Камера состояла из пяти разборных стенок, скрепленных болтами. Стенки камеры полые. Камера регулярно перебрасывалась в подразделения для экстренной или плановой дезинсекции обмундирования личного состава.

Осмотры на педикулез производились ежедневно поротно или повзводно. Каждый фельдшер, обслуживающий роту, имел... достаточное количество дез. средств и утюг (одно из надежнейших средств по борьбе с единичными случаями педикулеза). Все прибывающие из командировок не допускались в подразделение без сан. осмотра... вышеперечисленные мероприятия обеспечивали благополучие части в отношении паразитарных тифов».

Из других эпидемических заболеваний стоит отметить вспышку гриппа в январе 1944 г., которая охватила 240 человек. Тем не менее, благодаря целому ряду быстро и эффективно проведенных медицинской службой мероприятий, она окончилась благополучно.

По воспоминаниям А.И. Иешина, «...в части имелись команды, которые находились на охране минированных объектов, на охране складов, на охране мостов и др. железнодорожных объектов. При очередном медицинском осмотре выявлялись ослабленные, или страдающие хроническими болезнями... устанавливалась очередность госпитализации ослабленных и страдающих хроническими болезнями... производилась перегруппировка... лица с хорошим физическим состоянием здоровья переводились на тяжелые физические работы, а ослабленные переводились на легкие физические работы (охрана объектов, складов, хоз. взвод, комендантский взвод и др.). Непосредственно на трассе труд тоже дифференцировался: слабые использовались на подноске костылей, на зачистке пути, на планировке, на доставке воды или пищи подразделению. По улучшению состояния здоровья вновь переводились в линейные подразделения». Постоянный контроль за физическим состоянием личного состава, контроль за работой пищеблока и банно-прачечного обслуживания обес-

печивали успешное выполнение задач, стоящих перед железнодорожным батальоном. Трудопотери составляли не более двух процентов к общему числу личного состава.

Таким образом, на Ленинградском фронте, одном из труднейших фронтов Отечественной войны, благодаря работе медицинской службы удалось сохранить вполне удовлетворительное медико-санитарное состояние личного состава железнодорожного батальона.

---

¹ Фонды ВММ. ОФ 74735. Л. 2.

² Фонды ВММ. ОФ 69601. 30 л.

³ Энциклопедический словарь военной медицины / Под ред. Е.И. Смирнова. М.: Госиздат мед. лит., 1948. Т. 2. С. 999–1002.

⁴ Фонды ВММ. ОФ 75877. Л. 67.

М.Г. Чирицова (Санкт-Петербург)

**ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННО-САНИТАРНЫХ ПОЕЗДОВ
В МЕДИЦИНСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(На основе коллекции Военно-медицинского музея)**

ВОЕННО-САНИТАРНЫЙ ПОЕЗД (ВСП) – это специальный железнодорожный состав, предназначенный для эвакуации больных и раненых от госпитальной базы армии на эвакуопункты внутренних районов в ходе военных действий с продолжением оказания медицинской помощи раненым и больным в пути следования¹.

Первый Российский санитарный поезд, сформированный в соответствии с императорским указом от 04.12.1876 г., отправился в путь в мае 1877 г. Уже в ходе Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войны (1904–1905) санитарные поезда русского Красного Креста эвакуировали около трехсот тысяч раненых и больных².

Самое большое количество больных и раненых было эвакуировано ВСП во время Великой Отечественной войны. Управление железными дорогами, в соответствии с указанием наркома путей сообщения от 04 июня 1941 г., начало формирование 288 военно-санитарных поездов: 150 постоянных и 138 временных (ВВСП). Для этого было выделено шесть тысяч вагонов и определен штат обслуживающих железнодорожных бригад (проводники, поездные вагонные мастера, поездной электромонтер, машинист электростанции). За годы войны объем перевозок по эвакуации раненых составил 11 863 поезда³. В крупных железнодорожных узлах организовали эвакуогоспитали, подготовив их для приема раненых, перевозимых ВСП.

ВСП формировался, как правило, на базе цельнометаллических четырехосных пассажирских вагонов. Эвакуемкость – около 500 человек. Поезд состоял из паровоза (тепловоза) и специально оборудованных для эвакуации и лечения пострадавших и вспомогательных вагонов. Имел центральное водяное отопление, вентиляцию обычного железнодорожного типа и имущество для размещения и обслуживания больных. В некоторых вагонах была приточно-вытяжная вентиляция с защитой от отравляющих веществ⁴.

ВСП-312, оборудованный по последнему слову техники, вышел в первый рейс 26 июня 1941 г. из Вологды. Бригада поезда состояла из 40 медицинских работников и железнодорожной бригады⁵. Поезд совершил десятки рейсов на все фронты, вывозил раненых из-под Пскова, Тихвина, Ленинграда, из-под Москвы, из Восточной Пруссии. Совершал рейсы в Омск, Челябинск, Пермь. Всего было пройдено 200 тысяч километров, то есть расстояние, равное пяти кругосветным маршрутам⁶. За это время поездом было перевезено более 25 тысяч раненых⁷.

Коллектив ВСП-312 внес десятки рационализаторских предложений, превратив поезд в образцовое лечебное учреждение и транслируя свои нововведения коллегам⁸.

Персонал поезда старался украсить его так, чтобы раненые чувствовали себя как дома: на окнах и шкафчиках – вышитые занавески, на тумбочках и столах – вязаные салфетки и цветы, свежее белье после починки⁹. В поезде работали кружки, устраивались выставки и концерты, выходила стенгазета, работала библиотека, работала партийная организация¹⁰.

Персонал поезда самостоятельно проводил покраску и текущий ремонт вагонов, остекление выбитых окон, дезинфекцию и многое другое. В результате остановки поезда на ремонт и помывку были сведены до минимума¹¹.

Чистота и порядок, четкая и самоотверженная работа персонала сделали этот поезд лучшим из передовых поездов 95-го Распределительного эвакуопункта. Коллективу поезда 6 ноября 1942 г. было вручено переходящее Красное Знамя РЭП-95¹², которое уже ни к кому больше не перешло, и грамота Главного санитарного управления Советской Армии¹³.

После расформирования, 18 июня 1945 г. поезд посетила комиссия ГВСУ, отобрав для Военно-медицинского музея Советс-

кой Армии 156 предметов из поезда, в том числе два образцово-показательных вагона и переходящее Красное Знамя.

В фондах ВММ хранится несколько тысяч музейных предметов, фотографий и документов, относящихся к работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. военно-санитарных поездов №№ 73, 88, 89, 90, 91, 92, 96, 100, 105, 109, 111, 112, 119, 125, 143, 144, 148, 163, 204, 214, 217, 231, 234, 237, 312, 313, 315, 318, 319, 321, 322, 55, 922; временных военно-санитарных поездов №№ 26, 62, 72, 1085 и др.¹⁴ Самый большой фонд относится к ВСП-312. По этим материалам можно не только представить героическую ежедневную работу личного состава и ее результаты, но и рассмотреть состав и оборудование ВСП.

Вагоны для перевозки легкораненых и больных формировались из обычных пассажирских вагонов. Эвакуируемые размещались на полках для лежания. В случае необходимости использовались багажные полки. При большом количестве раненых ставились перекрытия, закрывающие промежуток между полками и превращающие их в нары. Места для лежания снабжались матрасами и постельным бельем¹⁵.

Вагоны, специально оборудованные для перевозки тяжелораненых и больных, были оборудованы станками Кригера, позволяющими грузить носилки в специальные подставки в два яруса. Амортизаторами служили пластинчатые рессоры¹⁶. Впоследствии Научно-исследовательским испытательным санитарным институтом был разработан станок, позволяющий ставить носилки в три яруса, для большей эвакуемкости¹⁷. Во всех вагонах предусмотрены створные углы для вноса носилок.

Вагон-аптека, оборудованный по всем правилам, позволял не только хранить, но и готовить лекарства¹⁸.

В вагоне-перевязочной для легкораненых имелось усиленное освещение, а также стол для перевязок и умывальник. Начальник ВСП-312 сконструировал аппарат, позволявший стерилизовать растворы и инструменты, греть песок и лечебную грязь, плавить парафин и добывать дистиллированную воду¹⁹.

Вагон-баня был оборудован руками личного состава в товарном вагоне, половина которого была отведена под раздевалку, а другая под душевую. Горячая вода в таких вагонах подается либо из паровоза, либо из специального котла по системе труб по стенкам вагона. Пол и панель обиваются водонепроницаемым

материалом (оцинкованное железо), сток оборудуется через отверстия в полу²⁰.

Вагон-кухня снабжал пищей как раненых (в соответствии с тяжестью ранения или болезнью), так и личный состав поезда²¹. Вагон-столовая также служила для приема пищи легкоранеными и личным составом поезда²². Тяжелораненых кормили в вагоне²³.

Физиотерапевтический кабинет частично был оборудован самостоятельно (врач Татьяна Михайловна Дьячкова подобрала на станции Перово ванны, на станции Галич – торф)²⁴.

Дезинфекционно-прачечное отделение также обустроили своими силами: наладили кипячение воды и организовали стирку белья²⁵, сконструировали устройства для скоростной глажки белья²⁶ и для проведения дезинфекции²⁷.

На фотографиях военного времени запечатлены удивительные моменты: в подсобном хозяйстве имелся прицепной вагон-ферма, где содержали кур и поросят (на «ферму» шли отходы с кухни, а солдаты получали свежие продукты), на крышах хозяйственных вагонов стоят ящики для выращивания зелени, которую собирали для раненых и больных к обеду²⁸; эпизоды, когда на стоянках персонал ловил рыбу для пополнения питания раненых²⁹.

Вагон-изоляция служил для временной изоляции обитателей вагонов, подвергаемых дезинфекции. Вагон имел душевую и ванную комнаты для изолируемых, очаг для приготовления пищи и купе для персонала. Также в составе ВСП имелась цистерна для воды, вагоны продовольственного и вещевого складов, места для электростанции, морга, котельной и радиоузла³⁰. Для перевозки душевнобольных в состав поезда при необходимости включался специальный вагон.

Из воспоминаний сотрудников поезда можно узнать, что помимо основной работы личный состав успевал оказывать медицинскую помощь гражданскому населению, работникам железнодорожного транспорта, собирать средства в фонд обороны, вывозить имущество госпиталей из оставляемых городов³¹.

В пути следования поезда раненым солдатам оказывались все виды медицинской помощи, и обязательно гигиеническая обработка³², проводилась восстановительная терапия и физкультура³³. Для обеспечения раненых всем необходимым (мебель, по-

суда) и починки оборудования были созданы столярная³⁴ и жестяная³⁵ мастерские, где личного состав поезда получал новые профессии и навыки³⁶.

За годы Великой Отечественной войны военно-санитарные поезда спасли миллионы раненых бойцов, пробиваясь из самых горячих точек передовой и котлов окружения в тыл страны. Несмотря на красные кресты, гитлеровские летчики в нарушение международных правил ведения войны бомбили военно-санитарные поезда, пользуясь их беззащитностью.

Работники ВСП и железной дороги проявляли храбрость и самоотверженность, спасая раненых и больных во время авианалетов и артобстрелов, помогая вывозить их не только на специально оборудованном транспорте, но и на любых железнодорожных прицепах и платформах³⁷. Помимо своей основной работы, железнодорожные бригады ВСП помогали медперсоналу при погрузке, разгрузке и обслуживании раненых³⁸. В том, что удалось вернуть в строй 72,3 % раненых и 90,6 % больных воинов, есть немалая заслуга личных составов ВСП.

О легендарном санитарном поезде № 312 писательница и журналистка Вера Панова написала книгу «Спутники», а на экраны вышли по два документальных и художественных фильма. Съёмочная группа фильма «На всю оставшуюся жизнь» в процессе работы обратилась в Военно-медицинский музей. Консультации его специалистов помогли безупречно точно воссоздать детали повседневной жизни санитарного поезда³⁹.

---

¹ БМЭ. 3-е изд. Т. 22. М., 1984.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Т. 3. Разд. 14. Фонды военно-медицинских учреждений. Военно-санитарные поезда: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=240&sid=842102> – 07.02.2016 г.

³ Конарев Н.С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Транспорт, 1985.

⁴ Военно-санитарный справочник. / Ред. коллегия: проф. Кротков Ф.Г., Соколов А.Н., Ходорков Л.А. Изд. 2-е. М.; Л.: Наркомздрав СССР. Государственное издательство медицинской литературы «Медгиз», 1941. <http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/5743/1/0012214.pdf> – 07.02.2016 г.

⁵ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-13221.; поф-21293; поф-21172; кфвф-14137; поф-13298; поф-13223.

⁶ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-44992; поф-13220; поф-13227.

⁷ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-13266.

- ⁸ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-40331/1; поф-13296; поф-13297; поф-13224; поф-13222.
- ⁹ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21307; фоф-21289-90; фоф-21300.
- ¹⁰ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-13218; фоф-21230; фоф-21202; фоф-21218; фоф-21201.
- ¹¹ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21244; фоф-21325; фоф-21191; фоф-21217; фоф-21193; фоф-21273; фоф-21243; фоф-13225.
- ¹² Фонд ВММ, ВСП-312: пф-44950, 44951-44994.
- ¹³ Фонд ВММ, ВСП-312: кпоф-13257.
- ¹⁴ Фонд ВММ, ВСП-312: оф-32314.
- ¹⁵ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21281; фоф-21179.
- ¹⁶ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-1719; фоф-28586; ф-89729; фоф-21301; фоф-21313; фоф-21224; фоф-21312; фоф-21282.
- ¹⁷ Фонд ВММ, ВСП-1052: фоф-1717.
- ¹⁸ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21181; фоф-21310.
- ¹⁹ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21252; фоф-21257; фоф-13242; фоф-28572; фоф-21275; фоф-13256; фоф-21196; фоф-21205.
- ²⁰ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21320; фоф-21311.
- ²¹ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21171; фоф-21327; фоф-21185; фоф-33558; фоф-21176; фоф-21253; фоф-21176, 21278.
- ²² Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21198; Фото. ВСП-312. фоф-21269; фоф-21228; фоф-28590.
- ²³ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21329.
- ²⁴ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21180; фоф-21215; фоф- 21195/97.
- ²⁵ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-13231; фоф-21190; фоф-21190; фоф-21268, 21238.
- ²⁶ Фонд ВММ, ВСП-312: оф-13254, 13255; фоф-21187.
- ²⁷ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21297; фоф-21226; поф-13232; поф-13230.
- ²⁸ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21277; фоф-21251, 21277; фоф-21225; поф-13229.
- ²⁹ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21173/83; фоф-21182.
- ³⁰ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-33565; фоф-33554; фоф-33553; фоф-89728; фоф-21184; фоф-21330; фоф-21305; фоф-21185.
- ³¹ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-13299; оф-44952; поф-44958; поф-13219; поф-13226; поф-13217.
- ³² Фонд ВММ, ВСП-312, ВВСП-71, ВВСП-43: фоф-28565; фоф-28703; фоф-28564; фоф-28566; фоф-28575; фоф-21227; фоф-21232; фоф-33577.
- ³³ Фонд ВММ, ВСП-312, ЛФК: оф-44993; фоф-21309; фоф-21926.
- ³⁴ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21212, 21229, 21250, 21192; фоф-21304.
- ³⁵ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21211; фоф-21206-7-10; фоф-21174.
- ³⁶ Фонд ВММ, ВСП-312: поф-13228; фоф-21260, 21261.
- ³⁷ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21248; фоф-21249.
- ³⁸ Фонд ВММ, ВСП-312: фоф-21272; фоф-21175; фоф-21177; фоф-21319; фоф-21256.
- ³⁹ Фонд ВММ, ВСП-312: вф-10472; поф-74018, 74019, 74020, квф-2470, вф-10601, вф-10602, вф-10609, вф-10599; фоф-13310; фоф-21279.

А.Н. Чубинский (Москва)

К ВОПРОСУ О РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ДРЕВКОВОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ОРУЖИЯ. РОГАТИНЫ, КОПЬЯ, СУЛИЦЫ И СОВНИ

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ посвящено в первую очередь историческим наименованиям и классификации древкового оружия. К сожалению, не у всех современных исследователей есть ясное понимание принципиальной разницы между историческими средневековыми названиями оружия, с одной стороны, и терминами, присвоенными историками тем или иным типам оружия в XIX–XX вв., с другой. В качестве примера приведем мнение исследователя начала XX в. В.А. Городцова, который предложил «для практического руководства... “рогатиной” называть копье, перо которого равно или шире диаметра трубки, копьё же с более узким пером оставлять его родовое имя». Как методическая рекомендация для археолога или антиквара это определение, возможно, приемлемо. Но в действительности ли наши предки руководствовались этим правилом, когда давали отдельным образцам древкового оружия наименования копий и рогатин? Наша работа дает отрицательный ответ на этот вопрос.

Ту же неточность допустил классик современного оружейведения А.Н. Кирпичников. С одной стороны, вполне возможно определить сулицу как метательное копье с синонимическим наименованием *дротик*¹, а также называть сулицами небольшие копейные наконечники, находимые при раскопках. Но существенной ошибкой будет мнение о том, что *сулицы*, упоминаемые в средневековых русских письменных источниках, обязательно принадлежат к выявленному исследователем типу. Тем более, что вплоть до сегодняшнего дня в музейных собраниях не выявлен ни один наконечник древкового оружия, для которого было бы точно известно, что во время своего активного использова-

ния он назывался сулицей. Наконец, А.Н. Кирпичников, по сути, не привел ни одного свидетельства из письменных источников, которое могло бы подтвердить использование *сулицы* в качестве дротиков².

В типологии древнерусских копий А.Н. Кирпичников выделил особый вид кавалерийского оружия (тип V), присвоил ему название *пика* и утверждал, что «историю пики в России обычно начинают с XVI в. ... в действительности пики появились на Руси на 6 веков раньше их общепризнанной даты... для X–XI вв. пика была основной формой узколезвийного копьа»³. Не подвергая сомнению выводы крупнейшего знатока русского оружия, отметим, что в реальности наименование *пика* появилось в России не ранее первой половины XVII столетия⁴ и применялось исключительно к вооружению пехотных полков нового строя. В то время как А.Н. Кирпичников при выборе названия для справедливо выявленного им типа оружия, по всей видимости, пользовался аналогией с кавалерийской пикой XIX в. С нашей точки зрения, такое обращение с историческими наименованиями ведет, по меньшей мере, к путанице.

Переходя к основной части нашей работы, начнем рассмотрение вынесенных в заголовок наименований древкового оружия с последнего – *совни*. В известном труде А.В. Висковатова *совня* описана как оружие, которое было похоже на рогатину, только «имело кривую полосу и было с одним лезвием, в виде большого ножа»⁵. В последнем систематизированном обзоре древнего русского вооружения О.В. Двуреченского высказывается мнение о том, что совни существовали с XIII по XVIII в.⁶ Однако в настоящий момент в музеях России не существует ни одного образца средневекового древкового оружия, для которого было бы точно установлено, что он носил название *совня*. Более того, письменные упоминания древнерусского вооружения с таким названием отсутствуют вообще. Единственный раз слово *совни* (во множественном числе) встречается в одной из публикаций I Новгородской летописи, но это является результатом неправильной передачи текста подлинника, в котором фигурирует другое слово: «по-метавше оружия и щиты и сови»⁷. Кроме того, в нескольких списках этой же летописи вместо *сови* употреблено название *сулицы*⁸.

Итак, вопрос о существовании древнерусского вооружения с названием *совня* можно считать закрытым. *Совня* – это авто-

рский термин, введенный А.В. Висковатовым для обозначения вида древкового оружия с ножевидным наконечником, но у нас нет оснований считать, что это название прилагалось к каким-либо образцам древнерусского оружия во времена его активного применения. Вопрос о том, насколько удачен введенный А.В. Висковатовым термин, выходит за рамки нашей работы. Термином *совня* активно пользовался хранитель Оружейной палаты 1860-х гг. Л.П. Яковлев, правда, в другом значении. Испытывая дефицит терминов при описании деталей древкового оружия, Л.П. Яковлев называл совней деталь наконечника – протазана, алебарды знаменного древка – которую в настоящее время мы называем *пером* или *копьем*⁹. Это также был авторский термин Л.П. Яковлева, не имеющий отношения к исторической оружейной лексике. Повторимся: слово *совня* в древнерусских письменных источниках не встречается ни применительно к древковому оружию, ни к навершиям знамен¹⁰.

Единственный вопрос, который должен стоять на повестке дня применительно к термину *совня*, формулируется так: какие именно исторические названия могли использоваться применительно к тем немногочисленным наконечникам, которые в современных музейных собраниях и публикациях оружейников носят название *совня*¹¹.

Сулица сходна с *совней* тем, что в музейных собраниях России нет ни одного предмета, который обоснованно носил бы это название. Но сулицы относительно часто встречаются в письменных источниках. С опорой на эти источники русские историки оружия пытались сформулировать определение этого оружия. Согласно А.В. Висковатову, сулица – это «короткое копьё или дрот с подтоком или без него»¹². Хранитель Оружейной палаты А.Ф. Вельтман писал: «Копья... имели свои подразделения. Широкие, плоские с коротким ротовищем назывались рогатинами, метательные – сулицами»¹³, однако в другой части того же издания 1860 г. он не делал различия между упомянутыми видами древкового оружия: «Рогатины, или в древности сулицы, тяжелые широкие копьё с короткими ратовищами или скепищами, без сомнения, употреблялись при напоре, как нынешние штыки»¹⁴. Последнее мнение А.Ф. Вельтмана сходно с суждением Н.Е. Бранденбурга, который не разделял сулицы и копьё: «Копья или луцы делались граненые, насаживались на древко или

оскепище и назывались также сулицами»¹⁵. Вообще не выделял сулицу как разновидность древкового оружия Э.Э. Ленц¹⁶. Но в известном словаре русского оружия начала XX в. сулица определялась уже однозначно как «короткое метательное копье»¹⁷. Этого же негибкого определения придерживались практически все отечественные оружейеды XX–XXI вв. за исключением, пожалуй, В.А. Городцова¹⁸.

Считается, что наиболее раннее упоминание сулиц содержится в «Слове о полку Игореве». Однако *сулица* в значении копьа – слово из праславянского лексикона¹⁹, изначально существующее во многих славянских языках. Его относительно поздняя письменная фиксация не должна вводить в заблуждение касательно времени появления этого оружия. Две цитаты «Слова о полку Игореве» заставляют усомниться в том, что сулица являлась метательным оружием. В одной из них мы имеем риторически заостренную реплику, обращенную одним русским князем к другим: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты?»²⁰. Здесь *сулица* явно обозначает наступательное оружие вообще, и по смыслу ее можно заменить копьем или мечом, но не ножом или стрелой. Второе упоминание, в котором говорится о капитуляции многих народов перед русскими князьями, вряд ли связано с метательным оружием: «...литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повергоша». Слово *повергоша*, означающее в данном контексте «бросили, отказавшись от противостояния» или, по меньшей мере, «преклонили», «опустили», по смыслу не может относиться к метательному оружию. В данном случае сулица является явным синонимом копьа. Для сравнения можно привести случай однозначной трактовки выражения «повергоша копьа», а именно летописные свидетельства о поражении татар в 1378 г.: «Татарове же в том часе повергоша копьа своя и побегоша за реку за Вожою»²¹.

Ключевым моментом Липицкой битвы 1216 г., перед которой конные новгородцы спешили, был пеший бросок: «...и поидоша пеши зане дебрь бе... и удариша на ярославлих пешцев с топорки и сулицы»²². На наш взгляд, вряд ли новгородские воины были вооружены только метательными копьями и топорами, *сулицы* в этом эпизоде нужно понимать шире, как копьа для рукопашной схватки, преимущественно «контактное» оружие.

Под 1444 г. Никоновская летопись сообщает о силах, выставленных под Рязанью против татарского царевича Мустафы: «и

приидоша на них мордва на ртах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями, а казаки рязаньския тако же на ртах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями з друга стороны... а пешая рать многа собрана на них с ослопы, и с топоры, и с рогатинами»²³. В этом эпизоде крайне сложно предположить, что пешие воины на лыжах (ртах) сражались саблями и рогатинами, используя при этом в качестве вспомогательного «расходного» оружия легкие копыя. Наверняка и здесь *сулицы* нужно понимать, как копыя для ближнего боя.

А вот описание битвы при Шелони 1471 г., в ходе которой московские конники «...кликнувша на новгородцев, стреляюще их, инии же с копыи и з сулицами скочиша на них по песку»²⁴. Из этого описания никак не следует, что сулицы имели иное тактическое применение, нежели копыя.

Разумеется, существуют и некоторые документы, из которых можно сделать вывод о сулицах, как о преимущественно металлических предметах древкового оружия. Первая Новгородская летопись так описывает штурм Константинополя крестоносцами в 1204 г.: «... и бияхут с высоких скал на град греческий варягы камением и стрелы, и сулицами»²⁵ (под скалами здесь имеются в виду осадные сооружения). В Ипатьевской летописи под 1251 г. повествуется о том, как поляки, на тот момент союзники русских князей, защищали свой «острог» от ночного нападения ятвягов: «Ляхом же крепко борющее и соуличами мечуще и головнями яко молнья идяху и каменье яко дождь с небеси»²⁶. В «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, переведенной на древнерусский и известной в списках XV–XVI вв., наряду с пороками упоминаются «суличники», являющиеся метательными машинами для сулиц²⁷.

Однако большая часть письменных источников свидетельствует о том, что сулицей называли все-таки не вспомогательное, а основное копые ближнего боя, потеря которого была равносильна поражению. Обратим внимание на состояние оружия русского князя, брата Даниила Галицкого, в битве с венграми 1231 г.: «...и соулицы его кроваве соуци и оскепищю исеченоу от ударенья мечеваго»²⁸. Ясно, что речь здесь идет не о дротике, оружии одноразового применения. «Окровавленная сулица с исеченным мечами древком» – это копые, которым неоднократно поражали противника и на древко которого принимали удары.

В «Сказании о Казанском царстве» рассматриваемое оружие встречается дважды как вооружение русских ратников, штурмующих город; оба упоминания говорят о нем, как о полном аналоге «контактного» копыя: «И спрескотаху копия, и сулицы, и мечи в руках их и, яко гром силен»; «Русти же вои состизающи казанцов немилостиво мечи своими и секирами разсекаху, и копиями и сулицами прободаху сквозь, и резаху аки свиной нещадно»²⁹. Очевидно, что легким метательным копыем невозможно «проткнуть насквозь», не говоря об уместности использования дротиков осаждающими.

Бесценный материал для определения тех или иных типов оружия дают западнорусские словари XVI–XVII вв. В древнейшем из них, который датируется концом XVI в. (словарь был приплетен к Острожской библии первопечатника Ивана Федорова 1581 г.), сулица определена как «рогатина»³⁰.

Словарь «Лексикон словеноросский...» Памвы Берынды 1627 г. включает две интересные для нас статьи. «Сулица – з гротом дарда... ощеп, ощеписко, кончер»³¹. *Дарда* в этом определении – слово того же корня, что и современное международное дарт (dart³²); *ощеп* и *ощеписко* – скорее западнорусские или польские названия копыя (родственные русскому *скетище*). К сравнению *сулицы* с исключительно кавалерийским оружием кончаром мы еще вернемся, а сейчас приведем мнение, высказанное Юрием Крижаничем в трактате «Политика» (1663–1666), где он описал сулицу как «копье пешее, малое»³³.

В толковом западнорусском словаре конца XVII в., известном как «Синонима славеноросская», словарная статья *сулица* отсутствует, но слово *рогатина* раскрывается как «дреколь, сулица, ратище, луца»³⁴.

Крайне интересно описание вооружения ветхозаветного Голиафа в упоминавшейся Острожской библии 1581 г.: «И изыде муж силен... имя ему Голияд... и шлем медян на главе его... и число бронь его 5000 сикли меры меди и железа, и поножи медяны верху голению его, и щит медян на плещу его, и копие в руку его яко вода ищищено блещащися, и сулица его 6000 сикль меры железа в ней ...»³⁵. Истолковать этот отрывок можно только таким способом: упомянутая *сулица* являлась наконечником мощного контактного копыя. То же значение слова *сулица* можно найти в летописном описании битвы казаков Ермака Тимофее-

вича и татар, в котором боевой азарт сражающихся был метафорически уподоблен «копейным сулицам во утробах, и бьющаяся с обою стран крепко»³⁶.

Таким образом, в поиске значений древнерусского слова *сулица* мы пришли к тому же результату, что и археограф П.И. Савваитов и филолог И.И. Срезневский, которые считали, что это слово имело три основных значения: копьё вообще, резе – короткое метательное копьё, а также и наконечник копья³⁷. Крайне ценную находку сделал исследователь О.Ф. Одинцов, обратив внимание на упоминание сулицы в русской областной лексике начала XX в.: «Сулица – палка с железным наконечником в виде копья, употребляемая странниками для защиты, а мальчишками – для отталкивания при катании на коньках, лыжах, салазках»³⁸.

В «генеалогии» сулицы особого внимания заслуживает факт ее включения в царский Большой наряд – набор церемониального оружия русских царей, который в XVI–XVII вв. играл роль «воинских регалий»³⁹. Действительно, со времени царя Ивана Васильевича несколько предметов древкового оружия назначались рындам, царским оруженосцам и телохранителям. Так, например, в разряде похода «на изменников на казанских людей» 1572 г. упомянуты рынды «с копьём князь Тимофей Раманович Трубецкой, с сулицою Василей Тимофеев сын Плещеев, с рогатиною Богдан Яковлев сын Белской»⁴⁰. К сожалению, ни один предмет Большого наряда из числа древкового оружия до настоящего времени не был идентифицирован.

В описи царского оружия 1639 г. числилась «сулица молеванная Микитина дела Давыдова»⁴¹, а к 1647 г. сулиц было уже две: «2 сулицы, одна стальная мерекляная, наведены у нее грани золотом, а другая булатная без наводу»⁴². «Мерекляная»⁴³ сулица больше не упоминалась в документах, а вторая «булатная» упоминается и позднее. В 1654 г. «сулица булатная дерево черное немецкое круглое» была взята в знаменитый Смоленский поход, очевидно, в качестве церемониального вооружения рынд⁴⁴. В Переписной книге 1687 г. этому же оружию соответствовал такой текст: «Сулица булат глаткой; скепище дерево неметцкое черное, на конце трубки с яблоком серебряная, помято гораздо; травы резные вперевив, золочены, кисть золотая... цена ей дватцать рублев»⁴⁵. Ни одного древка из «немецкого черного дерева»

Рис. 1. Сулица

в Оружейной палате не сохранилось, однако, в ходе фондовой работы в собрании музея нами был обнаружен единственный наконечник, который мог подходить под вышеприведенное описание (рис. 1). Это очень небольшой наконечник (длиною 24,5 см, весом ок. 250 г) с узким пером⁴⁶ и трубкой, верхняя часть которой представляет собой резное изображение головы чудовища (змеи), из раскрытой пасти которой выходит перо. Орнамент в нижней части трубки сходен с известными нам работами Никиты Давыдова 1640-х гг., так что у нас есть основания считать, что данное оружие было изготовлено этим известнейшим русским оружейником и было включено в опись царской казны 1639 г. Определение «молеванная», приложенное к сулице в описи 1639 г., означало, что на то время оружие был расписано красками, но мы не можем уверенно судить о том, был ли расписан металлический наконечник или древко.

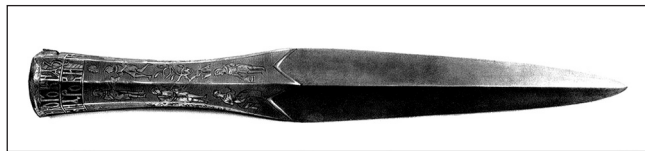
В Описи Оружейной палаты 1711 г. этот наконечник не значится (по крайней мере, под названием *сулица*), и мы можем предположить, что это связано с указом царя Петра Алексеевича, по которому из Оружейной казны в 1687 г. было выдано «10 копей железных, наведено золотом и серебром, в том числе 4 булатных 6 стальных без древок, у одного от трубки змеина голова (выделено мной. – А. Ч.), два копыя с крюками»⁴⁷.

Тем не менее, идентификация этого наконечника с упомянутой в описях Оружейной палаты сулицей не вполне корректна. Дело в том, что на момент поисков мы исходили из того, что сулица обязательно должна быть копьем небольшого размера, в то время как вышеприведенные рассуждения показали, что сулицей вполне могли назвать даже наконечник тяжелого копыя – рогатины. Наконеч, указанное небольшое копые (рис. 1) может оказаться навершием знамени; последние предметы в описях Оружейной палаты никогда четко не отделялись от наконечни-

ков древкового оружия. А в Росписи оружейной казны 1647 г. числились «4 древка тощие, писаны краски по золоту, на одном гротик стальной, трубка золочена резная зверина голова (выделено мной. – А. Ч.)»⁴⁸.

Суммируя известные нам данные о сулицах, выскажем предположение о специфическом признаке этого оружия, который все-таки мог отличать его от рогатин и копий. Это не легкий наконечник и не использование в виде метательного копья, отличным признаком сулицы могла быть длина древка. На эту мысль наталкивает как позднее сравнение сулицы с посохом странника и лыжной палкой (см. выше), так и попытка истолкования *сулицы* как кончара в словаре Памвы Берынды 1627 г. Последняя аналогия, которая ни в коей степени не означает сходство конструкции двух разных классов оружия – древкового и клинкового, показывает близость их тактического применения: и тем и другим оружием всадник наносил исключительно колющий удар с дистанции, превышающей возможность атаки саблей или палашом. Таким образом, название *сулица* в тех случаях, когда оно не было синонимом копья и не относилось к обозначению копейного наконечника, в действительности означало «малое копье», но без указания на тип наконечника и толщину древка.

Название *рогатина*, на первый взгляд, гораздо прозрачнее, чем *сулица*. Во-первых, благодаря уникальному предмету древнерусского вооружения, принадлежавшему тверскому князю XV в., с надписью, удостоверяющей «самоназвание» оружия: «Рогатина великого князя Бориса Олександровича»⁴⁹ (рис. 2).

Рис. 2. Рогатина Бориса Олександровича

Во-вторых, в Оружейной палате сохранилось более десятка наконечников древкового оружия, которые согласно Переписной книге 1687 г. носили название рогатин. Можно быть уверенным в том, что именно эти материалы послужили основанием для определений рогатины, которые давали оружиеведы XIX в.:

«...оружие, подобное копью, но с широким, плоским и на обе стороны острым пером»⁵⁰. Это определение можно назвать базовым, другие оружейеды лишь незначительно уточняли его: «тяжелое копье с листовидным или ланцетовидным боевым наконечником»⁵¹.

Однако если мы на минуту представим, что нам неизвестны рогатины из Оружейной палаты и обратимся к письменным и изобразительным источникам, то представление о рогатинах у нас будет другим. Так, в букваре Кариона Истомина конца XVII в. приведено изображение рогатины (рис. 3)⁵², наконечник которой – ромбовидный с яблоком – ничем не отличается от тех наконечников древкового оружия, которые мы видим в древнерусских миниатюрах или на иконах, и которые оружейеды уверенно называют наконечниками копий.

Как снаряжение охотника рогатина фигурирует в описании охоты русского князя Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи под 1255 г.: «Данило... едущу же ему до Грубешева и уби вепрев шесть, а сам же уби их рогатиною 3»⁵³. Но под 1256 г. в той же летописи рогатина (*рогатица*) выступает как метательное боевое оружие. В ходе сражения с ятвягами князь Лев Данилович «иземь рогтичу ис пояса своего, далече верг, срази князя ятвяжского с коня своего»⁵⁴. Рогатина как оружие с коротким древком упоминается в Новгородской летописи в описании покушения 1174 г. на князя Андрея Боголюбского, когда нападавшие «налегоша силою и выломиша двъри и вълезоша на нь, и ту и насунуша рогатинами, и ту сконьца живот свои»⁵⁵. Убийство произошло в боголюбовском дворце князя, тесные проходы которого исключают употребление копьа с длинным древком.

Никоновская летопись сообщает, что под 1377 г. на реке Пьяне московско-нижегородские полки были неожиданно атакованы татарами и потерпели сокрушительное поражение, вызванное беспечностью и воевод, и простых ратников, которые «люб-

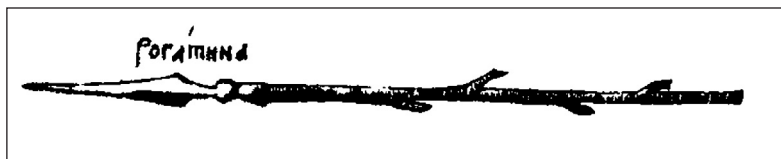

Рис. 3. Рогатина из букваря Истомина

ляху же пианство зело». Расхлябанность ратников выражалась в частности в том, что оружие и доспех транспортировались на телегах, а «рогатины и *сулицы* и копя не приготовлены, а ини еще и не насажены быша»⁵⁶. Анализ этого отрывка из Никоновской летописи не позволяет уловить специфику рогатины, можно лишь предположить, что все три названия – копя, рогатины и *сулицы* – отнесены к древковому кавалерийскому оружию.

Рогатины вместе с *сулицами* упоминались и как оружие всадников в летописи в 1375 г., и как вооружение пеших воинов на лыжах под 1444 г. (см. выше).

В XVI в. рогатины изредка служили вооружением дворянина в поместной коннице. Так, в десятнях 1577 г. по Коломне числился «Ивашко Ефимов сын Рагозин...быти ему на службе на коне, в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле, с рогатиною»⁵⁷. Однако чаще рогатинами были вооружены боевые слуги: «Богдан Федоров сын Хохулин... на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, с копьем, да за ним человек на коне, в пансыре, в шапке в железной, в саадаке, в сабле, с рогатиной»⁵⁸. Последняя запись достаточно стандартна: помещик вооружен копьем, а его конный слуга (слуги) – рогатиной (еще чаще рогатинами были вооружены обозные слуги). Аналогичной была ситуация и в Литовском княжестве, например, в войсковом реестре 1565 г. по Новгородскому повету значился «молодец на кони з рогатиною без панцера»⁵⁹. Тем не менее, не ясно, насколько сходным было оружие, называвшееся рогатиной в Литве и Московском царстве. Приведем мнение современного исследователя, согласно которому западнорусская рогатина могла быть прообразом поздней кавалерийской пики: «... литовские татары сумели пронести и сохранить искусство применения своей рогатины или «джида» до XVIII в., распространив его в Польше и Саксонии, а затем и по всей Европе в качестве уланского способа боя»⁶⁰.

Известия о вооружении всадников поместной конницы и слуг показывают, что статус копия был несколько выше, чем статус рогатины. Та же закономерность прослеживается при перечислении царского оружия Большого наряда, в котором копьё следовало, как правило, первым. Тем не менее, мы не знаем ни одного русского церемониального копия, а рогатин с высоким церемониальным статусом нам известно, по крайней мере, две – тверского князя Бориса Александровича и боярина Бориса Фе-

доровича Годунова: «Рогатина... московская, наведена золотом; на тулье подпись... имя Бориса Федоровича»⁶¹. О рогатине как о ранговом оружии сообщает и Русско-английский словарь 1618–1619 гг.: «Ragatine, a kinde of weapon like an irish darte, which Vaivods use (whith *ragatines* the *camusnicks* kill bares and other beasts)»⁶².

Итак, письменные (и изобразительные) источники представляют рогатину с самых разных сторон и не позволяют выявить ее существенных отличий от других видов древкового оружия. Охотничьи функции рогатин не подвергаются сомнению, но каким именно было это оружие – мы не знаем. Следовательно, традиционное мнение о том, что рогатина являлась разновидностью копыя с четкими отличительными признаками нужно подвергнуть пересмотру.

Приведем подборку цитат из росписей 1678 г. «замосковных» городов, подведомственных Разрядному приказу. Древковое оружие, служившее вооружением служилых и посадских людей в Переславле-Залесском составляло «65 бердышей, 49 копей, 3 топорка, 9 рогатин», в Ростове – «440 бердышей, 227 рогатин... 2 топорка», в Ярославле «1980 копей и бердышей», в Костроме «557 бердышей, 62 копыя, 458 топорков» в Галиче, «472 бердыша... 18 топорков, 252 копыя... 14 рогатин», в Угличе «с копыи и с рогатины 75 человек, с топорки 214 человек, с бердыши 120 человек», в Вологде «393 бердыша, 454 копыя, 164 рогатины, 269 топорков»⁶³. Сопоставление эти цитат выявляет труднообъяснимый факт: из двух близлежащих городов в Ростове не было ни одного копыя (при наличии 227 рогатин), а в Ярославле не нашлось ни одной рогатины (но в роспись попало 1980 копий, описанных вместе с бердышами). При этом, во всех перечисленных городах набор древкового оружия разных типов не мог существенно варьироваться. На наш взгляд, единственным объяснением этого факта может быть отсутствие четких критериев при причислении древкового оружия к рогатинам или копыям. Составители росписи 1678 г. в Ростове полагали, что родовым понятием является рогатина, и не будет ошибкой приписать к рогатинам копыя, в Ярославле поступили ровно наоборот, а в Угличе рогатины и копыя описали скопом. Последние цитаты показывают, что в указанное время *рогатина* и *копые* могли выступать как полные синонимы.

Приведем также упоминания интересующего нас оружия в источниках, которые нечасто привлекаются оружейоведами. Например, летописное описание эпидемии чумы в Рязани в 1364 г.: «Болезнь же бе сица: преже яко рогатиною ударит за лопатку или под груди или меж крил, и тако разболевся человек начнет кровью харкати... и тако умираху»⁶⁴. Здесь рогатина выступает как метафорическое обозначение симптома смертельной болезни и, очевидно, обозначает смертоносное древковое оружие без уточнения его конструктивных и функциональных особенностей. Сходным образом нужно понимать включение рогатины в текст заговора «от вражеского оружия» второй половины XVII в.: «... огради мя, раба твоего... от пицалных и самопальных ядр... и от всякого меча и от сабли, и от булату, и от всякой рогатины, и от ножа, и от топора, и от дробу»⁶⁵. В этой молитве клинковое оружие детализируется (и классифицируется), а древковое – нет, понятно, что под *рогатинной*, здесь понимается «копье вообще».

Тем не менее, несмотря на все вышеприведенные выводы, полученные на основании письменных источников, предметы из собрания Оружейной палаты позволяют получить представление о том, какие именно предметы могли носить название *рогатина*.

Известнейший рисунок из «Исторического описания...» А.В. Висковатова⁶⁶ (рис. 4) достаточно точно представляет реальные рогатины из собрания Оружейной палаты (рис. 5), разумеется, за исключением мифологической совни. При этом крайне важно, что каждый из изображенных наконечников древкового оружия прочитывается по описям Оружейной палаты вплоть до 1687 г., в которой все они носят название рогатин⁶⁷.

Таким образом, определение рогатины, данное А.В. Висковатовым, получает серьезное подтверждение – название *рогатина* в действительности прилагалось к копыю с широкой боевой частью ромбического сечения и с двумя режущими лезвиями. Но при этом, заметим, у нас нет оснований считать, что только такие наконечники именовались рогатинами, и что только такая форма служила отличительным признаком этого оружия.

Из числа изображенных на рисунке в «Историческом описании...» (рис. 4) третья слева рогатина⁶⁸, описанная в Переписной книге первой как «рогатина булатная, прорезная, яблочко наведено золотом, под яблочком долики, по тулее путики золочены,

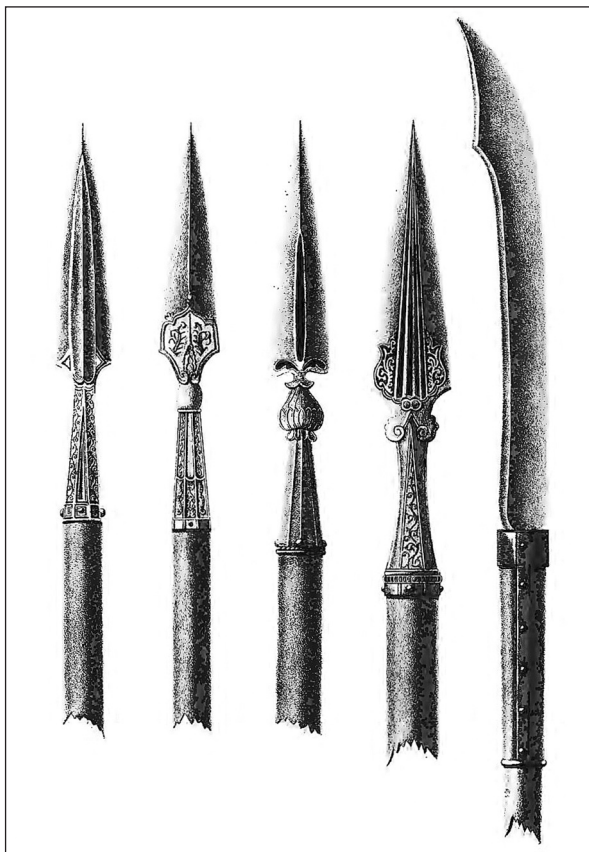

Рис. 4. Лист из «Исторического описания...» А.В. Висковатова

искепище кость белая чешуйчатая, на искепище яблочко с трубою, три сучка серебряные золочены, ушки шиты волоченым золотом и серебром по алому гзу; кляп серебряной, вооруда тесма шолк зеленой с золотом» – может быть датирована серединой – третьей четвертью XVII в.⁶⁹ Ее положение в описи под первым номером позволяет предположить, что она могла использоваться как царское церемониальное оружие самого высокого статуса – как рогатина Большого наряда.

Наконечник, который изображен у А.В. Висковатова вторым, нам удалось датировать еще более точно. Эта рогатина и анало-

Рис. 5. Рогатины из Оружейной палаты

гичная ей по форме и декору в Переписной книге значились так: «Две рогатины стальные польское дело, тулеи отерты на грани, наведены золотом и серебром травки, промеж граней коротенькие долики золочены гладью, яблоки посеребрены, повыше яблоков на рогатинах на обе стороны понемногу наведено золотом и серебром»⁷⁰. В документах Оружейной палаты единственный раз упоминается об одновременном изготовлении двух рогатин. В начале апреля 1657 г., выходцам из города Могилева Роману Серасекову «с товарищи» были выданы деньги и было «веле-но делать пернат, две рогатины»⁷¹. Манера насечки золотом и серебром на обеих рогатинах действительно сходна с известными работами мастера Серасекова⁷², что позволяет заключить, что единственная пара рогатин из Переписной книги «польское дело» тождественна паре рогатин, которые Роман Серасеков декорировал в 1657 г. Отметим, что до последнего времени ни одна из показанных на рисунках рогатин, как вообще ни одна средневековая рогатина из музеев России, не имела точной датировки.

Последняя и самая крупная на изображении (рис. 5) рогатина весом чуть более килограмма, длиной 40,6 см и с шириной пера 5,5 см по этим параметрам может быть сближена с медвежьими рогатинами, однако, она является в первую очередь парадным оружием. Помимо резьбы, насечки и инкрустации золотом, согласно Переписной книге 1687 г., эта рогатина была украшена четырьмя красными камнями-смазнями⁷³.

Завершая тему рогатин, приведем названия двух специальных деталей, встречающихся в документах преимущественно на оружии с этим названием. Это *жеребиши* и *кляпыши* (*кляпы*). Так, в описи оружия Бориса Годунова 1588 г. после рогатин и копий было отмечено «14 жеребьев костяных»⁷⁴. В описи имущества новгородского воеводы Михаила Татищева 1608 г. имелась «рогатина з долы навожена золотом, кляпыш серебрян золочен, на деревцо натираны кости»⁷⁵. В числе воинского снаряжения, взятого царем Алексеем Михайловичем в Рижский поход 1656 г. было «18 жеребьев костяных к рогатинам»⁷⁶. Согласно Переписной книге в Оружейной палате в 1687 г. хранилось «Два кляпышка костяных рыбьих к рогатинам»⁷⁷. Серебряный *кляп* был отмечен на первой по описи 1687 г. рогатине, описание которой цитировалось выше.

Кляпыш, согласно И.И. Срезневскому, – «костылек, употреблявшийся вместо пуговицы и запоны на вороту, прорехах, полах царских кафтанов»⁷⁸. Приведенные данные позволяют заключить, что название *кляпыш* в отношении рогатины применялось к отъемной детали рогатины – ограничителю-крестовине, крепившемуся на древке под наконечником при помощи кожного ремешка. Приведенные выше цитаты позволяют считать, что *жеребий* представлял собою синонимическое название того же ограничителя. Вопрос о том, можно ли считать рогатины с кляпышами исключительно охотничьим оружием, требует отдельного рассмотрения, как и этимология названия этого оружия, и исследование такой характеристики древка рогатины как наличие «сучков».

Самое многозначное название древкового оружия – *копые*. С нашей точки зрения, дать рабочее определение копыю невозможно, неслучайно А.В. Висковатов лишь перечислил разные его характеристики и детали: «копыя из булата, стали и железа, плоские, трех- или четырехгранные...»⁷⁹. В связи с этим вызывает не-

доумение одно из последних определений этого термина. Если буквально следовать дефиниции копья как «древкового оружия с длинным (4–5 метров) древком и стальным наконечником с граненым копьцом»⁸⁰, то приходится признать, что, например, в Музеях Московского Кремля копий нет вообще, так как ни один наконечник не сохранил исторического древка указанной длины, а сведения об исходной длине древков у копейных наконечников отсутствуют.

Древнерусское название *копье* применительно к древковому оружию известно, по крайней мере, с XI в.⁸¹, но, разумеется, существовало и ранее, в дописьменную эпоху. Для верного понимания исторической глубины лексемы *копье* приведем другое слово из современного русского языка, восходящее к тому же корню – *щеп*. И *копье*, и *щеп* происходят от слова *копать*, которое имело целый веер значений, помимо очевидного еще и «бить», «клевать», «пинать»⁸². К слову *копать* восходят и западнославянские названия копья – польское *ozszer* и чешское *oštěr*, *ощеп*⁸³ (более, чем *копье*, созвучные русскому *щеп*). Интересно, что одно из древнерусских названий древка *скепище* могло исходно служить наименованием копья в целом. Совершенно забытое русское слово *луца* («копье») также ассоциативно связано со словом *щеп*.

С нашей точки зрения, *копье* в XVII в. и ранее служило наиболее универсальным названием для всех видов боевого древкового оружия: кавалерийского и пехотного (в том числе пикинерского), метательного или контактного вне зависимости от ширины пера и длины древка. Название *копье*, кроме того, относилось и к цельному оружию на древке, и к наконечнику, и к его боевой части – перу или копьцу⁸⁴. Копьями в XVII в. назывались, возможно, джиды, а также наконечники стрел: «Да сверх прежних переписных книг в Оружейной палате объявилось шесть стрел колмыцких з двойными копы, седьмая об одном широком копье»⁸⁵. Другие русские и восточнославянские названия копья – сулица, луца, волочня, ощеп – в конечном итоге не смогли стать общеупотребительным и родовым названием этого вооружения. Приведем еще один далекий от оружейведения пример, показывающий широкие вариации формы копья. Это церковнославянское слово *копие*, применявшееся для наименования части литургического набора и символически обозначающее копье, которым

был поражен на кресте Спаситель. Традиционно наконечник копия имеет широкое перо треугольной формы⁸⁶.

Из числа многочисленных летописных упоминаний копия процитируем фрагмент, повествующий о битве под Киевом в 1152 г. «Андреи нача рядити полк отца своего, зане бе старей тогда в братьи... и отуду ехав полк свои укрепив и дружину свою возма и копия еха наперед и съехася преже всех и изломи копье свое, тогда же бодоша конь под ним в ноздри»⁸⁷. В этом отрывке мы видим, что начало битвы знаменует первый копейный удар, который наносит князь Андрей Боголюбский; княжеское копье переламывается, а конь получает ранение.

В Музеях Кремля в настоящий момент сохранилось лишь восемь предметов (рис. 6), которые к началу XIX столетия носили название копий. К сожалению, точно определить, какие из них хранились в царской казне в XVII в., а какие поступили в позднее время, затруднительно⁸⁸. Но все они получили название *копье* не позднее XVIII в. В число этих копий входил и небольшой наконечник, который мы выше сопоставляли с сулицей. Заметно отличающийся от прочих наконечник с широким пером (на рис. 6 показан последним) А.В. Висковатов ошибочно причислил к рогатинам⁸⁹, хранитель Оружейной палаты Л.П. Яковлев неоправданно назвал совнею⁹⁰, а блестящий эрудит О.В. Двуреченский назвал его «крупным копьем»⁹¹. В действительности, в Переписной книге 1687 г. этот наконечник значится как «копье стальное широкое, наведено золотом местами, тулея осмогранное, повыше тулеи яблочко, повыше яблочка к копыю наведено золотом; цена два рубли»⁹². Если бы не это копье с широким пером в 4,8 см. (большим, чем у большинства рогатин из собрания музея), можно было бы сделать ошибочный вывод о том, что копиями в XVII в. называли исключительно наконечники с шиповидным или жаловидным копьцом. Тем не менее, подборка копий на изображении (рис. 6) позволяет сделать некоторые выводы о существовании таких признаков древкового оружия, которые позволяли использовать именно название *копье* (но вряд ли *рогатина*). Все эти образцы при разной форме объединяют такие качества: они были рассчитаны исключительно на колющий удар, насаживались на относительно тонкое древко (судя по диаметру трубки), крепление трубки к дереву гвоздями иногда вообще не было предусмотрено. Очевидно также, что, в отличие от

Рис. 6. Копья в музее

рогатин с вышеприведенного рисунка, ни одно из копий не могло противостоять поперечным нагрузкам. Скорее всего, это наконечники тех самых кавалерийских копий, которые были предназначены для первого таранного удара и снабжались достаточно длинными древками. Генетически они восходят к древнерусским жаловидным копьям X–XII вв., выявленным А.Н. Кирпичниковым⁹³.

К этому же выводу можно было прийти и на основании изображения из труда А.В. Висковатова, в котором было приведено сходное с нашим изображение группы копий (рис. 7)⁹⁴, моделья-

ми для которых, как и в случае с рогатинами, послужили образцы из собрания Оружейной палаты. Но этот рисунок не включал вышеуказанное копье с широким пером, зато к копьям было ошибочно причислено медное знаменное навершие копьевидной формы (на рис. 7 третье слева)⁹⁵.

Таким образом, у нас есть основания считать, что наименование *копье* было свойственно для кавалерийского древкового оружия с наконечником характерной вытянутой формы, который был рассчитан исключительно на колющий, глубоко проникающий удар. Похоже, что эти наконечники не предполагали извлечения из раны. В таком случае, всадник после нанесения удара либо бросал копье, либо древко переламывалось.

Здесь будет уместно вспомнить о термине «древко тощее», применявшемся к ратовищам копий и в XVI, и в XVII вв. Для XVII в. тощий обозначало «полый», «порожний»⁹⁶. Единственный предмет древкового (ударного) оружия, который сохранился в современном собрании, в описании которого использовалось определение *тощий* – иранская цельнометаллическая булава XVII в.: «...булава булатная глава з долами... цевья ж тоще». В данном контексте, *цевье* – это черен, «древко» булавы, который является металлической трубкой. Следовательно, мы можем полагать, что *тощие древки* кавалерийских копий представляли собой также трубчатые конструкции или содержали внутреннюю полость. Возможно, что и

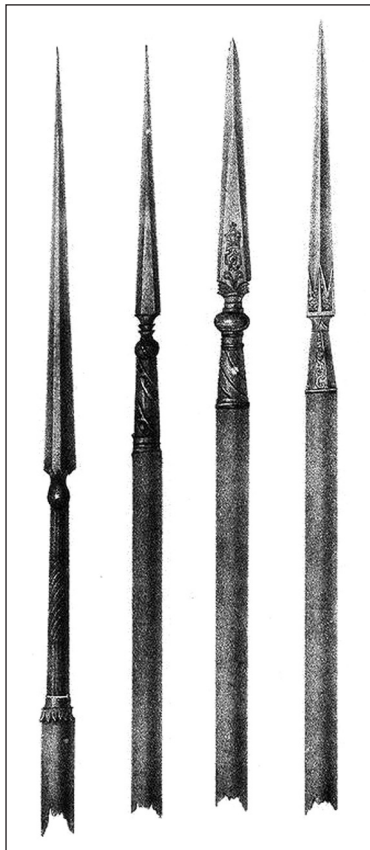

Рис. 7. Рисунок из книги
А.В. Висковатова

встречающиеся в документах *древки тростяные* были синонимичны тощим древкам. Такие древки, с одной стороны, облегчали вес оружия в целом, с другой стороны, это же древко могло служить своеобразным предохранителем в том случае, если удар копьём оказывался слишком сильным и грозил выбросить из седла хозяина копья: в таком случае древко ломалось. На первый взгляд, этой гипотезе противоречит существование *тощих древков* у двух немецких рогатин, отмеченных в описи имущества боярина Бориса Годунова⁹⁷. Но мы не можем знать наверняка, какое именно оружие в этой описи было названо немецкой рогатиной, возможно, это было то же кавалерийское копьё.

Другой интересный термин, сопровождающий копьё в XVII столетии – *каптурцы* или *каптуры*. Так, в Переписной книге 1687 г. было упомянуто «восемнатцать копей на древках, около копей каптары тафта жаркой, бохрама около каптуров шолк желтой, лопасти тофтяные белые»⁹⁸, а также «пятьдесят каптурцов копейных тафтяных алых, лопасти тафтяные белые, бахрама шолк соломенной цвет»⁹⁹. *Лопасты* у копий – это, скорее всего, ленты, крепившиеся на древке непосредственно под трубкой и служившие украшениями оружия¹⁰⁰. Сложнее истолковать название *каптур*. Каптуром могла называться также и металлическая деталь холодного оружия – навершие сабельной рукояти¹⁰¹ (его можно было бы назвать «колпачком»). Каптуром или каптурой в древнерусском языке именовалась теплая шапка «типа камилавки»¹⁰². Однако вряд ли можно предположить, что *каптуром* могла называться парадная «шапочка» для копья. Скорее, речь шла о матерчатом с бахромою украшении древка под наконечником, подобном кисти на протазанах¹⁰³.

Попробуем прокомментировать названия, прилагавшиеся к самим копьём: относительно часто встречаемое в документах *копье черкасское*¹⁰⁴, реже – *копье калмыцкое*¹⁰⁵ и *копье кумыцкое*¹⁰⁶. С нашей точки зрения, все эти наконечники имели примерно ту же форму, что и большинство «трехгранных» копий, хранившихся в Оружейной палате в XVII – начале XIX вв., а отличались друг от друга и «копий московского дела» какими-либо деталями декора или иными характеристиками, не столь важными для классификации и типологизации оружия.

Известно, что к Пасхе 1668 г. для царя Алексея Михайловича были изготовлены «2 копьё железныя кумыцские, деланы в

Ствольном приказе; деревье черное, яблока деревянные золочены, руковедь покрыта тафтою алою; у копыя бахрама золото с серебром; деревье перевито галуном золото с серебром»¹⁰⁷. Это описание весьма сходно с описанием копыя, открывающего статью «Копья черкасские и московское дело» в Переписной книге 1687 г.: «Копье троугранное с перьем, под перьем яблочко золочено, тулея осмигранная золочена и серебряна через грань... под тулеею бахрама золотая с серебром; древко с яблоком золочено, дерево черное... по древку бахрама золото с серебром, на древке перевито галуном в пяти местех и повыше яблока оклеено тафтою алою»¹⁰⁸. По крайней мере, других копий на древках «с яблоком» в этой описи не имеется. Это последнее копые было идентифицировано в музейном собрании хранителем Л.П. Яковлевым (рис. 8)¹⁰⁹. Таким образом, мы можем обоснованно считать, что в музее хранится копые с высоким церемониальным статусом, изготовленное для царя Алексея Михайловича в 1668 г. и именовавшееся «копые кумыцкое». Объяснение этого названия требует отдельного исследования, мы можем лишь предположить, что оно связано с наличием прорезного орнамента на лопастях копыеца. Древо на этом копые, к сожалению, не сохранилось полностью, его нижняя часть утрачена, золочения на «яблоке» нет, а золотая кисть под яблоком, возможно, была в какой-то момент заимствована с одного из парадных протазанов, также хранившихся в Оружейной палате. Тем не менее, это ратовище, похоже, является единственным историческим древком от копий (и рогатин) Оружейной палаты.

Особняком от вынесенных в заголовок статьи названий древкового оружия стоят *пики* и *списы* (*шписы*, *писы*). В Музеях Кремля предметов с такими названиями нет¹¹⁰, а в документах Оружейной палаты XVII в. это оружие встречается редко. С одной стороны, ясно, что пики и списы – это синонимические на-

Рис. 8. Копье кумыцкое

звания длинных пехотных копий, которые появились в России лишь в начале XVII в.¹¹¹ Полностью аналогичные по словообразованию *полуписцы* и *полупики* подтверждают, что оба названия прилагались к одному типу оружия. С другой стороны, крайне непросто объяснить одновременное наличие этих двух наименований. Но имеется и третье весьма часто употребляемое название оружия пикинеров *долгое копьё* или даже просто *копьё*. Устав 1647 г. «Учение и хитрость ратного строения...» содержал рекомендацию: «окову на пиках бытии с конца полосам железным... пяти пядей длиною... а копейца по пальцу шириною, и теми лучшими почитаю. А по моей мысли и четверогранные против конных добры»¹¹². Однако в этом уставе наименование *пика* встречается крайне редко, а само вооружение пикинеров, как правило, носит название *копьё*. Взаимоотношения *пик*, *спис* и *долгих копий* далеко не всегда понятны из контекста документов. Например, в недатированной описи Оружейной палаты среди боевого оружия мы находим «17540 спис русского дела без дерев, 1000 спис немецких з дровки, 440 лат рейтарских с шишаки, 414 нагрудников, 100 копей длинных на дровках, и в том числе 10 копей золоченых»¹¹³. Еще труднее прокомментировать список оружия из arsenалов Киева 1677 г.: «450 полупик, 257 спис долгих... 120 полупичных железцов, 55 железцов спис»¹¹⁴. Подобное употребление названий сбивает с толку и пробуждает ложное представление о том, что в росписях числились четко различающиеся типы оружия.

С нашей точки зрения, ситуация с двойным наименованием оружия вполне естественна, тем более, что название *пика* было заимствовано из французского при посредстве немецкого языка¹¹⁵, а слово *списа* славянского происхождения¹¹⁶. Интересно, что в «Уставе ратных, пушечных и других дел...» 1607 г. *шпицы* упомянуты, судя по всему, ранее, чем они впервые появились в России в качестве реально действующего оружия. Так, в этом уставе рекомендовалось устройство оружейной комнаты, содержащей «сабли, палаши... мечи, тесаки, торги, рогатины, копьа и шпицы»¹¹⁷. *Торги* в этой цитате – скорее всего, результат неверного прочтения в источнике слова *торчи*. Как убедительно показал С.П. Орленко, название *торчи* на рубеже XVI–XVII вв. могло прилагаться к кончарам¹¹⁸. Эта последняя деталь, на первый взгляд, говорит о том, что перечисление оружия в уставе 1607 г.

построено по мере возрастания общей длины оружия: мечи – кончары – рогатины – копьа – пики. Однако последнее рассуждение натывается на множественность значений слова *торч*. Известно, что в 1611 г. в Ярославле для ополчения «пешим на долгие торчи сделаны две тысячи копей железных... потому, что преж сего в полках от того конным была защита»¹¹⁹. Таким образом, пикинерское оружие в России начала XVII в. могло носить еще одно название – *торч*. Здесь мы сталкиваемся с уникальным случаем, когда одно и то же название *торч* прилагалось к различным классам оружия – клинковому («кончар») и древковому («длинное пехотное копье»).

Перед тем как сформулировать основные выводы нашей работы, приведем две общеметодические посылки, из которых неявно исходили практически все оружиеведы. Первая из них такова: различные исторические названия оружия должны соответствовать разным типам предметов. Вторая: разные типы исторического оружия должны были различаться посредством присвоения им разных наименований. Выше мы привели несколько примеров, которые показывают ошибочность первой посылки. Вторая посылка также неверна, но доказать это сложнее, хотя бы потому, что у нас нет точного определения понятия «тип исторического оружия». В качестве примера приведем «типологию рогатин», разработанную О.В. Двуреченским. Три из четырех рогатины из собрания Музеев Московского Кремля (рис. 5) этот оружиевед определил как «наконечники рогатин индивидуальных форм»¹²⁰, то есть как не укладывающиеся в его типологию. Тем самым он вывел за рамки своей работы как раз то оружие, которое носит обоснованное историческое название рогатина, в отличие от прочих опубликованных им образцов, для которых мы таких названий не знаем.

Итак, упоминания в письменных источниках *копий*, *рогатин*, *сулиц* за редким исключением не позволяют определить тип оружия, скрывающийся за этими названиями. В большинстве случаев письменные памятники не включают достаточного для определения разновидности оружия контекста, кроме того, далеко не всегда можно оценить степень конкретности того или иного названия. Оружие в летописях и еще в большей степени в литературных произведениях вряд ли стоит оценивать, как имеющее набор четких «тактико-технических» или «конструктивно-мор-

фологических» характеристик. Напротив, для упоминаний оружия в этих источниках свойственна утрата конкретности, образность и поэтизация.

Аналогичным образом, для большинства предметов древкового оружия, хранящегося в музеях России, мы не можем уверенно указать исторические наименования, соответствующие времени их активного использования. Единственный музей, в котором древковое оружие может получить исторические названия – Оружейная палата. Памятники из этого музея помогают выявить некоторые тенденции, имевшие место при выборе наименований этого оружия и, возможно, некоторые типы оружия.

Так, название *рогатина* могло прилагаться к наконечникам с широким дулезвийным пером. Для всех рогатин из Оружейной палаты была характерна мощная трубка с двумя-тремя отверстиями для крепления к древку и одним крупным прямоугольным отверстием, скорее всего, для кожаного ремешка, посредством которого к оружию привешивался ограничитель. К сожалению, ни один из ограничителей рогатин, *кляпшышей* или *жребиев*, не сохранился. Еще одним признаком рогатины (охотничьей и парадной) могло быть древко с характерными «сучками» – упорами.

Из многочисленных разновидностей оружия, носивших название «копье», собрание Музеев Кремля позволяет выделить тип кавалерийского оружия, для которого *копье* будет и родовым, и видовым названием. Это наконечник вытянутой формы, жаловидную боевую часть которого трудно именовать *пером*, так как эта деталь, как правило, трех- и четырехгранная. Наверняка копья этого типа существовали и в XVI в., снабжались длинными, относительно тонкими древками и служили для таранного удара при сшибке всадников.

Отсутствие в музее исторических древков XVII в. не позволяет подтвердить наше предположение о том, что одним из признаков, по которому различались *сулицы*, рогатины и копья, могла служить длина древка.

И еще раз заострим внимание на том, что все перечисленные нами признаки представляют собой не четкие классификационные критерии, а лишь некоторые из условий, которые делали более вероятным получение предметом того или иного исторического названия. Все перечисленные нами выше названия – вари-

ативны. В корне неверным будет утверждение о том, что конкретный предмет древкового вооружения XVII в., хранящийся сегодня, например, в музее, на время своего появления и активного использования имел некое однозначное «правильное» название.

¹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, *сулицы*, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966. С. 23; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 21.

² Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 5, 23–25.

³ Там же. С. 15, 16.

⁴ Макс Фасмер считал, что одно из наиболее ранних употреблений слова *тика* встречается у Григория Котошихина. См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 2003. С. 260. Более раннее упоминание пик содержится в переведенном с немецкого в 1647 г. пехотном уставе Вальхаузена, в описи царского оружия 1647 г. См. Роспись государевой оружейной казны 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Л. 42.

⁵ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб., 1841. С. 66. Это же определение почти дословно приведено в Путеводителе по Оружейной палате 1911 г. См. Арсеньев Ю.В., Трутовский В.К. Оружейная палата. Путеводитель. М., 1911. С. 138.

⁶ Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII века) Диссертация на соискание уч. ст. канд. историч. наук. СПб., 2008. С. 14.

⁷ Одинцов Г.Ф. К истории древнерусских названий метательного копья (луца и его варианты; сулица, совь, копийце) // Этимология. 1976. М., 1978. С. 109.

⁸ Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 128–129.

⁹ См. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5558, 5563, 5613–5615; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 1. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884. № 4193. В настоящий момент в инвентарных книгах музея термин *совня* применяется (с нашей точки зрения, неоправданно) даже к боевым частям рогатин.

¹⁰ В XIX в. зафиксировано слово *совня* со значением «корзинка, лукошко, из которого сеют хлеб». См. Словарь русских народных говоров. Вып. 39. СПб., 2005. С. 190.

¹¹ Известно, что русское древковое оружие, наконечник которого имеет вид одностороннего несимметричного клинка, могло называться *пальмой*, и, в отличие от *совни*, для *пальмы* можно привести доказательства того, что в XVII в. это название соотносилось с оружием именно такой формы. О пальмах см. Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 110–111.

¹² Висковатов А.В. Историческое описание одежды... С. 65.

¹³ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 222.

- ¹⁴ Там же. С. 232. Сноска 1.
- ¹⁵ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I. СПб., 1877. С. 179.
- ¹⁶ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 59.
- ¹⁷ Арсеньев Ю.В., Трутовский В.К. Оружейная палата... С. 131. В этом же издании *джи́д* был истолкован как «влагалище с гнездами для сулиц».
- ¹⁸ Городцов В.А. Холодное оружие императорского Российского исторического музея. Копья и пика. Рогатина. Навершие знамени. М., 1913. С. 2.
- ¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь... С. 801; Одинцов Г.Ф. К истории древнерусских названий... С. 106.
- ²⁰ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 87.
- ²¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. С. 127; Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. С. 199.
- ²² Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 74.
- ²³ Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1907. С. 62
- ²⁴ Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24. С. 190.
- ²⁵ Новгородская первая летопись. ПСРЛ. Т. 3. М., 1950. С. 244.
- ²⁶ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. 1908. С. 810.
- ²⁷ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Р–Я. Т. III. СПб., 1912. С. 617.
- ²⁸ История о Казанском царстве. ПСРЛ. Т. 19. М., 2000. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kaz_let/text9.phtml?id=612.
- ²⁹ Сказание о Казанском царстве. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Kaz_let/text9.phtml?id=612 (на 20.02.2016).
- ³⁰ Лексис с толкованием словенских мов просто. С предисловием архим. Амфилохия // ЧОИДР. 1884. Кн. II. С. 15.
- ³¹ Лексикон словенороский Памви Беринди. Підг. тексту і вступ. ст. В.В. Німчука. Київ, 1964. С. 125.
- ³² Согласно английскому этимологическому словарю, слово *dart* происходит «from Old French *dart* “throwing spear, arrow”, from Proto-Germanic **darothuz* cognates: Old English *darod*, Old High German *tart*, Old Norse *darraþr* “dart”). Italian and Spanish *dardo* are said to be from Germanic by way of Old Provençal». http://www.etymonline.com/index.php?term=dart&allowed_in_frame=0
- ³³ См. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси... С. 21.
- ³⁴ Житецкий П. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Ч. I. Киев, 1889. Словарь книжной малорусской речи по рукописям XVII в. С. 75.
- ³⁵ Острозька Біблія. Опрацював та приготував до друку ермн. архимандрит др. Рафайл (Роман Торконяк). Львів, 2006. С. 438. (Библія. 1 Царств. 17. 4-7).
- ³⁶ Сибирские летописи. Погодинский Летописец. ПСРЛ. Т. 36. С. 131.
- ³⁷ Савваитов П. Описание старинных русских утварей... С. 140; Срезневский И.И. Материалы для словаря... С. 616–617.
- ³⁸ Одинцов Г.Ф. К истории древнерусских названий метательного копья... С. 110; Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб., 2008. С. 222.
- ³⁹ Левькин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М, 1997. С. 65.
- ⁴⁰ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 203.

- ⁴¹ Роспись оружейной казны царя Михаила Федоровича 1639 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2948. Л. 10.
- ⁴² Роспись государственной оружейной казны 1647 г. Там же. Л. 17
- ⁴³ Ни один сохранившийся предмет оружия, к которому в XVII в. прилагалось определение *мерекляный*, не позволяет понять значение этого слова. Скорее всего, мерекляными называли предметы, подвергнутые какому-либо виду воронения.
- ⁴⁴ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске. 1654. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Л. 2.
- ⁴⁵ Переписная книга 1687. Л. 210.
- ⁴⁶ Перо надломлено в средней части в позднейшее время.
- ⁴⁷ Цитируется по книге: Городцов В.А. Холодное оружие императорского Российского исторического музея. Копья и пика. Рогатина. Навершие знамени. М., 1913. С. 3. В то же время, в числе выданных из Оружейной палаты могло оказаться второе хранившееся в ней копые со «змеиной» головой на трубке.
- ⁴⁸ Роспись государственной оружейной казны 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Л. 43.
- ⁴⁹ Краткий обзор работ, посвященных рогатине князя Бориса Александровича, был сделан И.А. Комаровым. См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. № 58.
- ⁵⁰ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... С. 66.
- ⁵¹ Левыкин А.К. Воинские церемонии... С. 65–66.
- ⁵² Карион Истомина. Букварь. М., 1694. Лист «Р».
- ⁵³ Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. С. 830.
- ⁵⁴ Там же. С. 833.
- ⁵⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 34.
- ⁵⁶ Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 27.
- ⁵⁷ Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М. 1891. С. 14.
- ⁵⁸ Там же. С. 11.
- ⁵⁹ РИБ. Т. 33. СПб., 1915. С. 409.
- ⁶⁰ Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Вып. II. С. 230. http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3
- ⁶¹ Опись казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. С. 151.
- ⁶² «Рогатина – вид оружия, подобный ирландскому дарту, который используют воеводы (рогатинами промысловики забивают медведей и других зверей)» (См. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619. Л., 1959. С. 87–88).
- ⁶³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9. СПб., 1895. № 106. С. 222–227.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 182.
- ⁶⁵ Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. Составитель Топорков А.Л. М., 2010. С. 354.

- ⁶⁶ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... Табл. 67.
- ⁶⁷ Переписная книга 1687 г. Л. 203, № 8; Л. 204 об., № 14; Л. 200 об.–201, № 1; Л. 203 об.–204, № 11.
- ⁶⁸ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-888.
- ⁶⁹ См.: Чубинский А.Н. Сабельные клинки и древковое оружие «с жемчужинами» в собрании Музеев Московского Кремля // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» 22–23 октября 2015 г. Тула, 2016. (В печати).
- ⁷⁰ Переписная книга 1687 г. Л. 204 об.–205, № 14.
- ⁷¹ Расходная книга денежной казне Оружейного приказа на окладное и неокладное жалование мастерам и на покупку для их работ разных материалов и припасов нынешняго 1656–1657 гг. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 87.
- ⁷² Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1984. С. 191.
- ⁷³ Переписная книга 1687 г. Л. 203 об.–204, № 11.
- ⁷⁴ Опись казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. Л. 152.
- ⁷⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850. С. 11.
- ⁷⁶ Роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича, которая была в походе под Ригой 1656-1657. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5835. Л. 38.
- ⁷⁷ Переписная книга 1687 г. Л. 544 об.
- ⁷⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1890. С. 1235.
- ⁷⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... С. 65.
- ⁸⁰ Кулинский А.Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. Методические рекомендации. СПб., 2007. С. 21.
- ⁸¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1. Статья «Копье». С. 427.
- ⁸² Там же. Статья «Копать». С. 426–427.
- ⁸³ Там же. Статья «Копье». С. 427–428.
- ⁸⁴ Эта омонимия существует и в современном языке и доставляет массу неудобств при музейном документировании вещей: копьям на древке и без древка при инвентаризации присваиваются одинаковое название.
- ⁸⁵ Переписная книга 1687 г. Л. 180 об.
- ⁸⁶ При современной типологизации такой наконечник, несомненно, отнесли бы к рогатинам.
- ⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Л. 1926–1928. С. 230.
- ⁸⁸ Автор надеется восполнить этот пробел в ходе работы над каталогом собрания Музеев Московского Кремля «Древковое и ударное оружие XV–XVIII вв.».
- ⁸⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... Табл. 66. Второй слева наконечник.
- ⁹⁰ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5644.
- ⁹¹ Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение... С. 83. Сноска 34.
- ⁹² Переписная книга 1687 г. Л. 200, № 12.
- ⁹³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... С. 7, 15. Тип V.

- ⁹⁴ Висковатов А.В. Историческое описание одежды... Табл. 65.
- ⁹⁵ По нелепой случайности в музейной документации этот медный наконечник (Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-2046) и другой аналогичный первому до сих пор носят название копий.
- ⁹⁶ Лексикон словеноросский Памви Беринди... С. 133.
- ⁹⁷ Савваитов П. Описание старинных русских утварей... С. 32.
- ⁹⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 200 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 699 об.
- ¹⁰⁰ Лопастями назывались в том числе атласные завязки к парадным шлемам Оружейной палаты. См.: Переписная книга 1687 г. Л. 464 об., № 8; Л. 479 об. № 13.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 29, 53 об., 58 об.
- ¹⁰² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1890. С. 1194.
- ¹⁰³ В Музее Армии в Стокгольме среди трофеев, взятых под Салатами в 1703 г., хранится несколько тканевых предметов с названиями «чехлы» (Например, Tjechoh Inv. AM. 083587, AM. 083625; См. <http://digitaltmuseum.se/search?query=saladen%201703>), которые сходны с вышеприведенной реконструкцией. С нашей точки зрения, эти же предметы в России могли носить название каптуров с лопастями. Выражаю благодарность М.Ю. Романову, обратившему внимание автора на эти изображения.
- ¹⁰⁴ См., например: Роспись оружейной казны царя Михаила Федоровича 1639 г. Л. 9; Роспись государственной оружейной казны 1647 г. Л. 16; Переписная книга 1687 г. Л. 200, № 10.
- ¹⁰⁵ См.: Роспись оружию, которое делано в Оружейном приказе в поднос царю Алексею Михайловичу к празднику Светлой Недели 1663 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 13.
- ¹⁰⁶ Роспись государевым оружейным делам, которые на праздник недели Святой Пасхи были великому государю в подносе. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11708. Л. 5.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 197, № 1.
- ¹⁰⁹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. № 5648.
- ¹¹⁰ Пикинерские пики, похожие, сохранились в музейном собрании знамен и в настоящий момент инвентаризированы как знаменные древки с металлическими навершиями.
- ¹¹¹ См., например: Курбатов О.А. Наемный корпус Делгарди на службе царя Василия Шуйского: Опыт внедрения нидерландской военной системы в России в начале XVII века // Цейхгауз. 2002. № 19. С. 4–6.
- ¹¹² Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 г. СПб., 1904. С. 108.
- ¹¹³ Роспись разной сбруи царя Алексея Михайловича. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 37372. Л. 4.
- ¹¹⁴ Росписной список города Киева 1677 года // ЧОИДР. 1884. Кн. 2. / Подг. Е. В. Барсов. С. 13, 15.
- ¹¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь... С. 260.
- ¹¹⁶ Там же. С. 735. Статья «Спица».
- ¹¹⁷ Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... СПб., 1777. С. 6–7.

¹¹⁸ Орленко С.П. Тарч из собрания Оружейной палаты. История и легенда // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года. Ч. III. СПб., 2013. С. 385–386.

¹¹⁹ ААЭ. Т. II. № 188. II. С. 322.

¹²⁰ Двуреченский О.В. Указ. соч. С. 493, рис. 59/2; С. 494, рис. 60/1; С. 495, рис. 61/2.

А.Н. Чубинский (Москва)

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ, УТРАЧЕННЫЕ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТОЙ В XVII–XIX ВЕКАХ. УТРАТЫ МНИМЫЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ

СОБРАНИЕ ОРУЖИЯ московской Оружейной палаты представляет интерес не только благодаря предметам, которые в настоящий момент выставлены в экспозиции или хранятся в фондах музея. Чрезвычайно интересно также оружие, которое по той или иной причине покинуло стены Кремля и о котором мы можем судить по документам XVII–XIX вв. Много таких предметов было целенаправленно передано в другие музеи в XIX–XX вв. (в ГИМ, в Артиллерийский музей, в Тулу, в ряд региональных музеев). Эти последние предметы, даже утратив связь с «родительским» собранием, продолжают оставаться в составе российского музейного фонда и принципиально доступны для исследователей.

В нашей работе речь пойдет о других предметах вооружения, которые проходят по старым описям Оружейной палаты, но местоположение которых до последнего времени было неизвестно. Это исследование было задумано достаточно давно и представлялось в виде перечня уникальных предметов средневекового вооружения, утраченных Оружейной палатой ко второй трети XIX в. Однако за прошедшее время многое изменилось. Выяснилось, что некоторые образцы оружия, которые числились в описях царской оружейной казны в XVII в., а позднее считались утраченными, на самом деле никогда не покидали кремлевское собрание. Так, например, долгое время интриговавшие оружейников *тюфяки*, описанные в Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. как «пара тюфяков коротких винтованных Тимофеева дела Лученинова... замки аглинские... станки яблоновые почернены»¹, считались утерянными к 1886 г.² Но в недавнем ис-

следовании автора³ было показано, что под наименованием тюфяков в 1687 г. числилась пара пистолетов, которые благополучно хранятся в музее до сих пор и в течение многих лет украшают экспозицию Оружейной палаты⁴. Утраченными оказались не сами памятники русского средневекового оружия, а их историческое название, которое давало возможность идентифицировать их в документах XVII в. Здесь мы можем говорить об особом виде утраты исторического памятника: продолжая существовать физически, он теряет свое исходное наименование, утрачивает связь с письменными источниками и таким образом обезличивается.

Именно так обстоит дело с доспехом, который в документах XVII в. носил название *шестерня*: «Шесть шестерней, у них по три мишени медные посеребренны»⁵. В современном собрании доспехи с этим названием не числятся, вопрос о бытовании и специфике такого доспеха в отечественном оружьеведении, насколько нам известно, не поднимался вообще.

На первый взгляд, название *шестерня* или *шестерня кольчужная* предполагает, что это вооружение значительно отличалось от других видов кольчатого доспеха и к кольчуге имеет лишь косвенное отношение (ср. наименования *панцирь коробчатый* или *панцирь узловатый*, которые заставляют думать, что эти доспехи в первую очередь являлись панцирями). Но размещение шестерней в описи царской оружейной казны 1687 г. в одной главе с другими кольчатыми доспехами «Байданы и кольчуги, и шестерни кольчужные» перед главой, в которой числились панцири, позволяет считать, что шестерня является все-таки кольчатым доспехом, близким к кольчуге, но отличным от панциря. Понять, какая именно особенность этого доспеха была выражена словом шестерня, позволил анализ способов плетения колец у кольчатого доспеха. В подавляющем большинстве случаев у кольчуг, панцирей, а также у единственной сохранившейся байданы каждое кольцо переплетено с четырьмя соседними. Но, по крайней мере, у двух кольчуг из собрания Оружейной палаты⁶ (рис. 1) имеется более плотное плетение, при котором каждое кольцо захватывает шесть близлежащих колец (рис. 2). Наверняка именно эта особенность плетения привела к появлению рассматриваемого наименования: *шестерня* означает кольчугу, у которой каждое кольцо зацеплено за шесть смежных ко-

Рис. 1. Кольчуга (шестерня кольчужная) на манекене. Изображение из статьи Н.В. Гордеева «Русский оборонительный доспех», 1954 г.

Рис. 2. Плетение колец в кольчужной шестерне

лец. Хранитель Оружейной палаты Н.В. Гордеев назвал такую конструкцию «двойное плетение» и попутно отмечал, что кольца обеих упомянутых кольчуг заклепаны на два гвоздя⁷. Скорее всего, эти кольчуги благодаря большей «вязкости» и более прочному креплению отдельных колец были весьма эффективным кольчатым доспехом. При этом «шестерни панцирные», скорее всего, не существовали: небольшое в сравне-

нии с кольчужой панцирное кольцо вряд ли позволяло продеть сквозь него сразу шесть смежных колец.

Иную в сравнении с шестернями ситуацию мы имеем с двумя кольчатыми доспехами, которые в той же описи 1687 г. описаны как «Панцырь по ерлыку написан великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси. На грудях с обе стороны под десяти колец с подписью... Пансырь по ерлыку написан Бориса Федоровича»⁸. Без сомнения, эти записи указывают на принадлежность панцирей царям Ивану IV (Грозному) и Борису Годунову. В современном собрании такие панцири

не значатся. Однако велика вероятность того, что в позднейшее время подвешенные к панцирям кусочки бумаги с отмеченной принадлежностью, «ярлыки», были утрачены, в результате чего панцири были обезличены и смешались с массой других кольчатых доспехов. Таким образом, вполне возможно, что в музее до сих пор хранятся два панциря русских царей, однако, они не могут быть выделены из числа прочих кольчатых доспехов.

Еще один предмет вооружения, принадлежавший Ивану Грозному и вошедший в перечневую роспись оружейной казны 1647 г., утрачен наверняка. Он был описан как «полукибирье большое, зделано на два острея, по обе стороны наведено золотом травы, по краем по обе стороны наведено золотом ж титла государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии»⁹. *Полукибирье* описано в одной главе со *стрельными железцами*, то есть наконечниками стрел. Его описание показывает, что это был достаточно крупный двушипный уплощенный наконечник. Насколько нам известно, сходные русские наконечники сохранились лишь в качестве археологического материала, а русские стрелы с надписями неизвестны вовсе. В Переписной книге 1687 г. этого наконечника уже нет. Это позволяет считать *полукибирье* Ивана Грозного безнадежно утраченным. Невозможно предположить, что этот уникальный образец русского парадного вооружения будет когда-либо обнаружен в музейном или частном собрании.

Из большого числа стрел со сложной и разнообразной номенклатурой, хранившихся в Оружейной палате в XVII в., сохранились стрелы только одного типа с ромбическими черешковыми наконечниками, но и они не идентифицированы в ранних описях Оружейной палаты вплоть до 1687 г. Наименования стрел в этих документах – северги, срезни, томары, свищи – до сих пор точно не сопоставлены с известными нам формами наконечников. Так, например, если для стрел, названных в 1687 г. свищами, В.И. Поветкиным был найден достаточно достоверный археологический материальный эквивалент¹⁰, то *стрелы* срезни не могут считаться корректно определенными в современном оружейведении. В свое время известный русский археограф П.И. Савваитов высказал предположение: «...есть... род стрел, которых концы имеют вид заостренных лопаток, не это ли наши срезни?»¹¹. Хранитель Эрмитажа Э.Э. Ленц уже пользовался термином *срез-*

ни при описании конкретных исторических образцов стрел¹². А современные оружейеды, к сожалению, используют термин *срезни* как общепринятый, не пытаясь обосновать названия типов предметов в своих типологических построениях ссылками на письменные источники¹³. Документы, однако, не позволяют определить *срезни* как стрелы с металлическими наконечниками специфической формы. В Переписной книге 1687 г. сказано: «Три гнезда срезней яблонových; перьё белохвостовое, уши и на-косточки рыбей зуб; под перьем изрешечено серебром золоченым плащеным, перевивка золото прядено»¹⁴. Таким образом, единственные в царской казне срезни имели наконечники (*на-косточки*) из моржовой кости (*рыбей зуб*). Для сравнения можно привести описание другого типа стрел из той же описи – *томариков*: «Два гнезда томариков чипрасовых, одно гнездо мелко; ушки и на-косточки серебряные золочены резные; перьё белохвостовое...»¹⁵. Похоже, что и существующее определение *томаров* как стрел с исключительно костяными наконечниками нуждается в пересмотре. Взглянуть на «типологию» стрел с другой стороны позволяет упоминание *срезней* в числе имущества, конфискованного у князей Голицыных в 1689 г.: «Тринадцать стрел яблонových, в том числе четыре стрелы кленовых худых, у яблонových уши и срезни костяные»¹⁶. В этом фрагменте *срезнями* названы не сами стрелы, а лишь их наконечники, но также костяные.

Выявленную расплывчатость в названиях и определениях боевых и охотничьих стрел XVII в. мы можем компенсировать весьма приятной находкой, а именно идентификацией в собрании музея церемониальных стрел, которые в Переписной книге 1687 г. замыкают главу «Стрелы...» и описаны в одной статье с прапорами: «Четыре прапора писаны золотом по белому железу, что бывают на теремах и на крыльцы на шетрах... пять стрел железных больших (выделено мною. – А. Ч.) по два аршина по пяти вершков, что ставятца на круглых башнях»¹⁷. В кратком содержании той же описи об этих стрелах написано более определенно, что они «бывают под прапарам на хоробах и на круглых башнях»¹⁸. Эти данные позволяют предположить, что в документе упомянуты прапоры, являвшиеся личными штандартами московского царя, а железные стрелы служили их древками. В настоящий момент сохранилось четыре из пяти стрел (рис. 3), они

**Рис. 3. Стрелы.
Россия, Оружейная
палата (?), XVII в.
Экспозиция
Оружейной палаты**

выставлены в экспозиции Оружейной палаты¹⁹ и могут быть уверенно сопоставлены с описанными в 1687 г., в том числе благодаря достаточно хорошему совпадению их фактической длины (155–160 см) с приведенной в документе (примерно 164 см). В экспозиции музея эти стрелы датированы XII–XIII вв. и называются стрелами для метательных машин. С нашей точки зрения, стрелы нужно датировать XVII, самое раннее XVI в. и рассматривать их не в качестве расходного материала крепостной артиллерии, а как предмет церемониального и знакового оружия.

Следующий памятник, утраченный в XIX в., – ружье-бердыш. В описи Оружейной палаты 1808 г. ему посвящен такой текст: «Бердыш железной, у коего на обухе приделан железной рог, подобно как у некоторых топоров, вместо древка ружейной ствол, обтянутый вылакированной и расписанною кожею. С стальным замком и железным шомпулом»²⁰. Это комбинированное оружие не числится в позднейших музейных описях и в настоящий момент в музее отсутствует. С нашей точки зрения, именно этот бердыш был изображен на хранящемся в музее акварельном рисунке первой половины XIX в., причем в натуральный размер²¹. Уникальным этот образец делает двусторонняя надпись на лопасти топора: «Бердыш // Феодора //

Ивановича // Стремоухова // Десниц[а] Г[оспо]дня, сотв[о]ри силу. Десница Г[оспо]дня, возн[е]се мя. // В шуицы ея богатство и слава». Последние строки взяты из Псалма 117, молитвы об оборонении врагов, и Книги Притч²². Судя по изображению, на оружии установлен кремневый замок французского типа. Помимо золоченой надписи лопасть топора с вырезным тупьем украшена гравированным растительным орнаментом. Скорее все-

го, бердыш поступил в Оружейную палату в числе другого имущества, конфискованного у князя В.В. Голицына и его сына в 1689 г.: «Бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком, покрыт кожей красною»²³. Заметим, что остаются сомнения в тождественности бердыша, описанного в 1808 г., и изображенного на акварели (в описании не упомянута надпись, на изображении нет «крюка», который, впрочем, мог быть утрачен). Возможно, сомнения разрешатся, когда будет установлена личность владельца этого оружия Ф.И. Стремоухова. Обстоятельства и время изготовления этого бердыша-ружья – тема для отдельного исследования²⁴.

Еще один образец древкового (ударного) оружия, отсутствующий в музее, по меньшей мере, со второй трети XIX столетия, – топор, форма которого может быть реконструирована по описанию 1808 г.: «Топор небольшой стальной, имеющий вид погнутого вниз клина к острию расширяющегося, на стальном же топорнице; вдоль плоских сторон топора по ушку и на верхней части обуха, имеющего вид четырехстороннего молотка, насечено золотом и сверх того между каем по двоеглавому орлу с распростертыми когтями; сталь изрыта... наподобие дамаска; круглой черен с осмигранной рукоятью... внутри пуст, в пустоте перекатывающийся металлический жеребеёк производит звук»²⁵. В описи 1687 г. он представлен более кратко: «Топорок железной наведен золотом, с обе стороны по орлу двоеглавму; топорнице железное, а в нем гремит желесцо, топорнице места посеребрено и золочено по резным травам; сверху и на конце по яблочку прорезные»²⁶. Сочетание изображения двуглавого орла и дамасской стали показывает, что топор мог быть изготовлен только в Оружейной палате. В плане декора мы имеем несомненно выдающееся произведение оружейного искусства, в украшении использована насечка золотом, включающая фигуративные изображения, орнаментальная резьба (или гравировка – «резные травы»), резьба на проем («яблочки прорезные»), золочение и серебрение – судя по всему, в декоративном отношении он не уступал посольским топорам. Сочетание примененных техник заставляет предполагать, что над топором работал первоклассный царский оружейник. В одном из документов Оружейной палаты 1647 г. упоминается «топор красного железа Микитина дела Давыдова»²⁷. Но, конечно, оснований для сближения этой работы

легендарного русского оружейника с описанным выше топором недостаточно.

Отметим такую загадочную деталь топора, как гремящий металлический шарик в полой топорище («желеско» или «жеребеёк»), которая имеет аналоги на восточных и русских клинках XVI–XVII вв. (так называемых «клинках с жемчужинами»), русских копьях, а также иранских булавах XVII в. Однако в отличие от других видов холодного «говорящего» оружия, описанный топор – единственный, другие топоры со вставленным в них звучащим элементом неизвестны²⁸.

В Росписи походной казны, которая была взята царем Алексеем Михайловичем в Смоленский поход, в числе клинкового оружия числилось два предмета с наименованием *картеляш*: «Картеляш немецкой стальной, черен железной, посеребрян и позолочен... в ножнах два ножа да вилки (вилки зачеркнуто, другими чернилами вписано *иголка*. – А. Ч.)... картеляж московское дело, черен костяной рыбею зуб»²⁹. Положение предметов в описи позволяет лишь понять, что это было скорее длинноклинковое оружие: *картеляши* были описаны после единственного в описи палаша, причем все три предмета были включены в большую группу сабель. *Картеляши* больше не упоминаются ни в ранних описях царского оружия, ни в Переписной книге 1687 г., в которой не значилось ни одного предмета клинкового оружия с ножиком и вилкой (иголкой) в ножнах, равным образом, не было и предмета, подходящего под описание «картеляша московское дело». Можно с осторожностью предположить, что картеляш московской работы был размонтирован, а его клинок числился в Переписной книге 1687 г. как «полоса булатная сулеба; на ней вытерто по обе стороны по долу с опушкою»³⁰. Основания для такого сближения следующие: описание «полосы сулебы» в Переписной книге 1687 г. завершает группу палашных полос, а картеляши в Росписи походной казны 1654 г. также следовали за палашом. Так что имеется вероятность того, что у оружия, получившего в 1654 г. редкое название *картеляш*, был установлен нетипичный для русских сабель и палашей клинок, которому в 1687 г. также не смогли присвоить привычное название и отнесли к *сулебам*. Но и этот клинок не выявлен в современном собрании музея, кроме того, мы в той же мере не знаем, какое именно оружие могло называться *сулебом* или *сулейбой*.

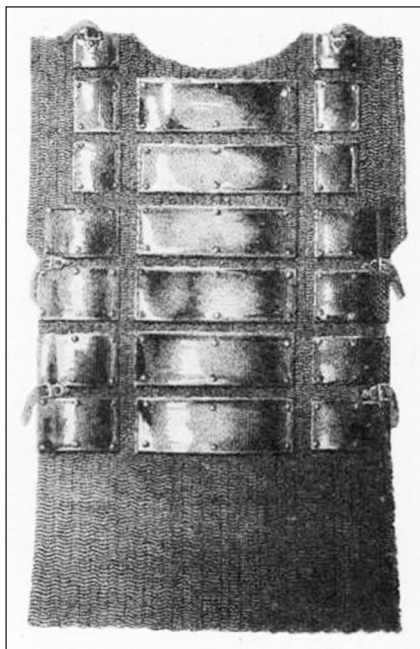
Источник появления в Европе оружия с названием, созвучным русскому *картелями*, – Италия. Итальянское *cortello* (*coltello*, *cortelas*) или *coltelaccio* обозначало «большой нож». В XV в. это оружие появляется и в Германии под наименованием *Kordelatsch* или *Kordalätsch*³¹. Дж. Камерон Стоун причисляет картелиши и ряд предметов оружия с другими названиями к «семейству палашей», давая всем этим типам обобщенное наименование *Cutlas*, и определяет время их активного бытования как XV–XVII вв.³² В разных европейских странах *картелями* выступал как оружие горожан, оружие для фехтования, абордажная сабля, небольшой пехотный меч³³. В Польше *kordelas* служил охотничьим оружием³⁴, а в Швеции в начале XVI в. под названием *kortelass* упоминался строевой палаш³⁵. Теоретически Россия могла заимствовать картелиши и из Польши, и из Швеции, и из Германии, и даже из Италии. Фонетически наиболее вероятно, что русское наименование было заимствовано из немецкого. В позднейшее время оружие, генетически восходящее к итальянскому *cortello*, в России могло называться тесаком или полусаблей, а также кортиком. Впрочем, эта тема – установление точных связей между русскими родственными, но не тождественными друг другу видами оружия и их названиями – *кортиком*³⁶, *картелишем* и *кордом* (*кортом*, *хортом*) – требует специального исследования, осложненного тем, что ни один образец русского оружия XVII в. с перечисленными названиями в музеях России не хранится. Согласно нашей гипотезе, один и тот же предмет клинкового оружия в России XVII – начала XVIII вв. мог иметь названия *корд*, *картелиш* и *сулеба*, а в XVIII в. тот же предмет получил бы однозначное наименование *кортик*.

Колонтарь (*калантарь*) – наиболее интересный предмет вооружения, о котором пойдет речь в нашей статье. В царской оружейной казне XVII в. хранился единственный доспех с таким названием. Судя по всему, это был парадный царский доспех высокого достоинства. Так, например, среди защитного вооружения, взятого царем Алексеем Михайловичем в Смоленский поход 1654 г., колонтарь числился вторым после зеркального доспеха: «Зерцало наводное золотом. Калантырь. Бахтерец. Бахтерец же с полами. Пансырь. Юмшан резной золоченой. Юмшан наводной. Байдана...» (1654. Л. 43). Наиболее раннее упоминание колонтаря находится в перечневой росписи царской казны

1647 г.: «Калантырь стальной, доски прорезные»³⁷. В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. этот же предмет входит в 48 главу – «Калантари» – первым и единственным, и его описание чуть более подробное: «Калантарь стальной доски прорезные, пряжки и наконешники и гвози (описка, нужно *гвозди*. – А. Ч.) железные золочены, застешки тесма шелк зелен червчат з золотом; а по нынешней переписи 195-го году и по осмотру тот колонтарь против прежних переписных книг шлолся, цена тысяча рублей»³⁸. Денежная оценка для этой описи колоссальная, колонтарь явно входил в десяток самых дорогих вещей Оружейной палаты.

Думается, что только этот колонтарь мог быть описан А.В. Висковатовым в 1841 г., где помещалось текстовое описание и изображение этого доспеха: «Калантарь – доспех без рукавов из двух половин, застегивавшихся или завязывавшихся на обоих плечах и на боках. Каждую половину от шеи до пояса составляли несколько рядов крупных металлических дощечек... скрепленных между собою мелкими или крупными железными кольцами... спинные доски на калантаре делались мельче и чаще, нежели грудные»³⁹. Однако в комментариях к этому описанию А.В. Висковатов написал: «Калантари редки. В Оружейной палате их нет вовсе»⁴⁰. Следовательно, этот доспех воочию не видели ни составители «Исторического описания...», ни зарисовавшие его художники. С нашей точки зрения, А.В. Висковатов описал колонтарь, опираясь на текст из описи Оружейной палаты 1808 г.: «Калантарь, состоящий из двух отдельных половин, из коих одна составлена из стальных прорезных на проем дощечек в три ряда собранных и подложенных снизу глухими железными дощечками, а другая половина состоит из таких же дощечек, но в пять рядов собранных, соединенных между собою панцирными ж, как и первая, кольцами. Вокруг всего калантаря кольчатый железный подзор. На одной половине пряжек стальных золоченых четыре. На другой пряжек таковых же две и шесть завязок из золотой с зеленым и красным тесьмы. На них по закрепке и по наконечнику стальному золоченому»⁴¹. Однако в опубликованном описании А.В. Висковатовым была опущена важная деталь: каждый вертикальный ряд металлических прорезных пластин на груди имел дополнительное усиление, был подложен «глухими», то есть непрорезными пластинами. Следо-

вательно, изображение (и описание) колонтаря, опубликованное А.В. Висковатовым (рис. 4), не отражает важнейшую деталь этого доспеха⁴². Тем не менее, в позднейшее время «колонтари» уже воспринимались как четко идентифицированный вид древнерусского кольчато-пластинчатого доспеха⁴³, несмотря на то, что единственный колонтарь из Оружейной палаты был утрачен в период 1808–1835 гг., а в музейных собраниях России нет ни одного предмета с таким названием. Впрочем, Л.И. Тарасюк в 1966 г. опубликовал кольчато-пластинчатый доспех из собрания Эрмитажа под двойным наименованием колонтарь-бахтерец («kolontar'-bakhterets») ⁴⁴, но без каких-либо аргументов, оправдывающих использование этого термина.

Рис. 4. «Колонтарь». Изображение из «Исторического описания...» А.В. Висковатова

Таким образом, на сегодняшний день у нас нет ни хранящихся в музеях образцов колонтарей⁴⁵, ни точных описаний этого доспеха (за исключением, разве, Описи 1808 г.)⁴⁶. Этот факт существенно влияет на один из выводов обстоятельного исследования русского доспеха, проведенного в недавнее время О.В. Шиндлером⁴⁷. Этот исследователь утверждал, что единственный доспех, который можно обоснованно назвать колонтарем, хранится в настоящий момент в Государственном Историческом музее⁴⁸. К сожалению, наименование *колонтарь* (*калантарь*) в работе О.В. Шиндлера увязано с конструкцией доспеха, которая не соответствует описанию исторического колонтаря, хранившегося в Оружейной палате.

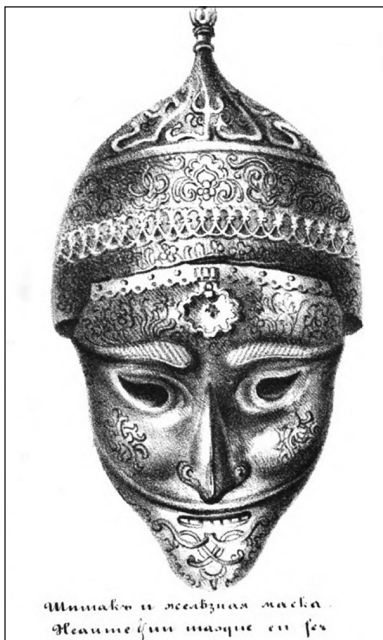
С нашей точки зрения, колонтарь можно сблизить как с бахтерцами и юшманами, так и с зеркальными доспехами. С первыми колонтарь роднят вертикальные ряды металлических пластин, положенных внахлест, с зеркалами – конструкция из двух половин, застегивающихся ремешками на плечах и боках (отметим, что в документах отмечены и кольчато-пластинчатые зеркальные доспехи⁴⁹). Таким образом, *колонтарь* из Оружейной палаты представляет собой трудноопределимую вариацию кольчато-пластинчатого доспеха, и у нас нет оснований для выделения особого типа русского защитного вооружения под таким названием⁵⁰. Термин «колонтарное плетение» применительно к кольчато-пластинчатому доспеху⁵¹ также представляется нам неудачным, так как, судя по описанию, металлические пластины колонтаря располагались плотными вертикальными рядами, соединенными между собой панцирной сеткой, подобно бахтерцам и юшманам.

Этимология слова колонтарь могла бы быть прояснена при сравнении с предметами конской сбруи, носившими то же название. Так, в Описи Оружейной палаты 1808 г. были зафиксировано несколько калантарей, а их название было расшифровано при описании первой пары из них: «Калантарей два (то же, что узды)»⁵². В современном собрании музея эти предметы атрибутированы как турецкие оголови XVII в.⁵³, по сути, это упряжные узды, не выделяющиеся в конструктивном и декоративном отношении из числа прочих аналогичных предметов⁵⁴. Это также тема для отдельного исследования.

В заключение упомянем еще два «утраченных» предмета защитного вооружения, которые значились в описи Оружейной палаты 1808 г. В главе этой описи под названием «Маски» было описано всего пять предметов: «№ 5396–5398. Масок железных три, из коих две с легкою порезкою, а третья без оной. Все вообще много поржавели. № 5399, 5400. Две маски с накладками по лбу одна железною, другая медною в виде полумесяца»⁵⁵. Первые три маски, хорошо известные оружиеведам, к 1884 г. были смонтированы заклепками на восточных шлемах⁵⁶. Две последних маски в позднейших описях Оружейной палаты не встречаются. Следовательно, у нас есть основания полагать, во-первых, что эти две маски покинули музей, во-вторых, что они были аналогичны трем сохранившимся. То есть мы вправе предположить,

что в начале XIX в. в музее хранилось не три легендарные восточные маски, а пять.

Однако вопрос о шлемах с масками куда более сложен, чем может показаться из вышеприведенного абзаца. Неизвестно, когда именно три сохранившиеся маски появились в Оружейной палате и каким образом они были размонтированы и снова смонтированы на шлемах. В 1835 г. три маски еще хранились отдельно⁵⁷, а не позднее 1844 г. одна маска уже была соединена со шлемом и опубликована в труде А.Ф. Вельмана «Московская Оружейная палата» (рис. 5), но было отмечено и наличие четырех отдельных масок⁵⁸. Четыре отдельные «железные маски» были зафиксированы и в переиздании этой книги 1860 г.⁵⁹ Два

Рис. 5. «Шишак и железная маска». Изображение из книги А.Ф. Вельмана «Московская Оружейная Палата», 1844 г.

шлема с масками из экспозиции Оружейной палаты (рис. 6), скорее всего, имеют исходную комплектность – для каждого предмета стиль и манера гравировки на маске и на шлеме аналогичны⁶⁰. Тем не менее, вопрос о первоначальной комплектности шлемов с масками требует серьезных доказательств, так как мы даже приблизительно не знаем, в каком виде и в каком количестве они поступили в Оружейную палату. Идентификация шлемов с масками в описях Оружейной палаты XVIII в. и ранее – ошибочна. Так, для одного шлема приведены ссылки на его местоположение в описях вплоть до 1687 г.⁶¹, для двух других шлемов с масками таких ссылок нет, хотя логично было бы предположить, что все три аналогичных предмета должны инвентаризоваться в одном месте. Приведенная ссылка на Переписную книгу 1687 г. наверняка неверна. Боевое наго-

ловье, которое Опись 1885 г. сопоставляет с одним из шлемов с маской, – «шапка железная с личиною, а шапка и личина золочена. Попорчена. Цена восемь рублей»⁶² – в 1687 г. описано в главе «Латы», посвященной доспехам (и шлемам) западноевропейского типа. Под личиною здесь подразумевалось, скорее всего, забрало шлема типа армета или бургиньота. Для сравнения можно привести текст из той же главы: «Шапка железная латная с личиною (выделено мною. – А. Ч.) да наплечье; а та шапка и личина и наплечье золочены...»⁶³. Наконец поиск шлемов и масок (в собранном или разобранном состоянии) в документах Оружейной палаты ранее 1808 г. может оказаться и вовсе бесперспективным. Перед описанием трех восточных масок в Описи 1808 г.

Рис. 6. Шлемы с масками. Иран (?), XVI в. (?). Экспозиция Оружейной палаты

проставлены буквы «Н.Н.», означающие «Новонайденные при сей описи».

Наконец, ключевое возражение по поводу высказанной нами гипотезы. Написав выше, что у нас есть основания считать две утраченные маски аналогичными трем известным нам восточным «личинам», мы не должны утверждать, что это обязательно так. Тот факт, что некоторые предметы в ранних документах носят одинаковое название, вовсе не означает их типологической близости в современных представлениях. Не исключено, что две маски из Описи 1808 г. на самом деле являлись размонтированными забралами от европейских шлемов или иными предметами, которые составители описи назвали масками, руководствуясь неизвестными

названия, вовсе не означает их типологической близости в современных представлениях. Не исключено, что две маски из Описи 1808 г. на самом деле являлись размонтированными забралами от европейских шлемов или иными предметами, которые составители описи назвали масками, руководствуясь неизвестными

нам критериями. Поэтому совершенно неясно, как эти предметы выглядели и сохранились ли эти предметы в современном собрании или нет⁶⁴.

В заключение нашей работы еще раз подчеркнем первостепенное значение собрания Оружейной палаты для отечественного оружиеведения. Даже памятники, утраченные музеем физически, могут «заговорить» благодаря сохранившимся документам (и изображениям), предоставить информацию первостепенной важности, а также предостеречь современных исследователей от необоснованных суждений.

Отметим также парадоксальный вывод нашей работы, имеющей подзаголовок «утраты мнимые и действительные». Наряду с памятниками, утраченными музеем навсегда и, напротив, считавшимися потерянными, но счастливо найденными в современном собрании музея, в описях Оружейной палаты XVII – начала XIX вв. значатся предметы, которые мы не можем отнести ни к первой, ни ко второй категории и даже не можем определенно указать их типологическую принадлежность.

Здесь будет уместно еще раз заострить внимание на том, что такие насущные проблемы, как типология, классификация и историческая терминология русского средневекового вооружения могут быть разрешены только при обращении к кремлевскому собранию и документам Оружейной палаты.

---

¹ Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 431–431 об. (Далее – Переписная книга 1687 г.)

² Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 6773. С. 140.

³ Чубинский А.Н. Тюфяки как ручное огнестрельное оружие. Анализ собрания и описей Оружейной палаты // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 года. Ч. III. СПб., 2012. С. 390–409.

⁴ В экспозиции музея и предшествующих публикациях это оружие, разумеется, носит наименование пистолетов. См., например, Государева Оружейная палата. СПб., 2002. Кат. 72. С. 367.

⁵ Переписная книга 1687 г. Л. 514.

⁶ Инв. № Ор-122, Ор-4706. См.: Опись Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2: Броня. М., 1884. № 4469, 4476. Первая из кольчуг выставлена в экспозиции музея.

⁷ Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 74, 79. Рис. 7.

- ⁸ Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению М., 1853. Отделение III. С. X; Переписная книга 1687 г. Л. 514 об., 515. № 2, 3.
- ⁹ Роспись государевой оружейной казны 1647. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 3593. Л. 15.
- ¹⁰ Поветкин В.И. Слово о музыкальной археологии России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 64–76. Исследователь именовал описанные им костяные наконечники свистами.
- ¹¹ Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 132.
- ¹² Ленц Э. Опись собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 100–102.
- ¹³ Медведев А.Ф. Археология СССР. Свод археологических источников. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. Выпуск Е1-36. М., 1966. С. 62, 72, 73, 75, 78, 97; Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 3. С. 277–331. С. 288–289, 297, 301.
- ¹⁴ Переписная книга 1687 г. Л. 184–184 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 184 об.
- ¹⁶ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 45.
- ¹⁷ Переписная книга 1687 г. Л. 181.
- ¹⁸ Там же. Л. 17.
- ¹⁹ Музеи Московского Кремля. Инв. № Ор-65, 66, 67, 68.
- ²⁰ Опись вещам Мастерской и Оружейной палаты, по высочайшему повелению составленная в 1808 году. Часть четвертая. Книга вторая. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4009. № 4768. (Далее – Опись Оружейной палаты 1808 г.)
- ²¹ Богатская И.А. «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. Т. 1. М., 2014. С. 363. № 431. Автор выражает искреннюю благодарность хранителю рисунка И.А. Богатской за знакомство с изображением.
- ²² Библия. Пс. 117: 15–16; Прит. 3, 16.
- ²³ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 1–90. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 38 об.
- ²⁴ Автор планирует вернуться к этому бердышу-ружью в отдельной статье, посвященной русскому комбинированному оружию.
- ²⁵ Опись Оружейной палаты 1808 г. № 6463
- ²⁶ Переписная книга 1687 г. Л. 136 об.–137.
- ²⁷ О выдаче оружия из Оружейной палаты 1647 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3590. Л. 15 об.
- ²⁸ О «говорящем» оружии см. Чубинский А.Н. Сабельные клинки и древковое оружие «с жемчужинами» в собрании Музеев Московского Кремля // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» 22–23 октября 2015 г. Тула, 2016. (В печати).
- ²⁹ Роспись походной казны царя Алексея Михайловича, что была в Смоленске в 1654 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Л. 42.
- ³⁰ Переписная книга 1687 г. Л. 90 об.

- ³¹ Бехайм В. Энциклопедия оружия. Руководство по оружиеведению. Оружейное дело в его историческом развитии от начала средних веков до конца XVIII в. СПб., 1995. С. 203–204.
- ³² Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor: in All Countries and in All Times. 1999. P. 198.
- ³³ Бехайм В. Энциклопедия оружия.
- ³⁴ Żygulski Z., Gradowski M. Słownik uzbrojenia historycznego. Warszawa, 1998. S. 26. По мнению польских оружейников, это оружие появилось в Польше в XVIII в.
- ³⁵ Göransson G. Gustav II Adolph och hans folk. 1994. P. 68, 125.
- ³⁶ Филологи выводят русское название кортика напрямую из итальянского *cortello*. См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 2003. С. 339.
- ³⁷ Роспись государевой оружейной казны 1647 г. РГАДА. Ф. 396 Оп. 1. Д. 3593. Л. 25.
- ³⁸ Переписная книга 1687 г. Л. 508 об.
- ³⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. В 34-х т. СПб., 1900. С. 45–46. Табл. 31. Интересно, что в подписи под изображением доспех назван «колонтарь», а не «калантарь», как в тексте.
- ⁴⁰ Там же. С. LXVI.
- ⁴¹ Опись Оружейной палаты 1808 г. № 4985.
- ⁴² Заметим, что рисунок бахтереца, приведенный на одной странице с колонтарем, также выглядит довольно фантазийным.
- ⁴³ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1844. С. 19; Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты с объяснительным указателем. СПб., 1895. С. 60; Арсеньев Ю.В., Трутовский В. К. Оружейная палата. Путеводитель. М., 1911. С. 132.
- ⁴⁴ Инв. № З.О. 7612. См.: Tarassuk L. The Collection of Arms and Armour in the State Hermitage, Leningrad // Journal of the Arms and Armour Society. Vol. 5, Nos. 4–5. L. March, 1966. P. 207. Pl. XXVI.
- ⁴⁵ Как справедливо было отмечено в классическом определителе 1953 г. См.: Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 63.
- ⁴⁶ Заметим, что даже утверждение о том, что «колонтарь» из Оружейной палаты и упоминавшиеся в русских средневековых литературных памятниках «калантары злачены» принадлежат к одному типу доспеха, будет бездоказательным.
- ⁴⁷ Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. V. С. 417–486. <http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler> (время обращения 25.01.2016)
- ⁴⁸ Шиндлер О.В. Указ. соч. С. 452–453. Этот же доспех был опубликован в 1953 г. с не вполне корректным названием «бахтерец». См.: Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие... Табл. XII. № 95.
- ⁴⁹ См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. № 35. В отношении этого доспеха исследователь И.А. Комаров необоснованно полагал, что кольчужная ткань на нем поздняя.

- ⁵⁰ Присвоение названия калантарь одному из типов монгольского доспеха также нельзя считать корректным. См.: Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. С. 391, 396.
- ⁵¹ Шиндлер О.В. Указ. соч. С. 452.
- ⁵² Описание Оружейной палаты 1808 г. № 3689–3692.
- ⁵³ В описях XIX – первой половины XX вв. эти предметы носили название колонтарей (калантарей). См.: Описание Московской Оружейной палаты. Ч. VI. Кн. V. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М., 1884. № 8005–8009.
- ⁵⁴ Автор приносит искреннюю благодарность хранителю коллекции конюшенной казны Музеев Кремля Е.В. Когут за указание этой аналогии и консультацию.
- ⁵⁵ Описание Оружейной палаты 1808. Л. 239. № 5396–5400.
- ⁵⁶ См. Описание Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4404–4406.
- ⁵⁷ См. Описание Оружейной палаты 1835 г. № 5664.
- ⁵⁸ Московская Оружейная палата. Печатано по высочайшему повелению. М., 1844. Вклейка между с. 78 и 79. С. 99.
- ⁵⁹ Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 256.
- ⁶⁰ Третий шлем с маской без гравированного орнамента был в 1873 г. передан в Артиллерийский музей. См. Описание Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4406.
- ⁶¹ Описание Московской Оружейной Палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. № 4404.
- ⁶² Переписная книга 1687. Л. 482 об. № 23. В издании 1884 г. в ссылке указаны неверные номер листа описи и номер главы Переписной книги 1687 г.
- ⁶³ Там же. Л. 485 об. № 33.
- ⁶⁴ Возможно, одна из «масок» до 1954 г. была смонтирована на русском шеломе (см. рис. 1).

А.Г. Шалковский (Москва)

**СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО
КОНСТРУКТОРСКОГО КОРПУСА
АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
И ПОДГОТОВКА ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ
РАБОЧИХ КАДРОВ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х
ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА**

ТЕХНИЧЕСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ российских Вооруженных сил требует не только оснащения отечественного оборонно-промышленного комплекса (ОПК) новейшим оборудованием, внедрения в производство передовых технологий, решения задачи импортозамещения. Не менее важной задачей является подготовка нового поколения конструкторов вооружения, военной и специальной техники, способного воспринять и внедрить в создаваемые образцы инновационные разработки, могущие поднять их тактико-технические характеристики на новый качественный уровень. Иными словами, перед политическим и военным руководством страны сейчас стоят те же задачи, что стояли перед Советским Союзом в 30-е гг. прошлого века.

Дело в том, что военное ведомство царской России не особенно заботилось о создании отечественной конструкторской школы, а искало вооружение за рубежом, так же, как недавнее руководство российского Министерства обороны РФ. При ориентации на приобретение западных образцов артиллерийских систем, несмотря на появление отдельных талантливых конструкторов, таких, как Александр Петрович Энгельгардт, Владимир Степанович Барановский и Франц Францевич Лендер, царской России не удалось создать школу творцов артиллерийского вооружения. Вот что по этому поводу пишет отечественный историк артиллерии А.Б. Широкопад¹:

«С 1865 г. ГАУ и Обуховский завод успешно сотрудничали с фирмой Крупна, орудия которого по праву считались лучшими в мире. Несмотря на русско-французский союз, Крупна и другие германские фирмы исправно посылали свои новейшие образцы на испытания в Россию. Но при Николае II предпочтение стало отдаваться французским орудиям, качество которых в большинстве случаев уступало немецким. Значительную роль в этом сыграл великий князь Сергей Михайлович, руководивший до 1917 г. русской артиллерией. И Сергей, и его любовница Матильда Кшесинская получали существенные подношения от французских фирм... Получилась анекдотическая ситуация: пушки Крупна выиграли войну с Францией в 1870 г., а Россия решила отказаться от орудий Крупна в пользу проигравшей стороны».

Не будем уточнять, чьи орудия, германские или французские, были лучше в то время, не будем выяснять, получал ли великий князь Сергей Михайлович «существенные подношения». Для нас важно само явление, которое А.Б. Широкоград деликатно называл «сотрудничеством». Как следует из материалов цитируемой нами «Энциклопедии отечественной артиллерии», в конце XIX – начале XX вв. большинство отечественных артиллерийских систем создавались на основе германских и французских образцов либо эти образцы после проведения испытаний принимались на вооружение русской артиллерии. Роль русских инженеров зачастую сводилась лишь к адаптации зарубежных изделий к российским условиям. По мнению К. Шанта, даже у нашей прославленной «трехдвоймки», которую всегда считали детищем выдающихся конструкторов Путиловского завода Л.А. Бишлягера, К.М. Соколовского и К.И. Липницкого, были немецкие корни². К. Шант, конечно же, серьезно заблуждается, поскольку немецкие оружейники тяготели к горизонтальному клиновому затвору и снабдили свое скорострельное орудие гидропневматическим накатником, в то время как трехдвоймка имела поршневого затвор и накатник из каучуковых буферов. Заимствования все же были, но, скорее, не у немцев, а у французов – и по затвору, и по накатнику.

В 1926 г. вследствие значительного увеличения объема артиллерийских исследований на базе Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП) в СССР был создан ряд конструп-

торских бюро (КБ), как самостоятельных, так и в составе заводов и НИИ, работавших по заданиям Артиллерийского управления (АУ). Два конструкторских бюро (КБ-1 и КБ-2), например, были образованы при Всесоюзном орудийно-арсенальном объединении Наркомтяжпрома, и в них развернулась работа по созданию нового вооружения и боевой техники.

КБ-1 специализировалось на проектных разработках артиллерийских систем и было укомплектовано весьма квалифицированными отечественными инженерно-техническими кадрами. Оно разработало несколько артиллерийских систем, в том числе широко известную 122-мм корпусную пушку А-19. Особенность работы КБ заключалась в том, что оно разрабатывало лишь проекты орудий, которые затем передавались на заводы серийного производства, где на их основе заводскими конструкторами создавались рабочие чертежи орудия. Последние наблюдали за изготовлением опытного образца орудия, завод же проводил и его заводские испытания и сдавал систему заказчику – АУ Наркомата обороны. Хотя полигонные испытания орудия проводились под наблюдением конструкторов КБ-1, доработку чертежей для его серийного производства опять же проводило заводское КБ, т.е. конструкторы КБ-1 как бы самоустранились от серийного производства, что не могло не сказываться на качестве его разработок и приводило к затягиванию освоения системы производством.

В КБ-2 работали как советские, так и немецкие конструкторы, совместная работа которых предусматривалась договором с немецкой фирмой «Рейнметалл-Борзиг». Несмотря на то, что бюро осуществляло полную конструктивно-техническую разработку орудий, изготовляло их рабочие чертежи и технические условия, а завод, которому поручалось серийное производство орудий, получал от КБ-2 всю техническую документацию для изготовления опытного образца, у бюро отсутствовала собственная производственная база, а с ней – взаимосвязь конструктора, технолога и производственника. У КБ-2 был еще один недостаток: несмотря на специальный договор между немецкой фирмой «Рейнметалл» и Всесоюзным орудийно-арсенальным объединением, немецкие конструкторы крайне неохотно делились опытом конструирования современного артиллерийского вооружения со своими советскими коллегами. Тем не менее, советские

конструкторы восприняли от немецких специалистов высокую культуру проектирования и разработки рабочих чертежей, их учет требований технологии и возможностей производства, что выгодно отличало стиль немецких конструкторов от советских. Как отмечал в своих воспоминаниях В.Г. Грабин, в результате совместной работы с немецкими конструкторами ни одно другое КБ артиллерийских систем не имело столь высокой культуры проектирования, как КБ-2³.

Таким образом, к началу 30-х годов, несмотря на отмеченные недостатки, оба конструкторских бюро вплотную подошли к уровню, который позволял обеспечить конструирование новых артиллерийских систем, отвечающих требованиям того времени. Однако необходимость ускорения перевооружения Красной армии требовала концентрации усилий всех конструкторских коллективов. Поэтому Всесоюзное оружейно-арсенальное объединение решило на базе КБ-2 и КБ-1 образовать мощное конструкторское бюро, которое в начале 1933 г. было преобразовано в Главное конструкторское бюро 38 (ГКБ-38) Наркомата тяжелой промышленности. Для него было построено специальное здание и завод для изготовления опытных образцов и опытных серий артиллерийских орудий. Они образовывали единый проектно-исследовательский и производственный комплекс – первый научно-производственный комплекс в нашей стране. Тем самым не только создавались все условия для создания отечественных высококачественных и перспективных артиллерийских систем, но и появилась возможность резко сократить сроки их создания.

На ГКБ-38 не только возлагалась задача проектирования новых артиллерийских систем, оно должно было изучать проекты, разработанные другими КБ, для чего при нем создавался совет, в который входили начальники других КБ, их заместители и ведущие конструкторы.

В 1933 г. ГКБ-38 приступило к доработке опытного образца 122-мм корпусной пушки А-19, спроектированной двумя годами ранее в КБ-1, и к изготовлению рабочих чертежей для ее серийного производства. Одновременно в бюро была создана мощная 152-мм пушка обр. 1910/34 г., рабочие чертежи которой передали для серийного производства. Коллектив бюро активно включился в поиск путей создания орудий по новым тактико-техни-

ческим требованиям, однако уже в конце 1933 г. ГKB-38 было ликвидировано, разработывавшиеся им проекты были переданы заводским KB, а его здания и сооружения – KB, которое создавало пушки, основанные на динамореактивном принципе (ДРП).

Как показал последующий опыт, это решение было ошибочным. Во-первых, абсурдной была сама мысль, что специфический тип вооружения – орудия на основе ДРП – был способен заменить классические артиллерийские системы. Во-вторых, ошибкой была ликвидация мощного работоспособного научно-производственного коллектива. Чтобы решать крупные проблемы в той или иной области, необходимы комплексные исследования, осуществление таких расчетных и творческих разработок, которые под силу лишь большому квалифицированному коллективу, действующему в тесном сотрудничестве со многими другими коллективами из соприкасающихся отраслей науки и техники. Результаты свидетельствовали о том, что ни одному из KB промышленности не удалось достигнуть уровня ГKB-38. Наконец, решение о ликвидации ГKB-38 нанесло мощный удар по конструкторскому корпусу советской военной промышленности, занятому в создании артиллерийского вооружения, сильно ослабило его, т. к. конструкторам, инженерам и техникам ГKB-38 предоставлялось право заниматься «самоопределением», т. е. устраиваться на работу в любой отрасли промышленности. В конечном итоге, решение о ликвидации ГKB-38 серьезно затормозило создание новых артиллерийских систем, основанных на классическом принципе.

Следовательно, вся тяжесть создания новых артиллерийских систем теперь ложилась на KB заводов, потенциал которых был существенно ниже ГKB-38. И все же, несмотря на все негативные последствия ликвидации последнего, положение, сложившееся с проектированием артиллерийских систем, имело и положительную сторону, поскольку создавало условия для здоровой конкуренции между KB, позволяя выбрать из предлагаемых образцов наилучший.

Недостаток квалифицированных инженерно-технических кадров усугублялся слабостью научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы военной промышленности. Подавляющая часть заводских лабораторий и KB не имела достаточных рабочих площадей и необходимых помещений. Опытные

заказы изготовлялись непосредственно в цехах, хотя, как свидетельствовал международный опыт, более целесообразно выполнять их в специальных опытных мастерских, укомплектованных наиболее квалифицированными рабочими и техниками. Более того, тресты военной промышленности рассматривали опытные заказы военного ведомства «как неприятную обузу», сроки их выполнения, как правило, затягивались на 4–6 месяцев, а стоимость – в 2–3 раза превышала сметную.

Представители промышленности не считали нужным присутствие своих представителей на полигонных и войсковых испытаниях опытных образцов вооружения и военной техники⁴.

Расширение сети КБ требовало увеличения корпуса инженеров и техников, что вызывалось и необходимостью увеличения числа оружейных заводов. Наряду со значительным снижением их численности за годы революции и гражданской войны, существенному сокращению численности инженеров и техников в немалой степени способствовала и развернувшаяся в конце 1920-х – начале 1930-х годов кампания по борьбе с «вредительством» в военной промышленности. Репрессиям было подвергнуто и значительное число военных ученых, а также работников оборонной промышленности, которых обвинили во вредительстве и в преступных связях с военными заговорщиками. Арестам подверглись многие генералы и старшие офицеры старой русской армии, ветераны 1-й мировой и даже русско-японской войн.

Как известно, высокое качество вооружения обеспечивается тщательной отработкой конструкции и скрупулезным испытанием образцов, разработкой подробной технической документации и рационального технологического процесса, а также правильной организацией серийного производства. Но в рассматриваемый период не все конструкторы и производственники полностью выполняли эти элементарные требования, ссылаясь на нереальность заданных им руководством сроков разработки и производства вооружения. Б.Л. Ванников, руководивший в 1939–1946 гг. Наркоматом вооружения, а затем Наркоматом боеприпасов, вспоминал, что нередко вопросы о сроках выпуска и качестве военной продукции решались не на основе учета реальных научно-технических возможностей и не в ходе технических обсуждений, а по «интуиции», путем нажима на конс-

трукторов, причем в целом ряде случаев желаемое принималось за возможное, и хотя часто эти сроки устанавливались с согласия конструкторов, спешка дезорганизовывала их работу, а также деятельность производителей⁵. Следствием спешки были срывы плановых сроков или невыполнение установленных тактико-технических требований, за что руководителей и работников заводов и наркоматов, конструкторов подвергали суровым взысканиям. Но гораздо чаще подобные случаи рассматривались как «вредительство», когда каждый промах расценивался как злой умысел, небрежность – как преступное намерение, ошибка – как улика, поэтому в качестве преступно-халатного отношения к порученному делу, а зачастую и сознательного вредительства чекистами в те годы оценивались лишь серьезные упущения и недоработки.

Но во многих случаях чекистам не требовалось искать предлогов для возбуждения дел о «вредительстве». Они, как правило, возбуждались по реальным фактам вопиющего воровства, приписок и очковтирательства. В качестве примера можно привести дело о «Трубке Дмитриева».

Еще в ноябре 1925 г. начальник Артиллерийского комитета (АК) АУ И. Дмитриев представил проект усовершенствованной дистанционной трубки. Без проведения всесторонних испытаний научно-технический комитет (НТК) АУ заказал пробную партию трубок численностью 1500 шт. Не дождавшись поступления пробной партии, НТК заказал еще 40 тыс. трубок, а затем – еще 320 тыс. шт. на общую сумму 4 438 575 руб. Одновременно был прекращен выпуск трубок старой конструкции. Хотя в январе 1928 г. выяснилось, что опыты с медленногорящим порохом, применяемым в «Трубке Дмитриева», не увенчались успехом, АУ заверило мобилизационное управление ВСНХ, что положительные результаты будут получены всего через два месяца, и настаивало на принятии новой трубки на вооружение. Только давление Объединенного главного политического управления (ОГПУ) на Реввоенсовет (РВС) СССР не позволило реализовать предложение НТК АУ⁶.

Активная разработка чекистами нивы «вредительства» привела к резкому сокращению численности инженерно-технического персонала военной промышленности. Если в 1928/29 г. только на 45 заводах, подчиненных Главному управлению во-

енной промышленности (ГУВП), насчитывалось 18 153 служащих, то к началу весны 1930 г. во всей военной промышленности и на военных производствах осталось 1897 инженеров и 4329 техников⁷.

Массовое отстранение квалифицированных работников промышленности и военно-технических управлений центрального аппарата, заводов и КБ военной промышленности, их замена кадрами, не имевшими достаточного опыта, нанесли немалый ущерб индустрии в период развернутых работ по перевооружению Красной армии.

В военной промышленности последствия «чисток» смягчались преемственностью кадров, поскольку на место арестованных, как правило, выдвигались специалисты, которые ранее работали в той же системе, либо под руководством тех людей, на замену которых их ставили. Это помогало новым работникам в относительно короткие сроки освоиться на новых должностях, возлагало на них определенную долю ответственности за работу бывших руководителей, вследствие чего в промышленности новые руководители обычно не прибегали к огульной дискредитации всего прошлого⁸. В противоположность этому в военно-технических управлениях при отстранении руководителей состава и ответственных исполнителей на смену им выдвигались кандидатуры, как правило, без учета соответствия их опыта и знаний поручаемому делу и без соблюдения преемственности. По этой причине на них не возлагалась непосредственная ответственность за результаты деятельности военной промышленности, и они получали возможность выступать с «критикой» своих предшественников в духе сложившейся в то время конъюнктуры, а неполадки и упущения в своей деятельности обычно объясняли последствиями «вредительства» предшественников, что тоже не способствовало устранению обнаруженных недостатков.

Борьба с «вредительством», начавшаяся в 1930 г. под руководством экономического управления (ЭКУ) ОГПУ, нанесла серьезный удар по инженерно-техническому корпусу военной промышленности СССР. Было арестовано значительное число высококвалифицированных специалистов, часть которых была приговорена к «высшей мере социальной защиты» – расстрелу, подавляющее же большинство, получив разные сроки заключения, составило особую категорию «зеков», использование кото-

рых на физических работах было нерационально. 15 мая 1930 г. В.В. Куйбышев и Г.Г. Ягода подписали циркуляр ВСНХ и ОГПУ об «использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство», положивший начало использованию «вредителей» в особых КБ (ОКБ), так называемых «шарашках». Они представляли собой спецтюрьмы, располагавшиеся в помещениях, принадлежавших ОГПУ, или непосредственно в тюрьмах, как, например, артиллерийское ОКБ-172, находившееся в ленинградских «Крестах». Их работой руководило Техническое отделение ЭКУ ОГПУ, преобразованное в дальнейшем в Особое техническое бюро (ОТБ) при Наркоме внутренних дел СССР.

Среди многочисленных ОКБ ОГПУ имелся ряд бюро, непосредственно связанных с реализацией артиллерийских программ. Зачастую они создавались на базе заводов и НИИ военной промышленности или подобных организаций гражданской направленности, выполнявших заказы военного ведомства. Их основной задачей являлось выполнение научно-исследовательских и проектных работ по созданию новых образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов. Под угрозой приведения в исполнение суровых приговоров арестованные по «вредительским» делам были вынуждены трудиться с достаточно высокой интенсивностью, чего не наблюдалось в условиях свободного проживания.

В ОКБ обычно трудились бывшие руководители и сотрудники организаций военной промышленности, осужденные за «вредительскую деятельность». Так, ОКБ-40, созданное на Казанском пороховом заводе № 40 и осуществлявшее разработку и освоение порохов, в том числе к реактивным снарядам, составили инженерно-технические работники пороховой промышленности и бывшие работники завода № 40, обвиненные во вредительстве и осужденные на длительные сроки заключения. На «пороховой ниве» трудились также сотрудники ОКБ-98, созданном при заводе № 98 (взрывчатые вещества) в Болшево. Его возглавлял А.С. Бакаев – известный изобретатель порохов, находившийся в заключении с 1930 г. С ним работали талантливые инженеры-химики Д.И. Гальперин, А.Э. Спорнус, Б.И. Пашков, В.А. Лясоцкий, Ф.М. Хритинин и другие⁹. ОКБ-98 разработало новые высокоэффективные сорта пороха, новую технологию производства зарядов к реактивным снарядам, организовало произ-

водство взрывчатых веществ (коллоксилина) на Краснокамском бумкомбинате¹⁰. В 1943 г. часть изобретателей была досрочно освобождена и награждена орденами и медалями.

Успешно работало и эвакуированное в Пермь артиллерийское ОКБ-172 (ведущий конструктор – М.Ю. Цирульников, осужденный по 58-й статье УК на 8 лет заключения). Во время войны ОКБ разработало 45-мм противотанковую пушку М-42, которая оказалась значительно лучше образца, разработанного КБ Мотовилихинского завода. Аналогично дело обстояло и с модернизацией гаубицы-пушки 152-мм МЛ-20, которая была использована в самоходном орудии ИСУ-152¹¹. В составе ОКБ трудился и основоположник советского минометного вооружения, бывший офицер царской армии военный инженер 1 ранга Николай Александрович Доровлев, арестованный в начале Великой Отечественной войны. После окончания войны руководителю Коломенского СКБ Б.И. Шавырину удалось добиться его досрочного освобождения и реабилитации. Уже в 1950 г. за создание тяжелых минометных систем Н.А. Доровлев был отмечен орденом Ленина и Сталинской премией.

Высокая результативность работы арестованных получила признательность ряда руководителей военного ведомства. Так, заместитель наркома по вооружению И. Уборевич в письме председателю ОГПУ В. Менжинскому отмечал¹²: «Первые результаты конструкторских и научно-исследовательских работ в ОГПУ вредителей надо признать вполне удовлетворительными... Считал бы своевременным и целесообразным для руководства работами вредителей создать тройку в составе: т. Уборевич (председатель), т. Прокофьев (ОГПУ) и т. Уншлихт (ВСНХ). Обязать отчитываться о работе вредителей один раз в 3 месяца перед ЦК или кому поручит ЦК...»

Таким образом, знаменитым «шарашкам» удалось сохранить жизни многим талантливым ученым, инженерам и организаторам военного производства. Находясь в заключении, «враги народа», осужденные за «антисоветские» и «террористические» деяния или намерения, занимались разработкой новейших артиллерийских систем. Своим самоотверженным трудом они внесли достойный вклад в Великую Победу советского народа в Отечественной войне. Однако многие «спецы», руководители военной промышленности, конструкторы и производственники той

поры были приговорены к высшей мере наказания. Так, в феврале 1933 г. был награжден орденом Красной Звезды создатель первой советской 45-мм противотанковой пушки обр. 1932 г., руководитель КБ завода им. М.И. Калинина в Подлипках Владимир Михайлович Беринг, но уже в августе того же года он был обвинен во «враждебной деятельности» и арестован, а в 1937 г. – расстрелян. Немало видных конструкторов артиллерийского вооружения безвестно сгинули в многочисленных лагерях.

Залатать дыры в инженерно-техническом корпусе военной промышленности должно было постановление Распорядительного собрания Совета Труда и Оборона (СТО) «О пятилетнем плане подготовки кадров для военной промышленности и военных производств гражданской промышленности» от 10 мая 1930 г., которое признало, что положение с инженерно-техническими кадрами в военной промышленности является критическим, и предложило в течение 5 лет «в целях полного покрытия потребностей военной промышленности охватить военно-промышленным уклоном не менее 20 тыс. инженеров и техников» – будущих выпускников Военных академий, технических вузов и техникумов при объединениях военной промышленности – Вохимтресте, Орудийно-арсенально-ружейно-пулеметном объединении, Авиаобъединении, Патронно-трубочном объединении¹³. В марте 1930 г. в военную промышленность была направлена тысяча выпускников военных вузов, в числе которых оказался и Василий Гаврилович Грабин, впоследствии – выдающийся конструктор артиллерийских систем.

И все же, несмотря на все трудности восстановительного периода, неоправданные репрессии и издержки «шпиономании», серьезные недостатки в организации военного производства, советскому руководству удалось в кратчайшие исторические сроки создать дееспособные заводские КБ, укомплектованные недавними выпускниками отечественных вузов. Им пришлось создавать новейшие артиллерийские системы практически без заграничных подсказок. Вместе с тем, советские конструкторы внимательно следили за зарубежными новинками. Государство не жалело средств, чтобы заполучить новейшие зарубежные орудия, изучение которых не только давало возможность познакомиться с новациями зарубежного артиллерийского вооружения, но главное – выиграть время в непрекращавшейся гонке во-

оружий. Кроме того, ориентация на лучшие зарубежные образцы артиллерийского вооружения давала возможность избежать быстрого морального старения отечественного орудийного парка.

Исторический опыт учит, что всего предусмотреть до войны невозможно, в ходе ее неизбежно будут появляться новые средства вооружения. Вот почему в минувших войнах (и войны последних десятилетий не исключение), наряду с жестокими битвами на суше, в воздухе и на море, напряженной борьбой военных экономик противоборствующих государств, шли не менее важные и не менее бескомпромиссные сражения научной, конструкторской, инженерной и технологической мысли. Проигрыш в них, как правило, предопределял проигрыш в войне в целом. Поэтому конструкторские коллективы необходимо готовить к этим сражениям заблаговременно, так же, как вооруженные силы страны к отпору агрессии. Политическое и военное руководство Советского Союза вполне обоснованно уделяло большое внимание подготовке кадров для промышленности, которые должны были добиться роста промышленного производства в интересах повышения благосостояния советского народа и обороноспособности страны.

К середине 30-х гг. наиболее подготовленные выпускники вузов страны уже обладали мощным творческим потенциалом и оказались способными создавать разработки, находившиеся на уровне лучших зарубежных образцов, а в ряде случаев и превосходившие их. Руководство хотя и не инициировало, но и не препятствовало соревнованию КБ при создании артиллерийских систем, и это стимулировало их здоровое соперничество, итогом которого стало появление альтернативных проектов, а выбор лучшего из них гарантировал, что на вооружение будет принят образец, в наибольшей степени отвечающий предъявляемым требованиям.

Из данных, приведенных в таблице, видно, что в своем большинстве советские конструкторы были людьми, не достигшими 40-летнего возраста или лишь недавно перешедшими этот возрастной рубеж, закончившими высшие учебные заведения страны на рубеже 30-х годов. Таким образом, конец 20-х – начало 30-х стали годами зарождения и становления советского конструкторского корпуса. В кратчайшее время советскому руко-

водству удалось создать уникальную школу оружейников, которая обеспечила перевооружение Красной Армии новой боевой техникой, отвечающей всем требованиям того времени. На практической работе выросли замечательные творцы отечественного артиллерийского вооружения — В.Г. Грабин, И.И. Иванов, Ф.Ф. Петров, Б.И. Шавырин и многие другие.

Второй проблемой, серьезно тормозившей развертывание военного производства, являлся дефицит квалифицированной рабочей силы в ведущих отраслях промышленности. Сильное влияние на нехватку квалифицированных рабочих оказало ошибочное решение о свертывании начального профобразования, возникшего еще в царской России.

Важную роль в определении позиции в области начального профобразования сыграла Программа партии, принятая на VIII съезде РКП(б). Уже в январе 1920 г. создается Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр), который осуществлял руководство созданными в этом же году школами фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), низшими профтехшколами и кустарно-ремесленным образованием. Впоследствии советское руководство неоднократно обращалось к совершенствованию профессионально-технического образования, и уже к 1933 г. молодежь составляла более 40 % рабочих, а среди новых пополнений рабочих доля выпускников школ ФЗУ и профшкол достигла 70 %¹⁴.

Опыт ускоренной индустриализации вскрыл недостатки системы профессионально-технического образования и настоятельно указывал на необходимость создания единой системы планирования, организации, подготовки и распределения квалифицированных кадров. 2 октября 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» создаются ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Тогда же принимаются постановления Совнаркома: «О создании Главного управления трудовых резервов при СНК СССР», что означало начало организации единой централизованной системы государственных трудовых резервов. Эти решения имели важное, не только народнохозяйственное, но и оборонное значение.

К сожалению, созданная в советское время система профобразования в постсоветский период была существенно перестроена,

**Основные биографические данные ведущих конструкторов
артиллерийского вооружения**

Фамилия, имя и отчество конструктора	Первый образец, созданный конструктором	Год рождения	Учебное заведение, год окончания	Возраст конструктора при создании первого образца, лет
Галковский Владимир Николаевич	Один из создателей боевой машины реактивной артиллерии БМ-13	1911	Двухгодичные курсы ГИРД, 1932	28
Гвай Иван Исидорович	Установка для реактивных снарядов «Флейта», для самолетов И-15, И-16. Боевая машина реактивной артиллерии БМ-13 на базе грузового автомобиля ЗиС-6 – БМ-13	1905	Ленинградская военная электротехническая академия, 1928	34
Грабин Василий Гаврилович	76-мм пушка обр. 1936 г. Ф-22	1900	Военно-техническая академия им. Ф.Э. Дзержинского, 1930	36
Иванов Илья Иванович	280-мм мортира обр. 1939 г. Бр-5	1889	Военно-техническая академия им. Ф.Э. Дзержинского, 1928	50
Клейменов Иван Терентьевич	82- и 132-мм авиационные реактивные снаряды РС-82, РС-132	1898	Академия Воздушного Флота им. Н.Е. Жуковского, 1928	40

Крупчатников Лев Михайлович	280-мм мортира обр. 1939 г. Бр-5	1897	Механическое отделение Петроградского политехнического института	42
Лужин Василий Николаевич	Реактивный снаряд М-13	1906	Московский авиационный институт, 1935	33
Петров Федор Федорович	122-мм дивизионная гаубица М-30 обр. 1938 г.	1902	Военно-техническое отделение ЛПТИ, 1931	36
Шавырин Борис Иванович	82-мм батальонный миномет обр. 1937 г.	1902	МВТУ им. Н.Э. Баумана, 1930	36

а расплодившиеся как грибы после дождя вузы различного профиля оттянули на себя большую часть молодежи: 70 % выпускников школ потянулись в юристы и экономисты¹⁵. Рабочие профессии оказались не в чести, и состояние с их подготовкой наглядно иллюстрирует следующий факт: на последнем Всемирном чемпионате рабочих профессий, где соревнуются между собой десятки учащихся профобразования, Россия, не получив ни одной медали, заняла последнее, 41 место. И это в то время как промышленность испытывает острую нехватку в квалифицированных рабочих, которая по отдельным специальностям достигает 40 %¹⁶. Дефицит инженеров-технологов в ОПК доходит до 20 %, а инженеров-конструкторов – и того более¹⁷. Нехватка инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих является одной из важнейших причин низкого роста промышленного производства в нашей стране.

Опыт свидетельствует, что качественные показатели вооружения находятся в прямой зависимости от обеспеченности предприятий военной промышленности высококвалифицированными кадрами. Этому в конце 20-х – начале 30-х гг., как показано выше, уделялось неослабное внимание. Для решения кадровой пробле-

мы расширялась сеть военно-технических вузов, постоянно совершенствовалось профессиональное образование. Однако многие из этих институтов после серьезных преобразований в 90-е годы прошлого века были ослаблены, результаты чего ощущаются уже сейчас. Таким образом, решение кадровой проблемы и сейчас представляет собой одну из важнейших задач, которая требует решения. Важная роль в этом отношении принадлежит вузам Санкт-Петербурга, которым предстоит не только обеспечить отечественный ОПК инженерно-техническими кадрами, но осуществить переподготовку имеющихся инженеров, техников и ведущих специалистов с ориентацией на новые, инновационные технологии, внедрение которых обеспечит создание вооружения, военной и специальной техники, в полной мере отвечающей современным требованиям.

¹ Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2001. С. 454–455.

² Шант К. Артиллерия. Иллюстрированная энциклопедия. Свыше 300 лучших мировых образцов. С 1914 года до наших дней. [Пер. с англ.]. М.: «Омега», 2006. С. 34–35.

³ Грабин В.Г. Оружие победы. М.: Политиздат, 1989. С. 48–49.

⁴ Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦ ХИДНИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 18–19.

⁵ Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 135.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. ПФ. Оп. 7. Д. 61. Л. 7. Цит. по: Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2008.

⁷ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. С. 75.

⁸ Ванников Б.Л. Записки наркома. С. 136–137.

⁹ История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006. С. 254–255.

¹⁰ Гальперин Д.И. Ученый. Учитель. Патриот. Пермь, 2003. С. 12–13.

¹¹ Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 20.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 282. Л. 30. Цит. по: Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия.

¹³ РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 890. Л. 1.

¹⁴ Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века). М.: Форум; Инфра-М, 2008. С. 59.

¹⁵ Аргументы и факты. 2014. № 6 (1735). 5–11 февраля.

¹⁶ Обносов Б. Нерешенные проблемы оборонной промышленности // Защита и безопасность. 2014. № 1. С. 15.

¹⁷ Там же.

*К.В. Шмелев, Д.Н. Мурзенков, И.А. Федоров
(Санкт-Петербург)*

КОМПЛЕКС ВОЕННОЙ ИГРУШКИ РУБЕЖА XVIII–XIX ВЕКОВ ИЗ РАСКОПОК НА МЕСТЕ ДОМА Н.Ф. МУСИНА-ПУШКИНА НА ФОНТАНКЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ на территории исторического центра Санкт-Петербурга, ведущиеся с середины XX в., помимо уточнения характера использования и способов застройки земель в дельте Невы, позволяют взглянуть на городскую материальную культуру XVIII–XIX вв., представленную различными предметами быта, привязав их к конкретным домовладениям и участкам хозяйственного освоения.

Данная работа посвящена находкам, относящимся к категории военной игрушки, обнаруженным во время раскопок на месте дома Н.Ф. Мусина-Пушкина на набережной реки Фонтанки (Фонтанка, 161). Изучаемая территория расположена на южной окраине нынешнего Покровского острова Невской дельты, в квартале, ограниченном набережной Фонтанки, Прядильным переулком, улицей Лабутина и Климовым переулком.

Археологическим исследованиям участка предшествовала историко-архитектурная экспертиза¹, опираясь на данные которой были проведены наши исследования. Постройки на изучаемой территории зафиксированы в ряде картографических и письменных источников XVIII–XX вв.²

На планах Петербурга первых десятилетий существования города описываемая территория обозначалась как сильно заболоченная, незастроенная местность, с только намеченными проспектами и улицами³.

Дальнейшая интенсификация хозяйственного освоения рассматриваемой территории обусловлена пожарами 1736 и 1737 гг.

в Морской слободе, после чего было произведено переселение «рабочего люда» на берег Фонтанки, что отразилось в названиях улиц, вновь населенных погорельцами: здесь обосновались прядильщики (Прядильная улица, ныне Лабутина), лоцманы (Лоцманская), канониры (Канонерская) и др. К 1737 г. относится начало работ по планированию района, осуществлявшееся Комиссией о строении Санкт-Петербурга. К концу 1740-х гг. на прилегающей к участку обследования территории сформировалась деревянная застройка. На плане И.Ф. Трускота 1748–1749 гг. видно, что территория Покровского острова приобретает современные очертания, местность разделяется улицами⁴. Появляются домовладения и постройки, обозначены первые улицы – ул. Лабутина обозначена как Токарный пер., это название было присвоено 20 августа 1739 г., наб. р. Фонтанки названа Морской набережной. Климов и Прядильный пер. еще не имеют наименований⁵.

Согласно Аксонометрическому плану Санкт-Петербурга 1765–1773 гг.⁶, на участке современной наб. Фонтанки, д. 161 был расположен двор с жилым деревянным одноэтажным бревенчатым строением, южный фасад которого выходил на Фонтанку, и дворовые постройки из двух отдельных служб, одна из которых примыкает к дому, а другая стоит в отдалении у восточной границы участка.

По Н.В. Лаврентьеву, до 1775 г. земельный участок дома 161 длиной 15 сажень, а шириной 10 сажень, принадлежал отставному мелкому чиновнику Счетной экспедиции Адмиралтейств-коллегии Дмитрию Федоровичу Андрееву. 10 августа 1775 г. он продает свой двор с постройками ключнику Морского шляхетского кадетского корпуса Петру Андреевичу Холощеву. Двор располагался в III Адмиралтейской части на набережной р. Фонтанки между домовладениями: слева – Матрены Дмитриевны Северовой (ныне часть дома 163), справа – двором корабельного подмастерья Василия Климова (ныне часть дома 159). В 1792 г. Холощев продает свой деревянный двор с постройками армейскому бригадиру Николаю Ивановичу Медведеву. А в 1797 г. участок числится за такелажмейстером Яковом Матвеевичем Михайловым и имеет номер 374. На плане 1798 г. (так называемый план Аракчеева) данная местность показана очень точно, прорисовано каждое строение и указано, из какого мате-

риала оно построено. На участке современного дома 161 показано два строения, одно каменное, выходящее на наб. р. Фонтанки, другое деревянное, расположенное в глубине двора. Точное время строительства, равно как и внешний вид каменной постройки, неизвестны. Скорее всего, дом был возведен между 1796 и 1798 гг., когда участком владел такелажмейстер Я.М. Михайлов. Строение располагается на месте деревянного одноэтажного дома, который изображен на плане П. де Сент-Илера⁷. К 1806 г. на участке дома 161 появилось два деревянных строения: пристройка к каменному дому по западной границе (с участком 163) и небольшая удлиненная пристройка к существующей деревянной пристройке по северной границе на месте сада, некогда показанного на плане Сент-Илера. Домовладение в 1804–1809 гг. принадлежало вдове такелажмейстера Михайловой Авдотье Дмитриевне. В 1822 г. участок перешел вдове титулярного советника Поморцевой, в 1823 г. участок приобретает «иностранный подданный Брауер». В 1836 г. участок дома 161, которому в то время присвоили номер 136, принадлежал купцу Солодченкову, соседний участок 163 (138) принадлежал коллежскому советнику Мусину-Пушкину. Купцам Солодченковым участок будет принадлежать до 1849 г., когда, очевидно, перейдет Мусину-Пушкину. Каменный дом (архитектор И.А. Козлянинов, проект 1851 г.) с двухэтажными лицевым и дворовыми флигелями был построен в 1857 г. С 1859 г. дом перешел во владение семейства генерал-лейтенанта Ф.Ф. Бегера (1791–1861), в 1872 г. дом продают, и он переходит во владение купца 1-й гильдии А.А. Чеснокова. В 1879 г. дом продают И.И. Капустину. В 1901 г. дом принадлежит К.М. Андреевской, в 1905 – М.А. Потоцкой. В 1913 г. дом переходит купцу Ф.И. Дурдину, а в 1917 г. дом приобретает князь Дмитрий Николаевич Шаховской. К 1932 г. здание было полностью разобрано по непонятным причинам. Нового строительства на участке не велось, он был засажен деревьями и превращен в сквер⁸.

Участок по адресу наб. р. Фонтанки, 161 исследован сотрудниками Лаборатории археологии СПбГУ⁹ в 2013 г. Раскоп перекрывал только дворовое пространство дома Мусина-Пушкина 1857 г. постройки, основная площадь дома не попала в границы раскопа, за исключением подвальных отсеков западного дворового флигеля¹⁰.

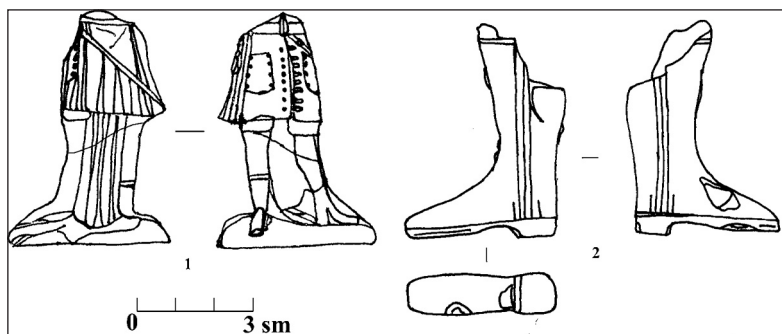
В ходе работ были изучены культурные слои, относящиеся к первой половине XVIII – второй половине XIX вв., а также многочисленные деревянные конструкции указанного периода. В первую очередь, это разветвленная система водоотведения, представленная срубными колодцами и дощатыми дренажными желобами, расположенными на всей площади исследуемого участка. Также зафиксированы деревянные короба для строительного раствора, т. н. творильные ямы, мусорные ямы-короба, и нижние венцы нескольких срубных хозяйственных построек. На всей площади раскопа прослежены фрагменты известнякового фундамента дворовых флигелей дома Н.Ф. Мусина-Пушкина и участок дворового бульжного мощения.

Собрана представительная коллекция индивидуальных находок, представленных монетами, курительными белоглиняными и красноглиняными трубками, фрагментами обуви, предметами обихода. Массовый материал составляли фрагменты керамической, фарфоровой и фаянсовой посуды, стеклянные бутылки, элементы отделки и внутреннего убранства дома.

Среди многочисленных индивидуальных находок, выявленных в ходе работ на данном комплексе, можно выделить ряд предметов, относящихся к категории военной игрушки, и предметов военного обихода.

Наиболее ранний предмет данного круга – фрагмент гипсовой фигурки (рис. 1, 1), обнаруженный в так называемом «мокром слое», насыщенном влагой и органическими остатками нижнем уровне культурных напластований, фиксирующемся практически на всей территории исторического Петербурга. Предмет залегал на глубине 2,2 м от современной дневной поверхности, в слое, насыщенном щепой. В рамках раскопа 2013 г. данный слой по комплексу нумизматического и вещевого материала датируется первой половиной – серединой XVIII в. и маркирует первоначальный этап хозяйственного освоения участка.

Фрагмент нижней части фигурки, высотой 5,5 см, изготовлен из гипса, с незначительными (менее 6 %) примесями мела. В момент находки имеющаяся часть фигурки была расколота на два фрагмента, в ходе реставрации подклеенных друг к другу. На поверхности видны незначительные следы коричневой «терракотовой» окраски, вероятно фигура изначально не была расписана, а только тонирована краской. Конструктивные особенности

**Рис. 1. Материалы из раскопок на месте дома
Н.Ф. Мусина-Пушкина на наб. Фонтанки.**

**1 – фигурка в кафтане-жюстокоре (гипс); 2 – модель сапожка
(деталь куклы-марионетки, свинцово-оловянистый сплав)**

изделия (неочищенный облой, следы литника на задней поверхности) позволяют предполагать, что фигура изготовлена в двусторонней форме, возможно изначально предназначенной для отливок из металла.

Фигурка изображает человека, одетого в кафтан-жюстокор, с пуговицами, боковыми складками и накладными карманами, незастегнутый ниже пояса, подпоясанный поясом с рамочной пряжкой и ремнями поясной португеи со шпагой; в коротких штанах с чулками и подвязками над коленями, в низких сапожках или башмаках. Консультировавший авторов С.И. Шаменков¹¹ уверенно датирует комплекс костюма, послуживший образцом для создания данной фигурки, периодом рубежа XVII–XVIII вв. Действительно, особенности изображенного кроя кафтана, с многочисленными боковыми складками, накладными карманами с многочисленными пуговицами (на данной фигуре – по 9 пуговиц на карманах) – отделка разреза до низа подола петлями и пуговицами (при этом они изображены незастегнутыми от пояса и ниже), все это говорит об изображении кафтана по моде рубежа XVII–XVIII вв., может быть начала 1710-х, что находит многочисленные подтверждения как среди иконографии данного периода, так и среди сохранившихся оригинальных вещей. Более того, ближайшие аналогии изображенным вещам (в частности, характер расположения пуговиц на карманах) прослеживаются среди т. н. «гардероба Петра I», хранящегося в

Государственном Эрмитаже¹². Учитывая, что фигурка могла попасть в слой не позднее середины XVIII в., можно предположить достаточно долгое, в течение двух-трех десятилетий, ее использование в качестве игрушки или детали интерьера (ряд сколов и потертостей на поверхности изделия имеют характер полученных в ходе бытования, а не в результате археологизации) или изготовления ее в виде слепка с другой, более ранней фигуры.

Ряд находок, относящихся к постройкам, предшествовавшим строительству дома Мусина-Пушкина, включал в себя несколько предметов, относящихся к категории детских игрушек. В их числе – фрагмент плоской фигурки (солдатики), выполненной из свинцово-оловянистого сплава, и деталь куклы-марионетки.

Фрагмент (голова) плоской миниатюры (рис. 2, 2) из свинцово-оловянистого сплава (т. н. «нюрнбергской фигурки») обнаружен в заполнении дренажного колодца, по всей видимости использовавшегося, в том числе, как выгребная яма. Дренажный колодец является частью разветвленной водоотводной системы, представленной дощатыми желобами и срубными колодцами. Накопление слоя в заполнении сливного колодца, в первую очередь по нумизматическому материалу (представлены монеты 1810–30-х гг.), можно датировать первой половиной XIX в.

Размер сохранившейся части фигурки – порядка 1,5 см, она изготовлена из свинцово-оловянистого сплава (порядка 60 % олова, около 35 – свинца, остальное – цинк и сурьма), поверхность патинирована, имеются следы омеднения (покрытия медным купоросом) и многочисленные потертости. Сохранившийся фрагмент изображает голову в кивере с налобной бляхой, подбородной чешуей, этишкетом и козырьком. С правой стороны фигуры видна часть деформированного предмета – по всей вероятности, холодного оружия – штыка или, что менее вероятно, – находящейся в положении «наголо» сабли. Данный фрагмент представляет собой часть крупной (целые экземпляры подобного типа солдатиков имеют размер около 8 см) фигурки, изготовленной в г. Фрайбург в 20–40 гг. XIX в. (определение В.Н. Нуждина и А.Н. Лукирского)¹³, судя по тому, что фигурка изначально не была расписана, она могла использоваться в составе большого комплекта – для игры в «Kriegespiel»¹⁴.

Еще один предмет, имеющий отношение к военной игрушке, – модель сапожка (рис. 1, 2), также изготовленная из свин-

Рис. 2. Материалы из раскопок на месте дома Н.Ф. Мусина-Пушкина на набережной Фонтанки.

1 – бляшка с изображением львиной морды (сплав на основе меди, позолота); 2 – фрагмент солдатика, так называемой «нюрнбергской фигурки» (свинцово-оловянистый сплав); 3 – пуговица 19-го линейного полка Великой армии (сплав на основе цинка)

цово-оловянистого сплава. Размер изделия – 5×3 см. Предмет переставляет собой полую металлическую отливку. На боковой поверхности прослеживаются параллельные линии, вероятно изображающие боковые швы реального сапога. Верхняя поверхность имеет сложную, волнообразную форму, вероятно, имитирующую внешний вид кавалерийского сапога – гусарского ботика. Данная находка, по всей вероятности, является частью крупной куклы-марионетки (нем. *hampelmann, marionette*), изображающей традиционного для Северной Германии персонажа Hanswurst в утрированной военной форме. Точная датировка предмета затруднена тем обстоятельством, что она была обнаружена в слое переотложенного строительного мусора, связанного с одной из реконструкций дома Н.Ф. Мусина-Пушкина во второй половине XIX или в начале XX вв.

Помимо вышеупомянутых предметов, при исследованиях на месте дома Мусина-Пушкина был обнаружен еще ряд предметов, хотя и не имеющих отношения к военной игрушке, но отно-

сящихся к военному быту. В их числе – пуговица 19-го линейного полка Великой армии, обнаруженная в одном комплексе с фрагментом «нюнбергской фигурки», и округлая бляха с изображением львиной головы (рис. 2, 1) – часть застежки пояса или плаща начала XIX в.¹⁵, происходящая из слоя строительного мусора, широко датирующегося второй половиной XIX в.

Пуговица (рис. 2, 3), диаметр 33 мм, материал – т. н. «обратный сплав» (67 % цинка, 30 % меди + примеси). Данный предмет уверенно атрибутируется как большая мундирная пуговица нижних чинов 19-го линейного полка армии Наполеона I. Полк принимал активное участие в событиях Наполеоновских войн, в том числе в Русской кампании. В 1812 г. подразделения полка входили в состав второго корпуса маршала Удино и принимали участие в ряде сражений кампании – под Дриссой, Клястицами, Полоцком и при Березине¹⁶.

Данные находки позволяют предположить, что в составе интерьеров домов, возможно, хранились военные трофеи периода войн с Наполеоном или в какой-то момент здесь находились военнопленные Великой армии. Предметы, скорее всего, происходят из одного из зданий внутриквартальной застройки, предшествовавшей возведению дома в 1857 г.

Предметы военного быта, как и военной игрушки, являются достаточно редкой категорией находок при изучении культурных напластований Петербурга. Обнаружение значительной, хотя и разновременной коллекции подобных предметов на одном раскопе, позволяет получить новые данные о распространенности и бытовании подобных предметов в городской культуре Петербурга XVIII–XIX вв., а также задействовать некоторые предметы (в особенности приведенный выше фрагмент гипсовой фигурки) в качестве источников по истории костюма XVIII в.

¹ НИИ «СПЕЦПРОЕКТРЕСТАВРАЦИЯ». «Историко-культурные исследования земельного участка по адресу: Санкт-Петербург, Адмиралтейский район, наб. реки Фонтанки, участок 1 (юго-западнее д. 9, лит. А по Климову пер.)». СПб., 2012 / Архив КГИОП Б\Н.

² Лаврентьев Н.В. Дом Мусина-Пушкина (наб. р. Фонтанки, 161): прошлое, настоящее и будущее // Невский архив. Ист.-краеведч. сб. Вып. X. СПб., 2012. С. 210–224.

³ См., напр.: Унферцахт Г.И. План Императорского столичного города Санкт-Петербурга, сочиненный в 1737 г. СПб.: Академия Наук, 1741.

- ⁴ Семенцов С.В., Красникова О.А., Мазур Т.П., Шрадер Т.А. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII в. СПб., 2004. С. 259–268.
- ⁵ Лаврентьев Н.В. Указ. соч. С. 210–211.
- ⁶ Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1777 гг. (План П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.). СПб., 2003. Лист W (B). С. 92.
- ⁷ Лаврентьев Н.В. Указ. соч. С. 210–215.
- ⁸ Там же. С. 220–224.
- ⁹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева СПбГУ.
- ¹⁰ Федоров И.А., Мурзенков Д.Н., Соболев В.Ю., Шмелев К.В., Михайлова Е.Р. Работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия имени проф. Г.С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. 2014. № 4. С. 192–207.
- ¹¹ *Особая благодарность за консультации С.И. Шаменкову (Одесса).*
- ¹² Моисеенко Е.Ю. Платье рубежа XVII и XVIII веков из «Гардероба Петра I» // Культура и искусство России XVIII века. Новые мат-лы и исслед. Сб. ст. Л., 1981. С. 62–64.
- ¹³ *Особая благодарность за консультации художнику-граверу В.Н. Нужицину (Санкт-Петербург) и сотруднику Государственного мемориального музея А.В. Суворова А.Н. Лукирскому (Санкт-Петербург).*
- ¹⁴ Garrat John G. Model soldiers. A collector's guide. London, 1959. P. 39–53.
- ¹⁵ Диск застежки с изображением льва, размер – 34×32 мм, латунь (87 % меди, 9 % цинка, 4 % сурьмы) с остатками позолоты.
- ¹⁶ Соколов А.В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 538.

Г.Н. Шумкин (Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ МЕТАЛЛОМ ДЛЯ СТВОЛОВ ОРУЖЕЙНЫХ ЗАВОДОВ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

КАК ПРАВИЛО, под военным производством в историографии понимается выпуск готового оружия, боеприпасов и обмундирования. Изготовление сырья и комплектующих остается вне поля зрения исследователей, хотя этот аспект не менее значим, т.к. отсутствие единственной детали может сорвать сборку всего изделия. Недостаточное внимание исследователей к подобным «мелочам» приводит к ошибочным выводам и интерпретациям фактов. В данной работе предпринимается попытка сделать краткий обзор одного из таких аспектов военной промышленности России – производства металла для стволов стрелкового оружия в XIX – начале XX вв.

В первой половине XIX в. сложилась система производства стрелкового оружия, в которой казенные горные заводы Урала, находившиеся в ведении Министерства финансов, обязаны были поставлять ствольное железо Тульскому, Сестрорецкому и Ижевскому оружейным заводам, а те обязаны были его принимать. Приемка проводилась на основании простейшего испытания – внешнего осмотра и загиба полос железа вокруг деревянного столба. С самого начала функционирования этой системы качество металла вызывало нарекания артиллерийской приемки и ствользаварщиков. Оружейники жаловались на неоднородность металла, хорошо видимую на изломе, на механические включения и пузыри газа, так называемые «твердины», «черновины», «волосовины» и т. д. В отдельных партиях военная приемка выбраковывала до 90 % полос железа. Горные чиновники

объясняли высокий процент брака «неискусством» стволозаварщиков, произволом браковщиков, а также тем, что добиться однородности металла в принципе невозможно, так как в железной крице все равно будут оставаться различные примеси (до конца 1830-х гг. железо в России изготовлялось «большекричным» или, иначе, «старонемецким» способом; оно восстанавливалось из чугуна в кричном горне, а затем крицу уплотняли и очищали от шлаков, обжимая молотом).

До 1830-х гг. огромный процент негодного металла не вызывал особой тревоги. Вину за срыв сроков изготовления ружей оружейные заводы всегда могли переложить на горные заводы и потребовать от них новых партий металла. Что касается горных заводов, то они не только ничего не теряли, а даже наоборот – выигрывали от высокого процента брака. «Несходное» (т. е. забракованное) железо хорошо сбывалось на рынке по ценам, значительно превышавшим расценки государственных нарядов. Это позволяло отчитаться если не вовремя выполненными нарядами, то хотя бы прибылями.

В 1830–1840-х гг. началось перевооружение европейских армий винтовками, которые, обладая той же скорострельностью и простотой в обращении, что и гладкоствольные ружья, стреляли в 4 раза дальше (на 1200 шагов против 300). В 1832 г. пехота герцогства Брауншвейгского была вооружена винтовкой Ланкастера с овальным каналом ствола. На вооружение стрелков Бельгии, Австрии и Сардинии была введена винтовка Дельвина; Франции, Пруссии и Баварии – винтовка Тувенена, в 1841 г. в Пруссии на вооружение была принята игольчатая винтовка Дрейзе. С 1848 г. во Франции, Англии, Пруссии началось перевооружение всей пехоты (а не только стрелков) винтовками Минье. А в это время в России не хватало металла, годного для производства даже гладкоствольных ружей.

С конца 1830-х гг. предпринимались попытки решить эту проблему (интересно отметить, что в историографии железодельные технологии, освоенные в конце 1830-х – 1850-х гг., рассматриваются как один из первых признаков начала промышленного переворота в России, однако ключевая причина их внедрения, являющаяся предметом данного сообщения, оставалась «за кадром»). В конце 1830-х гг. на Воткинском заводе было освоено пудлингование (восстановление железа из чугуна в

пудлинговых печах, а затем его очистка прокаткой под валками и проваркой в сварочных печах). Возникла мысль готовить стволы из пудлингового железа, однако, несмотря на высокую степень однородности, оно оказалось материалом менее пригодным для изготовления стволов, чем кричный металл – оно хуже сваривалось.

Затем было предложено объединить обе технологии – изготовлять железо в кричном горне, а крицу очищать тройной проваркой в сварочной печи и прокатывать на валках. Первые партии трехсварочного кричного железа, отправленные на оружейные заводы в 1839–1840 гг., дали вполне приемлемый результат – выбраковывалось только 16–24 % полос, но при переходе к «валовому» производству брак увеличился в среднем до 60 %.

В 1843 г. горное ведомство предложило использовать для заварки стволов железо, изготовленное контуазским (малокричным) способом, изобретенным во Франции в 1820-х гг. Эту технологию освоил Златоустовский горный округ. Контуазское железо было одобрено оружейниками – в опытных партиях брак составлял вполне приемлемые 20–30 %. Но когда в 1846 г. была затребована большая партия ствольного железа, доля негодного металла вновь составила 60 %. С 1847 г. Гороблагодатские заводы начали поставлять контуазское железо, изготовленное по методу братьев Гранмонтань – кричных мастеров, специально приглашенных из Франции. История вновь повторилась: в опытных партиях брак не превышал 20–30 %, но при переходе к валовому производству его доля выросла до 60 % (а в одной партии – до 97 %).

В 1849 г. вновь обратились к идее производства стволов из пудлингового железа. На Воткинский завод был приглашен английский мастер И. Тальбот с целью организации машинной заварки стволов (полоса скручивалась в трубку не вручную молотками, а прокаткой под валками разного профиля). Он успешно внедрил данную технологию в Сестрорецке, однако она базировалась на применении каменного угля, адаптировать ее под древесный уголь не удалось.

В 1851 г. министр финансов П.Ф. Вронченко распорядился создать Горный Совет «для изыскания лучшего способа производства ствольного железа». Совет разработал обширную программу исследований. Производились опыты по подбору чугу-

на, наиболее годного для изготовления ствольного железа; разрабатывались режимы предварительной обработки и методов плавления металла; проводились сравнительные испытания железа Нижнетурина и Серебрянского заводов со шведским (оказалось, что уральское даже «превосходит шведское»); проводилось «рафинирование» (дополнительная очистка) железа в газосварочной печи на Воткинском заводе. Но все было тщетно. Накануне Крымской войны брак в стволах составлял 43–69 %¹.

Ситуация становилась нетерпимой. Вместо 108 тыс. пуд. сходного и 31,2 тыс. пуд. несходного ствольного железа, того минимума, который был установлен «Штатами и основными положениями» 1847 г.², казенные горные заводы поставляли в 2–3 раза меньше. В 1848 г. они отправили оружейным заводам 44,5 тыс. пуд. ствольного железа, в 1849 г. – 67,8 тыс. пуд., в 1850 – 68 тыс. пуд. Не то что винтовок – гладкоствольного оружия производить было не из чего: к началу Крымской войны русской армии не доставало полмиллиона гладкоствольных ружей, 50 тыс. карабинов и 31 тыс. штуцеров³.

Не имея возможности наладить производство винтовок своими силами, правительство обратилось к зарубежным производителям. С 1843 г. оружейники Льежа (Литтиха) поставляли в русскую армию т. н. «литтихские» штуцеры, стрелявшие прицельно на 1200 шагов – в два раза дальше русских штуцеров и в четыре раза дальше гладкоствольных ружей.

Конфликт артиллерийского и горного ведомств достиг высшей фазы. В Военном министерстве стали прорабатывать схемы поставки ствольного железа из-за рубежа или с частных заводов. Чтобы доказать высокое качество железа горных заводов, Министерство финансов построило в 1850-х гг. новый оружейный завод. По планам он должен был ежегодно изготавливать вначале по 5 тыс., а затем по 50 тыс. штуцеров. В 1852 г. для него было выбрано место рядом с Нижнетуриным заводом, считавшимся лучшим железодельным предприятием, а из Бельгии для обучения рабочих были приглашены лучшие в мире мастера-оружейники. Однако стремление создать лучшее предприятие сыграло злую шутку. Генерал-майор Б.Г. Глинка и оружейный мастер Ф.И. Баумгартен, на которых было возложено проектирование нового предприятия, решили создавать завод на принципиально новых для оружейного дела технологиях, в ос-

нове которых был бы не ручной труд (как это практиковалось во всем мире), а механизированное производство. Противостояние сторонников «хорошего», проверенного варианта (на основе ремесленного производства) и «лучшего», но экспериментального (на основе машин), задержало пуск предприятия. Завод, названный в честь Николая I «Николаевским», начал работать в 1857 г.⁴ Но время было упущено, доказывать высокое качество ствольного железа было уже некому, т. к. Военное министерство организовало его производство на Ижевском заводе.

Армия не могла больше ждать, когда горное ведомство закончит затянувшиеся опыты. Высокий процент брака порождал комплекс проблем: 1) увеличивались расходы на содержание оружейных и горных заводов; 2) убыток за «весь брак в стволах» несли оружейники, «от чего ввергались в «бедственное положение»; 3) возрастала «действительная стоимость готового оружия», и 4) главное, «при огромном браке чрезвычайно замедляется выделка оружия»; перевооружение русской армии винтовками откладывалось на неопределенное время. Если во французской армии во время Крымской войны винтовкой был вооружен каждый третий солдат, в английской – каждый второй, то в русской – только каждый 20-й.

В начале 1850-х гг. военные окончательно определили для себя причину низкого качества металла – несоблюдение производственных технологий на горных заводах. Проведенные опыты утвердили их в данном мнении. В 1852 г. после вторичной проварки Санкт-Петербургским арсеналом железа, забракованного Сестрорецким заводом, брак сократился со 100 % до 20–31 %. Аналогичная картина наблюдалась в Бельгии, где были проведены опыты с уральским железом. Брак при машинной заварке (без перековки металла) достигал 79 %, а при ручной заварке с обязательной перековкой – только 9 %, т. е. уральские заводы плохо проваривали железо. Военному ведомству надо было организовать производство железа на подведомственном предприятии, администрация которого в точности бы соблюдала технологию, а не заботилась об «экономии» средств в ущерб качеству проварки.

В 1855 г. Военное министерство заключило контракт с братьями Гранмонтань на организацию производства контуазского железа на Ижевском заводе. Уже на следующий год были получены

успешные результаты. А в 1857 г. система «обязательного приёма ствольного железа с казенных горных заводов» была ликвидирована. Ижевский железодельательный завод стал единственным поставщиком ствольного железа⁵.

Однако перенос производства ствольного железа на Ижевский завод проблемы качества не решил. Как и прежде брак при заварке стволов доходил до 60–70 %, только военные чиновники уже не могли жаловаться на свойства железа. Теперь их перестало устраивать качество чугуна, который Ижевскому заводу стали поставлять казенные горные заводы. В 1858–1859 гг. по требованию Военного министерства в Гороблагодатском округе было проведено комплексное исследование по подбору «рудного смещения», технологий выплавки чугуна, производства железа и изготовления стволов. Площадкой для проведения опытов в доменном производстве послужил Кушвинский завод, в железодельательном – Нижнетуринский, а в ствользаварочном – Николаевский. Исследования закончились скандалом, вылившимся на страницы печати. Артиллерийский приемщик, поручик Русилович обвинил горных инженеров в нежелании соблюдать технологию производства и в срыве программы опытов⁶.

Николаевский завод, построенный для того, чтобы доказать высокое качество металла казенных горных заводов, доказал, скорее всего, обратное. Он проработал всего три года. За это время изготовил 1236 ружей и 12 ружей, собранных вчерне, которые оценивались в 120 тыс. руб. Эти ружья обошлись казне на 2,54 руб. дороже винтовок, произведенных Ижевским заводом. При этом брак при заварке стволов составил 60 %, т. е. «далеко превзошел средний процент брака на артиллерийских ружейных заводах». В 1860 г. Николаевский завод был остановлен, а его оборудование, продукция и полуфабрикаты были переданы Ижевскому заводу.

Тем не менее, проблема качества ствольного железа осталась нерешенной. В 1859–1860 гг. на Ижевском заводе были проведены опыты по рафинированию (очистке) железа, в ходе которых долю негодного металла удалось сократить до 20 %. В 1860 г. с братьями Гранмонтань и бельгийским оружейником Брюно, согласившимся продолжить работу в России после закрытия Николаевского завода, были заключены новые контракты. Под их

руководством Ижевский завод производил ствольное железо до 1866 г.

Однако уверенности в том, что проблема брака решена, не было. Скорее, наоборот, оружейники все больше утверждались в мысли, что железо в принципе не соответствует требованиям, которые предъявлялись к металлу для изготовления стволов. Он должен быть однородным, чистым, вязким (обладать высоким сопротивлением разрыву) и твердым. Чтобы добиться первых трех свойств железо тщательно очищали и проваривали, но в итоге оно утрачивало твердость; «отчего приготовленные из него нарезные ружья после значительного числа выстрелов сделаются негодными к службе». Нужен был принципиально новый материал для изготовления стволов. Им могла быть только литая сталь: «Принятие в некоторых Европейских государствах для выделки стволов исключительно литой стали показывает, что в этом заключается едва ли не простейший и окончательный способ решения вопроса о ствольном металле».

Первые опыты по изготовлению стволов из литой стали были проведены в 1853 г., когда в Россию с завода А. Круппа были доставлены стальные слитки. Изготовленные из них стволы показали себя самым лучшим образом, но цена, которую Крупп запрашивал за свой металл, делала бессмысленной дальнейшую проработку вопроса об его использовании. Нужен был отечественный, дешевый аналог. Им могла бы стать литая сталь, производившаяся в Златоустовском горном округе П.М. Обуховым. В 1857 г. на Сестрорецком заводе были проведены испытания литой стали Обухова. При заварке стволов она оказалась материалом столь же удобным, как и железо, а выделанные стволы выдержали все испытания. В своем заключении «Комитет об улучшении штуцеров и ружей» отметил, что «сталь, приготовляемая подполковником Обуховым, может быть переделываема в оружейные стволы без брака и выделанные из нее стволы не только выдерживают пороховую обыкновенную пробу, но столь благонадежны, что при всех усилиях разорвать их было невозможно». Единственный недостаток металла Обухова – его цена (1,60–2 руб./пуд – в 2 раза дороже железа) обнулялся практически полным отсутствием брака. С учетом процента негодного железа, стальные стволы должны были обойтись даже дешевле железных. В совокупности эти факторы представляли «весьма

побудительную причину для того, чтобы приступить в возможной скорости к испытанию литой стали подполковника Обухова в больших размерах».

На Ижевском заводе была изготовлена 321 винтовка со стволами из стали Обухова. Это оружие было испытано в Гвардии, где прекрасно себя зарекомендовало – обнаруженный войсками брак был минимален, более того, стальные стволы «не расстреливались» – металл не выгорал, стволы были практически вечными⁷.

В 1860-х гг. Златоустовская оружейная фабрика регулярно выполняла небольшие заказы на «болванки» (стальные отливки, которые затем рассверливались и обтачивались в стволы), ствольные трубки, полосы стали, из которых на оружейных заводах заваривались стволы. Всего в 1860-х гг. Златоустовская фабрика изготовила более 40 тыс. ствольных трубок⁸.

Казалось бы, решение проблемы найдено, сталь Обухова соответствовала всем требованиям (твердости, вязкости, однородности, чистоте), придирчивые военные приемщики не скупилась на похвалу в адрес изготовленных из нее винтовок. Оставалось только дать «валовой» наряд Златоустовскому заводу, и армия получит надежное оружие. Но опыты все продолжались, чиновники артиллерийского ведомства находили все новые предлоги, чтобы не давать «валовых» нарядов. У этой проволоочки есть несколько объяснений.

Во-первых, организация в Златоусте валового производства стали для винтовок возродила бы только что уничтоженную систему, в которой горные заводы были монопольными поставщиками ствольного металла. Гарантии того, что Златоуст будет в точности соблюдать технологию, никто дать не мог. Более того, Князе-михайловская фабрика, построенная в Златоусте специально для производства литой стали, в скором времени была уличена в изготовлении некачественной продукции (что и стало причиной прекращения производства на ней стальных орудий).

Во-вторых, разместив заказы на сталь в Златоусте, военные чиновники должны были прекратить недавно начатые работы по организации производства ствольного железа в Ижевске и признать, что этот проект потерпел фиаско.

В-третьих, с 1862 г. Тульский и Сестрорецкий заводы начали приобретать готовые стальные стволы за границей у вестфальского заводчика Бергера.

В-четвертых, в Военном ведомстве были свои виды на литейную сталь Обухова. Если проблема с производством ручного стрелкового оружия, в целом, решалась удовлетворительно, армия перевооружалась винтовками со стволами из ижевского железа или из немецкой стали, то с артиллерийскими орудиями, особенно в обороне побережья, ситуация была близка к катастрофической. В Златоусте планировалось организовать производство орудий для береговой артиллерии.

Поэтому в конце 1850–1860-х гг. основным поставщиком ствольного металла был Ижевский завод. В 1850-х гг. он изготовлял более 70 тыс. пуд. ствольного железа, но в 1861 г. было изготовлено только 34 тыс. пуд., в 1862 – 49 тыс., в 1863 г. – 58 тыс. пуд. Дефицит ствольного железа заставил обратиться к иностранным поставщикам. В 1860 г. была привезена пробная партия стальных и железных стволов из Германии и Франции. В 1862 г. начались массовые закупки ствольных трубок у немецкого заводчика Бергера. В 1863–1867 гг. оружейные заводы были переведены на «арендно-коммерческое управление». Арендаторы начали так активно применять импортные стволы, что перед Ижевским заводом возникла проблема сбыта ствольного железа. К 1869 г. здесь скопилось 240 тыс. пуд. нереализованных остатков при том, что спрос оружейных заводов сократился до 10 тыс. пуд. железа⁹. В 1866 г. инспектор ружейных заводов поставил вопрос об ограничении удельного веса импортных стволов в общем объеме выпуска до $\frac{1}{3}$ для Тульского и Ижевского и $\frac{2}{3}$ для Сестрорецкого заводов. Иначе, по его утверждению, неограниченное право выписывать стволы «приведет к совершенному истреблению у нас стволозаварного искусства»¹⁰.

Однако лимитирование импорта стальных стволов кардинально не решало проблемы – необходимо было организовать производство ствольной стали в России. Д.С. Фролов, арендовавший в 1867 г. Ижевский оружейный завод, по условиям контракта должен был организовать производство ствольной стали. Однако во время «ружейной драмы» 1866–1871 гг., когда модель стрелкового оружия менялась каждый год, вводить новое производство было невозможно.

В 1870 г. на вооружение была принята «мелкокалиберная» винтовка Бердана № 2, которая благодаря меньшему калибру (4 линии (8,4 мм) вместо 6 линий 10,6 мм)) обладала большей

убойной силой при том же весе оружия. С переходом к 4-линейному калибру железо перестало удовлетворять требованиям, предъявлявшимся к ствольному металлу. Необходимо было переходить к производству стволов исключительно из стали. В 1871 г. Бергеру было заказано стволов на 115 тыс. руб. Зависимость от иностранных поставщиков приняла угрожающие масштабы. В 1872 г. Военное министерство обратилось к изготовлявшим литею сталь русским заводам – частному Обуховскому и казенным горным Пермскому пушечному и Златоустовскому. В 1870-х гг. Обуховский завод достаточно исправно изготовлял стволы по 25 тыс. штук ежегодно. Но казенные горные заводы долго не могли организовать производство ствольных трубок. Пермский завод к 1877 г. изготовил 10 тыс. стволов, Златоустовский к 1883 г. – более 80 тыс. стволов¹¹.

В 1871 г. Ижевский завод был передан новому арендатору – капитану А.П. Бильдерлингу с условием, что тот организует производство стальных стволов. Бильдерлинг вместе со своим компаньоном, владельцем Петербургского механического завода Л. Нобелем, и при технической помощи Бергера провели реконструкцию предприятия и наладили выпуск стальных стволов. В 1880-х гг. Ижевский завод стал единственным поставщиком стволов оружейным заводам России. В 1881 г. он был возвращен в казенное управление и получил название «Ижевских оружейного и сталелитейного заводов». Его производительность составляла 200 тыс. ружейных стволов и коробок. Проблема с металлом для стволов стрелкового оружия в целом была решена.

В 1891 г. на вооружение армии была принята 3-линейная (7,62 мм) магазинная винтовка С.И. Мосина. Чтобы выполнить в срок первую очередь перевооружения, оружейным заводам необходимо было поставлять ежегодно в три раза больше того, что мог изготовить Ижевский завод – по 600 тыс. стволов и коробок. Военное ведомство предложило Пермскому, Златоустовскому, Обуховскому, Путиловскому и Брянскому заводам организовать производство стволов для Тульского и Сестрорецкого заводов, однако те запросили слишком высокую цену, поэтому было принято решение повысить производительность Ижевского сталелитейного завода. Затратив на его расширение 941 тыс. руб. Военное министерство, по подсчетам чиновников, сэкономило

около 3 млн. руб. После переоборудования Ижевский завод стал крупнейшим предприятием России по производству качественной стали. Из 532 490 пуд. тигельной стали, изготовленной в России в 1896 г., 46 % (245 510 пуд.) было сделано в Ижевске¹².

Во второй половине 1890-х гг., когда первая очередь перевооружения была завершена и размеры нарядов сократились, Ижевский сталелитейный завод начал поставлять на Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы инструментальную сталь, а также металл для прочих частей винтовки. Фактически, его производительность стала определять производственные возможности всей оружейной промышленности России. В первые годы XX в., в связи с завершением перевооружения армии винтовкой Мосина, на Ижевском сталелитейном заводе было развернуто производство стволов для пулеметов, винтовочных обойм, мелкокалиберных снарядов, запальных стаканов для фугасных бомб, кинжалов – бобутов, противопульных щитов для артиллерийских орудий, пружин, осей и многого другого. Такая многопрофильность была обусловлена, во-первых, необходимостью сохранить кадры квалифицированных рабочих и загрузить производственные мощности; а во-вторых – той практикой, которую впоследствии специалисты назовут «ложно понятой экономией». Вместо того, чтобы организовывать новое производство на новых, специально созданных предприятиях, Военное министерство старалось его разместить на действующих.

Накануне Первой мировой войны производительность сталелитейного завода оценивалась в 100–150 тыс. стволов; но при этом он являлся основным производителем боеприпасов для 3-дюймовой (76-мм) пушки, выпуская ежегодно до 0,5 млн. снарядов. Летом 1913 г. была принята «Малая программа по усилению армии», согласно которой за четыре года Ижевские заводы должны были восстановить производительность середины 1890-х гг. по стрелковому вооружению, сохранив производства, которые возникли позднее. Ежегодный выпуск Ижевских заводов должен был составить 200 тыс. винтовок, 600 тыс. черновых стволов и коробок, всю поделочную сталь для винтовок, 60 млн. обойм, 60 тыс. пудов инструментальной стали для предприятий Военного ведомства и 100–250 тыс. снарядов малого калибра¹³.

Когда началась война, чиновникам ГАУ пришлось решать простую задачу – изготовить 260 тыс. снарядов и 280 тыс. ство-

лов или 340 тыс. снарядов и 220 тыс. стволов, иначе говоря – либо пехоте отказать в винтовках, либо артиллерии – в боеприпасах. Выбор был сделан в пользу стволов. В 1914 г. Ижевский завод изготовил 247 тыс. стволов и 558 тыс. снарядов; в 1915 г. – 813 тыс. стволов и 26 тыс. снарядов. Производство снарядов передали частным заводам и заводам горного ведомства. Тем не менее, производительность сталелитейного завода лимитировала производственные возможности оружейных заводов России. По расчетам Е.З. Бескровного, во время войны армии потребовалось 17 млн. винтовок. К августу 1914 г. в наличии имелось 4,5 млн., за время военных действий изготовили еще 3,5 млн. всего – 8 млн. винтовок. Этот результат был предопределен производительностью Ижевского завода. С сентября 1914 г. русское правительство пыталось покрыть нехватку винтовок за счет импорта. Всего, по данным Е.З. Барсукова, из-за границы поступило 3,7 млн. винтовок¹⁴.

Недостаточная мощность единственного металлургического предприятия Военного министерства стала причиной того, что в мае 1915 г. Совет министров утвердил проект строительства второго сталелитейного завода Военного министерства производительностью в 1 млн. стволов, 1 млн. снарядов, 4 млн. пуд. стали стоимостью реализации в 96 млн. руб.¹⁵

Таким образом, система снабжения оружейных заводов в XIX – начале XX вв. прошла три этапа. Первый этап длился до 1857 г. Это период монополии казенных горных заводов на поставку ствольного железа. Качество железа становилось предметом постоянных конфликтов горного и военного ведомств, которые обострились в 1840-х – начале 1850-х гг. в связи с начавшимся в Европе перевооружением армий быстрозарядными винтовками. Неспособность решить проблему качества ствольного железа отразилась на итогах Крымской войны, когда английские и французские стрелки с безопасной дистанции из винтовок расстреливали русские войска, а винтовка считалась лучшим трофеем среди защитников Севастополя.

Второй этап (конец 1850-х – конец 1870-х гг.) характеризовался использованием в качестве металла для винтовочных стволов как железа, изготавливавшегося Ижевским заводом, так и стали, поставлявшейся немецкими предприятиями, а также Златоустовским, Пермским и Обуховским заводами. Большое чис-

ло независимых от военного ведомства поставщиков, особенно иностранных, рассматривалось как потенциальная угроза стабильности снабжения металлом оружейных заводов (что, как показал опыт с зарубежными поставками во время Русско-японской и Первой мировой войны, было совершенно справедливо).

Третий этап начался в 1880-х гг., когда единственным производителем винтовочных стволов стал Ижевский сталелитейный завод. В первые годы XX вв. он, являясь единственным металлургическим заводом Военного министерства, был превращен в многопрофильное предприятие, что негативным образом сказалось на его производительности во время Первой мировой войны. «Винтовочный голод» 1915 г., в определенной степени, был обусловлен состоянием производства винтовочных стволов и коробок в Ижевске.

---

¹ Шумкин Г.Н. Производство ствольного железа на казенных горных заводах Урала в середине XIX в. // Запад, Восток и Россия. Символы власти и власть символа. Вопросы всеобщей истории. Вып. 15. Екатеринбург, 2013. С. 158–166.

² Штаты и основные положения казенных горных заводов хребта Уральского. СПб., 1847. С. 248–253.

³ Ляпин В.А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 12.

⁴ Шумкин Г.Н. К вопросу о месте Николаевского оружейного завода в истории русской промышленности // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2015. № 4. С. 192–204.

⁵ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства (далее – ВОДВМ) за 1858 г. СПб., 1860. С. 148.

⁶ Ботышев Ф.М. Замечания по поводу сравнения программ для опытов по выплавке чугуна и выделке из него ствольного железа // Артиллерийский журнал (далее – АЖ). 1860. № 4. Отдел ученых и технический. С. 754–797; Русилович. На замечания по поводу сравнения программ для опытов по выплавке чугуна и выделке из него ствольного железа // АЖ. 1860. № 4. Отдел ученых и технический. С. 847–880; Его же. Программы для повторительных опытов над выплавкою чугуна, выделкою из него ствольного железа по контуазскому способу и испытание полученного железа выделкою из него стволов на Николаевской оружейной фабрике // АЖ. 1860. № 4. Отдел ученых и технический. С. 272–296.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 358. Л. 4, 53, 58–60, 73, 85–86 об. 106; Д. 453. Л. 95 об.

⁸ ВОДВМ за 1859 г. СПб., 1861. С. 171; За 1860 г. СПб., 1862. С. 166; За 1861 г. СПб., 1863. С. 157–158; Отчет бывшего Артиллерийского департамента // ВОДВМ за 1862 г. СПб., 1864. С. 8–9; Отчет ГАУ // Там же. За 1863 г. СПб., 1865. С. 8–9; Отчет ГАУ // Там же. За 1864 г. СПб., 1866. С. 13; Отчет ГАУ // Там же. За 1865 г. СПб., 1867. С. 12; Отчет ГАУ // Там же. За 1869 г. СПб., 1871. С. 12.

- ⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 1. Д. 30. Л. 117; Д. 33. Л. 93; Д. 37. Л. 218; Д. 41. Л. 252; Д. 48. Л. 110; Д. 54. Л. 144; Д. 60. Л. 192; Д. 66. Л. 120.
- ¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 358. Л. 141.
- ¹¹ Отчет ГАУ // ВОДВМ за 1871 г. СПб., 1873. С. 19–20; Отчет ГАУ // Там же. За 1873 г. СПб., 1874. С. 3; Отчет ГАУ // Там же. За 1876 г. СПб., 1878. С. 3; Горнозаводская производительность в России (далее – ГПР) в 1875 году // Горный журнал (далее – ГЖ). 1877. Т. II. С. 287; ГПР в 1876 году // Там же. 1878. Т. II. С. 158–159; ГПР в 1877 году // Там же. 1879. Т. I. С. 106–107; ГПР в 1879 году // Там же. 1881. Т. I. С. 203–205; ГПР в 1880 году // Там же. 1882. Т. I. С. 212–214; ГПР в 1881 году // Там же. 1883. Т. II. С. 259–261; ГПР в 1882 году. СПб., 1884. С. 478–479, 487, 495; ГПР в 1883 году. СПб., 1885. С. 220, 284–285, 291, 299.
- ¹² Оружейный сборник. 1892. № 2. Официальный отдел. С. 3; Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы. Кронштадт, 1898. С. 61, 96; Соловьев А. Химические способы исследования металлов в лаборатории Ижевского сталелитейного завода // Оружейный сборник. 1894. № 2. Отдел II. С. 1.
- ¹³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4296. Л. 134–137.
- ¹⁴ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.) Т. II. Ч. III. М., 1949. С. 195, 257, 275, 278–279, 284, 286; Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). М., 2004. С. 472.
- ¹⁵ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 335.

Ю.В. Щербаков (Санкт-Петербург)

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПЕРЕХОДА РККА НА КАДРОВЫЙ ПРИНЦИП КОМПЛЕКТОВАНИЯ В 1930-х ГОДАХ

СТРОИТЕЛЬСТВО ОТЕЧЕСТВЕННЫХ Вооруженных Сил в период 1920–1930 гг. проходило в сложных исторических, экономических и социально-политических условиях.

В 1923 год советское государство вошло в своем новом качестве – Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Новое государственно-национальное и административно-территориальное устройство страны вызывало необходимость существенных перемен в области военного строительства: реорганизации центральных органов военного управления, создания и совершенствования национальных воинских формирований, воспитания военнослужащих РККА в духе дружбы и братства народов¹.

Для дальнейшей жизнедеятельности армии в 1923 г. военное ведомство советского государства провело ряд важных мероприятий. Важнейшими среди них являлись:

Во-первых, создание единого наркомата по военным и морским делам СССР², внутри которого были образованы центральные органы управления, как армией, так и флотом, в частности Штаб РККФ³.

Во-вторых, было принято официальное решение, закрепленное правовым государственным актом, оформленное декретом ВЦИКа и СНК СССР, о формировании первых территориальных частей и соединений, которые до 1923 г. создавались и функционировали в стране только на экспертном уровне⁴.

В-третьих, было положено начало практической реализации идеи о плановости военного строительства⁵.

В условиях дефицита материальных и финансовых средств Народным Комиссариатом СССР по военным и морским де-

**1-я механизированная бригада на тактических занятиях.
Танки БТ и двухбашенные Т-26. 1932 г.**

лам был сделан упор на максимальном развитии технических и подвижных родов войск (танки, авиация, кавалерия) и максимальном сокращении расходов на содержание пехоты. Для экономии средств в РККА с 1925 г. было признано необходимым отказаться от содержания боеготовых стрелковых дивизий, переведя большинство стрелковых частей на территориальную систему комплектования⁶. С 1930 г. Рабоче-крестьянская красная армия (РККА) организационно стала разделяться на сухопутные, морские и воздушные силы. В состав РККА входили также войска специального назначения, войска Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) и конвойные войска⁷.

К середине 1930-х гг. смешанная территориально-кадровая система войскового строительства РККА, последовательно проводившаяся военно-политическим руководством СССР в течение предыдущих 10 лет, достигла своего апогея. Территориальный принцип комплектования армии, при котором пополнение войск (сил) личным составом осуществлялось за счет призывных контингентов, проживавших вблизи мест дислокации (фор-

мирования) воинских частей и соединений, к середине 1930-х гг. стал себя изживать⁸.

На переход к кадровой армии повлияли следующие факторы:

Во-первых, такой переход был подготовлен хозяйственными успехами СССР, его возросшими экономическими возможностями⁹.

Во-вторых, это было связано с непростой международной обстановкой, когда ведущие капиталистические государства, с целью отвести от себя вооруженную агрессию стран «оси Рим-Берлин-Токио», вели политику изоляции советского государства на международной арене и натравливания фашистской агрессии на Советский Союз. В связи с этим особо важными становились возросшие требования к мобилизационной и боевой готовности войск, что было связано с дальнейшим развитием взглядов на ведение современной войны нашими вероятными противниками. Так, военные теоретики фашистской Германии проповедовали ее тотальный и молниеносный характер, допускающий все средства и методы для разгрома и уничтожения своих противников. При этом внезапность нападения они рассматривали как важнейший фактор достижения успеха в войне. В этих условиях для советского государства постоянная боевая готовность Красной армии к отражению внешней военной агрессии приобретала особое значение. Эту задачу могла решить только кадровая армия.

В-третьих, огромный рост и усложнение военной техники внесли существенные изменения в способы ведения вооруженной борьбы. Советское правительство и военное руководство стали все острее чувствовать нехватку полноценных обученных и укомплектованных стрелковых соединений уже в начале 1930-х гг., с началом обострения международной обстановки на Дальнем Востоке. Становилось очевидным, что овладеть новой техникой и вооружением, научиться ее применять во время кратковременных сборов личного состава территориальных частей и соединений становилось все труднее – требовалось систематическое обучение в течение более продолжительного времени. Наилучшие условия для этого могли быть созданы в кадровых войсках.

Переход к кадровой системе строительства Вооруженных сил сопровождался ростом численности личного состава. В

**Батарея корпусной артиллерии (107-мм пушка обр. 1910–30 гг.)
на параде в Киеве. 1932 г. (архив ВИМАИВиВС)**

1935 г. в них было 930 тыс. человек, а к 1 января 1938 г. общая численность личного состава увеличилась на 62,7 % и достигла 1 513 400 человек. Стрелковые войска РККА к 1935 г. составляли основу Вооруженных сил СССР и ее главную ударную силу. Их штатная численность составляла около 394 тыс. человек¹⁰.

В соответствии с номенклатурой учета штатной численности РККА в состав стрелковых войск входили: управления корпусов, дивизий и бригад, стрелковые и зенитно-пулеметные части, батальонная, полковая, дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия, войсковая конница, части связи, инженерные, автомобильные, танковые, химические, авиационные части, судебные органы, прочие (тыловые) части и учреждения¹¹.

Изменялось соотношение между кадровыми и территориальными дивизиями. Если до 1935 г. 74 % всех дивизий были территориальными и 26 % кадровыми, то к концу 1935 г. 77 % дивизий стали кадровыми и только 23 % остались территориальными¹².

Возрастание численности кадровой армии, необходимость решать сложные и многообразные задачи мобилизационной и бо-

евой готовности предопределили необходимость совершенствования государственных и военных органов руководства. Ко времени перехода Вооруженных сил на кадровый принцип комплектования высшее военное руководство в стране осуществлялось тремя основными органами: постоянной Комиссией обороны при СНК СССР, Советом Труда и Обороны и Народным комиссариатом по военным и морским делам с Реввоенсоветом СССР во главе. Они несли полную ответственность за политико-моральное состояние войск, их постоянную боевую и мобилизационную готовность.

Сложившаяся к началу Второй мировой войны структура органов государственного и военного руководства в целом отвечала новым условиям развития отечественных Вооруженных сил. Она обеспечивала проведение в жизнь военной политики ВКП(б), устойчивое управление войсками, поддержание их в постоянной боевой готовности.

Переход к кадровой армии, развитие новых видов вооружения и боевой техники коренным образом повлияли на изменения в ее структуре, организации родов войск, в соотношении видов Вооруженных сил.

За период с 1929 по 1938 гг. удельный вес Сухопутных войск – наиболее массового вида РККА – при абсолютном их росте снизился с 87,7 до 75,2 %, доля Военно-Воздушных Сил в системе Вооруженных Сил увеличилась с 5,2 до 12,8 %, а Военно-Морского Флота – с 5,8 до 9,7 %¹³. В процессе организационного развития Сухопутных войск повышалась их огневая мощь, ударная сила, мобильность и маневренность.

Поступление в войска боевой техники существенным образом повлияло на состав и организацию Сухопутных войск¹⁴. В 1929 г. они имели 70 стрелковых дивизий, в том числе 41 территориальную, а к концу 1938 г. – 98 кадровых дивизий и 5 отдельных стрелковых бригад¹⁵.

Основными тактическими соединениями стрелковых войск являлись: стрелковые¹⁶ и горнострелковые дивизии¹⁷, стрелковые корпуса¹⁸ и стрелковые бригады¹⁹.

Все соединения стрелковых войск подразделялись на кадровые²⁰, территориальные²¹ и смешанные²² – в зависимости от системы комплектования личным составом в мирное время и степени мобилизационной готовности в военное время.

**Корпусное совещание с участием представителей
5-й Кавалерийской дивизии Киевского военного округа.
19 марта 1926 г. (архив ВИМАИВиВС)**

К январю 1935 г. в составе стрелковых войск РККА насчитывалось 20 управлений стрелковых корпусов, 84 стрелковых дивизии, 1 стрелковая бригада и 2 территориальных отдельных стрелковых полка. Все эти соединения и части были распределены по всей территории СССР между 8 военными округами (Московский, Ленинградский, Белорусский, Украинский, Северо-Кавказский, Приволжский, Средне-Азиатский, Сибирский ВО) и двумя армиями (Кавказская Краснознаменная армия, Особая Краснознаменная Дальневосточная армия).

17 мая 1935 г. была радикально изменена военно-административная система РККА. Вместо 8 военных округов и 2 отдельных армий создавались 13 военных округов – Московский, Ленинградский, Белорусский, Киевский, Харьковский, Северо-Кавказский, Закавказский, Средне-Азиатский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Забайкальский и Дальневосточный²³.

Все лето и осень 1935 г. НКО и штабы военных округов вели напряженную работу по вопросам оптимального размещения и развертывания новых соединений, подготовки новых штатов и, особенно, реорганизации войск укрепленных районов²⁴.

Перевод частей и соединений на кадровое положение осуществлялся путем последовательного увеличения в территориальных формированиях постоянного состава и создания внутри них кадровых частей и подразделений. Территориальные соединения сначала становились смешанными, а по мере роста штатной численности постоянного состава – кадровыми.

Первоначальный план развертывания стрелковых войск до 100 соединений был утвержден НКО и НГШ 22 сентября 1935 г. К формированию намечались 12 дивизий – 11-я, 90-я (ЛВО), 50-я, 42-я (БВО), 45-я, 79-я, 87-я, 97-я (КВО), 104-я, 92-я (ОКДВА) стрелковые дивизии УР, Камчатская и Сахалинская горные стрелковые дивизии²⁵. Из числа необходимых 67 кадровых дивизий планировалось 9 кадровых дивизий перевести на штат военного времени (13 тыс. чел.), 8 дивизий содержать в комплексе от этого штата (10 тыс. чел.), 9 дивизий иметь в составе 8000 чел., 40 дивизий – в составе 6560 чел. Количество территориальных дивизий должно было сократиться до 23, которые, однако, имели бы усиленный штат в 3100 чел., число горнострелковых дивизий, наоборот, возрастало до 11. Для объединения войск укрепленных районов приграничных округов предусматривалось создание 4-х новых управлений стрелковых корпусов: 13-й, 23-й, 33-й и 43-й. Еще 2 управления (26-й и 39-й СК) должны были быть сформированы в ОКДВА. Управление территориального Второго стрелкового корпуса переводилось на кадровую основу и отправлялось в БВО. Кроме того, на 1936 г. было запланировано введение общей «сквозной» нумерации для всех стрелковых соединений и частей²⁶.

Новый типовой штат стрелковой дивизии военного времени был утвержден НКО в декабре 1935 г. В соответствии с этим штатом в состав дивизии входили три стрелковых полка, танковый и отдельный разведывательный батальоны, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, отдельный батальон связи и саперный батальон. В последующие годы в организацию дивизии военного времени вносились некоторые коррективы, однако в основных чертах эта организация существовала до начала Второй мировой войны. Сравнительная оценка роста боевой мощи стрелковой дивизии (по штату военного времени) приведена в таблице.

На вооружение стрелковой дивизии поступили более совершенные орудия, в том числе зенитные и противотанковые. В

Изменение численности личного состава и вооружения стрелковой дивизии (в процентах к штату 1929 г.)²⁷

Личный состав, вооружение и боевая техника	Численность дивизии по штату		
	1929 г.	1935 г.	1938 г.
Личный состав	100,0	100,9	130,4
Винтовки	100,0	119,4	180,5
Станковые пулеметы	100,0	107,1	102,4
Ручные пулеметы	100,0	213,3	248,8
Орудия всех калибров	100,0	175,4	200,0
Минометы	100,0	900,0	1500,0
Танки	-	100,0*	100,0
Автомашины	100,0	-	672,9

штат дивизии были включены танковые подразделения, что резко повысило ее боевые возможности и боевую мощь пехоты в целом. На стрелковый батальон дивизии 1938 г. приходилось 65 пулеметов и 16 орудий и минометов (не считая танковых), в то время как на батальон дивизии 1929 г. – 37 станковых и ручных пулеметов и 7 орудий и минометов²⁸.

В военное время стрелковая дивизия РККА должна была насчитывать около 12 900 человек. Однако лишь 12 дивизий ОКДВА имели численность, близкую к военному времени (от 7050 чел. в 36-й и 57-й до 10 209 чел. в 3-й Колхозной)²⁹. На западных границах только пять приграничных кадровых дивизий насчитывали около 6 тыс. человек каждая (2-я, 4-я, 5-я, 24-я и 44-я). Остальные соединения имели численность от 4419 до 1862 человек³⁰.

Количество стрелковых дивизий мирного времени к 1 июля 1936 г. намечалось довести до 88, а в военное время развернуть 170 стрелковых дивизий³¹. С этой целью с апреля 1935 г. 18-ю (МВО) и 35-ю (ОКДВА) территориальные дивизии начали переводить на кадровую основу и формировать взамен них две новые территориальные дивизии – 52-ю (МВО) и 93-ю (ОКДВА). Также намечалось с 1.01.1936 переформирование 2-го (МВО) и 4-го (ПриВО) территориальных стрелковых полков в территориальные дивизии тройного развертывания. К июлю 1936 г. в мирное время планировалось содержать 82 кадра дивизий 2-й и

* За 100 процентов танков принят штат 1935 г.

3-й очереди численностью по 300 человек каждая (так называемые «подвески»). Эти «подвески» получали все стрелковые дивизии (кроме дальневосточных и горных)³².

Основное направление, по которому шло совершенствование организации дивизии в эти годы, заключалось в увеличении ее боевых возможностей для успешного решения задач, как в наступлении, так и в обороне. По количеству выпускаемых в минуту пуль дивизия конца 30-х гг. в 1,5 раза превосходила дивизию конца 1920-х гг., а по количеству металла, выпускаемого в один залп артиллерией и минометами – почти в 3 раза³³.

Механизация и моторизация стрелковой дивизии, рост ее технической оснащенности вызвали изменения в соотношении личного состава. Удельный вес личного состава дивизии, связанного с техникой, с 20,2 % в 1929 г. увеличился до 41,7 % в 1938 г. Большая часть стрелковых дивизий была организационно сведена в корпуса – высшие тактические соединения. К концу 1938 г. в Сухопутных войсках было сформировано 25 управлений стрелковых корпусов³⁴. Корпус приграничного военного округа состоял из трех стрелковых дивизий, двух корпусных артиллерийских полков, отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, саперного батальона, батальона связи и других специальных подразделений.

Большие изменения произошли в войсковой артиллерии. Количество батальонной и полковой артиллерии возросло почти в 2 раза³⁵. Артиллерийский полк стрелковой дивизии вместо трех стал иметь четыре дивизиона. В дивизии впервые появился зенитно-артиллерийский дивизион, в стрелковом корпусе – второй артиллерийский полк и зенитный артиллерийский дивизион.

К концу 1938 г. удельный вес дивизионной артиллерии с 82 % в 1929 г. снизился до 64 %, а корпусной артиллерии увеличился с 12 % до 22 %. Увеличился удельный вес батальонной артиллерии (с 1,5 % до 4 %) и полковой артиллерии (с 4,5 % до 10,5 %). По мере поступления материальной части артиллерии росло количество артиллерийских частей Резерва Главного Командования (РГК). Создавались отдельные однотипные полки (три дивизиона по три батареи) и отдельные дивизионы специального назначения. В 1929 г. было 4 полка РГК, а к 1939 г. насчитывалось 24 полка РГК и несколько отдельных дивизионов особой мощности³⁶.

Массовое оснащение армии танками привело к организационному развертыванию бронетанковых войск. Специальная комиссия Реввоенсовета СССР во главе с С.С. Каменевым, разрабатывавшая структуру бронетанковых войск, пришла к выводу, что новый род войск должен включать в свой состав: механизиро-

М.Н. Тухачевский в форме командарма 1-го ранга. 1922 г. (архив ВИМАИВиВС)

ванные соединения, предназначенные для решения самостоятельных задач; танковые части и соединения как средство количественного и качественного усиления войск; танковые части, организационно входящие в общевойсковые соединения. В этом направлении и развернулось организационное строительство бронетанковых войск.

Наиболее сложным и трудным оказалось создание самостоятельных механизированных соединений. В июле 1929 г. Реввоенсовет СССР принял постановление, в котором говорилось: «Принимая во внимание, что новый род оружия, каким являются бронесилы, недостаточно изучен как в смысле тактического его применения (для самостоятельного и совместного с пехотой и конницей), так и в смысле наиболее выгодных организационных форм, признать необходимым организовать в 1929–1930 гг. постоянную опытную механизированную часть»³⁷. На основании этого решения летом 1929 г. в Московском военном округе был сформирован опытный механизированный полк, преобразованный в мае 1930 г. в механизированную бригаду. Эта бригада также, по существу, являлась опытной. В период с 1930 по 1932 гг. на опыте этого соединения проверялись оперативно-тактические взгляды на использование бронетанковых войск, совершенствовалась их организационно-штатная структура.

После ряда учений определилась наиболее целесообразная организация механизированной бригады. По штату, утвержденному летом 1932 г., она состояла из 4-х танковых батальонов и подразделений боевого и материально-технического обеспечения. В бригаде полагалось иметь по штату около 300 танков и танкеток³⁸.

Изучение и обобщение опыта функционирования новых военных структур выявило необходимость дальнейшего организационного укрупнения танковых подразделений для решения крупных оперативных задач. В марте 1932 г. управление моторизации и механизации представило в Штаб РККА доклад, в котором отмечалось, что, хотя механизированные бригады и будут являться сильным ударным средством, возникает необходимость объединения механизированных бригад в высшее оперативно-самостоятельное соединение типа механизированного корпуса. Идею создания такого корпуса поддержали начальник Штаба РККА А.И. Егоров, заместитель председателя Реввоенсовета М.Н. Тухачевский, командующие войсками военных округов И.П. Уборевич, И.Э. Якир и другие видные военачальники³⁹.

Штаб РККА разработал организационно-штатную структуру механизированного корпуса, способного самостоятельно вести все виды боевых действий в отрыве от главных сил армии (фронта)⁴⁰. С этой целью в состав корпуса включались танки, моторизованная пехота, артиллерия, саперные части, части связи, а также необходимые средства боевого и материально-технического обеспечения⁴¹.

В 1932–1934 гг. в трех из девяти военных округов были сформированы четыре механизированных корпуса: по одному в Московском и Украинском и два в Ленинградском военном округе⁴². В каждый корпус входили две механизированные и одна стрелково-пулеметная бригады, а также различные подразделения и части боевого и материально-технического обеспечения.

В 1935 г. все отдельные танковые полки были реорганизованы в танковые (легких и тяжелых танков) бригады резерва Главного командования, включавшие по четыре батальона⁴³. Бригада средних танков состояла из четырех батальонов (117 танков; из них 80 – средние Т-28, остальные – легкие типа Т-26 и БТ). Аналогичную организацию имела бригада тяжелых танков. Она насчитывала 94 танка: 60 – тяжелых (Т-35), остальные – легкие⁴⁴.

**Маневры Ленинградского военного округа.
Группа командиров штаба главкома руководства маневрами
у палатки. 26 сентября 1926 г. (архив ВИМАИВиВС)**

Организационные формы танковых и механизированных частей, входивших в состав сухопутных войск и кавалерии, складывались постепенно, по мере насыщения армии бронетанковой техникой. В середине 30-х гг. в стрелковую дивизию был включен танковый батальон, а в кавалерийскую дивизию – механизированный полк. Танковый батальон состоял из трех танковых рот; механизированный полк – из трех эскадронов танков БТ и одного эскадрона плавающих танков. Каждая рота и эскадрон имели на вооружении 15 боевых машин⁴⁵.

В 1937 г. возникла необходимость в создании легких механизированных частей, предназначенных для действий в условиях пустынно-степной местности. Так, в Забайкальском военном округе были сформированы мотоброневые бригады. Каждая из них состояла из трех батальонов (автоброневое, стрелково-пулеметного и разведывательного) и насчитывала в своем составе 80 броневых автомобилей⁴⁶.

Таким образом, в первой половине 30-х гг. была разработана система организационных форм бронетанковых войск, осуществлено их развертывание. Эта система складывалась из танковых

частей, входивших в состав пехоты и кавалерии (танковые батальоны и механизированные полки), танковых соединений РК (бригады средних и тяжелых танков), отдельных механизированных и мотоброневых соединений (бригады и корпуса).

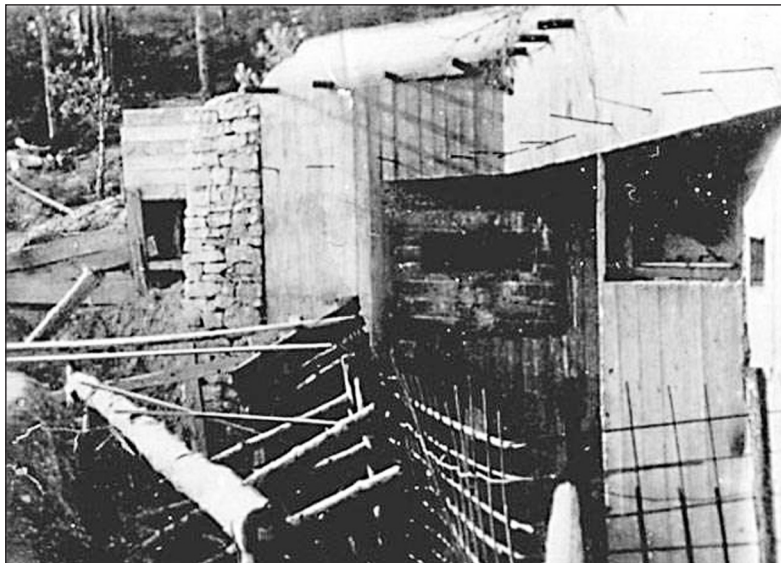
В августе 1938 г. все механизированные части и соединения преобразуются в танковые. Это не повлекло за собой существенных изменений организационно-штатной структуры. Новое наименование частей и соединений бронетанковых войск стало более точно отражать их главное внутреннее содержание. К началу 1939 г. в бронетанковых войсках было 4 танковых корпуса, 24 отдельные легкие танковые бригады, 4 тяжелые танковые бригады, а также значительное количество отдельных танковых подразделений и частей, входивших в состав стрелковых и кавалерийских соединений⁴⁷.

Бронетанковые войска заняли прочное место в системе Сухопутных войск, став их главной ударной силой. За три года (1936–1938 гг.) они выросли численно более чем в 2 раза⁴⁸.

В годы технической реконструкции совершенствовалась организация специальных родов Сухопутных войск. Численность инженерных частей РК возросла в 3 раза⁴⁹. В стрелковый полк вместо саперного взвода была введена саперная рота, в дивизию – саперный батальон двухротного состава, а в стрелковый корпус – инженерно-саперный батальон трехротного состава. Инженерно-саперные подразделения вошли в состав соединений бронетанковых войск: в танковую бригаду – моторизованная саперная рота, а в танковый корпус – моторизованный понтонно-мостовой батальон.

Претерпела изменения организация войск связи. Роты связи стрелковых и кавалерийских корпусов и дивизий были развернуты в батальоны связи. В стрелковых и кавалерийских полках созданы отдельные роты связи. Формировались новые подразделения связи для частей и соединений бронетанковых войск и артиллерии. Для организации связи и управления в высших штабах Красной армии развертывались отдельные батальоны и полки связи.

К концу 1930-х гг. все стрелковые, кавалерийские, танковые и механизированные части и соединения имели свои штатные средства химической защиты. В химических частях РК появились огнеметные танковые батальоны и бригады.

Пулеметный ДОТ КаУР в процессе маскировки под жилой дом

С большим размахом шло строительство укрепленных районов. У границ СССР была построена полоса таких районов от Ладожского озера до Черного моря. Укреплялись границы на Дальнем Востоке⁵⁰. Численность постоянных гарнизонов укрепленных районов за 1929–1938 гг. возросла в 7,5 раз⁵¹.

Для обороны укрепрайонов в 1935 г. стали создаваться специальные части – пулеметные и пулеметно-артиллерийские батальоны. Их организация и состав в каждом конкретном случае определялись характером и размерами района. Например, пулеметный батальон укрепрайона первого типа состоял из 5 рот с 35 пулеметами⁵². Помимо бывшего ранее деления на «приграничные» и «внутренние», появилось новое деление на «лобовые» и «тыловые» округа. Предполагалось, что «лобовые» приграничные округа будут разворачиваться во фронты, а мобресурсы «тыловых» округов будут их питать. Группа в один приграничный и два внутренних военных округа стала составлять стратегическое направление⁵³.

В целом за десятилетие (1929–1938 гг.) под влиянием военно-технического прогресса в структуре Сухопутных войск про-

изошли существенные количественные и качественные изменения. Удельный вес пехоты при абсолютном росте в 2 раза снизился с 58 до 49 %. Численность кавалерии за эти годы выросла в 2,5 раза, и ее относительная доля составляла более 15 %. Увеличились и абсолютно, и относительно бронетанковые войска и артиллерия РКК – их общий удельный вес вырос с 3 до 10 %⁵⁴.

Изменилось и соотношение между техническими родами войск (артиллерия, бронетанковые войска, инженерные войска, войска связи и др.), с одной стороны, и пехотой и кавалерией – с другой. Удельный вес первых увеличился с 21 % в 1929 г. до 51 % в 1938 г. По основным типам соединений (бригад, дивизий) состав Сухопутных войск увеличился более чем в 2 раза. Из общего количества дивизий и бригад подвижные войска составляли: в 1929 г. – 21 %, в 1938 – 41 %, при этом половина этих соединений стали танковыми и механизированными⁵⁵. В целом огневая и ударная сила Сухопутных войск, их подвижность и маневренность значительно возросли.

С.С. Каменев в форме командарма 1-го ранга

Предметом особой заботы советского государства и общества были ВВС Красной армии. Их строительство шло по пути гармоничного развития всех их составных частей, централизации управления, создания крупных авиационных соединений, предназначенных для массированного применения как при совместных действиях с Сухопутными войсками, так и для решения самостоятельных задач.

В 1930–1931 гг. в Московском и Ленинградском военных округах проводились первые опытно-показательные учения ВВС по применению воздушных десантов. Обобщив опыт этих учений, Реввоенсовет СССР в декабре 1932 г. принял постановление о создании четырех штатных авиамотоотрядов, каждый из которых состоял из двух парашютных рот и посадочной группы (роты танков Т-27 и моторизованной роты). Одновременно разрабатывались положения по оперативно-тактическому применению

**Сборы начальников связи полков I и II Кавалерийских корпусов,
г. Проскуров. 9–15 мая 1932 г. (архив ВИМАИВиВС)**

этих отрядов. Так было положено начало созданию нового рода войск – воздушно-десантных войск (ВДВ)⁵⁶. На базе десантных отрядов формируются воздушно-десантные бригады; к началу 1938 г. создается 6 таких соединений. В состав бригады входили: парашютный и мотомеханизированный батальоны, артиллерийский дивизион и летная группа (две эскадрильи ТБ-3 и одна – Р-5)⁵⁷. Появление ВДВ – важный шаг на пути развития Вооруженных Сил, укрепления обороны страны, а также наступательных подразделений. Открылись новые возможности по осуществлению глубоких операций, так как ВДВ были способны в кратчайший срок развернуть боевые действия в глубоком тылу противника и внезапно нанести по нему сокрушительные удары.

В конце 1920-х – начале 30-х гг. в Войсках противовоздушной обороны (ПВО) страны основными средствами решения боевых задач были зенитная артиллерия и истребительная авиация. Их действия обеспечивались частями специальной службы обнаружения воздушного противника. Оснащение Войск ПВО новой боевой техникой, расширение задач по защите тыла страны

от ударов авиации противника вызвали изменения в органах управления ПВО страны. Вместо существовавшего с 1927 г. отдела Штаба РККА, ведавшего вопросами ПВО, в мае 1932 г. создается Управление противовоздушной обороны РККА, на которое возлагается практическое руководство службой ПВО всей территории страны. В это же время соответствующие управления были созданы и в военных округах.

С развитием авиации и средств борьбы с ней в Войсках ПВО осуществлялся постепенный переход от отдельных подразделений и частей к крупным соединениям. В первой половине 1930-х гг. Войска ПВО организационно состояли из отдельных зенитных артиллерийских дивизионов и полков, пулеметных батальонов, обслуживающих подразделений. С 1935 г. стали создаваться бригады и дивизии ПВО, а для противовоздушной обороны наиболее важных объектов – корпуса ПВО, в состав которых включались части и соединения всех родов войск. Истребительная авиация, предназначенная для действий в интересах ПВО, находилась в подчинении командующих ВВС округов.

Техническая реконструкция армии и флота потребовала дальнейшего совершенствования тыла Вооруженных Сил. Большое значение в решении этой задачи имело постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 9 августа 1935 г. «О состоянии ободно-вещевого и продовольственного снабжения Красной Армии и Флота». Вводилась новая система снабжения: центр – округ – дивизия – полк – рота – красноармеец⁵⁸. Включение в эту схему дивизионного звена позволило сократить количество довольствующих единиц непосредственно из округа, способствовало улучшению снабжения войск. Служба военно-хозяйственного снабжения была разделена на две самостоятельные службы: продовольственного и ободно-вещевого снабжения. По существу, заново создавались службы снабжения военно-техническим имуществом, ГСМ. В 1936 г. создаются управления снабжения горючим в центре и отделы снабжения горючим в военных округах.

С ростом автомобильного парка Красной армии возникла необходимость образования специальных органов автомобильно-дорожной службы: в составе Генерального штаба и в штабах военных округов – отделов автомобильно-дорожной службы.

Таким образом, руководители советского государства и военного ведомства в 1930-е гг. приняли правильное решение о пере-

ходе от смешанной системы комплектования к кадровому принципу строительства вооруженных сил, что, во-первых, максимально отвечало конкретным историческим условиям, экономическим возможностям страны и, во-вторых, позволяло адекватно реагировать на военные угрозы Советскому Союзу.

Создание кадровой Красной армии значительно повысило уровень подготовки красноармейцев по многим вопросам оперативной и боевой подготовки, что нашло подтверждение в проведении армейских военных операций у оз. Хасан в 1938 г., на р. Халхин-Гол в 1939 г., а так же в военных операциях советско-финляндской войны в 1939–40 гг.

---

¹ Под «Рабоче-Крестьянской Красной Армией», «РККА», «Красной армией», как правило, понимаются все вооруженные силы страны. Такая трактовка принята в соответствии с постановлением президиума РВС СССР от 13 апреля 1925 г. по вопросу «О Законе об обязательной военной службе». В постановлении записано: «Термин «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» есть родовое понятие для всех Вооруженных сил Союза, как сухопутных, морских, воздушных, так и для войск Государственного политического управления и конвойной стражи, поэтому во всех соответствующих параграфах закона одновременное употребление терминов «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» и «Рабоче-Крестьянский Флот» исключить ввиду того, что второй поглощается первым. Признать, что термин «Рабоче-Крестьянский Флот» может употребляться только как видовое понятие. См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 17.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 370. Л. 1, 5. (Решение Политбюро ЦК РКП(б) о слиянии аппаратов Военного и Морского ведомств. 9 августа 1923 г. Протокол № 22 заседания Политбюро ЦК РКП(б).

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 17. Л. 206–216. (Положение о Народном комиссариате по военным и морским делам СССР, принятое III сессией ЦИК Союза ССР 12 ноября 1923 г. 12–16 ноября 1923 г.); РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 86. Л. 777–779. (Приказ РВС СССР № 2763 с объявлением «Положения о штабе РККФ». 23 декабря 1923 г.).

⁴ Приказ РВС СССР № 1742 с объявлением декрета ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 г. «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся». 11 августа 1923 г. См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1888. Л. 231 об.–233.

⁵ Реввоенсовет республики. Протоколы 1920–1923. сб. док. М., 2000. С. 315–337.

⁶ Нельзин О.С. Состав, организация и мобилизационное развертывание стрелковых войск Красной Армии в 1935 году / Мировые войны. № 1. 2005. С. 10.

⁷ См.: Закон Союза ССР «Об обязательной военной службе». Раздел I. Ст. 2. Утвержден ЦИК Союза СССР, СНК Союза СССР, 13 августа 1930 г., № 42/2536.

⁸ Указанный нормативно-правовой документ действовал в течение 5 лет и утратил свою юридическую силу в связи с изданием Постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 08.08.1928 г. Именно в этом году Советский Союз вступил в первую пятилетку народно-хозяйственного развития (1929–1933 гг.). Соответствен-

но Вооруженные силы завершили в 1928 г. военное реформирование и перешли на пятилетнее строительство.

⁹ РГВА. Ф. Р–5446. Оп. 19. Д. 81. Л. 29.

¹⁰ Там же. Ф. 40442. Оп. 1. Д. 1569. Л. 2.

¹¹ Там же. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 514. Л. 225.

¹² История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2000. С. 124–128.

¹³ Сухопутные войска России. История создания, становления и развития. М., 2001. С. 313–316.

¹⁴ В Вооруженных силах СССР с октября 1918 г. в соответствии с приказом РВСР № 61 от 11 октября 1918 г. все пехотные соединения, части и подразделения переименовывались в «стрелковые». Вместе с тем переименованию подверглись только формирования, составлявшие род войск, но не сам род войск. Официальная формулировка «стрелковые войска» в официальных и архивных документах не применялась, поэтому в межвоенный период и предвоенные годы в РККА данный род войск именовался как пехота.

¹⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 32–34.

¹⁶ Стрелковые дивизии составляли основу Сухопутных сил и предназначались для военных действий на основных ТВД в условиях равнинной местности.

¹⁷ Горнострелковые дивизии были предназначены для ведения боевых действий в горных, пустынных и труднодоступных местах с неразвитой сетью дорог, как правило, в условиях изолированного или частично изолированного ТВД, что определяло ряд особенностей в организации их тыла и строевых подразделений.

¹⁸ Стрелковые корпуса – высшие общевойсковые тактические соединения, объединявшие, как правило, своим управлением 2–3 стрелковых дивизии.

¹⁹ Стрелковые бригады формировались для боевых действий на местности с особыми условиями, требующими специальной подготовки личного состава.

²⁰ Кадровые соединения имели сокращенный кадр командного и красноармейского состава и пополнялись при мобилизации до штатов военного времени путем призыва обученных контингентов из запаса. Численность личного состава кадровых соединений и частей колебалась в пределах 40–75 % от штата военного времени. Кадровые дивизии, как правило, располагались непосредственно на границах СССР в первом эшелоне приграничных округов.

²¹ Территориальные соединения содержали лишь минимальный кадр среднего и младшего комсостава (10–20 % от полного штата). Рядовой состав и часть командного состава являлись переменными и призывались лишь на кратковременные учебные сборы от 1 до 3 месяцев в течение года. При мобилизации комплектование территориальных войск остальным личным составом до штатов военного времени проводилось путем призыва обученных этими соединениями и частями контингентов военнообязанных, приписанных к ним по территориальному принципу. В основном территориальные корпуса и дивизии находились во внутренних округах страны либо в третьем эшелоне приграничных округов.

²² Смешанные соединения являлись кадровыми дивизиями, в которых один или два полка содержались на территориальной основе. Их численность колебалась в пределах 15–30 %. Все они были распределены между западными приграничными округами, составляя второй эшелон, и, как правило, дислоцировались вблизи крупных населенных пунктов, что позволяло ускорить мобилизацию военнообязанных.

²³ Дальневосточный ВО 2 июня 1935 г. переименован снова в ОКДВА.

- ²⁴ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1. Д. 1963. Л. 228.
- ²⁵ Там же. Д. 1513. Л. 455.
- ²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–2.
- ²⁷ Составлено по данным, приведенным в: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 14. Л. 33.
- ²⁸ Там же. Л. 42.
- ²⁹ Нельзин О.С. Указ. соч. С. 11.
- ³⁰ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1. Д. 513. Л. 446.
- ³¹ Там же. Д. 1569. Л. 1.
- ³² Нельзин О.С. Указ. соч. С. 11.
- ³³ РГВА. Ф. 37946. Оп. 1 Д. 24. Л. 17.
- ³⁴ Там же. Л. 22.
- ³⁵ Там же. Л. 28.
- ³⁶ История артиллерии: В 3 вып. Вып. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до Великой Отечественной войны. М., ВАА, 1954. С. 66.
- ³⁷ РГВА. Ф. 64. Оп. 4. Д. 232. Л. 49–50.
- ³⁸ Нехонов Г. Действия танковой роты в засаде // Военно-исторический журнал. 1968. № 8. С. 106.
- ³⁹ Свиринов М.Н. Танковая мощь СССР. Ч. I. М., 2009. С. 49.
- ⁴⁰ Штаб РККА был образован путем слияния Полевого штаба РВСР и Всероссийского главного штаба (Приказ РВСР № 336/41 от 10.02.1921 г.). Штаб РККА был преобразован в Генеральный штаб РККА 26 сентября 1935 г. См.: Постановление СНК СССР № 213471 от 22.09.1935. Объявлено Приказом НКО № 146 от 26.09.1935 г.
- ⁴¹ Свиринов М.Н. Указ. соч. С. 64.
- ⁴² До 1935 г. территория СССР делилась на 9 Военных округов: Белорусский, Калининский, Ленинградский, Московский, Приволжский, Северо-Кавказский, Сибирский, Среднеазиатский и Украинский. См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Путеводитель: В 2 т. Т. II. С. 450–455.
- ⁴³ Там же. С. 275.
- ⁴⁴ История бронетанковых и механизированных войск. М., 1967. С. 48–49.
- ⁴⁵ Там же. С. 52.
- ⁴⁶ Коломиенко М.В. Броня на колесах. М., 2007. С. 245.
- ⁴⁷ История бронетанковых и механизированных войск. С. 58.
- ⁴⁸ Танки и танковые войска / Под ред. А.Х. Бабаджаняна. М., 1970. С. 99.
- ⁴⁹ РГВА Ф. 54. Оп. 4. Д. 231. Л. 330.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 376. Л. 8.
- ⁵¹ Там же. Л. 3.
- ⁵² Там же. Л. 63.
- ⁵³ Определялось 5 таких направлений: Северо-Западное (ЛВО, СВК, УрВО); Западное (БВО, МВО, ПриВО); Юго-Западное (КВО, ХВО, СКВО); Ближне-Восточное (ЗакВО, САВО) и Дальне-Восточное (ОКДВА, ЗабВО, СибВО).
- ⁵⁴ РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 231. Л. 63.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 3. Д. 261. Л. 2–10; Оп. 1. Д. 826. Л. 4–5; Д. 376. Л. 3; Ф. 54. Оп. 4. Д. 113. Л. 63.
- ⁵⁶ Советские воздушно-десантные войска. М., 1989. С. 66.
- ⁵⁷ Там же. С. 69.
- ⁵⁸ Бочков Е.А. Развитие системы тылового обеспечения Красной армии в межвоенный период (1921–1941). Автореф. дис... докт. ист. наук. СПб., 2007. С. 41.

Е.И. Юркевич (Санкт-Петербург)

ПОБЕДА ИЛИ ПРОВАЛ: К СТОЛЕТИЮ ЛУЦКОГО (БРУСИЛОВСКОГО) ПРОРЫВА

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ отмечается столетие Луцкого (Брусиловского) прорыва. И в советские, и в современные российские учебники по военной истории он вошел как наиболее успешная операция Первой мировой войны, ознаменовавшая собой начало коренного перелома этого конфликта в пользу стран Антанты¹. Соответственно, и руководитель этой операции, генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926) был увенчан лаврами самого выдающегося полководца этой войны². Попробуем еще раз проанализировать сложившуюся к весне 1916 г. на Восточном фронте ситуацию, ход прорыва, а также полководческое мастерство генерала А.А. Брусилова – юбилейная дата к тому обязывает.

В 1916 г. страны Антанты планировали провести широкомасштабное наступление и во Франции, и в Италии, и в России. Но – не раньше лета. Первой же, и как можно раньше, как всегда, должна была наступать Россия. Союзники, полагавшие наши людские ресурсы неисчерпаемыми, нагло требовали скорейшего наступления, не гнушаясь даже шантажом в виде угроз приостановки снабжения военными материалами. Наши обстоятельства союзников не волновали³. А.А. Керсновский с горечью справедливо отметил, что французский главнокомандующий генерал Ж. Жоффри «помыкал нашими главнокомандующими как сенегальскими капрадами»⁴. Итак, в кампанию 1916 г. русской армии предстояло наступать...

Повод к нашему скорейшему наступлению у союзников нашелся очень быстро – 8 (21) февраля немцы начали наступление на Верден. Его падение грозило крушением всего восточного

фланга фронта союзников и открывало дорогу на Париж. Франция снова была в опасности. И союзники потребовали срочного наступления на Восточном фронте⁵.

5 марта началось наступление войск Северного (генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин) и Западного (генерал от инфантерии А.Е. Эверт) фронтов, начатое за три месяца до намеченного срока и потому совершенно не подготовленное. Десять дней русские войска Западного фронта почти без артиллерийской подготовки в лоб атаковали хорошо укрепленные немецкие позиции в районе оз. Нарочь. Бессмысленное побоище, в котором наши потери составили 9000 человек, а немцев – 10 000, прекратила только оттепель. Северный фронт с 8 по 12 марта безуспешно пытался прорвать немецкие позиции у Якобштадта, потеряв 60 000 человек. Немцы были настолько шокированы этим наступлением, что на целую неделю прекратили атаки под Верденом. А главное – ни один немецкий батальон не убыл из России во Францию. А у русского царя мужичков много – это и утешало союзников⁶.

1 апреля в Ставке под председательством Государя состоялось совещание главнокомандующих фронтами относительно плана действий в грядущую кампанию.

Подавленные провалом мартовского наступления, Эверт и Куропаткин высказались за оборонительный вариант. Любое наступление они заранее считали обреченным на неудачу, мотивируя это большими потерями и недостатком боеприпасов и вооружения. Категорически за наступление высказался только командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилев. И было решено наступать, тем более что опять давили союзники. Главный удар должен был наносить Западный фронт от Молодечно на Ошмяны и Вильно, Северный должен был нанести вспомогательный удар от Двинска на Свенцяны, а Юго-Западный – проводить демонстрации в районе Ровно. Наступление должно было начаться 18 мая⁷.

Брусилев задумал наступать совершенно новым для того времени образом. Он принял решение нанести не один, а сразу четыре удара – по количеству входящих в Юго-Западный фронт армий (7, 8, 9 и 11-й), причем развитие прорывов в глубину не планировалось, ибо Брусилев наносил лишь вспомогательный удар. Каждый командарм сам определял направление удара сво-

ей армии. Главный удар наносила 8-я армия генерал-лейтенанта Алексея Максимовича Каледина в направлении на Луцк.

Предшествующая наступлению артиллерийская подготовка должна была быть сокращена до минимума, но артиллерия должна была стрелять особенно точно, по заранее пристрелянным целям. Особое внимание уделялось тяжелой артиллерии, призванной сокрушить укрепленные позиции противника. Активно использовались данные всех видов артиллерийской разведки, в том числе с аэростатов и авиационной. Прорывать мощные укрепленные полосы войска учились в специальных учебных городках. Вообще подготовка наступления Юго-Западного фронта велась с невиданной доселе тщательностью и была выше всяких похвал.

В войсках Юго-Западного фронта, по различным данным, насчитывалось до 600 тысяч штыков, 60 тысяч сабель, 2017 орудий, 2480 пулеметов. У противостоящих австрийцев было от 570 до 600 тысяч штыков, около 30 тысяч сабель и 2731 орудие⁸.

22 мая перешли в наступление 11-я армия генерала от кавалерии В.В. Сахарова и 11-я – генерала от инфантерии П.А. Лечицкого. 23 мая пошла вперед 8-я армия А.М. Каледина, а 24 – 7-я генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева.

Успех превзошел все ожидания, прежде всего, на луцком направлении. Луцк – уже во второй раз – был взят Железной стрелковой дивизией генерал-лейтенанта А.И. Деникина. 28 мая взят Дубно. Но Брусилов, уделявший, исходя из плана Ставки, главное внимание Ковельскому направлению, придержал рвущиеся к Луцку русские войска, еще сам не отдавая себе отчета в одержанной победе, 26 мая приказав Каледину... приостановить наступление вырвавшихся вперед центральных корпусов его армии и подравнять фланги по отставшим! Ведь Юго-Западный фронт наносил всего лишь вспомогательный удар, и сильно рваться вперед Алексей Алексеевич не стремился... Но самое главное, что А.М. Каледин не использовал для преследования и добивания бегущего врага имевшиеся в его распоряжении два кавалерийских корпуса, не веря в их успех. А Брусилов активно не настаивал. Единственной кавалерийской дивизии, имевшейся на луцком направлении – 12-й генерал-лейтенанта барона К.Г. Маннергейма – Каледин не дал разрешение на преследование бегущего врага. Впрочем, кавалерию почти не использова-

ли и другие командармы фронта. Немногие исключения – это, например, блестящие действия Кавказской Туземной дивизии и Текинского конного полка. Так, текинцы 28 мая в бою у Доброноуца, имея в своих рядах всего 600 всадников, изрубили около 2 тысяч и взяли в плен 3 тысячи австрийцев⁹. Вдохновленные успешным наступлением, отдохнувшие и получившие в плане снабжения все необходимое и даже более, войска являли чудеса храбрости и героизма.

30 мая обе стороны практически выдохлись. Правда, у Брусилова еще была в резерве свежая кавалерия, но она так и осталась сидеть в окопах... А приостанавливая свои фланги и выравнивая их по оставшим, Брусилов погасил наступательный порыв войск. Австрийцы потихоньку приходили в себя, а самое главное – им на помощь, под Ковель, шли немецкие дивизии Линцингена. 2 июня Брусилов остановил свои наступающие армии, а 3 июня под Ковелем начались встречные бои русских и немецких войск. И, несмотря на то что ширина прорыва фронта доходила до 550 км, а глубина до 120 км, австрийцы не были окончательно разбиты, а Юго-Западный фронт в конечном итоге уперся в мощнейший Ковельский укрепленный район, бывший ключом ко всему Полесью. А противник, между тем, подтянул резервы, и 16–20 июня перешел в контрнаступление, которое не без труда, но удалось отбить.

Тем временем, как ни саботировал А.Е. Эверт распоряжения Ставки о наступлении, постоянно прося отсрочек из-за неготовности войск, наступать пришлось и ему. 20 июня Западный фронт перешел в наступление, нанося главный удар на Барановичи. Спустя неделю наступление Эверта прекратилось, не принеся ничего, кроме потерь. 26 июня директивой Ставки на Юго-Западный фронт наконец-таки была возложена задача нанесения главного удара. Главным направлением оставалось ковельское, хотя здравый смысл требовал нанесения удара на Львов, тем более после провала наступления Эверта. Но Брусилов упорно сосредотачивал все усилия на Ковеле. Теперь Юго-Западный фронт начал получать резервы, в том числе под Ковель прибыла гвардия, а из состава Западного фронта Брусилову была передана 3-я армия генерала от инфантерии Л.В. Леша¹⁰.

И, собрав силы, 15 июля Брусилов начал силами 8-й армии и группы генерала от кавалерии В.М. Безобразова, т. н. Особой

(13-й) армии (1-й и 2-й гвардейские, гвардейский кавалерийский, 1-й и 30-й армейские корпуса, 5-й кавалерийский корпус) наступление на Ковель, превращенный немцами в мощнейший оборонительный узел. Причем, вместо того чтобы обойти ковельский укрепленный район с флангов, сделал для немцев его удержание бессмысленным, Брусилов штурмовал его в лоб, через заболоченную долину реки Стоход. Берега Стохода стали могилой русской гвардейской пехоты. В период с 15 июля по 19 сентября Брусилов шесть (!) раз бросал ее на Ковель. Вошедшего в наступательный раж главкоуза не могли утихомирить ни Ставка, ни Государь. Гвардия показала себя блестяще. Считая ниже своего достоинства атаковать ползком или перебежками, она наступала всегда только в полный рост¹¹. И как атаковала! 10 сентября гвардейцы атаковали немецкие позиции 17 раз! И истекли кровью. К концу «ковельской бойни» в большинстве полков солдат и офицеров оставалось не более батальона¹²...

За Луцкий прорыв Алексей Алексеевич Брусилов мечтал получить орден Святого Георгия 2-й степени. А получил только Золотое оружие с бриллиантами. И очень обиделся на Государя...¹³

Луцкий прорыв, или «брусиловское наступление», действительно занимает важнейшее место в истории Первой мировой войны, оказав огромное влияние на весь ее дальнейший ход. Да, в ходе этого наступления действительно впервые в мире позиции неприятеля были прорваны одновременно в нескольких местах на широком фронте. Русская армия одержала блестящие победы и захватила огромнейшие трофеи. Но так ли блистательно это наступление было проведено А.А. Брусиловым, как много десятилетий подряд утверждали в СССР? Брусилова неоднократно критиковали как эмигрантские военные историки, так и некоторые советские генералы. И к этой критике стоит прислушаться!

«Знаменитый его (Брусилова. – *Е. Ю.*) прорыв 1916 года, обаянный своим успехом серьезному, талантливому и скромному его начальнику артиллерии генералу М.В. Ханжину, прославил не этого выдающегося генерала, а Брусилова, который не сумел даже эксплуатировать без личного труда доставшуюся ему победу и не справился с задачей массового кавалерийского преследования неприятеля, невзирая на свою кавалерийскую специаль-

ность. Однако искусная реклама свила вокруг Брусилова победный ореол», – писал эмигрант, генерал-майор Б.В. Геруа¹⁴.

«Результат – некоторые полки потеряли до половины состава, завязнув в болоте. Почти никто даже до противника не дошел, и все возвратились в исходное положение. Бесцельно и бессмысленно погибли, как это всегда бывает, лучшие люди...», – вспоминал о боях на р. Стоход капитан лейб-гвардии Семеновского полка Ю.В. Макаров¹⁵.

О «бессмысленной бойне» на берегах Стохода писал генерал-лейтенант А.И. Деникин¹⁶.

Впрочем, об оценке Брусиловского наступления белоэмигрантами хорошо высказался первый биограф Брусилова И.И. Ростунов: «Только в воспоминаниях заклятых врагов Советской власти содержатся злобные выпады в его (Брусилова. – *Е. Ю.*) адрес. Это вполне понятно: белоэмигранты не могли простить Брусилу службу в Красной Армии»¹⁷. Подобное объяснение позиции эмигрантов по отношению к Брусилу со стороны советского военного историка тоже понятно. Но как же быть с весьма суровой критикой, которой подвергали Брусилова его сослуживцы уже по Красной Армии? Например, А.А. Свечин, который весьма критически оценивал полководческие дарования А.А. Брусилова в Луцком прорыве в своем выступлении в ходе дискуссии об этой операции, развернувшейся в 1920-х гг. И в своей критике в адрес Алексея Алексеевича Свечин был далеко не одинок¹⁸. Не менее интересны и оценки Брусилова русским генерал-майором и советским генерал-лейтенантом А.А. Самойло, данные им в своих воспоминаниях:

«Крупный успех Луцкого прорыва не должен был, как мне кажется, закрывать от нас весьма рискованного характера этой операции, которая могла бы окончиться далеко не так успешно, если бы не было обстоятельств, особо нам благоприятствовавших...Мне остается непонятным, как мог Брусилу развивать прорыв австрийского фронта на такую глубину, которая грозила поставить его войска в катастрофическое положение в случае активного противодействия со стороны эрцгерцога Иосифа-Фердинанда или если бы Конрад не снял с фронта 20 дивизий, переброшенных против Италии? С этой точки зрения, оценивая успех Брусилова под Луцком как положительный и даже выдающийся пример искусного командования и отдавая должное са-

тому замыслу операции (одновременное нанесение ряда сильных ударов для обмана противника относительно направления главного удара) и тщательной подготовки ее, я склонен отрицательно оценить легкомысленное, на мой взгляд, углубление прорыва без надежды завершить его разгромом противника. На содействие таких «полководцев» как Эверт и Куропаткин явно нельзя было и рассчитывать. К недостаткам прорыва надо отнести и огромные потери в людях, невольно наталкивающие на вопрос: не слишком ли легкомысленно относился Брусилов к участи людских масс, вверенных ему как полководцу?»¹⁹.

Потери же у Брусилова, действительно, были колоссальными. С конца мая по начало октября 1916 г. они составили, по разным оценкам, от 800 000 до 1 200 000 чел. убитыми, ранеными и пленными, превысив потери австро-германцев, составившие, по разным данным, от 600 000 до 1 000 000 человек²⁰. Да что там немцы с австрийцами! Благодаря брусиловскому «таланту», и, прежде всего, устроенной им бессмысленной бойне в районе Ковеля, потери русской армии в 1916 г. превысили ее потери 1915 г. с его «Великим отступлением»!²¹ Неплохо для «выдающегося полководца»? А ведь не далее как в 1914 г. Алексей Алексеевич глубокомысленно писал: «Проливать свою кровь – наша обязанность, и к этому мы готовимся, но проливать ее зря, в излишней мере и с малыми шансами на успех – преступно, в особенности, если это происходит от нашей собственной вины»²². Что ж, сопоставив цифры потерь Юго-Западного фронта с приведенной выше цитатой остается лишь в очередной раз воздать хвалу терпеливости отечественной бумаги...

Кстати, что касается «собственной вины», то у Алексея Алексеевича в его неудачах виноваты все – Государь, Ставка, генералы Алексеев, Каледин, Гилленшмидт и множество других²³. И только сам герой мемуаров – генерал Брусилов – предстает почти «безгрешным» – непонятым, затертым недоброжелателями. Таково, пожалуй, главное свойство мемуаров А.А. Брусилова – безудержное возвеличивание себя при столь же безудержном поливании грязью бывших боевых товарищей, в особенности, если они впоследствии оказались в рядах Белых армий... Так что никак не могу согласиться с мнением А.А. Боброва, автора вышедшей в 2014 г. книги «Брусиловский прорыв», написавшего, что «из личных воспоминаний, а не научных монографий книга Брусило-

ва, на мой взгляд, самая честная, тактичная и объективная, которая подтверждается неопровержимыми фактами, последующими событиями...»²⁴. Увы, как раз объективности мемуарам Алексея Алексеевича Брусилова более всего и не хватает...

Здесь хотелось бы воздать дань уважения и благодарности истинному герою Луцкого прорыва – инспектору артиллерии 8-й армии, генерал-майору (впоследствии – генералу от артиллерии) Михаилу Васильевичу Ханжину (1871–1961). Именно благодаря его блестящей подготовке прорыва в артиллерийском отношении наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. дало столь блестящие результаты. Но впоследствии, в годы Гражданской войны, Ханжин служил у Колчака, затем ушел в эмиграцию, в 1945 г. в Дайрене был арестован сотрудниками СМЕРШа, 10 лет отсидел в советских лагерях и, всеми забытый, в 1961 г. умер в Андижане²⁵. И в советской литературе о Луцком прорыве имя Ханжина не упоминалось. Пришла пора вспомнить его теперь, в столетнюю годовщину битвы, в которой Ханжин и его пушки сыграли действительно выдающуюся роль.

Итак, подведем итоги. Как же на самом деле проходил знаменитый «Брусиловский прорыв»?

Блестяще начав наступление и не сумев понять, что одерживает крупнейшую победу, несколько дней спустя Брусилов начинает его тормозить. Сам старейший кавалерист, более того – многолетний начальник Офицерской кавалерийской школы, Брусиллов совершенно не использует для развития успеха имеющуюся в войсках его фронта превосходную и многочисленную (60 тысяч шашек!) кавалерию, могущую своими действиями компенсировать отсутствие резервов. Вместо решительных ударов на Луцк и Львов, могущих сокрушить весь австро-венгерский фронт и вывести из войны Австро-Венгрию, заикливается на Ковеле и три месяца с бессмысленным упорством штурмует его в лоб, напрочь угробив здесь Гвардию... Проглядывающий за вышеназванными действиями образ мыслей присущ, скорее, подпоручику, а не полководцу... И Государь, видимо, понял фальшивость «полководческого таланта» Брусилова, почему и не пожаловал ему заветный белый крестик...

«Итак, операция, начатая в весеннем блеске, погасла в осеннем унынии!», – изящно резюмировал итоги Брусилловского прорыва современник описываемых событий Б.Г. Лиддел Гарт²⁶.

«В сражениях июля-октября ослепляющие победы мая-июня были утоплены в крови громадных потерь, а победоносные стратегические результаты войны на Восточном фронте канули втуне», – вторит ему современный исследователь этой войны М.В. Оськин²⁷.

А если говорить совсем просто, то столь блестяще начатая операция Юго-Западного фронта с треском провалилась, во многом по вине самого А.А. Брусилова.

В своих воспоминаниях он не без удовольствия отмечает, что уже летом 1916 г. его завалили самыми различными поздравительными телеграммами по случаю блестящих успехов его фронта²⁸. Да, имя Брусилова действительно гремело уже тогда. И уже тогда Луцкий прорыв стали называть Брусиловским – нечастое явление в военной истории, когда операцию называют не по месту проведения, а по имени проводшего ее полководца²⁹. Весьма интересное и, пожалуй, очень близкое к истине объяснение этого феномена дал полковник Е.Э. Месснер:

«В России либеральная пресса и общественность бывали очень энергичны, когда находили нужным прославить какого-либо масона или же человека, возвеличение которого было сопряжено с унижением царизма...

Когда обнаружился успех Луцкого и Черновицкого прорывов, и рождалась надежда, что битва примет вид победы решающей и войну завершающей, то в оппозиционных кругах не могло не возникнуть опасение, что победа эта...будет приписана Царю, а это укрепит монархию, режим. Чтобы этого не случилось, было только одно средство: всю славу возложить на главнокомандующего – тогда она не ляжет на Верховного главнокомандующего. И Брусилова стали возносить до небес, как не возносили ни Иванова за Галицийскую победу, ни Плеве за Томашев, ни Селиванова за Перемышль, ни Юденича... за Сарыкамыш и за Эрзерум. В безмерном восхвалении Брусилова битву назвали Брусиловским наступлением. По тем же антимонархическим убеждениям такое наименование битвы понравилось союзникам России в ту войну...»³⁰.

Что же касается операций, названных по имени полководца, то осмелюсь напомнить, что в истории Первой мировой войны, кроме Брусиловского прорыва, была и еще одна подобная операция – англо-французское наступление в Артуа и Шампани в

апреле 1917 г., возглавляемое генералом Р.-Ж. Нивелем. В ходе этого наступления англо-французские войска за 10 дней потеряли 340 000 человек. Нивель был отстранен от командования, а в анналы Первой мировой это наступление вошло как «Бойня Нивеля»³¹. Интересная аналогия, не правда ли?

14 ноября 2007 г. в Санкт-Петербурге на пересечении Шпалерной и Таврической улиц, там, где когда-то располагалась Офицерская кавалерийская школа, был открыт памятник А.А. Брусилову³². Событие это, безусловно, значимое – это был первый памятник, посвященный Великой войне в постсоветской России. Но принцип «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда» сработал и здесь. Я имею в виду то, что Брусилов изображен с генерал-адъютантскими аксельбантами и вензелями Государя на погонах, а надпись на постаменте гласит: «Генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов». Вот здесь и возникает вопрос: зачем было человека, одним из первых предавшего Императора Николая II и опозорившего тем самым генерал-адъютантское звание, изображать с генерал-адъютантскими отличиями. Я здесь не обвиняю скульптора. Но скульптора ведь кто-то консультировал, в каком мундире изобразить генерала? Да еще и «обрезана» скульптура, как бы это помягче выразиться, пониже пояса... В итоге, грустный получился памятник...

И здесь возникает еще один вопрос. Почему до сих пор забыт самый по-настоящему талантливый военачальник Первой мировой, равного которому по полководческим дарованиям не было тогда ни у нас, ни у противников, ни у союзников наших? Почему забыт герой Сарыкамыш, Эрзерума, Трапезунда, не потерпевший за годы Первой мировой войны ни одного поражения и всегда одерживавший победы, имея меньшие, чем у противника, силы, в сложнейших природно-климатических условиях? Почему забыт герой, за годы Первой мировой войны заслуживший три (!) ордена Святого Георгия?³³ Конечно же, имеется в виду генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич (1862–1933). Но он, увы, в отличие от А.А. Брусилова, героически дрался в Гражданскую войну с большевиками, решившись даже с более чем вдесятеро меньшими силами наступать на красный Петроград... Впрочем, в данном случае дело не в событиях Гражданской войны. Память о Н.Н. Юдениче должна быть восстановле-

на, прежде всего, как о самом выдающемся военачальнике Первой мировой. Время для этого давно наступило.

¹ Военная история: Учеб. М., 1984. С. 84–85; Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М., 2001. С. 526; Мелентьев В.Д. Военная история: Учеб. пособие. СПб., 2005 (ВАТТ). С. 54–55.

² Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М., 1964. С. 3–4; Предисловие // Генерал А.А. Брусилов: Очерки о выдающемся русском полководце. М., 2010. С. 5.

³ Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Указ. соч. С. 522; Керсновский А.А. История Русской Армии. Т. 4. М., 1994. С. 24–27.

⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 179.

⁵ Шамбаров В.Е. Последняя битва императоров: Параллельная история Первой мировой. М., 2013. С. 429–434; Оськин М.В. Брусиловский прорыв. М., 2010. С. 16–7.

⁶ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 29–31; Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 435–436.

⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 31–32.

⁸ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 34–35; История отечественной артиллерии. Т. II: Артиллерия русской армии в эпоху капитализма. Кн. 6: Русская артиллерия в период империализма: Первая мировая война 1914–1918 гг. М.; Л., 1979. С. 323–357; Оськин М.В. Указ. соч. С. 55–91.

⁹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 39–44, 50; Оськин М.В. Указ. соч. С. 96–114; Оськин М.В. Крах конного блицкрига: Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009. С. 285–330; Кириллов М.Н. Национальные мусульманские части в годы Первой мировой войны (Текинский и Татарский полки) // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Труды Пятой Международ. науч.-практич. конф. 14–16 мая 2014 г. Ч. II. СПб., 2014. С. 266.

¹⁰ Керсновский А.А. Указ соч. Т. 4. С. 55–70.

¹¹ Андоленко С.А. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы / Сост. А.А. Тизенгаузен, С.Б. Патрикеев. СПб., 2010. С. 221.

¹² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 72–96; Летин С.А. Российская Императорская Гвардия. СПб., 2005. С. 449–453; Незвецкий Р.Ф. Лейб-Гвардия Императорской России. М., 2009. С. 245–246; Тихомиров А., Чапкевич Е. Братская могила на болоте: Гвардия в боях на реке Стоход летом 1916 года // Родина. 2001. № 11. С. 35–38; Фомин С.В. Золотой клинок Империи: Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер // Граф Келлер. М., 2007. С. 451–460.

¹³ Бондаренко В.В. Герои Первой Мировой. С. 158; Фомин С.В. Указ. соч. С. 439.

¹⁴ Цит. по: Фомин С.В. Указ. соч. С. 438.

¹⁵ Макаров Ю.В. Моя служба в старой Гвардии 1905–1917: Мирное время и война. СПб., 2013. С. 339.

¹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии. Минск, 2002. С. 22.

¹⁷ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 169–170.

²⁰ Оськин М.В. Брусиловский прорыв. С. 371–382.

²¹ Там же. С. 372.

- ²² Цит. по: Ростунов И.И. Указ. соч. С. 56.
- ²³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 197–218.
- ²⁴ Бобров А.А. Брусиловский прорыв. М., 2014. С. 55.
- ²⁵ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003. С. 217–218; Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне: Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 638–639; Фомин С.В. Указ. соч. С. 439.
- ²⁶ Лиддел Гарт Б. История Первой мировой войны. М., 2014. С. 277.
- ²⁷ Оськин М.В. Брусиловский прорыв. С. 369.
- ²⁸ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 203.
- ²⁹ Предисловие // Генерал А.А. Брусилов: Очерки о выдающемся русском полководце. С. 5.
- ³⁰ Цит. по: Фомин С.В. Указ. соч. С. 436.
- ³¹ Залесский К.А. Указ. соч. С. 440–442.
- ³² Бобров А.А. Указ. соч. С. 51.
- ³³ См.: Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 211–245; Бондаренко В.В. Указ. соч. С. 219–258.

Л.А. Юшкова (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ШАНЦЕВОГО ИНСТРУМЕНТА

НАЗВАНИЕ ИНСТРУМЕНТА «шанцевый» связано с его предназначением – устройством укреплений, шанцев, как их называли в старину. Для этих целей использовались лопата, топор, кирка, мотыга, лом, а позднее – пила и трассировочный шнур. Невольно возникает вопрос, чем может быть интересна история, например, лопаты. Однако ее совершенствование тесно связано с уровнем фортификации, а она, в свою очередь, зависела от состояния огнестрельного оружия и тактики боя. Таким образом, эволюция шанцевого инструмента неотделима от истории военного искусства.

Продолжительное время шанцевый инструмент являлся единственным средством строительства укреплений. Но если изучению фортификации, огнестрельного оружия и тактики боя посвящены многочисленные труды, то глубокие исследования эволюции шанцевого инструмента отсутствуют и в наши дни. Заметим, что впервые этот факт был отмечен более ста лет назад¹. В этой работе сделана попытка систематизировать опубликованные ранее сведения и выявить причины, повлиявшие на развитие шанцевого инструмента, уделить внимание его изготовлению, приемке и хранению. Основным материалом послужили публикации в военных журналах XIX столетия.

Потребность в инструменте появилась с необходимостью обезопасить себя от нападения врага. С этой целью строились укрепления в виде валов, рвов и палисадов. Такие работы выполнялись населением и реквизированным у него инструментом до появления специальных подразделений. Пока для сражения использовалась открытая и ровная местность, прими-

тивные виды укреплений соответствовали тактике боя и характеру вооружения.

С усовершенствованием огнестрельного оружия и увеличением огневой мощи пехоты происходит изменение тактики боя. Сражение плотными массами или длинными линиями заменяется применением колонн и рассыпного строя. Началось использование местности и полевых укрытий. Большое значение начинают приобретать опорные пункты². Они позволяли войскам укрыться от огня, а затем перейти в атаку. Формируется полевая фортификация и возрастает потребность в шанцевом инструменте.

Пока лопата не стала табельным инструментом, вопрос ее приспособления к выполнению военных задач специально не ставился. И только с введением лопаты на вооружение армии в качестве табельного имущества к ней стали предъявляться определенные требования: удобство в носке, легкость, большая площадь лотка, позволяющая увеличить производительность труда. Однако недостаточно развитые научная и производственная базы длительное время не позволяли создать инструмент, удовлетворяющий всем перечисленным требованиям.

Табель 1712 г.

Лопата. Первый табель инструмента был установлен 08.02.1712. Начало его развитию положила лопата-заступ при Петре I, изготавливавшаяся вручную ковкой железа. Она имела трапециевидный лоток, меньше современного в два раза. Он крепился к прямому черенку всадной трубкой. Для упора ногой в черенок вставлялась небольшая железная или деревянная планка. Петровская лопата-заступ, имевшая малую емкость и тупое лезвие, просуществовала в войсках до 1833 г.

Топор. Приблизительно в это же время появляются наиболее полные сведения о топорах. Первые из них относятся к палисадному топору, применявшемуся для заготовки лесоматериалов, элементов укреплений, устройства заграждений. Он имел съемное топорщице и узкое, продолговатое, толстостенное, скругленное лезвие.

Кирка и мотыга. Кроме лопат и топоров в войсках использовались кирки и мотыги, которые существовали отдельно и были самостоятельными орудиями. Кирко-мотыги еще не существовали.

Первоначально для снабжения войск Петр I учредил казенные фабрики. Однако их изделия обходились дороже, а качество было ниже, чем на иностранных предприятиях. Поэтому фабрики, выпускавшие товар для армии, создавались от казны и сразу передавались в благонадежные частные руки. Основным условием владения этими фабриками стало изготовление изделий для войск по определенным образцам и по назначенной цене. Но их продукция также не выдерживала конкуренцию с иностранными товарами³.

Об участии инженерных войск в Северной войне (1700–1725) известно мало. Несмотря на это, до нас дошли сведения об использовании инженерами лопаток, кирок, мотыг, ножей фашиновых, которые находились в обозе за пушками в пешем походе⁴. Таким инструментом была вооружена минерная рота, которую использовали для устройства подземно-минных галерей и подкопов, ведения сапы, а при необходимости прокладывания дорог и восстановления мостов.

В петровское время шанцевый инструмент использовался не только инженерными войсками. В 1701 г. пехотный полк имел 1000 лопат, которые возились кавалерией при седле. В каждом гренадерском и фузелерном батальоне полагалось по 144 шт. кирок и мотыг, в каждом драгунском полку 10 лопат, 80 топоров, 10 кирок⁵. Такое количество шанцевого инструмента в войсках и незначительная численность военных инженеров позволяют предположить участие всех войск в устройстве укреплений. Только своими силами инженеры не смогли бы быстро подготовить поле Полтавского сражения, построить укрепления лагеря и знаменитые петровские редуты, разделившие шведские войска. Известно, что при подготовке к Полтавскому сражению, как и к Азовскому походу 1699 г., лопаты, топоры и кирки были заказаны в Воронеже⁶.

Табель 1728 г.

Следующий табель 1728 г. значительно разнообразнее предыдущего. В нем уже 40 наименований, но выделение шанцевого инструмента пока еще отсутствует. Он назывался «минерные и мастерские вещи» и находился в минерной роте. На рядовых, числящихся в штате минерной роты, приходилось 24 лопатки (железные загнутые и простые), 12 заступов, 15 ломов разных, 18 кирок разных, 48 мотыг, 4 топора. Инструмент указан на не-

полное количество рядовых, а отсутствие к нему чехлов вызывает предположение, что весь инструмент был возимый⁷. Преимущество отдавалось мотыгам, а потом уже лопатам. Это объясняется спецификой работы минерной роты, которая занималась подземно-подрывными работами.

Лом. В табели появляются четыре вида ломов: с острым концом, с раздвоенным концом, ручные и разламывающие дикий камень (для разрыва пороха).

В середине XVIII в. наибольшим количеством лопат, ломов, топоров, фашинных ножей была обеспечена Пионерная рота инженерного полка, учрежденного в 1757 г.⁸ Но она не могла возместить потребность армии в рабочих руках и в шанцевом инструменте. Поэтому в период русско-турецкой войны (1768–1774) формируется пионерный батальон, состоявший из четырех рот и числившийся при Генеральном штабе. Всем его рядовым полагалось носить на черной портупее топоры⁹. Чехлы из подошвенной вычерненной кожи на черных яловых ремнях полагались и к лопаткам, киркам и мотыгам.

Пила. В этот период в русской армии уже использовались разнообразнейшие пилы: продольные, поперечные и лучковые¹⁰.

Однако потребность в военных инженерах продолжала увеличиваться, и это привело к появлению временных инженерных команд. Одну из них сформировал князь Потемкин при Южной армии. По уставу, составленному им, пионеры во время маршей следовали впереди бригады, имея при себе топоры (одна треть состава) и лопаты (две трети состава). С этого времени в официальных документах встречается наименование «запер» (сапер)¹¹.

XVIII столетие – время борьбы России за выход к морям и укрепление новых границ. Крепости переходили из рук в руки. Так, и турецкую крепость Хотин русские войска брали неоднократно. Длительное время под крепостью сохранялись окопы, устроенные Минихом еще в царствование Елизаветы Петровны. В русско-турецкую войну (1768–1774) они были восполнены системой редутов, а лагерь под крепостью укреплялся люнетами, флешами, редутами, волчьими ямами и засеками. Эту работу выполнили 700 рабочих, для которых потребовалось большое количество шанцевого инструмента.

Предназначение окопов и траншей в этом веке отличалось от современного. В XVIII в. они использовались для штурма кре-

Топор абордажный. Конец XVII в.
Из коллекции ВИМАИВиВС. ИТФ. Nom. № 4/52

постей. В ночное время отрывались параллели, батареи для орудий, подступы к последующим параллелям. Эти параллели использовались для овладения крепостью летучей сапой. Выполнение таких работ требовало много времени, большого количества людей и лопат.

Во второй половине XVIII в. на увеличение объема саперных работ указывает зарождение одного инженерного подразделения за другим. За организацией Пионерной роты (1757), следует создание Пионерного батальона (1771), а затем формируется Пионерный полк (1797). В его составе находились пионеры и саперы. Первые выполняли позиционные, дорожные и мостовые, вторые отвечали за сапные, траншейные и батарейные работы.

Первая треть XIX в. отмечена многочисленными войнами с Францией, Турцией и Швецией. Совершенствуются старые и возводятся новые крепости, приводятся в исправность крепости, взятые у неприятеля, усиливаются укрепленные пункты у турецкой границы. С присоединением России к континентальной коалиции, направленной против Англии, укрепляются приморские крепости. Объем инженерных работ все увеличивается, а с ним возрастает потребность в шанцевом инструменте.

Табель 1806 г.

На основании боевого опыта в 1806 г. вводятся новые штаты, увеличивается численность инженерных войск, меняется их организация. В 1806 г. в табели Пионерного полка уже четко указывалось деление шанцевого инструмента на носимый и возимый. Он состоял из кирок, мотыг, молотов, лопат, топоров, ломов, резцов и ножей дерновых. Такой же инструмент инженерные войска использовали в Отечественной войне 1812 г.¹²

Накануне французского нашествия пополняются запасы шанцевого инструмента в крепостях, обновляется инструмент в войсках. В 1810 г. начинается подготовка к предстоящим военным событиям на западной границе России. Укрепляются Киев, Витебск, Динабург. Министерство финансов выделяет дополнительные средства на приобретение шанцевого инструмента, а его заготовка поручается шефу 2-го Пионерного полка полковнику Грессеру. Заготовленные запасы хранились при артиллерийском депо в перечисленных крепостях¹³.

В другом документе, Инструкции для обороны Риги и Задвинских укреплений, составленной генералом Опшерманом, рассматривался вопрос о восполнении инструмента, утраченного при защите крепости. В Ведомости запасам, необходимым по инженерной части, приложенной к Инструкции, перечисляются лопаты железные, топоры плотничные, разнообразные кирки, мотыги, ломы железные весом от 12 до 17 фунтов¹⁴, которые должны содержаться в запасе крепостей.

Одновременно обращается внимание и на улучшение качества шанцевого инструмента в войсках. Осенью 1811 г. в войска с нарочным было отправлено высочайше утвержденное Положение от 13.09.1811 об устройстве и содержании в полках инструментов по образцу пионерной роты¹⁵.

В войне 1812 г. значительное развитие получили мероприятия по укреплению местности. Особенно успешно полевые укрепления применялись в Бородинском сражении. Усилив позиции русской армии, они оказали большое влияние на исход этого сражения.

В 1816 г. происходит очередная классификация имущества. Весь инструмент стал делиться на математический и рабочий. Шанцевый инструмент, вошедший в разряд рабочего, разделялся на носимый и возимый в обозе, который стал называться запасным.

Сражения XIX столетия стали отличаться продолжительностью и решительным ударом на завершающем этапе. С изменением тактики сражения большее внимание стали уделять значению местности¹⁶. Одним из первых на роль укреплений обратил внимание Наполеон: «Утверждать, что победа на стороне того, кто двигается, наступает, маневрирует, и что нет надобности рыться в земле, значит льстить массе, но говорить, в то же вре-

мя, вещи, достойные презрения»¹⁷. Он считал, что пять предметов должны постоянно находиться при солдате: ружье, патроны, мешок, продовольственные запасы не менее чем на четыре дня и шанцевый инструмент¹⁸.

Табель 1821 г.

Появление табелей в конце 1821 г. вызвано стремлением облегчить батальон. С этой целью имущество, необходимое для осад, было передано в инженерные запасные парки. Второй комплект остального инженерного имущества поступил в полевые запасные парки. Носимый инструмент впервые обеспечивался кожаными чехлами.

По этому табелю в войска поступили новые инструменты. *Кирко-мотыга* – с этого времени кирка и мотыга стали изготавливаться как один предмет. *Мотыга с топором*. В саперном инструменте отечественных осадных инженерных парков появляется инструмент, получивший наименование «мотыга с топором». Назван так, а не наоборот, потому что представлял мотыгу, приспособленную для перерубания корней, встречающихся при рытье сапы¹⁹. Инструмент имел ширину лезвия мотыжного конца уже обыкновенной мотыги, а также узкий топор, спроектированный только для специального назначения. *Саперный тесак*. В том же году введен на вооружение саперный тесак, который использовался не только в бою, но и для обработки дерева. Саперный тесак с пилой был принят на вооружение в 1827 г.

В 1820-е гг. в русской армии зарождается обучение пехоты саперному делу. С этой целью пехотные полки прикомандировывались к саперным бригадам в период нахождения войск в лагерях²⁰. Вместе с тем, идея массового обучения всей пехоты устройству полевых укреплений нашла свое применение только десятилетия спустя. Неосведомленность в саперном деле, неостатка шанцевого инструмента и его неудовлетворительное состояние в войсках приводили к большим потерям и невозможности широко использовать укрытия.

Уже в это время лопата начинает использоваться не только как землекопный инструмент, но и как боевое оружие. Так, в русско-турецкую войну (1828–1829) крепость Силистрия была взята русскими войсками одними лопатами и взрывами без кровопролитных боев и с небольшими потерями.

Лопата большая. Наконец, в 1833 г. совершенствуется лопата-заступ. Кованая железная лопата нового образца отличалась от петровской только всадной трубкой и отсутствием планки для упора. Она стала как возимой, так и носимой.

Кирка и мотыга. Кирки и мотыги, применявшиеся в саперных батальонах и парках в период Крымской войны (1854–1855) были простейшего вида и изготовлены без наварки сталью. Они изображены на рисунках к сочинению Вобана (1633–1707). Такой же инструмент использовали и дворники для скалывания льда в больших городах в 80-е годы XVIII в.²¹

Крымская война стала важным этапом в развитии военного искусства. Тактика стрелковых цепей и элементы позиционной войны вытеснили тактику колонн. Во время Севастопольской обороны зародилась новая система укрепления позиций. Вместо узкой линии бастионов и связывающих их куртин впервые была применена укрепленная полоса глубиной 1000–1500 метров, создавались защищенные позиции для артиллерии. Впервые была использована система укреплений, теоретически разработанная А.З. Теляковским (1806–1891). В ходе войны появились окопы для стрельбы лежа и с колена²². Опыт Крымской войны был использован при проведении военных реформ 1860–1870-х гг. В 60-х гг. продолжилось перевооружение пехоты и полевой артиллерии, а в связи с изменениями в военной технике был издан ряд новых уставов, наставлений, пособий. Итогом проведенных мероприятий стало увеличение боеспособности русской армии.

После Крымской войны в военной литературе обсуждались три тесно взаимосвязанных вопроса: строительство укреплений для защиты войск, обучение войск саперному делу и снабжение войск шанцевым инструментом. Так, уже в мае 1859 г. в приказе по Кавказской армии рекомендуется использовать естественные условия местности²³. В связи с привлечением внимания к фортификации возвышается и значение военно-инженерного искусства. В этот период в русской армии строительством укреплений продолжали заниматься инженерные войска, а при большом объеме работ в помощь им начали привлекать служащих пехоты. Для этих целей в каждой пехотной роте возили в обозе 20 топоров, 10 лопат, 5 кирок и 5 мотыг²⁴.

Табель 1860 г.

Революционные изменения в фортификации после Крымской войны, а затем появление нарезной артиллерии дали очередной толчок дальнейшему развитию шанцевого инструмента. В 1860 г. появляется новый табель шанцевого инструмента. Инженерное имущество получило не только новое деление, но и увеличение количества наименований, достигшее 220. Шанцевый инструмент продолжает делиться на носимый и возимый. *Шнур трассировочный*. Впервые появляется трассировочный шнур, ранее под таким названием он не упоминался.

Кирка и мотыга. Устаревшие образцы ударного инструмента были заменены на два образца мотыг для глинистого и хрящеватого грунта, а также кирку с головкой для каменистого грунта. При изготовлении кирок и мотыг к качеству железа предъявлялись высокие требования. Инструмент ковался из целого куска металла, без сварки, наварки и трещин. На поверхности инструмента исключалось присутствие раковин, свищей, трещин и впадин от нечистойковки. Поверхность имела матовый красноватый оттенок.

Лопата. В новом табеле прототипом следующего образца лопаты стала английская лопата, популярная во время осады Севастополя в Крымскую войну. Она имела большую прочность и черенок с изломом. В этом табеле единый образец 1833 г. заменили три лопаты с различным предназначением: возимая заварная для хрящеватого грунта, русская возимая лопата для песчаного грунта и русская носимая лопата. Все три образца имели плоский железный заварной лоток трапецевидной формы, одинаковую ширину по верху, плоскоовальное лезвие. Лоток крепился к черенку тяжами, врезанными заподлицо, и четырьмя шурупами (носимые лопаты) или шестью шурупами (возимые лопаты).

Лопаты изготовлялись машинами. Кусок железа, равный весу лотка, складывался пополам, внутрь перегиба вкладывалась полоса стали для будущего лезвия. С другой стороны засыпался толченый уголь для устранения провара обеих половинок железа. Разогретая болванка прокатывалась под вальцами машины 100–150 раз до необходимой толщины в течение 3–4 минут. Затем следовала ручная оправка, обрезка по шаблону и заточка лезвия на точиле.

С началом машинного изготовления к лопате добавились такие требования как увеличение прочности и дешевизна. Описанная технология изготовления не позволяла достигнуть этих требований, что и показали испытания во 2-й саперной бригаде в 1864 г. Кроме того, введение лопат для хрящеватого и песчаного грунта затрудняло снабжение и утяжеляло комплекты подвижных инженерных парков. Большой вес, ломка в работе, недостаточная проникаемость в грунт и невозможность замены черенка привели к прекращению их изготовления и снятию с вооружения.

Табель 1866 г.

Лопата большая. Очередное обновление шанцевого инструмента происходит через несколько лет. В 1866 г. один образец заварной лопаты заменил три предыдущие. Она отличалась от лопаты для хрящеватого грунта большей прочностью и емкостью, но по весу превышала предыдущий образец, была неудобна в работе, имела плохую укладываемость и невозможность замены черенка.

Лопата малая. В 1866 г. в Петербург был доставлен первый образец лопаты Линнемана. Она стала прообразом малой пехотной лопаты или, как ее ошибочно называют, саперной лопатки. Однако лопата, предложенная штабс-капитаном датской армии Линнеманом (1830–1889), почти двадцать лет проходила испытания до своего признания в России.

Топор. Продолжается обновление и других видов шанцевого инструмента. Палисадный топор, тяжелый и неудобный в работе, в 1867 г. был заменен тремя образцами, имевшими разное предназначение. Легкий топор применялся в линейных и инженерных войсках, тяжелый топор (плотничный) возился при саперных ротах, в полевых и осадных парках, а малый топор использовался для бивуачных работ линейных войск.

Топоры изготовлялись из железа, а его тонкостенное лезвие из стали. Полотно имело выгнутые щеки. Обух, умеренной толщины и перпендикулярный к кривому топоричу, посажен книзу. Все эти образцы относятся к одному типу простого русского топора, столь привычного в народе. Главное различие заключалось в размере и весе, обусловленное предназначением каждого из них. Весу топора придавалось двойное значение: он использовался как ударная сила, а также создавал удобство при перенос-

ке в походе. Через 12 лет количество этих топоров в войсках и на складах достигло 355 тысяч.

Отечественные топоры отличались от иностранных формой топора и способом крепления на топорнице. Иностранные топоры были прямые, шлифованные и имели прямые топорница без посадки. Исключением стал прусский пионерный топор, имевший топорнице двойной кривизны. В русской армии топор крепился на топорнице деревянной или железной расклиновкой, а за границей использовался специальный якорь в виде пружины, привинченной шурупами к обуху топорница (за исключением Франции). Различались топоры и по применению материала. В России использовались железо и южная береза (клен, вяз, дуб), а в Германии, Австрии и Венгрии – литая сталь и бук (граб).

В России топоры производились кустарной промышленностью в северных завожских губерниях (Тверской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Тульской) обычно с октября до апреля (с Покрова до Пасхи) – время, свободное от сельскохозяйственных работ.

В 1867 г. инженерное ведомство, занимаясь изучением способов изготовления топоров, обнаружило неорганизованность и отсутствие контроля за мастерскими и заводами, выпускавшими инструмент. Исключение составил только старинный завод братьев Мосягиных в г. Осташкове Тверской губернии, которому и отдавалось предпочтение в выполнении заказов. С 1879 г. поставщиками топоров становятся уже несколько отечественных и иностранных фирм. Поставка осуществлялась прямо и через коммиссионеров.

Последующие преобразования шанцевого инструмента относятся к 1870-м гг. В это время происходит быстрое изменение свойств ружейного огня. На вооружение пехоты принимается нарезное оружие, в несколько раз увеличивается меткость и дальность стрельбы. Затем появляется оружие скорострельное, убивающее втрое более против оружия, заряжаемого с дула. Новые образцы позволяли стрелять с расстояния до 4000 шагов²⁵.

В связи с увеличением меткости, дальноточности и скорострельности огнестрельного оружия изменяется фортификационное оборудование позиции. Рассматривается вопрос применения таких укрытий, как ровики, ямы, небольшие насыпи для прикрытия артиллерии и пехоты при обороне. Реше-

ние этой проблемы требовало количественного и качественно-го изменения шанцевого инструмента. С другой стороны, возросший объем инженерных работ требовал увеличения состава инженерных войск или возложения строительства укрытий на войска.

К 70-м годам XIX в. в западных странах уже половина пехоты была снабжена носимым землекопным инструментом, а в России этот вопрос продолжал обсуждаться. И вот, наконец, подтвердилось предсказание 50-х гг. о том, что солдаты должны будут так же ловко владеть своим шанцевым инструментом, как своим ружьем²⁶. Теперь уже многими в русской армии создалась неизбежность увеличения шанцевого инструмента в войсках и обучения всей пехоты производству простейших военно-полевых работ. Подтверждением этого факта стало увеличение до 50 лопат в пехотной роте с 1874 г. И, если в пехоте вопрос был решен, то в артиллерии значение самоокапывания все еще обсуждалось.

В 1871 г. Наставлением для обучения полевых войск саперному делу установлено, что все части пехоты и пешей артиллерии, в полном составе, во время летних сборов должны обучаться земляным работам для устройства укрытий от неприятельских выстрелов. Временно сформированные команды в течение полутора-двух месяцев обучались саперным работам под руководством офицеров, знающих саперное дело. Но с 1875 г. командирование саперов прекращено, и подготовка команд стала осуществляться только при саперных бригадах, где они имелись.

Накануне войны, в 1876 г., в лагерных сборах участвовало $\frac{4}{5}$ полевых войск в 36 пунктах. Обучение саперным работам производилось в пехоте и артиллерии. Пехота обучалась строить окопы для цепи и сомкнутого строя, а пешая артиллерия – окопы для артиллерийской прислуги²⁷.

Вследствие возложения самоокапывания на войска появилась необходимость в увеличении количества шанцевого инструмента. Началась срочная заготовка инструмента, потребовавшегося вскоре в огромном количестве. Для его поступления использовались всевозможные источники. Это способствовало тому, что уже в 1876 г. все части полевых войск пехоты, кавалерии и артиллерии, части Донского казачьего войска были снабжены шанцевым инструментом. Все инженерные склады дополнены

главными инструментами по табелям и там в этом году находилось 100 698 единиц шанцевого инструмента²⁸.

Табель 1870 г.

Накануне русско-турецкой войны на вооружение армии снова начали поступать новые образцы шанцевого инструмента.

Кирка и мотыга. В 1870 г. заменены предыдущие образцы ударного инструмента. В войска поступили кирка, мотыга и кирко-мотыга. Они изготовлялись из кованого железа с наваркой сталью на рабочих концах и усеченно-коническими всадами. По штату 1877 г. при каждой саперной роте русской армии возились в повозке 8 кирко-мотыг. В линейных войсках полагались только отдельные кирки и мотыги, по 3 на роту. Отечественные и иностранные кирко-мотыги имели различия. Французская кирко-мотыга отличалась от русской кругло-коническим всадам и менее сильным черенком. Прусская, баварская и австрийская кирко-мотыги, меньшие по весу, изготовлялись также с другой конфигурацией всада и креплением черенка на пружинах (якорях).

Лопата большая. В 1871 г. заварная лопата образца 1866 г. была заменена лопатой, получившей название «нормальная лопата» или «лопата Тотлебена». Она стала носимой и возимой в повозках в виде запаса. Для первых образцов лопаты применялась листовая сталь толщиной 0,0094 дюйма. Она имела вогнутый лоток с крутыми заворотами назад, увеличенную площадь подъема.

В наши дни усовершенствованная лопата Тотлебена называется саперной лопатой. До настоящего времени остались без изменений длина черенка, форма и размеры лотка. Однако для того, чтобы принять современный вид, саперная лопата прошла ряд модернизаций. Первые испытания, проведенные в 1871 г. в Усть-Ижорском лагере, показали необходимость усовершенствования черенка из-за ломкости и трудности его замены при изломе. Изыскания, проведенные в 1871–1881 гг., позволили выбрать оптимальный способ крепления лотка к черенку, который также почти не изменился с 1881 г. В результате этих усовершенствований черенок легко заменялся в течение 5–6 минут, одновременно увеличилась его сопротивляемость излому. Применение штамповки помогло улучшить и технологию изготовления этого инструмента.

В 1876 г. капитан Киселев предлагает свой вариант носимой лопаты. В ее конструкции были учтены недостатки, обнаруженные при испытании лопаты Линнемана (малая площадь рабочей поверхности, короткий черенок и отсутствие упора для ноги). Однако вес лопаты Киселева превышал вес линнемановской лопаты. Лопата русского изобретателя предназначалась для выполнения работ лежа и на корточках. По рабочим характеристикам она приближалась к возимой лопате, отличаясь от нее меньшим лотком и весом.

Коснулись изменения и других инструментов. *Лом*. Носимые и возимые ломы, находившиеся на вооружении русской армии до 1877 г., разделялись на простые и раздвоенные для извлечения гвоздей. На основании положения от 4.08.1874 г. линейная пехота имела на роту по одному лому 10-фунтового веса²⁹, а с 1877 г. все ломы только возились по Положению о снабжении инженерных войск шанцевым и прочим инструментом. Как и раньше они подразделялись на простые и лапчатые (раздвоенные). Их изготавливали из круглого (болтового) железа установленной толщины без трещин. Испытание заключалось в испытании лезвия, а для лапчатых, кроме того, стебля и пяты. Лезвие испытывалось десятью ударами, пята и стебель – закладкой под различные тяжести и поворачиванием их. На всех принятых ломах выбивались клейма с обозначением завода, года поставки, а также приемной комиссии или приемщика. Окраска ломов производилась в войсках и на складах. Лезвие не красилось.

Топор. С 1878 г. в нашей армии получают распространение малые топоры. Они не обременяли солдата ношей и позволяли выполнять простейшие окопные и позиционные работы. Опыты, произведенные в 1879 г. в 4-й саперной бригаде, показывают, что малые топоры годны для той же работы, что и легкие (возимые в пехоте)³⁰. Однако они, имевшие более узкое лезвие и меньший вес, наносили меньшее углубление при ударе. В связи с этим увеличивался объем работы, что вызывало большее утомление рабочего³¹.

Малые топоры применялись не только в работе с древесиной, но и для разрушения проволочных заграждений. Поэтому предлагалось крепче закалывать лезвие малого топора и обязательно производить его заточку в войсках. Они считались незаменимы-

ми в пехоте³², а через 10 лет для работы с лесным материалом рассматривался вопрос о введении большого топора³³.

В конце XIX в. топор ковался из железа, сверху наваривалась сталь. Считалось, что их качество тем выше, чем чище и протяжнее звон издавал топор при простукивании. Иностранные топоры, изготовлявшиеся из бессемеровской стали и из кованого чугуна, отличались от отечественных отсутствием особой настилки лезвия.

На лучших отечественных заводах, изготовлявших топоры, для оправки войсковых или счетных топоров содержались мастера-специалисты с платой 400 рублей в год на всем готовом содержании. Счетные топоры, как их называли мастера, имели определенные размеры для помещения в форменный чехол и вес, пригодный для носки. Поэтому стоимость такого топора была выше рыночной на 15–20%.

По инструкции 21.12.1879 г., утвержденной товарищем генерала инспектора по инженерной части, приемка топоров производилась ненасаженными на топорница и в неокрашенном виде. Первоначально производился внешний осмотр топоров на их соответствие форме, весу и размеру образцов. Затем $\frac{1}{3}$ (без выбора) подвергалась пробе на удар в сук сухого соснового или елового бревна. Годным признавался топор, выдержавший десять ударов без заметных повреждений на лезвии. По усмотрению комиссии браковалась или вся партия, не выдержавшая испытание, или она поштучно подвергалась пробе на удар.

На принятых топорах выбивались клейма с обозначением начальных букв завода, года поставки и приемщика или приемной комиссии. Окраска осуществлялась в войсках: полотно и обух окрашивались черной масляной краской, лезвие смазывалось салом, топорница покрывались олифой.

Отечественные топоры от иностранных продолжали отличаться по ряду параметров, упомянутых выше. Толщина обуха у отечественного топора определялась по номеру железа, из которого откован топор. Исключение составлял малый (бивучный или лагерный) топор, который часто употреблялся для заколачивания гвоздей и колышков. Толщина его обуха была усилена варкой до 0,5 дюйма.

Лопата малая. В 1870-е гг. все армии мира были снабжены лопатой Линнемана. На вооружение русских войск она введена

приказом от 20 июня 1878 г. в количестве 80 штук на роту. Однако и месяц спустя в 4-й Саперной бригаде продолжались сравнительные опыты над лопатами Линнемана, саперной и одноручной Бельма. Они проводились по размерам и весу, способу производства работ, данные сравнивались при постройке и переброске земли, при резке дерна. Положительную оценку получила лопата Линнемана³⁴.

В этот период она имела лоток из листовой стали с крутыми заворотами вверху и закругленными углами лезвия. В России и Германии, в отличие от других стран, лоток не имел пилы. Одинаковой длины (17,8 см) передний и задний тяжи врезаны в черенок и закреплены обжимным кольцом со сквозной заклепкой. Вторая сквозная заклепка проходила через концы обеих тяжей. Передний тяж составлял единое целое с лотком, задний – накладка, расширявшаяся внизу желобчатым сердечником, – крепилась к лотку пятью заклепками. Черенок точеный, несколько плоский у середины, с шарообразной головкой на верхнем конце, изготовлялся из березы или ясеня. Металлические части окрашивались черной масляной краской (кроме лезвия), а черенок – олифой.

Лопата переносилась в чехле с правой или с левой стороны черенком вниз. Крепилась к поясному ремню посредством двух подвижных ремешков за 10 секунд, откреплялась за 6 секунд. Плечной ремень (шанцовик) поддерживал рукоять лопаты. Сооружение простейших укрытий этой лопатой в обыкновенном грунте занимало 5–7 минут, отдельных окопов для стрелков, соединенных общим рвом, – 10–15 минут.

Русско-турецкая война (1877–1878) явилась испытанием для всех последних преобразований в русской армии. Проверку прошел и шанцевый инструмент. Положительные оценки встречаются реже, чем отрицательные. В период войны русские солдаты сожалели, что имеют тесаки. Они предлагали заменить их топорами по одному на четыре человека, которые должны были передаваться друг другу в носке³⁵. Половина лопат, применявшихся в войне, имела излом черенка во всаде и у тяжей. Это привело к ее очередным усовершенствованиям в 1880–1881 гг.

Для нашей действующей армии было заказано изготовление 70 000 малых лопат, правда, они не успели пригодиться. В инженерных частях было по 10 лопат на роту, а в полевой артиллерии

по 16 на батарее. Считалось обязательным снабжение пехоты облегченными лопатами Линнемана по одной на двух рядовых. В случае трудностей заготовления лопат на всю армию предлагалось приобретать их войсками на собственные средства³⁶.

Первое свидетельство о целесообразности кирко-мотыги образца 1870 г. появилось после перехода русской армии через Балканы в 1877 г. Образец стал лучшим как среди отечественных, так и среди иностранных кирко-мотыг. Преимущества заключались в весе, прочности черенка и простоте его замены или укладки. Удлиненный овально-конический всад способствовал устойчивости инструмента, так как не соскальзывал и не вертелся. К сожалению, из-за большого веса (11 фунтов с черенком) кирко-мотыга была слишком тяжела в походе.

Вопрос, нужен или нет шанцевый инструмент войскам, после войны уже не обсуждался. Несмотря на отдельные разногласия, все согласились в одном: необходимо увеличение его количества. Утвердилось мнение, что не только европейские страны, но и турецкая армия опередили Россию в обеспечении войск шанцевым инструментом количественно и качественно. Редкое применение земляных окопов русскими под Плевной также объяснялось отсутствием при войсках шанцевого инструмента в необходимом количестве и соответствующем качестве³⁷.

До войны 1877–1878 гг. применялись различные виды искусственных препятствий, которые не изменялись с XVIII столетия. Физическая сила и ловкость человека³⁸ способствовали их преодолению. В этот период приемы укрепления захваченных позиций еще не получили широкого распространения. Такая практика начала зарождаться в ходе боевых действий. Впервые в истории самоокапывание в бою было применено русскими саперами при атаке турецких укреплений под Горным Дубняком³⁹. Примеру саперов последовала пехота, и это сохранило ее жизнеспособность.

Поэтому закономерным стало появление Временного наставления по самоокапыванию пехоты малой лопатой (1879). Оно стало первым руководством для войск по самоокапыванию. Временное наставление и сама малая лопата проходили испытания в войсках в течение двух лет. Следствием стало издание нового Наставления по самоокапыванию пехоты малой лопатой (1881). Оно отличалось от предыдущего уточнением случаев, порядка

и прав на отдачу приказа самоокапываться. Этим руководством при строительстве окопов за меру была принята малая лопата. До этого использовались футы и дюймы, мало знакомые солдату. За Наставлением в свет выходит Положение о саперных командах в пехоте (1883). Им устанавливается, что руководство инженерными работами в пехоте должны выполнять только военнослужащие, прошедшие специальную подготовку при саперных бригадах.

Введение шанцевого инструмента в пехоте увеличило снаряжение солдата, поэтому предлагалось в походе снабжать двух солдат одной большой лопатой: один обеспечивался лопатой, а другой черенком⁴⁰.

С выходом в 1878 г. приказа по военному ведомству № 297 о введении нового образца шанцевого инструмента появляется ряд приказов и циркуляров, разъясняющих случаи и правила его ношения. Например, новые образцы, введенные в пехоте, возились на патронных ящиках. Носимый инструмент нижние чины надевали в походе и лагерных сборах, на маневрах и учениях и не надевали в караул и на дежурство (за исключением лагерного расположения)⁴¹. В кавалерии и конной артиллерии лопаты носились в чехле и перевозились при патронных ящиках. В артиллерийских батареях и парках шанцевый инструмент с принадлежностями для его носки перевозился при зарядных ящиках и парковых повозках порядком, установленным Главным артиллерийским управлением.

Инженерное имущество возилось в инженерных парках. До издания приказа № 297 существовало три положения о снабжении инженерных войск и парков, утвержденных в 1821, 1858 и 1877 гг. По последнему положению полевой инженерный парк содержал запас шанцевого инструмента на 12 пехотных дивизий и 12 саперных рот. В другом, осадном инженерном парке, в каждом из четырех отделений находились все необходимые инженерные средства для осады одной крепости⁴². С 29.05.1878 г. начинается переформирование старых и формирование новых инженерных парков⁴³.

С признанием самоокапывания предметом изучения началось развитие полевых укреплений. В своих работах авторы военной периодики XIX в. расходятся во мнении, какому окопу – «лежа» или «стоя» – отдать преимущество. Первые считали, что их

окоп является наиболее удобным для меткой стрельбы. Вторые отдавали предпочтение окопу «стоя», заботясь о здоровье нижних чинов.

С началом использования укреплений пехота нуждалась в обучении их устройству в период учений и маневров в мирное время. Строительство окопов должно было стать для войск таким же простым и привычным делом, как стрельба⁴⁴. Предлагалось, чтобы саперные занятия в войсках стали частью строевого образования, какими были стрельба, гимнастика, фехтование⁴⁵.

Предложения были разнообразны и противоречивы. Предлагалось увеличить количество шанцевого инструмента в войсках и формировать при них особые рабочие роты. Другие критиковали саперную подготовку военных инженеров в мирное время. Предлагалось по примеру европейских армий прикомандировывать по одной саперной роте каждой дивизии для руководства саперными работами при начале военных действий. Высказывалось мнение об увеличении значения полевых укреплений в будущих войнах и необходимости уметь их строить, а, следовательно, снова обращалось внимание на количественное и качественное снабжение армии инструментом. Подобные дискуссии в военной периодике способствовали всестороннему изучению вопроса и принятию верного решения.

Объем полевых работ все возрастал, и вскоре инженерные войска не только не могли строить такое количество укрытий, но и руководить их строительством. Придача к войскам необходимого количества инженерных войск привела бы к непомерному их увеличению⁴⁶. Очередной раз подтверждалось воззрение о том, что вся пехота должна научиться строить укрытия, поскольку они ей необходимы, а конструкция укреплений проста. Для этих целей каждый солдат должен не только уметь владеть лопатой, но и иметь ее под рукой. Даже оппоненты, считавшие саперное дело модой, соглашались с необходимостью самообразования с использованием малой лопаты⁴⁷.

В этот период малая лопата, используемая войсками и ныне, получает всеобщее признание. Став незаменимой при устройстве окопов пехотой, она стала называться «пехотной», по имени того рода войск, которому она была наиболее необходима в экстремальных условиях обороны. Но споры вокруг нее не стихали

многие годы. Между малой и большой лопатами разгорелось соперничество.

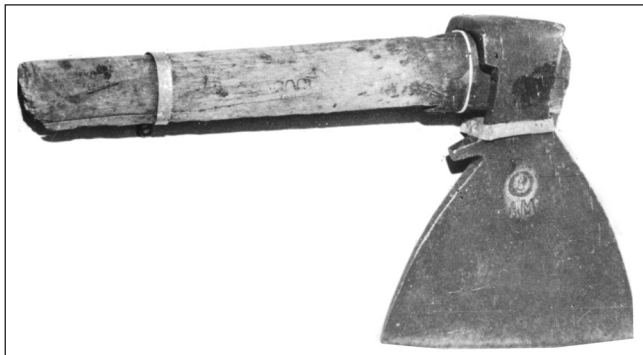
Одни, не отрицая преимущества обыкновенной лопаты, которую можно держать в обозе или в инженерном парке, являлись сторонниками малых и коротких лопат, предсказывая им будущее. Они видели превосходство этих лопат в уменьшении потерь при работе лежа, в удобстве носки, особенно для малорослых солдат, в уменьшении груза для солдата. Оппоненты считали, что она дает малый эффект. Они предлагали усовершенствовать большую лопату или использовать вариант разборной лопаты, изобретенной австрийским фабрикантом Ноотом. Последнюю можно было носить сбоку или на груди, а черенок у ранца.

Итог научных споров о целесообразности той или иной лопаты подвел А. Плюцинский, являвшийся апологетом большой лопаты. Согласившись, что «никто не пророк в своей стране», он выступает за решение вопроса путем опыта в мирное время, критерием которого будут выводы специально созданной комиссии⁴⁸.

Опыты, проведенные в 1880 г. в Усть-Ижорском лагере, показали, что шанцевого инструмента и рабочих рук у пехоты достаточно, поэтому она может окапываться своими средствами⁴⁹. После продолжительных дискуссий итогом всех споров стало признание самоокапывания, которое стало одним из тактических средств боя.

Теоретическое и практическое обучение пехоты требовало подготовки специалистов саперного дела. С этой целью в 1883 г. Главный комитет по устройству и образованию войск для пехоты издал ряд документов, заменивших Наставление для обучения полевых войск саперному делу (1871). Основополагающими документами для обучения пехоты стали: Положение о саперных командах, Инструкция для ведения занятий полевым саперным делом, Наставление для обучения саперных команд. Кроме этих официальных положений появилась масса справочных книжек, наглядных таблиц, примерных расчетов и других пособий⁵⁰.

Вместе с тем Главный комитет признал желательным улучшить практическую подготовку по саперному делу всех офицеров нашей армии. С этой целью предполагалось пересмотреть программы юнкерских и военных училищ, в которые включа-

**Топор саперный носимый. Вып. 1878 г.
Из коллекции ВИМАИВиВС. ИТФ. Ном. № 4/100**

лось бы не только теоретическое, но и практическое обучение полевому делу. За знание саперного дела планировалось производство офицера в следующий чин⁵¹.

Началось формирование войсковых саперов в каждой части пехоты. Они состояли из офицеров и нижних чинов. Первые получали это звание после пребывания в саперной бригаде в течение одного лагерного сбора. Вторые делились на две категории: старшие и младшие. Старшие войсковые саперы проходили обучение в саперной бригаде и предназначались в помощь офицерам. Подготовка младших осуществлялась в своих частях. Одновременно с подготовкой войсковых саперов в пехоте был определен порядок занятий саперным делом в артиллерии⁵². Обучение саперному делу, начавшееся в 1820-х гг., впервые было зафиксировано Наставлением для обучения полевых войск саперному делу (1871). Потребовалось более полувека, чтобы саперное дело установилось в нашей армии, а в массах укрепились сознание его значимости⁵³.

Круг познаний по саперному делу, обязательный для каждого рядового пехоты, расширяется с публикацией Проекта Наставления для войскового окопного дела (1888). Оно преследовало цель облегчить войскам проведение окопных работ без участия специальных саперных команд. По этому проекту нижние чины должны уметь сооружать стрелковые и артиллерийские окопы, окопы-укрепления и некоторые бивуачные и лагерные постройки⁵⁴. В рассматриваемый проект предлагалось включить обуче-

ние самоокапыванию лежа, под огнем неприятеля. Также отмечалась значимость технического руководства и личного показа при выполнении саперных работ.

С учетом замечаний Наставление для войскового окопного дела в новой редакции было принято в 1889 г.⁵⁵. Предполагалось, что оно должно заменить предыдущие Наставление для обучения саперных команд в пехоте и Наставление для самоокапывания. В последнем Наставлении (1889) предпочтение отдано орудийным окопам с сектором обстрела от 90 до 150 градусов, исчезли окопы «лежа» и «полулежа». Кроме того, оно внесло изменения в обучение войск саперному делу. В пехоте уничтожались младшие и оставались только старшие войсковые саперы, составлявшие небольшой процент в пехоте. Уменьшение количества войсковых саперов могло отрицательно отразиться на уровне квалификации пехоты⁵⁶.

Практические испытания показывали, что стрелковые и артиллерийские окопы без затруднений выполнялись войсками без участия саперов. Основным орудием для выполнения этих работ становилась большая лопата, работа которой увеличила производительность на $\frac{1}{3}$. Так шаг за шагом знания саперного дела вошли в круг обязанностей военнотружущего.

Табель 1884 г.

Табели 1884 г. значительно обширнее предыдущих. Саперно-рабочий инструмент заменил шанцевый инструмент. В его состав входили носимые и возимые цепные (шарнирные) пилы весом 82 золотника. В носимом инструменте числились кирки (10 штук) и мотыги (20 штук) на роту. Кирко-мотыги находились только в возимом инструменте вместе с кирками и мотыгами.

Многие годы не стихала полемика вокруг большой и малой лопаты, поэтому в 1880-е гг. появляется много предложений по совершенствованию обеих лопат. Сторонники большой лопаты предлагают ее транспортировку двумя рядовыми по частям, обеспечив роту в количестве 40 лопат. Их противники считают необходимостью обеспечить всех малой лопатой, а ее усовершенствовать не за счет увеличения лотка, а за счет удлинения черенка.

Лопата штабс-капитана Юрьева. В связи с частым изломом черенка во всаде и у тяжелой лопаты, штабс-капитан Юрьев предложил нанести винтовую нарезку на тяжах и обжимном кольце

(1881). Затяжка кольца производилась специальным ключом. В этом образце упразднились шурупы на тяжах, съемный черенок крепился одним шурупом и затачивался отлогим конусом⁵⁷.

Лопата капитана Лазарева. Другое предложение, капитана Инженерного арсенала Лазарева, заключалось в изготовлении тяжелой лопаты одинаковой длины (16,5 см) без врезки в черенок и в применении конического обжимного кольца. Черенок затачивался с уклоном 4 градуса.

Переноска шанцевого инструмента рядовыми в ненастную погоду и хранение в цейхгаузах часто приводили к ржавчине. Для сохранения инструмента впервые большая часть лотка стала окрашиваться черной краской. Окрашивание позволяло экономить средства на закупку смазки⁵⁸.

В инженерных войсках для штатного инструмента вводится отточка. С 1881 г. отточка лезвия малого топора делалась на точильном камне. Предполагалось улучшить малый топор, усилив лезвие и совершая его отточку.

Табель 1888 г.

По табелю 1888 г. продолжал существовать носимый и возимый инструмент. Возимый комплект включал лопаты, топоры, мотыги и кирки (с 1911 г. по табелю мотыги и кирки заменены кирко-мотыгами), ломы и поперечные пилы. Последние полагались только артиллерийским батареям и паркам. Носимый комплект включал лопаты Линнемана, малые топоры и малые кирко-мотыги⁵⁹. Существовал инструмент и у обозных рядовых, половине которых полагались легкие топоры, а другой половине – лопаты.

Расширился ассортимент шанцевого инструмента и в войсках. В 1889 г. складная шарнирная цепная пила была предложена не только в пехоте, но и в кавалерии. Она имела небольшой вес и в основном годилась для валки леса и мостовых работ. Складная цепная пила заменила поперечную пилу, несмотря на меньший успех при работе. Цепные пилы изготовлялись в Австрии (завод Фогель и Нотт) и во Франции. В России их не производили⁶⁰.

В 1898 г. в пехоте и кавалерии все так же сохранялось разделение шанцевого инструмента на носимый и возимый. Носимый инструмент переносился в особых чехлах по пригонке, установленной приказами по военному ведомству. В кавалерии он приспособлялся к седлу в специальных чехлах⁶¹. Возимый инс-

трусмент перевозился без чехлов в обозе обычно при патронных ящиках, а в артиллерийских батареях и парках на зарядных ящиках и парковых повозках порядком, установленным Главным артиллерийским управлением⁶².

Новый образец саперной лопаты 1898 г. имел слегка вогнутый стальной лоток с тяжем, в котором при помощи обжимного кольца и одного шурупа крепился черенок. Нижний конец лотка затачивался при изготовлении. Отличие старых образцов от новых заключалась в том, что задняя часть тяжа была короче передней и черенок прикреплялся к тяжу не одним, а тремя шурупами. К новым образцам саперных лопат кроме шурупа, установленного на обжимном кольце, полагался запасной шуруп, ввернутый в торец нижнего конца черенка. Малая лопата стала копией саперной лопаты, но меньших размеров. Однако у лотка были отточены (скошены) не только нижний конец, но и боковые стороны⁶³.

Снабжение войск шанцевым инструментом возлагалось на Главное Инженерное Управление (далее: ГИУ). Отпуск инструмента производился преимущественно натурой, но в исключительных случаях войскам отпускались деньги по заготовительным ценам ГИУ⁶⁴. Инструмент отпускался войскам, за исключением кирок и мотыг, насаженным на черенки. В войсках он содержался также насаженным на черенки, заклиненным и отточеным, а пилы, кроме того, и разведенными⁶⁵. Инженерное имущество, доставляемое в войска поставщиками, принималось по клеймам комиссии ГИУ, которая являлась ответственной за качество высылаемых предметов⁶⁶.

В мирное время табельный инструмент выдавался только во время нахождения войск в лагерях и на маневрах. Для хозяйственных и практических работ использовался специальный инструмент из бригадных складов, бывший в употреблении, а затем забракованный или приобретенный на собственные средства части. Для исправного содержания шанцевый инструмент в войсках периодически возобновлялся. С этой целью по время инспекторских смотров происходила его браковка, но не свыше $\frac{1}{20}$ штатного числа. На забракованных инструментах слесарным инструментом выбивалась буква «Б» (брак)⁶⁷.

Заготовка шанцевого инструмента осуществлялась по заказам или контрактам Главного инженерного управления на казенных

**Лопата малая (пехотная). Вып. 1895 г.
Из коллекции ВИМАИВиВС. ИТФ. Ном. № 4/57**

фабриках (на Динабургском инженерном арсенале) и на частных заводах, отечественных и за границей. Чехлы, получехлы и ремни к шанцевому инструменту заготавливались и отпускались войскам от интендантства. Срок службы назначался всем предметам от 4 до 20 лет. Для лопат Линнемана он составлял 12 лет⁶⁸.

Как и раньше, приемка лопат осуществлялась дважды. Сначала они принимались от завода-изготовителя в неокрашенном виде, с указанием его клейма и года изготовления. В 1871–1912 гг. испытания лопат производились трижды. Для определения вязкости металла лоток зажимался в щель на $\frac{1}{3}$ длины. В таком положении он должен был выдержать по 15 перегибов в одну и другую стороны. Потом лопаты испытывались подвешиванием груза и на закалку. На лопатах, выдержавших испытания, выбивалось клеймо приемной комиссии, после чего они возвращались поставщику.

Затем следовала окраска шанцевого инструмента. Металлические части, кроме лезвия, покрывались черной масляной краской, позднее асфальтированным лаком, как наилучшим составом, предохраняющим металл от ржавчины⁶⁹. Но и он был заменен новым составом⁷⁰.

Черенки и топорича, представляемые к сдаче, покрывались олифой. На них выжигались клейма годов заготовки, причем на черенках и топоричах, насаженных на инструмент, года должны были совпадать. Кроме того, рукоятки лопат разделялись зачерненными насечками, начиная с верхнего конца. На передней стороне указывались футы и один из футов делился на дюймы, а на задней стороне отмечались аршины и $\frac{1}{4}$ аршина делилась на вершки⁷¹. Однако с марта 1910 г. насечки с обозначением линейных мер отменены, а лопаты с насечками подлежали постепенному изъятию⁷².

**Лопата малая (пехотная). Вып. 1900 г.
Из коллекции ВИМАИВиВС. ИТФ. Ном. № 4/128**

Во второй раз приемная комиссия признавала браком инструмент, на котором отсутствовали клейма комиссии. На всех инструментах, признанных комиссией негодными к сдаче в казну, ставилось клеймо брака, состоящее из пяти точек или звездочек⁷³. Таким образом, каждая лопата должна была иметь на одном верхнем угле клеймо завода, на другом – год поставки, а под последним и клеймо приемщика⁷⁴.

Для ухода за возимым инструментом на смазку и чистку частям выделялись неодинаковые деньги. Частям с только возимым инструментом выделялись 5 копеек, частям с тем и другим инструментом – 2 копейки. На носимый инструмент и неприкосновенный запас при войсках эта сумма составляла 1 копейку на $\frac{1}{3}$ всего штатного инструмента. Это позволяло весь инструмент выкрасить один раз в три года⁷⁵.

Иногда войска приобретали шанцевый инструмент помимо инженерного ведомства у частных продавцов, незнакомых с введенными усовершенствованиями. Вследствие этого появился циркуляр, рекомендовавший при приобретении инструмента на собственные средства обращаться к поставщикам, связанным с ГИУ контрактами. На каждом экземпляре инструмента также требовалось клеймо ГИУ. С этого времени в начале года в циркулярах Главного штаба стали публиковаться названия поставщиков и цены без упаковки и пересылки⁷⁶.

Русско-японская война (1904–1905) оказала воздействие на дальнейшее развитие военного искусства. В ходе войны впервые в массовом масштабе было применено скорострельное оружие. Получила распространение стрельба артиллерии с закрытых позиций. Сложные фортификационные сооружения прошлого заменили траншеи, окопы, ходы сообщения. Боевой опыт показал,

Кирко-мотыга малая. Вып. 1906 г.
Из коллекции ВИМАИВиВС. ИТФ. Ном. № 4/72

что новые полевые фортификационные сооружения повысили возможности войск в обороне. Однако наши войска, по мнению современников, пользовались шанцевым инструментом неумело, бросали его в первом же бою. Общий вес боевого снаряжения русского солдата был обременительнее, чем у иностранного и составлял 74 фунта (у австрийского – 58 фунтов). Главное артиллерийское управление отметило жалобы в частях на кирки и мотыги, и недостаток лопат⁷⁷. *Кирко-мотыга. Лопата.* В годы войны на вооружение были введены новые образцы кирко-мотыг и саперной лопаты с удлиненными тяжами и плоско-вогнутыми головками заклепок⁷⁸.

В начале XX в. резко увеличилась численность армии. Начала складываться новая форма боевых действий – операция. В 1905–1912 гг. на основе опыта последней войны в русской армии проводятся военные реформы, затронувшие все стороны ее жизни. Между двумя войнами происходит активное совершенствование существующих и создание новых образцов, в том числе и шанцевого инструмента.

Табель 1907–1908 гг.

В эти годы был установлен очередной табель инструмента, сохранившийся до Первой мировой войны (1914–1918). По этому табелю в шанцевом инструменте отсутствовали кирки

как самостоятельный инструмент. Упоминаются только киркомотыги.

По распоряжению ГИУ Комиссии по заготовке имущества поручалось торговому дому «Карл Шпигель»⁷⁹ переделать 65000 черенков, изготовленных к саперным лопатам старого образца, для лопат нового образца.

Из ГИУ председателю комиссии по заготовке инженерного имущества для войск отправлен экземпляр шанцевого инструмента системы Willey Fool и брошюра с его описанием⁸⁰, изучается информация о шанцевом инструменте германской армии, полученная от ГУ Г.Ш.⁸¹. Проходят сравнительные испытания отечественных и иностранных образцов шанцевого инструмента.

Топоры, находившиеся на вооружении русской армии, не соответствовали предъявляемым требованиям. В то время, когда за границей топоры давно изготовлялись из стали, в России продолжался выпуск железных топоров. Для выбора наилучшего образца планировались сравнительные испытания в частях инженерных войск Петербургского, Варшавского, Кавказского, Иркутского и Приамурского округов. В марте 1911 г. Главная приемная комиссия произвела испытание цельных стальных и железных топоров, наваренных сталью⁸². В августе 1911 г. была разработана программа испытаний американских цельностальных плотничных топоров и отечественных железных топоров, наваренных сталью. Американские топоры ни по своим размерам, ни по очертаниям полотна не подходили ни к одному из типов топоров, принятых в нашей армии⁸³.

В марте 1913 г. ГИУ решил рассмотреть вопрос о введении стальных топоров, и снова начались сравнительные испытания. Они были проведены в Гренадерском, в 1-м, 6-м, 15-м и 20-м саперных батальонах и в Главной приемной комиссии⁸⁴. Для определения в топорах количества наваренной стали и качества металла, производился излом одного топора из каждой партии. Если качество не соответствовало требованиям, то вся партия браковалась.

Наконец в июне 1914 г. Сестрорецкий оружейный завод приступил к изготовлению цельностальных топоров. Это были плотничные, легкие и малые пехотные топоры⁸⁵. Топоры также выпускались товариществом «К.Шпан и С-вья», чья стоимость в июле 1914 г. составляла 2 руб. 20 коп. за штуку⁸⁶.

Несмотря на появление в русской армии более совершенных топоров, на отдельных складах хранились старые образцы грубой выделки, плохого качества, не имеющие клейма «Г.И.У.» и года заготовки. Так, в июне 1914 г. на складах Кавказского военного округа обнаружены 3700 лесорубных топоров, имеющих длинное топориче, дугообразное лезвие, тяжелый вес. С такими топорами, пружинящими при ударе по дереву, люди быстро уставали, производительность снижалась⁸⁷.

В марте 1913 г. Главное Инженерное Управление пересмотрело табели инженерного имущества. Предполагалось исключить из него 10-фунтовые обыкновенные ломы, заменив их 15-фунтовыми. Однако артиллерийские части отказались от тяжелых ломов, оставив себе 10-фунтовые⁸⁸. Несмотря на это, ГИУ заказало опытные образцы 15-фунтовых ломов с особой отточкой на заводе «Плутон» и предложило их на рассмотрение в Комиссию по заготовке инженерного имущества для войск⁸⁹.

С предъявлением более жестких требований к изготовлению инструмента стали часто возникать проблемы с его поставкой. Причиной стало отсутствие в рабочей документации предписаний на допустимые отклонения от установленных размеров и веса изделий. Так как при существовавшем процессе производства было нелегко выдержать нормы, то отсутствие допуска затрудняло приемку инструмента. По этому вопросу активизировалась переписка между заводами-изготовителями и приемной комиссией. Железные топоры имели лезвие, наваренное сталью, а в инструкциях отсутствовал допуск для количества наваренной стали⁹⁰. В другом случае, у большой партии малых лопат диаметр черенка не соответствовал образцу⁹¹. Или вес инструмента увеличился из-за черенка, изготовленного из более плотного дерева⁹². Все эти проблемы требовали дополнительного разрешения Приемной комиссии, которое выдавалось в каждом случае отдельно. С введением допуска приемка инструмента была облегчена. В феврале 1914 г. был установлен новый предел допуска и к кирко-мотыгам⁹³.

Параллельно с совершенствованием инструмента развивалось производство чехлов для шанцевого инструмента. В апреле 1911 г. ГИУ отправил председателю Комиссии по заготовке инженерного имущества для войск и складов новый чехол на лезвие топора, изготовленный 3-й батареей 3-го Финляндского

стрелкового артиллерийского дивизиона. В марте 1913 г. Комиссия по заготовке имущества в войске взяла под контроль допустимый вес чехлов к шанцевому инструменту. В январе 1914 г. уже использовались следующие образцы чехлов для шанцевого инструмента: кожаный чехол к трассировочному шнуру, кожаный чехол и плечевой ремень к саперной лопате, кожаный чехол и плечевой ремень к легкой кирко-мотыге⁹⁴.

Совершенствуется консервация шанцевого инструмента. Окрашивались как рабочая часть инструмента, так и черенки и топорщица. С 1908 г. стали применять черный или прозрачный феррогард фирмы Г. Марк и К° (Санкт-Петербург, Столярный пер., 12). В этом же году генерал-лейтенант Беленченко в своем Руководстве по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества предложил описание разноцветной окраски черенков и топорниц к шанцевому инструменту⁹⁵. Все черенки и топорщица покрывались олифой. Затем черенки и топорщица покрывались лаком разного цвета: светлым столярным лаком – у носимого шанцевого инструмента; красноватым лаком – в полевых и осадных инженерных парках; защитным цветом – для обозначения рядовых (цвет обозначения). Через два года, 3.09.1910 г., разноцветная окраска была отменена начальником ГИУ. Не видя в ней практического значения, он приказал содержать топорщица и черенки одинаково покрытыми олифой⁹⁶.

Следующие испытания в ГИУ по окрашиванию малых лопат и ломов произведены в июне 1911 г. на Инженерном складе в Санкт-Петербурге (Ждановская ул., 35), а в декабре 1912 г. испытания проходило другое покрытие – лак фабрики «Филин» (Ревель)⁹⁷.

Однако ко второму комплекту инструмента, употреблявшемуся в работе, строгие требования по предохранению от ржавчины не предъявлялись. Поэтому в конце 1913 г. каждая часть принимала свои меры: красили черной масляной краской, покрывали лаком, а то и смазывали говяжьим или нефтяным салом⁹⁸.

Выпуск шанцевого инструмента для армии производился на Сестрорецком оружейном заводе, на Златоустовском казенном заводе, заводе «РиА. Шмидт» (Варшава), «Плутон» (Либав), завод Отто-Эрбе (Рига) и других. Черенки к инструменту выпускали Павловская кустарная артель, фирма Шпан, акционерное общество «Отто-Эрбе»⁹⁹. Вместе с тем руководство инже-

Лопата малая (пехотная). Вып. 1916 г.
Из коллекции ВИМАИВиВС. ИТФ. Ном. № 4/66

нерного ведомства считало более целесообразным выпускать рабочий инструмент и черенки на одном заводе.

В 1911 г. шанцевый инструмент изготовлялся по чертежам, помещенным в руководстве, составленном генерал-лейтенантом Беленченко в 1908 г. Прием и хранение предметов войскового инженерного имущества осуществлялось в соответствии с Циркуляром Главного Инженерного Управления от 21 февраля 1911 г. № 1 и тем же Руководством (отдел XXIII) генерал-лейтенанта Беленченко.

В июне 1912 г. был создан проект новой инструкции для наблюдения за изготовлением шанцевого инструмента на заводах. Однако старая инструкция еще продолжала действовать¹⁰⁰. Для проверки изготовленного инструмента стали использовать приборы, например, прибор для испытания металла на разрыв¹⁰¹.

Не изменился порядок приемки инструмента. Сдаваемые подрядчиками лопаты, топоры, кирко-мотыги и ломы принимались Приемной комиссией дважды. Клейма приемной комиссии ставились в первый раз на неокрашенный инструмент, а во второй раз, после окраски, проверялось наличие всех предыдущих клейм. Как и раньше, на инструменте продолжали ставить клеймо завода-изготовителя, год изготовления и клеймо Приемной комиссии. За каждым членом приемной комиссии закреплялось определенное клеймо, имевшее литерное обозначение фамилии¹⁰². После этого топоры, насаженные на топорщица, и малые кирко-мотыги на черенках крепились железными заклинками¹⁰³.

В мирное время инструмент хранился в инженерных складах, реорганизация которых планировалась за полтора года до начала войны. С этой целью в январе 1913 г. разработаны проекты таблиц инженерного имущества главных инженерных, инже-

нерных и передовых инженерных складов в соответствии с потребностями военного времени. Устаревшие образцы имущества заменялись усовершенствованными, добавлялись новые. В конце 1913 г. и в начале 1914 г. планировалась заготовка большого количества инженерного имущества для пополнения инженерных складов¹⁰⁴.

Первая мировая война (1914–1918) имела позиционный характер. На смену густой стрелковой цепи пришел новый боевой порядок – волны цепей. В ходе войны зарождается новый способ обороны – оборона на сплошном фронте, оборудованная системой инженерных сооружений и заграждений. От очаговой обороны, не имевшей глубины, произошел переход к глубокоэшелонированной обороне, состоявшей из нескольких полос. Появляется новый способ наступления – инженерный плацдарм. Он состоял из большого количества параллельных глубоких траншей, соединенных между собой ходами сообщения. Подготовка глубокоэшелонированной обороны и инженерного плацдарма требовала выполнения большого объема работ и большого количества шанцевого инструмента.

Снабжение инженерных войск запасами инженерного имущества было недостаточно, так как считалось, что война продлится не более 4-6 месяцев. Многих средств к началу войны не хватало. По существующим табелям для обеспечения войск не было поставлено: лопат саперных – 365 тыс. штук, топоров – 30 тыс. штук¹⁰⁵.

В первой мировой войне использовался шанцевый инструмент, принятый на вооружение перед войной. *Лопата большая*. Существовавшая саперная лопата ничем не отличалась от предыдущих образцов с шестью и тремя отверстиями для шурупов. *Лопата малая*. Однако в войсках появилась малая лопата с заостренным лотком, преимущество которого сказывалось при работе в твердом или замерзшем грунте. Она имела те же размеры, что и предыдущие образцы, несмотря на увеличение веса до 980 граммов (вместо 750-800). *Лопата-щит*. *Лопата с ножницами*. На полях сражений применялись лопаты-щиты, а для преодоления проволочных заграждений стали применять лопаты с ножницами.

При изучении 200-летней истории шанцевого инструмента можно сделать следующие выводы. За этот период возросло его

значение: от просто рабочего инструмента до инструмента, способствующего сохранению живой силы армии. При его изготовлении преследовались цели: облегчить вес, сделать его удобным при переноске и в работе, удешевить в производстве. Первоначально он изготовлялся ручным способом, потом кустарным. Когда шанцевый инструмент стал выпускаться машинами, появилась возможность применять единый технологический процесс. Инструмент стал изготовляться строго по чертежам. На предприятия стали командироваться военные представители, наблюдавшие за изготовлением инструмента. С этого времени создаются инструкции по его изготовлению и правила приемки. Введение допусков позволило сократить объем забракованного инструмента. Постановка клейм на инструменте способствовала повышению ответственности заводов-изготовителей и улучшению качества инструмента.

В конце XIX в. полевые укрепления получили всеобщее признание, их называют четвертым родом оружия¹⁰⁶, но это оружие не могло бы существовать без лопаты и кирки.

¹ Инженерный журнал. 1882. № 4. С. 417.

² Леер Г. Тактическое значение местности // Военный сборник. 1878. № 7. С. 34–35.

³ Журавский Д.П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности. 1711–1825. Военный сборник. 1859. № 9. С. 3–64.

⁴ ПСЗ РИ. Т. V. Гл. II. С. 206–207.

⁵ Фабрициус И. Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I. СПб. 1903. С. XVIII.

⁶ ВИМАИВиВС. ИДФ. КЕУ А-12610/2; Тренке Н.А. Краткий исторический обзор развития средств инженерного вооружения русской армии досоветского периода. ЦИВИМ. 1949. С. 7.

⁷ Габаев Г.С. История лейб-гвардии Саперного батальона. СПб., 1912. С. 12.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Ивков Д.П. Полевые инженерные войска. Исторический очерк. Киев, 1912. С. 93.

¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1798. Л. 224 об.

¹¹ Фабрициус И. Военно-инженерное ведомство... С. XVIII.

¹² Тренке Н.А. Краткий исторический обзор... С. 8.

¹³ Фабрициус И. Военно-инженерное ведомство... Л. 67. Прим. 1.

¹⁴ ВИМАИВиВС. ИДФ. Ном. № А-12619(1). Л. 223, 230.

¹⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Дела полковые. Д. 2756. Л. 219.

¹⁶ Леер Г. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁷ Случевский К. О крепостной войне // Военный сборник. 1889. № 6. С. 283.

¹⁸ Леер Г. Указ. соч. С. 75–107.

- ¹⁹ Баньковский А. Шанцевый инструмент пехоты // Военный сборник. 1889. № 2. С. 371.
- ²⁰ Кренке В.Д. О саперных работах // Инженерный журнал. 1868. № 10.
- ²¹ Киселев. Инженерный журнал. 1882. № 7. Приложение III.
- ²² Инженерные войска. М., Воениздат. 1982. С. 52.
- ²³ Приказ по Кавказской армии // Военный сборник. 1859. № 5–7.
- ²⁴ Инженерный журнал. 1902. № 3. С. 307, 488.
- ²⁵ Чебышев В. О средствах к уменьшению потерь от огня при атаке пехоты, с точки зрения свойств ружейного огня // Военный сборник. 1878. № 10. С. 211; Папкевич В.П. О поспешной разбивке простейших окопов для пехоты и артиллерии // Военный сборник. 1878. № 4. С. 218.
- ²⁶ Обручев Н. О вооруженной силе и ее устройстве // Военный сборник. 1858. № 1. С. 48–52.
- ²⁷ Русское военное обозрение // Военный сборник. 1878. № 7. С. 48–49.
- ²⁸ Тарасенков. По поводу статьи «К вопросу о состоянии военно-инженерного искусства в нашей армии». Военный сборник. 1878. № 12. С. 285; Общий обзор состояния и деятельности всех частей Военного министерства. Военный сборник. 1878. № 9. С. 49–50.
- ²⁹ Инженерный журнал. 1882. № 7. С. 845.
- ³⁰ Глаголев П. Сравнительные опыты над малым и большим топорами, произведенные летом 1879 г. при 4-й саперной бригаде // Инженерный журнал. 1880. № 4.
- ³¹ Баньковский А. Указ. соч. С. 367.
- ³² Там же. С. 367–369.
- ³³ Бафталовский В. По поводу проекта Наставления для войскового окопного дела 1888 г. // Военный сборник. 1889. № 1. С. 170.
- ³⁴ Инженерный журнал. 1878. № 6. С. 562–578; Глаголев П.Ф. Сравнительные опыты над лопатами Линнемана и саперной.
- ³⁵ Пузыревский А. Отрывочные заметки из опыта минувшей войны // Военный сборник. 1878. № 7. С. 69–77.
- ³⁶ Плюцинский А. К вопросу о состоянии военно-инженерного искусства в нашей армии в кампанию 1877–1878 гг. С. 270–271; Зедделер Л. Несколько практических выводов из нашей последней войны // Военный сборник. 1878. С. 235–236.
- ³⁷ Зедделер Л. Указ. соч.
- ³⁸ Инженерный журнал. 1902. № 4. С. 478, 491.
- ³⁹ Теплов В.И. Состояние и развитие русского военно-инженерного искусства и инженерных войск в XIX в. // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии: Сб. статей. М.: Воениздат, 1958. С. 109.
- ⁴⁰ Скобельцын В.В. Несколько слов о значении укрепления позиции // Военный сборник. 1878. № 3. С. 82; Саранчов Е. Наши военные инженеры и саперы // Там же. № 11. С. 70.
- ⁴¹ Приказ по военному ведомству. 1879, № 136; 1882, № 73; Циркуляр Главного штаба. 1888, № 214.
- ⁴² Теплов В.И. Указ. соч. С. 104.
- ⁴³ Приказы по военному ведомству и циркуляры ГШ. № 157, № 162, № 149. Военный сборник. 1878. № 11. С. 143.
- ⁴⁴ Плюцинский А. По поводу разбивки поспешных полевых укреплений по команде // Военный сборник. 1878. № 8. С. 213.

- ⁴⁵ Предполагаемая постановка саперного дела в войсках // Военный сборник. № 12. С. 277.
- ⁴⁶ Леер Г. Указ. соч. С. 102.
- ⁴⁷ Кирсанов Н. Заметки о летних занятиях в пехоте и об Инструкции для занятий с офицерами // Военный сборник. 1889. № 3. С. 278–279.
- ⁴⁸ Плюцинский А. К вопросу о снабжении пехоты лопатами // Там же. 1878. № 9. С. 148.
- ⁴⁹ Чудовский А.А. По вопросу самоокапывания // Там же. 1881. № 1. С. 123.
- ⁵⁰ Николаев. Об окопном деле в пехоте // Там же. 1889. № 3. С. 122.
- ⁵¹ Извлечение из отчета Главного комитета по устройству и образованию войск за 1878–1879 гг. // Там же. 1880. № 7. Ч. II. С. 60.
- ⁵² По поводу проекта Наставления войскового окопного дела // Там же. 1890. № 1. С. 168–182.
- ⁵³ Николаев. Указ. соч. С. 122.
- ⁵⁴ Бафталовский В. По поводу проекта Наставления... С. 163–171.
- ⁵⁵ Там же. С. 10.
- ⁵⁶ Николаев. Указ. соч. С. 183–184.
- ⁵⁷ Инженерный журнал. 1882. № 6.
- ⁵⁸ Баньковский А. Шанцевый инструмент пехоты. С. 366.
- ⁵⁹ Приказ по военному ведомству. 1908. № 391.
- ⁶⁰ Баньковский А. Шанцевый инструмент пехоты. С. 372.
- ⁶¹ Приказы по военному ведомству. 1882. № 111; 1884. № 56; 1888. № 136.
- ⁶² Беленченко. Инженерное имущество в пехоте, кавалерии и артиллерии. Снабжение, описание, приемка, укладка, хранение и отчетность. СПб., 1898. С. 1.
- ⁶³ Там же. С. 8.
- ⁶⁴ Там же. С. 3.
- ⁶⁵ Там же. С. 131.
- ⁶⁶ Циркуляр Главного Штаба. 29.03.1903. № 82.
- ⁶⁷ ВИМАИВиВС. ИДФ. Ном. № 22/2. Руководство по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества с атласом чертежей / Сост. Беленченко. СПб., 1908. С. 41. Голов. Положение. С. 26.
- ⁶⁸ Приказ по военному ведомству. 1899. № 387.
- ⁶⁹ Циркуляр Главного штаба. № 6. 21.01.1909 г.
- ⁷⁰ Исторический очерк Главного инженерного управления за время его существования. 1862–1913. Инженерный журнал. 1915. № 6–7. С. 550–551.
- ⁷¹ Циркуляры Главного штаба. 1873. № 196, 240; 1905. № 59; 1906. № 371.
- ⁷² Циркуляр Главного Штаба. 05.03.1910. № 45.
- ⁷³ Голов. Указ. соч. С. 34.
- ⁷⁴ Приказ по военному ведомству. 21.12.1879; Руководство по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества с атласом чертежей. С. 40; Голов. Указ. соч. С. 33–34.
- ⁷⁵ Приказ по военному ведомству. 24.6.1888. № 141; 1.1.1889.
- ⁷⁶ Циркуляры Главного Штаба. 08.02.1895, № 36; 31.12.1899, № 285.
- ⁷⁷ ВИМАИВиВС. ИДФ. Ном. № 22/563. Дела комиссии по заготовлению инженерного имущества для войск. (1908, 1910, 1914). Л. 167–167 об.
- ⁷⁸ Исторический очерк... // Инженерный журнал. 1915. № 6–7. С. 550–551.
- ⁷⁹ ВИМАИВиВС. ИДФ. Ном. № 22/563. Дела комиссии по заготовлению инженерного имущества для войск. (1908, 1910, 1914). Л. 39–39 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 72.

- ⁸¹ Там же. Л. 327.
⁸² Там же. Л. 2.
⁸³ Там же. Л. 11–12.
⁸⁴ Там же. Л. 161, 162.
⁸⁵ Там же. Л. 336.
⁸⁶ Там же. Л. 336, 346.
⁸⁷ Там же. Л. 337–337 об.
⁸⁸ Там же. Л. 166.
⁸⁹ Там же. Л. 170.
⁹⁰ Там же. Л. 19, 21, 22.
⁹¹ Там же. Л. 15.
⁹² Там же. Л. 101–102.
⁹³ Там же. Л. 306.
⁹⁴ Там же. Л. 6. 171, 295.
⁹⁵ ВИМАИВиВС. ИДФ. Ном. № 22/2. Руководство по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества с атласом чертежей. С. 757. Отд. 33. § 24.
⁹⁶ Там же. Л. 35.
⁹⁷ ВИМАИВиВС. ИДФ. Ном. № 22/563. Дела комиссии по заготовлению инженерного имущества для войск. (1908, 1910, 1914). Л. 119.
⁹⁸ Там же. Л. 249.
⁹⁹ Там же. Л. 143, 307.
¹⁰⁰ Там же. Л. 63.
¹⁰¹ Там же. Л. 157–158.
¹⁰² Там же. Л. 265.
¹⁰³ ВИМАИВиВС. ИДФ. Инв. № 22/2. Руководство по приему и хранению предметов войскового инженерного имущества с атласом чертежей. С. 40
¹⁰⁴ Там же. Л. 147–148, 199–200.
¹⁰⁵ Инженерные войска. С. 69–70.
¹⁰⁶ Бой четвертого рода оружия // Военный сборник. 1890. № 1. С. 53.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мурзенков Денис Николаевич – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета (далее Лаборатория им. Г.С. Лебедева СПбГУ), младший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Сергиевский Илья Александрович – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (далее НИИ (военной истории)) (Москва), старший научный сотрудник.

Сибилева Ольга Павловна – Региональное управление военной полиции (по Западному военному округу) (Санкт-Петербург), магистр юриспруденции.

Славнитский Николай Равильевич – Государственный музей истории Санкт-Петербурга, главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Смирнов Андрей Анатольевич – Московский Архитектурный институт (Государственная академия), доцент, кандидат исторических наук.

Сопиев Алланазар – Государственный музей Туркменистана при мемориальном комплексе «Народная память» (Ашхабад), главный хранитель.

Стрельников Виктор Алексеевич – НИИ (военной истории) (Москва), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент.

Строкин Сергей Иванович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат военных наук.

Суханов Игорь Павлович – историк-исследователь (Санкт-Петербург), кандидат военно-морских наук, доцент.

Талантов Сергей Вадимович – частный коллекционер и исследователь (Москва).

Тарасевич Юрий Георгиевич – Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Республика Беларусь), старший преподаватель.

Терешкин Алексей Александрович – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), хранитель фондов.

Титов Алексей Сергеевич – ВИМАИВиВС, младший научный сотрудник.

Токарева Татьяна Юрьевна – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (Сергиев Посад), старший научный сотрудник.

Толкацкая Анна Сергеевна – Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул), младший научный сотрудник.

Ульянов Олег Германович – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. преподобного Андрея Рублева (Москва), заведующий сектором, кандидат исторических наук, профессор.

Устьянов Андрей Львович – ФГУП «РОСМОРПОРТ», Северо-Западный бассейновый филиал (Санкт-Петербург), лоцман.

Федоров Илья Андреевич – Лаборатория им. Г.С. Лебедева СПбГУ, младший научный сотрудник.

Филатов Олег Васильевич – Центральный Военно-морской музей, заведующий сектором, старший научный сотрудник.

Филиппов Герман Анатольевич – частный коллекционер и исследователь (Ставрополь).

Финченко Александр Евгеньевич – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), главный специалист, кандидат исторических наук.

Хозиков Владимир Игоревич – ООО «Деловая информация» (Санкт-Петербург), директор.

Худяков Юлий Сергеевич – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск), главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

Целорунго Дмитрий Георгиевич – Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (Московская обл.), главный научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Цесельски Томаш – Институт истории Опольского университета (Польша), директор, доктор исторических наук, профессор.

Цуканов Игорь Павлович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук.

Чигарева Наталия Григорьевна – Военно-медицинский музей (далее ВММ) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, доктор биологических наук, доцент.

Чирцова Марина Георгиевна – ВММ, младший научный сотрудник.

Чубинский Александр Николаевич – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», научный сотрудник.

Шалковский Алексей Геннадьевич – Российская Академия наук (Москва), кандидат технических наук.

Шмелев Кирилл Владимирович – Лаборатория им. Г.С. Лебедева СПбГУ, научный сотрудник.

Шумкин Георгий Николаевич – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Щербаков Юрий Вадимович – ВИМАИВиВС, начальник отдела.

Юркевич Евгений Иванович – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Юшкова Людмила Александровна – ВИМАИВиВС, младший научный сотрудник, хранитель фонда.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергиевский И.А.</i> Деятельность предприятий артиллерийской промышленности различных форм собственности (казенное и частное) при освоении новых производств в годы Первой мировой войны	3
<i>Сибилева О.П.</i> Запрещение и ограничение применения средств ведения войны, представляющих особую опасность для гражданского населения	12
<i>Славитский Н.Р.</i> Топография викториальных праздников в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII века.....	21
<i>Смирнов А.А.</i> К вопросу о выучке русской пехоты в августе 1914 года и о «кукушках» в «зимнюю войну» и в Великую Отечественную: дневник вице-фельдфебеля Отто Шахта (1914).....	30
<i>Сопиев А.</i> «Клыч» – туркменская сабля шемширного типа.....	40
<i>Стрельников В.А.</i> Деятельность командно-начальствующего состава действующей русской армии по укреплению морального духа войск в ходе Русско-турецкой войны (1877–1878 годы)	59
<i>Строкин С.И.</i> Понтонно-мостовые парки Красной армии в Великой Отечественной войне.....	72
<i>Суханов И.П.</i> Японский морской меч «кай-гун-то» из фондов Центрального военно-морского музея.....	82
<i>Талантов С.В.</i> Неизвестный кинжал оружейника Геурка	86
<i>Тарасевич Ю.Г.</i> Шарфмеца и картауна: о происхождении двух типов Максимилиановой системы.....	95
<i>Терешкин А.А.</i> Коллекция моделей артиллерийских орудий производства Александровского завода в фондах Национального музея Республики Карелия	101

<i>Титов А.С.</i> Краткий сравнительный анализ материальной части полевой артиллерии сухопутных войск Красной армии и вермахта на начало Великой Отечественной войны	112
<i>Токарева Т.Ю.</i> Источники по арсеналу Троице-Сергиева монастыря XVII–XVIII веков	133
<i>Толкацкая А.С.</i> Систематизация и каталогизация предметов кыргызской культуры из фондов Алтайского Государственного краеведческого музея	157
<i>Ульянов О.Г.</i> Бронный приказ и его роль в развитии московской оружейной школы XVI–XVII веков (Специализация и проблемы секретности)	169
<i>Устьянов А.Л.</i> Абордажные палаши образца 1854 года для Черноморского флота	191
<i>Филатов О.В.</i> Роль императора России Николая II в активизации дипломатической и военно-морской деятельности накануне Первой мировой войны.....	200
<i>Филитов Г.А.</i> Ранее не описанные кинжалы Терского казачьего войска.....	215
<i>Финченко А.Е.</i> Охотничье огнестрельное дульнозарядное оружие кустарного производства в сибирских коллекциях Кунсткамеры	220
<i>Хозиков В.И.</i> Завод Грейсона – первое специализированное частное военное предприятие Санкт-Петербурга.....	233
<i>Худяков Ю.С.</i> Служилые воины из сибирских народов на охране границ Российского государства в Западной и Южной Сибири в XVI–XVII веках.....	246
<i>Целоруниго Д.Г.</i> Судьба отставных русских офицеров и солдат – участников Отечественной войны 1812 года.....	254
<i>Цесельски Т.</i> Польско-литовские нити военной карьеры фельдмаршала Петра Ласси (Питера Лацы)	260
<i>Цуканов И.П.</i> Изучение истории Великой Отечественной войны: государственная политика и общественные инициативы в 1940-х – начале 1950-х годов	280
<i>Чigareва М.Г.</i> Организация медицинской службы в Отдельном железнодорожном батальоне на Ленинградском фронте (По воспоминаниям военного врача).....	293

<i>Чирицова М.Г.</i> Значение военно-санитарных поездов в медицинском обеспечении раненых и больных в годы Великой Отечественной войны (На основе коллекции Военно-медицинского музея).....	304
<i>Чубинский А.Н.</i> К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни.....	310
<i>Чубинский А.Н.</i> Предметы вооружения, утраченные Оружейной палатой в XVII–XIX веках. Утраты мнимые и действительные	341
<i>Шалковский А.Г.</i> Становление советского конструкторского корпуса артиллерийского вооружения и подготовка высококвалифицированных рабочих кадров в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века.....	359
<i>Шмелев К.В., Мурзенков Д.Н., Федоров И.А.</i> Комплекс военной игрушки рубежа XVIII–XIX веков из раскопок на месте дома Н.Ф. Мусина-Пушкина на Фонтанке.....	375
<i>Шумкин Г.Н.</i> Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России в XIX – начале XX веков.....	384
<i>Щербаков Ю.В.</i> Сущность и содержание перехода РККА на кадровый принцип комплектования в 1930-х годах.....	398
<i>Юркевич Е.И.</i> Победа или провал: к столетию Луцкого (Брусиловского) прорыва	418
<i>Юшкова Л.А.</i> Из истории шанцевого инструмента	430
Сведения об авторах	466

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 5

Редактор: *М.Д. Андрианова, Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 6.05.2016.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 14,75.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленной технологии и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.